ALERT!

cal condition of this item is such that extreme care should be given to its use. We
wing library consider making it available for building use only. When returning it,
aging to minimize further damage in shipping.

e is being sent to you for a limited 2-week loan period, calculated from date of ship
no renewal permitted and you may receive an automatically generated recall notice on
d a save on it for binding on our online circulation system, LCS. The item will be
ending upon return.

empt to meet the need of remote library users, we are making every effort to share ou
ibrary loan. If this approach does not prove workable, our alternative will be not t
items in the future. Your cooperation in handling this transaction will be appreci

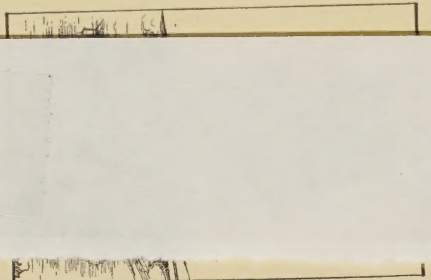
PLEASE HANDLE WITH CARE

ecommend
ease

nt.

warded

collection
lend
d.



POOR CONDIT

The ph
that the bo
use added p

The vo
There will
since we pl
for priorit

In an
through int
poor condit

NOTICE: **Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.**

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 01 1991

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/polnoesobranieso34mach

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ III.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.

Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 28 Іюня 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

891.73
M18
I 1902
V. 3-4

Томъ III.

Въ чужихъ краяхъ.

Повѣсти и разсказы.

Боевая ночь.
Черная неблагодарность.
Пеппо и Панча.
Идиллія въ Аннамѣ.
Море не прощаетъ.
Два „міра“.

БОЕВАЯ НОЧЬ.

(Разсказъ бобыля скитальца.)

I.

Съ весны еще вся прерія была на-сторожѣ. Фермеры то-и-дѣло готовились къ отпору, со-дня на-день ожидая нападенія индѣйцевъ, раздраженныхъ уже до послѣдней степени самовольнымъ захватомъ ихъ территоріи *) и другими самоуправствами со стороны бѣлыхъ. Ранней весной еще нѣсколько новыхъ піонеровъ, жадныхъ до хорошихъ земельныхъ участковъ, перешли „границу“, поставили тамъ свои „блокгаузы“ **) и стали рубить лѣсъ. Въ то время пограничнсе индѣйское племя „осседжи“ откочевало въ глубь и захватъ совершился благополучно, но всѣ отлично знали, что дѣло такъ не кончится, и втайнѣ ликовали. Всѣмъ, признаться, давно уже хотѣлось вызвать „краснокожихъ собакъ“ на какой-нибудь

*) „Индѣйской территоріей“ называется земля, спеціально отведенная конгрессомъ однимъ индѣйцамъ, селиться на которой запрещено бѣлымъ закономъ, вѣчно, однако, нарушаемымъ послѣдними.

**) Блокгаузъ—срубъ, наскоро сколачиваемый для жилья піонеромъ.

рѣзкій и острый шагъ, завязать драку, чтобы затѣмъ, конечно, засыпать конгрессъ жалобами и воплями на „дикаря, мѣшающаго мирной культурѣ, проливающаго неповинную кровь младенцевъ и женщинъ....“ и т. д., добиться такимъ образомъ присылки союзныхъ войскъ, которыя оттѣснятъ этого дикаря дальше къ югу, и въ концѣ-концовъ овладѣть новой полосой земли, новыми дѣвственными участками. Это—старая излюбленная тактика „молодцовъ запада“ съ охотникомъ-номадомъ или, по-просту, „краснокожимъ псомъ“. Послѣ жестокой рѣзни, индѣйцы волей-неволей принуждаются къ отступленію дальше въ глубь своей территоріи, проводится новая граница, не переступать которую бѣлые клянутся вновь и самымъ торжественнымъ образомъ, а за оставленную полосу земли конгрессъ гарантируетъ индѣйцамъ съ тѣхъ, кто займетъ новые участки, по доллару съ четвертью за акръ, которыя, пройдя чрезъ липкія руки чиновниковъ-агентовъ, выдаются обыкновенно индѣйцамъ въ видѣ гнилыхъ, хотя и очень яркихъ одѣялъ, плохихъ ружей, подмоченнаго пороху и бочекъ „виски“. Все это вмѣстѣ взятое называется „индѣйской политикой запада“, а въ устахъ краснорѣчивыхъ ораторовъ слыветъ за „побѣдоносное шествіе культуры“.

И ожиданія, конечно, очень скоро оправдались. Недѣли три послѣ захвата, въ пограничный городокъ Лэдистаунъ явился посолъ

отъ индѣйцевъ, старый Рысій-Глазъ, съ длиннымъ повисшимъ носомъ и трясущейся нижней губою. Онъ передалъ блѣднолицымъ требованіе своихъ „братьевъ“ уйти съ земли, отведенной имъ конгрессомъ и самимъ „отцомъ блѣднолицыхъ“ для охоты, и напоминалъ торжественныя клятвы не переступать никогда пограничной черты. Но у „молодцовъ запада“, у которыхъ такіе длинные ножи и карабины,—память, какъ извѣстно, очень коротка, а слухъ не всегда тонокъ. О конгрессѣ и клятвахъ, поэтому, они упорно молчали, но за то старый Рысій-Глазъ много слышалъ о библейскихъ завѣтахъ, завѣщавшихъ землю только тѣмъ, кто ее обработываетъ, а не тунеядцамъ, гоняющимся за буйволами и лосями. Много другихъ еще интересныхъ вещей услышало его ухо, пересыпанныхъ не однимъ десяткомъ полныхъ соли восклицаній по адресу его „братьевъ“, а когда онъ, въ свою очередь, вздумалъ сослаться на авторитетъ „Духа пустыни“, подарившаго отъ вѣка всю прерію однимъ краснокожимъ,—молодцы запада дали полную волю своей исконной страсти къ ироніи. Усомнившись въ самомъ существованіи этого Великаго Духа и въ возможности завѣщанія кѣмъ бы то ни было земли „собакамъ“, а не человѣку, молодцы выказали столько пикантнаго остроумія, что у стараго индѣйца потемнѣло лицо, сдвинулись брови, носъ повисъ еще ниже, а губа затряслась сильнѣе. Онъ вы-

прямился и рѣзкимъ гортаннымъ голосомъ высказалъ увѣренность, что его обиженные братья сумѣютъ найти свою правду... Это подлило въ огонь масла. Хохотъ удесятерился, иронія хлынула черезъ край и Рысьему Глазу остроумно предложили,—не пожелаетъ-ли онъ немедленно отправиться за этой правдой къ своему Духу пустыни съ помощью веревки, зацѣпленной однимъ концомъ за его старую шею, а другимъ—за сукъ громаднаго орѣха. У стараго индѣйца блеснули глаза. Онъ сердито сжалъ тонкія губы, поднялъ свой посохъ, быстро переломилъ его надвое, бросилъ одинъ конецъ направо, другой — налѣво, повернулся и ровной, чуть слышной походкой, еле касаясь земли своими мокасинами, пошелъ назадъ. Вдогонку ему мчался здоровый хохотъ цѣлой толпы „молодцовъ", масса остроумія и ѣдкой соли, но Рысій-Глазъ не повернулся, точно не слышалъ, и быстро исчезъ въ кустахъ пограничнаго ручья.

Послѣ этого, конечно, оставалось ждать только „событій", въ ожиданіи которыхъ вся прерія предусмотрительно чистила свои карабины и пригоняла пули. Эти краснокожія собаки не замедлятъ явиться за „ремингтоновскими пилюлями", въ жаждѣ которыхъ давно уже чешутся ихъ безмозглые, собачьи черепа! — Ого-го! не одинъ черепъ, чортъ побери, разлетится вдребезги отъ такого свинцоваго гостинца!.. Зададутъ имъ перцу на-

долго!—Вся прерія то и дѣло воинственно клялась и божилась, а толстый и богатый торговецъ Микель увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что въ Германіи эту краснокожую сволочь усмирили бы однимъ взводомъ... Только бы дали ему въ команду одинъ взводъ,—всего только одинъ взводъ 83-го Померанскаго герцога Альбертъ-Гансъ-Марія пѣхотнаго полка, въ рядахъ котораго онъ стоялъ при Гравеллотѣ,—и онъ показалъ бы, что значитъ „бравый нѣмецъ“ и тонкій стратегъ!—Пифъ-пафъ! — бацъ-бацъ!... Ложись!..—Вставай! Вставай!—Ложись!—и скоро поняла бы эта „дрянь“, что значитъ истинная цивилизація! Да!..

Воинственное настроеніе росло и росло, оттѣсняя на задній планъ всѣ насущныя заботы. „Сторожевые“ то и дѣло скакали взадъ и впередъ, зорко слѣдя за границей, ловя подозрительнымъ ухомъ каждый шорохъ, каждое движеніе, и мирно топтавшіяся въ высокой травѣ стада сластолюбивыхъ степныхъ куницъ не разъ, правду сказать, давали поводъ къ напрасной тревогѣ, усиливавшей только все возраставшее лихорадочное возбужденіе. Оно стало еще напряженнѣе, еще страстнѣе, когда, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ такихъ безобидныхъ тревогъ, молніей пронеслась вѣсть, что тамъ и сямъ видѣли кучки индѣйцевъ, выкрашенныхъ въ боевую краску *). Ближайшія

*) Осседжи предъ походомъ выкрашиваютъ лицо и руки красной глиной. Эта краска служитъ признакомъ войны.

къ границѣ фермы немедленно опустѣли, населеніе ихъ перекочевало въ глубь, къ сосѣдямъ, а къ губернатору штата полетѣло донесеніе, что „дикари готовятся вырѣзать поголовно все населеніе бѣлыхъ".

Но раньше, чѣмъ оно встревожило мирный сонъ губернатора въ его далекой Тупика *), въ ближайшую прелестную и тихую ночь, полную золотыхъ звѣздъ и лѣтней нѣги, дремавшая прерія озарилась дивной иллюминаціей: потоки золотого огня безшумно и тихо поднялись на горизонтѣ и потекли вверхъ по темному куполу къ зениту, гдѣ, разлившись въ громадное багровое зарево, заставили поблѣднѣть яркія звѣзды... Клубы тумана, окутывающаго по ночамъ безчисленные ручьи Канзаса, казались волнами ослѣпительно краснаго бенгальскаго огня, цѣлыми потоками разлившагося тамъ и сямъ по преріи. Густой мракъ ночи улеталъ куда-то дальше и скрытыя-было имъ островерхія пики горъ, то фіолетовыхъ, то дымно-синихъ, днемъ сверкали на горизонтѣ золотою цѣпью. Пламя разливалось все шире и шире, сверкало все ярче и ярче, выбрасывая подчасъ громадные фонтаны ослѣпительныхъ искръ, тучами клубившихся въ тихомъ, совсѣмъ неподвижномъ воздухѣ лѣтней ночи. Это подошли, наконецъ, долгожданныя „событія", — пылали зажженные индѣйцами блокгаузы піонеровъ!

*) Столичный городъ Канзаса.

— Милиція... Мы имъ покажемъ!...

Этотъ кличъ облетѣлъ всю прерію изъ конца въ конецъ раньше, чѣмъ погасло еще пламя... „Молодцы“, вооруженные чѣмъ попало, спѣшили въ Лэдистаунъ, какъ сборный пунктъ, полные самой неутолимой ненависти къ врагу и самаго искренняго желанія размозжить въ отместку возможно большее число череповъ. Моя ферма была далеко въ сторонѣ. На разсвѣтѣ я рылъ у себя ямы для осенней посадки деревьевъ, когда, лихо осадивъ возлѣ меня своего пони, посланный гонецъ передалъ и мнѣ требованіе—явиться въ Лэдистаунъ въ ряды милиціи.

— Вы холосты, сэръ?

— Да.

— Вы должны идти въ милицію...

— Хорошо!. Развѣ будетъ походъ?

— Непремѣнно!... Мы зададимъ, чортъ побери, этимъ собакамъ изрядную взбучку... До свиданія!

И, повернувъ на мѣстѣ своего пони, „молодецъ“ быстро исчезъ изъ вида.

II.

Къ назначенному часу я былъ уже въ городкѣ. Я былъ человѣкъ далеко не воинственный, къ индѣйцамъ относился иначе, чѣмъ всѣ мои сосѣди, тѣмъ не менѣе въ этотъ „походъ“, признаться, собирался не безъ охоты. Мнѣ открывалась возможность ближе и тѣс-

нѣе ознакомиться съ своими сосѣдями „янки“, для которыхъ я оставался до сихъ поръ чуждымъ пришлецомъ-новичкомъ, да и увидать настоящихъ индѣйцевъ, гордыхъ, независимыхъ, свободолюбивыхъ, а не „мирныхъ“, превращенныхъ культурой въ лѣнтяевъ-холоповъ, вымаливающихъ центы на водку, какихъ я до сихъ поръ только и зналъ. Перспектива и того и другого была для меня очень заманчива!... Къ тому же этотъ „походъ“ являлся первымъ общимъ дѣломъ, ставившимъ меня, не имѣвшаго еще всѣхъ гражданскихъ правъ *), рядомъ съ полноправными гражданами союза, какъ равнаго съ равными.

На первый взглядъ можно было подумать, что въ городкѣ шла оживленная многолюдная ярмарка... Давка, суета, какая-то лихорадочная возня громадной толпы съѣхавшагося со всѣхъ концовъ народа—совсѣмъ преобразовали мирный и тихій городокъ. Множество запряженныхъ телѣгъ и верховыхъ лошадей наполняли его единственную широкую улицу и зады за домами и огородами; цѣлыя толпы „молодцовъ“ въ фланелевыхъ рубахахъ и высокихъ сапогахъ, со шляпами, воинственно опрокинутыми на затылки, съ револьверами и ножами за поясами и длинными карабинами за плечами, сновали взадъ и впередъ, съ жаромъ толкуя о событіяхъ ночи.—Краснокожимъ собакамъ

*) Права гражданства въ Соединенныхъ Штатахъ пріобрѣтаются переселенцемъ только по истеченіи пяти лѣтъ пребыванія въ предѣлахъ союза.

нужно пойти навстрѣчу и задать хорошій нагоняй, прежде чѣмъ они сами, чортъ побери, начнутъ снимать скальпы! За пожаръ отплатить пожаромъ, да кстати и попробовать,— разрази ихъ громъ!—насколько крѣпки у нихъ черепа!

— Нужно дать этой краснокожей сволочи хорошаго перцу на память!...

— Отогнать ихъ къ Вельзевулу, а самимъ занять ихъ землю!... Статочное ли дѣло, джентль'мэны, чтобы земля лежала пустыней, когда у добрыхъ людей чешутся руки, чтобы погладить ее плугомъ?! А?!...

И на этотъ прямо и открыто поставленный вопросъ вся толпа, конечно, отвѣчала въ одинъ голосъ: „вѣрно, вѣрно, чортъ побери!“

— Кто же будетъ кэптеномъ?

— А чортъ его знаетъ... Еще не выбирали...

— Говорятъ,—Микель!. .

— Микель, такъ Микель!... Право, не знаю кто!...—раздавались голоса то тутъ, то тамъ.— Этотъ Микель, кажется, служилъ *у своихъ* генераломъ, что ли?...

— Не генераломъ, а полковникомъ...

— И не полковникомъ... Кажись, всего капраломъ...

— Чортъ его знаетъ, чѣмъ онъ служилъ тамъ!—вмѣшиваются новые голоса:—но эти нѣмцы—мастера въ военномъ дѣлѣ... французовъ-то отдули... А Микель тоже тамъ былъ!..

— О, да! о, да!—вставляетъ и свое слово соотечественникъ и близкій другъ Микеля на ломаномъ языкѣ:—о, да! Господинъ Микель при самомъ Вертѣ былъ, при Гравеллотѣ былъ... Онъ хорошо знаетъ... Онъ самый лучшій кэптенъ!... О, да!...

Большинство, кажется, несомнѣнно на сторонѣ Микеля, этого толстаго, неповоротливаго хвастуна-капрала, загребающаго деньги продажей всевозможнаго брака въ своемъ, единственномъ въ городкѣ, магазинѣ. Микель-лавочникъ всегда производилъ на меня впечатлѣніе трусанахала, любящаго поврать о своемъ геройствѣ и своихъ небывалыхъ подвигахъ наивно-довѣрчивымъ слушателямъ. По окончаніи франко-прусской войны, въ чинѣ капрала, онъ ушелъ изъ фатерланда въ американскія преріи, на „добытыя“ деньги завелъ лавку, гдѣ продавалъ втридорога все необходимое піонерамъ, ссужалъ имъ подъ баснословные проценты деньги, а въ промежутки вралъ про свои подвиги,—почему и слылъ среди наивно-довѣрчивыхъ піонеровъ за „ловкаго дѣльца“ и „браваго воина“. Хвастовство это было всегда самаго грубаго пошиба: онъ бралъ въ плѣнъ маршаловъ, уничтожалъ однимъ взводомъ цѣлыя дивизіи, а батареи прямо упрятывалъ въ карманы, какъ центы и доллары... Большинство вѣрило, какъ всегда оно вѣритъ,—а денежная зависимость и уваженіе къ „достатку“ побуждали выбирать этого враля-торгаша

всюду, куда бы тотъ ни пожелалъ быть выбраннымъ. Ему хотѣлось быть кэптеномъ,—хорошо.... пусть будетъ кэптеномъ!... Это большинство составляли главнымъ образомъ піонеры изъ европейцевъ, еще плохо обжившихся въ Америкѣ. Чистокровные „янки“,—меньшинство,—относились къ Микелю, кажется, совсѣмъ такъ, какъ и я, и прочили своего кандидата, старика Листера,—ветерана междоусобной войны... Но шансы Листера были слабы, что сразу бросалось въ глаза.

Пока шли споры о томъ, кому быть кэптеномъ, на улицахъ ставили столы для угощенія „милиціи“. Нарядныя миссъ и лэди,—въ Америкѣ всѣ женщины „лэди“,—высыпали съ цвѣтами, букетами и вѣнками въ рукахъ для „молодцовъ - героевъ“, и это появленіе удесятерило, конечно, общую воинственность... Всѣ вытягивались, каждому хотѣлось походить на „героя“. Прокуроръ принесъ свой контрабасъ, докторъ—кларнетъ, столяръ—скрипку, тотъ трубу, и такимъ образомъ составился свой оркестръ... День былъ свѣтлый и теплый, угощеніе предстояло изрядное, лэди и миссъ были, какъ всегда, прелестны, общая картина довольно красива и торжественна,—и потому настроеніе всѣхъ было самое хорошее.

— Микель!.. Листеръ!... Микель!.. Микель!.. Листеръ!.. Микель!..

Побѣдилъ Микель... Поднялись кверху шляпы, изъ прелестныхъ ручекъ посыпался дождь

букетовъ, многоголосая толпа подхватила: „Микель!“ — а оркестръ грянулъ „Jankee doodle“, а затѣмъ „Banner spangled of stears“ *). Множество маленькихъ полосатыхъ знаменъ замелькали вездѣ и среди нихъ торжественно развернулось большое полосатое знамя милиціи. „Янки“, стоявшіе за Листера, съежились, нахмурились, но врожденное въ каждомъ американцѣ уваженіе къ большинству сказалось сейчасъ же... Какъ только развернулось знамя и толпа подняла съ крикомъ свои шляпы, привѣтствуя кэптена, янки немедленно сняли и свои шляпы и тоже привѣтствовали его крикомъ: Holla! Съ выборомъ Микеля они стали самыми дисциплинированными его подчиненными.—Такова натура „янки“.

— Holla, кэптенъ!

И толстый, приземистый, круглый, какъ пивная бочка, кэптенъ явился. Онъ успѣлъ уже достать гдѣ-то синее кэпи съ галуномъ, въ которомъ его улыбавшееся сладко и самодовольно, круглое, какъ ободъ, и лоснившееся жиромъ лицо выглядѣло до-нельзя смѣшно и глупо. Онъ кланялся на привѣтствіе, возясь съ длинной саблей, которую долго не могъ прицѣпить и которая, неуклюже болтаясь между короткихъ ногъ, мѣшала ему ходить. Музыка играла, толпа кричала, дамы бросали цвѣты и зелень, и кэптенъ, справившись, на-

*) Гимнъ: Звѣздное знамя.

конецъ, съ саблей, сталъ воинственно крутить тараканій усъ.

— Стройся! Въ шеренги! Въ шеренги!

Мы построились. Кэптенъ обвелъ насъ взглядомъ, покрутилъ усъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вдоль фронта, снялъ кэпи. Было ясно, что онъ хочетъ говорить, и всѣ насторожились.

— Граждане! Гм... Почтенные граждане!... Вы сдѣлали мнѣ честь!—началъ воинственно, по-фельдфебельски, хотя и съ запинками кэптенъ Микель.—Вы сдѣлали мнѣ честь и я постараюсь... чортъ побери! Мы въ прахъ разобьемъ эту дикую орду!..

— Въ прахъ!... Holla!—подхватили всѣ, музыка загремѣла вновь, лэди замахали платками, довольный кэптенъ пошелъ вдоль фронта.

— А, сэръ!.. добрый день!—сказалъ онъ, замѣтивъ меня.—Очень радъ видѣть васъ у себя въ рядахъ... Очень радъ... Я назначаю васъ въ авангардъ!

— Хорошо, кэптенъ Микель!—отвѣтилъ я.

Такая любезность была обусловлена, конечно, тѣмъ только, что еще на-дняхъ я далъ Микелю нажить большой процентъ на чекѣ, полученномъ мною изъ Европы, который я размѣнялъ у него.

— Хорошо, кэптенъ!

Микель сдѣлалъ шагъ и остановился передъ робкимъ Гансомъ, булочнымъ подмастерьемъ. Робкій и сентиментальный Гансъ, большой ловеласъ и любитель яркихъ галстуховъ, дро-

жавшій при одной мысли о встрѣчѣ съ индѣйцами въ полѣ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и вытянулся.

— А, Гансъ!.. Здравствуйте!... Молодцомъ, молодцомъ! совсѣмъ по-военному!—поощрялъ Микель все вытягивавшагося бурша.—Такъ, такъ!... Тоже назначаю въ авангардъ! Вы нѣмецъ и должны быть впереди! Вы должны показывать другимъ, что́ можетъ сдѣлать добрый нѣмецъ...

Гансъ затрясся отъ такого комплимента и внутренно проклялъ свое нѣмецкое происхожденіе.

— Чортъ бы его побралъ!—тихо шепнулъ онъ мнѣ.—Въ авангардъ! Дасо мной отъ одного выстрѣла сдѣлается лихорадка!

Микель обошелъ всѣхъ. Въ авангардъ попали почти все одни нѣмцы, за то его противники--янки—всѣ до одного были отчислены въ арріергардъ и къ обозу.—Зачѣмъ этихъ гордыхъ янки?... пхе! Микель могъ хорошо обойтись и безъ нихъ! Онъ покажетъ, что значитъ нѣмецъ! И безъ „янки“ онъ разобьетъ на голову эту дикую орду!

За „смотромъ“ наступило угощеніе, а за „угощеніемъ“ самое хорошее, самое веселое и бравое настроеніе. Виски, пиво, джинъ сдѣлали свое дѣло, и даже Гансъ, казалось, ничего уже не боялся. Скорѣй бы перевѣдаться съ этой краснокожей сволочью! Даже янки и я готовы были, пожалуй, хоть цѣловаться съ

Микелемъ и повѣрить въ его военный геній. То и дѣло поднимались тосты, музыка гремѣла, лэди чаровали, а Микель воинственно бряцалъ своей саблей.

Наконецъ, часы пробили пять и сейчасъ же ударили сборъ... Мы выстроились, вооруженные прекрасными ремингтоновскими штуцерами съ ярко сверкавшими штыками, и по громкой командѣ Микеля: „маршъ!“—двинулись стройной колонной, съ распущеннымъ знаменемъ, сопровождаемые музыкой, пожеланіями успѣха и всевозможными восклицаніями поощрительнаго свойства со стороны оставшихся горожанъ. Микель мѣрно отбивалъ шагъ впереди, бряцая саблей...

Куда собственно мы направлялись,—мы въ сущности не знали, да врядъ-ли и самъ Микель отдавалъ себѣ ясный отчетъ... Мы знали, что идемъ на „индѣйца“, что ихъ территорія начинается миль за 5, за ручьемъ, что дорога, по которой мы идемъ, ведетъ къ переправѣ черезъ пограничный ручей, но куда мы направимся дальше, гдѣ намъ искать этого индѣйца,—мы, правду сказать, съ Микелемъ совсѣмъ не знали. Мы просто-на-просто шли „на врага“ и его „территорію“. У переправы черезъ пограничный ручей, густо поросшій небольшимъ лѣскомъ, мы остановились и кэптенъ Микель приказалъ дать „дружный залпъ“... по деревьямъ всему авангарду, на „всякій случай“: авось эта „сволочь“ попря-

талась тамъ... Мы „дружно“ выпалили, коническія пули сшибли много вѣтокъ, переполошили птицъ, но „врага“ не нашли. Его не было, и мы смѣло переправились черезъ ручей.

III.

Вечерѣло... Солнце повисло раскаленнымъ шаромъ на горизонтѣ и косые лучи его багрили румянцемъ и небо, и зеленую прерію. Безчисленные ручьи необозримой преріи слегка задымились клубами легкаго вечерняго тумана, далекіе силуэты горъ затянулись темно-фіолетовой дымкой, въ неподвижномъ воздухѣ повѣяло вѣткомъ и той нѣжной вечерней прохладой, что такъ благотворно живитъ изможденныя зноемъ силы человѣка. Всѣ мы, истомленные и зноемъ, и далекимъ походомъ, вздохнули легче и свободнѣе. Микель „опытнымъ глазомъ“ полководца искалъ уже „стратегическаго пункта“, гдѣ бы можно было остановиться для ночлега лагеремъ, разбить палатки и поставить котлы... Онъ взбирался на пригорки, поводилъ кругомъ подзорной трубкой и важно дергалъ плечами, пока мы, въ ожиданіи сладостнаго отдыха, напряженно слѣдили за всѣми его движеніями. Но, какъ на зло, каждый разъ исканіе „стратегическихъ пунктовъ“ кончалось неизмѣннымъ:

— Авангардъ!—впередъ!

И мы все шли, все шли, усталые, запыленные, жаждущіе, пока онъ не нашелъ, наконецъ, эту чудную глубокую долину, походившую на одинъ изъ укромныхъ уголковъ земного рая. Она упиралась въ быстрый и чистый ручей, густо поросшій дубомъ и орѣхомъ, а съ боковъ опоясывалась длинною цѣпью островерхихъ холмовъ. Лучшаго мѣста, казалось, не могло быть на свѣтѣ, и съ чисто ребячьимъ весельемъ мы стали возиться на мягкой и сочной травѣ. Правда, опытные люди и ветераны прежнихъ походовъ ворчали, что такая долина болѣе пригодна для пикника, чѣмъ для военнаго лагеря, что такой хитрый врагъ, какъ индѣйцы, легко могутъ воспользоваться и лѣсомъ, чтобы ударить на насъ съ фронта, и боковыми холмами, чтобы напасть съ фланговъ,—что они могутъ насъ перерѣзать въ этой долинѣ, какъ степныхъ курицъ, при чемъ намъ не поможетъ даже пушка,—мы не слушали, мы совсѣмъ не хотѣли знать этого брюзжанья, весело ставили палатки и раскладывали костры...

— Индѣйцы?!... пхе!—пренебрежительно улыбался на эти зловѣщіе толки кэптенъ Микель. — Индѣйцы?!.. Да мы испепелимъ ихъ прежде, чѣмъ они высунутъ свои красные носы изъ травы!... Индѣйцы!... Орда!.. Есть о чемъ говорить!...—И онъ презрительно выдвигалъ впередъ свою толстую нижнюю губу.

Наше настроеніе вполнѣ отвѣчало этому

тону предводителя. Весело и беззаботно возились мы у нашихъ костровъ, гдѣ шумно уже кипѣли походные чайники, а большіе котлы окутывались ароматнымъ паромъ, аппетитно щекотавшимъ ноздри. Первая очередная партія часовыхъ, отправленныхъ кэптеномъ въ цѣпь, съ искренней завистью оглядывалась на насъ, счастливцевъ, чья очередь была еще далеко.

— Эхъ, и зачѣмъ еще эти часовые?!... Очень нужно! Ничего кругомъ, кромѣ степныхъ курицъ!..

— Нельзя, нельзя!—важно твердилъ кэптенъ. — Часовые должны быть... Это законъ войны! При первой тревогѣ—пафъ! и назадъ, бѣгомъ въ лагерь!.. При Гравеллотѣ...

Часовые пошли въ цѣпь, глубоко негодуя на эти „законы войны", а того, что было при Гравеллотѣ, никто, конечно, не слушалъ,— чай и ужинъ поспѣли...

IV.

— Сэръ!.. вставайте!.. Сэръ! ваша очередь идти въ цѣпь!..

Это было уже незадолго до разсвѣта. Луна спряталась и кругомъ стояла глубокая ночная темь, въ которой особенно ярко выдѣлялись вверху золотыя звѣзды. Здоровая тряска, которую задали мнѣ сильныя руки „дежурнаго",

разбудила меня, наконецъ, отъ глубокаго сна. Я вскочилъ, но ничего еще не соображая, безсмысленно теръ невидѣвшіе ничего глаза.

— Въ цѣпь, сэръ, въ цѣпь! Ваша очередь!...

Я вспомнилъ, наконецъ, гдѣ я, вспомнилъ, что я милиціонеръ, и понялъ, чего отъ меня нужно: пришла моя очередь становиться на часы и оберегать крѣпко спавшій лагерь. Я вскочилъ, взялъ ружье и, ежась отъ ночного холода и зѣвая, пошелъ впередъ за дежурнымъ, ничего не различая въ темнотѣ. Сзади меня шелъ Гансъ, проклиная индѣйцевъ и всѣхъ тѣхъ, кто выдумалъ эти „глупые походы".

— И нужно было выдумать эту глупость!— ворчалъ онъ.—Не спи и шляйся теперь по ночамъ, чортъ знаетъ куда!..

— И знаете, — подхватилъ я шутя:— преопасная это вещь стоять на часахъ!... Во-первыхъ, отвѣтственность большая,—на тебѣ лежитъ безопасность всего лагеря, во-вторыхъ...

— О, не пугайте! — взмолился искренно Гансъ:—я и такъ боюсь... право боюсь...

Всѣ разсмѣялись и совѣтовали Гансу смотрѣть въ оба и не жалѣть пули при малѣйшей тревогѣ.

— Смотрите въ оба, и чуть что! — пали, а затѣмъ—назадъ! — говорилъ старшій.

— Шутки въ сторону, господа! — прервалъ тутъ молчаніе шедшій съ нами „янки", ветеранъ минувшей войны:—а глядѣть вы дѣйствительно должны въ оба... Теперь именно са-

мое опасное время: индѣйцы обыкновенно нападаютъ предъ разсвѣтомъ!...

Не знаю, что почувствовалъ Гансъ, но мнѣ стало жутко. Сознаніе громадной отвѣтственности, лежащей на мнѣ, еще усиливало это состояніе. Глубокая мгла, казалось, становилась какъ на зло гуще, еще непроглядиѣе, а за этой непроглядной мглою чудилась непремѣнно какая-то скрытая, тревожная тайна... А что въ самомъ дѣлѣ, если *они* готовятся къ нападенію и скрываются уже гдѣ нибудь недалеко въ высокой травѣ?... что если я прогляжу, если *они* ловко, какъ всегда почти, незамѣтно подползутъ и... Дальше голова отказывалась работать, за то сердце билось до того учащенно, что въ груди спиралось дыханіе...

Я притаился за небольшимъ кустомъ какого-то колючаго растенія и ждалъ въ тревогѣ, вглядываясь въ глубокую тьму и лихорадочными руками держа на-готовѣ свой штуцеръ... Лагерь былъ далеко сзади, кругомъ могильная тишина, въ которой какъ-то предательски, казалось, мерцали звѣзды. Мои товарищи по цѣпи были тоже далеко,—шагахъ въ 80 каждый,— и мысль о томъ, что̀ видятъ, думаютъ и чувствуютъ они,—назойливо лѣзла въ голову... Можетъ быть, они что нибудь видятъ, — можетъ быть, готовятся стрѣлять!.. Разъ, два... Нѣтъ, — все тихо!... Что-то чувствуетъ теперь Гансъ, который стоитъ отъ меня влѣво?!

Глубокая мгла зловѣще глядѣла мнѣ прямо въ глаза, какимъ-то чернымъ пологомъ скрывая отъ меня все, что таила въ себѣ невидимая даль... А эта даль—непремѣнно таила въ себѣ что нибудь злое и грозное!... Ожиданіе мало-по-малу переходило во что-то въ родѣ увѣренности, и я почти уже не сомнѣвался, казалось, что индѣйцы непремѣнно нападутъ съ разсвѣтомъ. Непремѣнно нападутъ!—стучало, казалось, мое сердце... Можетъ быть, *они* уже въ травѣ, близко, за этимъ чернымъ, непроглядным пологомъ?!.. Можетъ быть, *они* разглядѣли уже меня своими зоркими глазами и тихо натягиваютъ тетивы своихъ страшныхъ луковъ?!... Жуткое чувство тревоги все росло и росло, страхъ, казалось, захватывалъ дыханіе и я все крѣпче и крѣпче сжималъ свой штуцеръ...

Воображаю, что долженъ былъ испытывать Гансъ, если я самъ былъ въ какой-то страшной, тревожной лихорадкѣ... Лихорадочнымъ ухомъ, затаивъ дыханіе, я ловилъ каждый подозрительный шорохъ и разъ было чуть-чуть не поднялъ тревоги изъ-за встрепенувшейся въ травѣ птицы. Легкій вѣтеръ всколыхнулъ траву, и я вскочилъ и прицѣлился... Моя увѣренность, что нападеніе непремѣнно будетъ, что врагъ уже близко, все, казалось, крѣпла и крѣпла съ каждой минутой, приближавшей разсвѣтъ. Томительное ожиданіе становилось невыносимымъ и сильно стучавшее въ непо-

движной, казалось, груди сердце какъ бы торопило развязку и просило: скорѣй, скорѣй!.. Чего и зачѣмъ *они* медлятъ?!... Отчего не нападаютъ?!... Еще немного—и я, кажется, выпалилъ бы по заколыхавшейся отъ вѣтра травѣ...

И вдругъ—бацъ!

Слѣва отъ меня,—тамъ, гдѣ стоялъ Гансъ,—ярко блеснуло красноватое пламя и грянулъ выстрѣлъ... Наконецъ-то!.. Вотъ!.. Въ одно мгновеніе я приложился и выстрѣлилъ въ свою очередь, самъ не зная куда. За мной сейчасъ же, какъ и должно было, выстрѣлилъ стоявшій справа янки и по всей цѣпи кругомъ, какъ разсыпанный горохъ, затрещали выстрѣлы. Тутъ же, съ дымящимся еще штуцеромъ я бросился бѣжать, какъ и всѣ часовые цѣпи, прямо въ лагерь...

Я не зналъ, что такое произошло, въ кого стрѣлялъ Гансъ, въ кого стрѣляли я и другіе, но я понималъ, что бѣгу отъ чего-то страшнаго и злого, и потому съ каждой секундой я бѣжалъ быстрѣе и быстрѣе... Сзади меня послышался нагонявшій топотъ, и помню, что, не разсчитывая уйти отъ этого быстро догонявшаго топота, я повернулся, чтобы встрѣтить врага штыкомъ, и полѣзъ дрожащей рукой въ сумку за патрономъ. Я былъ внѣ себя, полонъ той остервенѣлой злобы на всѣхъ и ни на кого въ частности, что заставляетъ человѣка совершенно безстре-

петно, даже съ какимъ-то удовольствіемъ самосохраненія втыкать штыкъ въ другого человѣка... Эти остервенѣніе и злоба—продуктъ самаго отчаяннаго страха, хотя очень часто сходятъ за геройскую храбрость. И я непремѣнно воткнулъ-бы штыкъ, если бы этотъ другой, бѣжавшій тоже сломя голову, не заоралъ мнѣ, задыхаясь: — это я, это я! — и я не узналъ бы по голосу Ганса...

Дальше я ничего не помню, кромѣ бѣгства... Какъ мы наткнулись съ примкнутыми штыками на всполошившійся лагерь, какъ не подняли мы другъ друга на штыки — я не понимаю и не знаю!... Знаю только и ясно помню, какъ бѣжали, спотыкаясь и задыхаясь, мы всѣ,—и цѣпь, и весь почти лагерь, побросавъ обозъ, лошадей и пушку, и безсмысленно бормоча одно и то же: „индѣйцы! индѣйцы!..“ Куда, зачѣмъ, отчего мы бѣжали—не зналъ никто, но каждый задыхался, потому что бѣжали въ гору, бѣжать было тяжело, а все возраставшій ужасъ гналъ все сильнѣе и сильнѣе. Нашъ собственный топотъ подгонялъ насъ, казалось, и удесятерялъ нашъ ужасъ. Мы летѣли, очертя голову, ничего не видя впереди, ничего не понимая, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, какъ вспугнутое стадо бизоновъ... И впереди всѣхъ, усиленно двигая короткими, жирными локтями и быстро семеня короткими толстыми ногами во фланелевыхъ чулкахъ и кальсонахъ, въ такой же фу-

файкѣ и колпакѣ на головѣ,—летѣлъ нашъ кэптенъ, герой при Гравеллотѣ.—Онъ тащилъ за собой на портупеѣ свою длинную саблю, самъ не зная, конечно, зачѣмъ.

Наконецъ, мы остановились... Какъ и почему вдругъ остановились,—опять не знаю,—но, кажется, что остановились всѣ разомъ, какъ стадо. Груди наши работали, какъ кузнечные мѣхи. Мы занимали вершину высокаго холма и, озираясь кругомъ въ полумглѣ чуть занявшагося разсвѣта, съ изумленіемъ убѣждались въ отсутствіи погони и какого бы то ни было врага. Въ покинутомъ лагерѣ, который виднѣлся внизу, подъ холмомъ, все было спокойно и невозмутимо... Мулы и лошади спокойно паслись, пофыркивая, и кругомъ ни одного индѣйца!..—Въ чемъ же дѣло? Отчего тревога? Зачѣмъ вы стрѣляли, Гансъ?

— Мнѣ показалось, господа...— отвѣтилъ задыхавшійся Гансъ: — мнѣ показалось, что ползутъ индѣйцы!

Общій громкій хохотъ былъ ему отвѣтомъ. Намъ стало стыдно, мы покраснѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ съ груди свалилась тяжесть страха,—нами овладѣло неудержимое веселье. Мы хохотали и надъ Гансомъ, и надъ собой до упаду! Веселое настроеніе, въ которое перешелъ за минуту передъ тѣмъ гнавшій насъ паническій ужасъ, и хохотъ возрасли еще больше, когда мы оглядѣли комичную фигуру нашего сконфуженнаго предводителя.

— Смотрите, джентль'мэны, смотрите: нашъ кэптенъ! Ха, ха, ха!..

Толстый Микель въ своей фланели, съ своей саблей, съ своимъ колпакомъ, понялъ, что онъ смѣшенъ, и потому началъ было:

— Господа! при Гравеллотѣ...

Общій взрывъ гомерическаго хохота заглушилъ его рѣчь.

— При Гравеллотѣ...—началъ онъ громче, но его перебили:

— Убирайся съ своей Гравеллотой!.. Какая тамъ Гравеллота?! Вы просто фланелевый тюфякъ!

— Да, да! — загоготали всѣ кругомъ: — именно фланелевый тюфякъ!.. Смотрите!.. Ха, ха, ха!

Бѣдный Микель дѣйствительно очень походилъ на тюфякъ. Онъ понялъ, что роль его окончена.

— Я отказываюсь!...—началъ-было онъ, но его опять перебили.

— Намъ нужно настоящаго кэптена, джентль'мэны, а не фланелевую тумбу... Кого же?

— Листера! Листера!—послышались голоса, и всѣ кругомъ, хохоча, подхватили имя Листера, оказавшагося послѣ дѣйствительно хорошимъ и храбрымъ предводителемъ.

— Ну, а теперь пойдемъ назадъ къ своимъ муламъ и пушкѣ...

И съ хохотомъ мы двинулись назадъ...

Вскорѣ намъ пришлось участвовать въ стычкахъ довольно жестокихъ и кровавыхъ съ обѣихъ сторонъ... Много всякихъ эпизодовъ, и трагическихъ, и смѣшныхъ,—выпало намъ на долю, но эту первую ночь не забылъ изъ насъ никто! И много разъ еще хохотали мы, вспоминая и наше стадное бѣгство, и комичную фигуру толстаго Микеля въ сѣрой фланели.

— Сэръ!—съ недоумѣніемъ спрашивали мы стойкаго и мужественнаго старика Листера:— какъ объясняете вы это стадное трусливое бѣгство? Вѣдь не трусы же мы всѣ до единаго?!...

Но кэптенъ Листеръ всегда качалъ своей сѣдой головой въ отвѣтъ и, добродушно улыбаясь, говорилъ:

— Въ бою не бываетъ ни героевъ, ни трусовъ, джентль'мэны!... Въ бою самый робкій человѣкъ, движимый испугомъ, можетъ сдѣлать что нибудь такое, что сойдетъ за храбрость, а самый стойкій человѣкъ—побѣжать, какъ овца, за другими... И не на бранномъ полѣ ищите героевъ...

Я всегда вспоминалъ при этомъ, какъ, движимый самымъ глубокимъ страхомъ, чуть-чуть не проткнулъ „храбро“ Ганса штыкомъ...

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

Какъ мистеръ Смитъ пріобрѣлъ чернаго мула.

Лишь только веселое апрѣльское солнце всплыло на голубое небо и улыбнулось яснымъ привѣтомъ и рощѣ, и преріи, и дремавшему еще Мерезвилю, первые золотые лучи его цѣлымъ пламеннымъ потокомъ ударили въ уголъ большой бѣлой стѣны телеграфной станціи, стоявшей на пригоркѣ. Нѣсколько шаловливыхъ золотыхъ зайчиковъ, отдѣлившись отъ свѣтового потока, вскочили затѣмъ въ большое окно и прямо наткнулись на гладкую плѣшь мистера Смита, по обыкновенію, мирно бодрствовавшаго, уткнувъ голову въ сложенныя у аппарата руки. Въ качествѣ дежурнаго по телеграфу, мистеръ Смитъ и не могъ, конечно, не бодрствовать,—тѣмъ болѣе, что считался всѣмъ городкомъ чуть-ли не исправнѣйшимъ телеграфистомъ „запада“. Тяжелое дыханіе, нѣсколько странные носовые звуки съ легкимъ присвистомъ и какое-то особенное, неподвиж-

но-грузное положеніе всего тѣла могли свидѣтельствовать лишь о стадіи глубочайшаго раздумья, въ которое, какъ извѣстно, любилъ погружаться мистеръ Смитъ вообще, и въ особенности въ ночныя дежурства. Недаромъ слылъ онъ большимъ философомъ въ Мерезвилѣ! И раздумье его было такъ глубоко, что, какъ ни бились свѣтлые зайчики съ его плѣшью, какъ ни шалили съ рѣдкими прядями его волосъ, великодушно оставленныхъ раздражительною мистрисъ Смитъ на вискахъ и затылкѣ (чего ни наговорятъ злые языки!),— все было тщетно. Въ своемъ глубокомъ раздумьи великій философъ оставался неподвиженъ, непоколебимъ и спокоенъ.

Точно утомившись бороться съ такимъ стоицизмомъ, свѣтлые зайчики вскочили въ стекляный ящикъ аппарата и разсыпались тамъ яркими блестками по гладко-полированнымъ винтамъ, колесамъ и стержнямъ... Въ ту же минуту неподвижный до сихъ поръ аппаратъ, какъ бы разбуженный вдругъ такими назойливыми гостями — свѣтлыми вѣстниками утра— завертѣлся, заворчалъ и зашипѣлъ.

Мистеру Смиту въ его раздумьи почудилось сначала, будто бережливая мистриссъ Смитъ горячо негодуетъ на торговокъ, запросившихъ, какъ всегда, слишкомъ высокую цѣну за морковь и картофель. Затѣмъ, когда, вслѣдъ за ворчаньемъ и шипѣньемъ, въ аппаратѣ началъ звонко стучать мелкою дробью неугомон-

ный ключъ свое: „тикъ-такъ, тикъ-тикъ-такъ, тикъ-такъ!“—онъ испуганно вздрогнулъ, ибо принялъ это за обычныя сентенціи той же любимой супруги, обращенныя уже прямо къ нему. Послѣдняго, пожалуй, могло быть достаточно, чтобы вывести изъ раздумья даже самого Сократа, не то что мистера Смита, и потому вполнѣ естественно, что онъ вскочилъ немедленно. Но, убѣдившись, что нѣжная супруга и не думаетъ обнаруживать признаковъ своего существованія, что вся тревога его, такимъ образомъ, была напрасна,—онъ успокоился, сталъ вслушиваться и сердито заворчалъ:

— Такъ и есть!—ворчалъ онъ, ловя привычнымъ ухомъ короткіе, рѣзкіе удары телеграфнаго ключа. — Такъ и есть. Опять экстренная!... Охъ, ужъ мнѣ эти политиканы!... Нечего дѣлать имъ въ Вашингтонѣ,—ну, и знай только разсылаютъ экстренныя! Каторга... не жизнь!

Онъ нажалъ рычагъ, пустилъ ленту и заворчалъ еще сильнѣе обычнымъ тономъ ядовитѣйшей иронiи, съ какимъ истый сынъ западныхъ прерій говоритъ всегда объ „этихъ политиканахъ востока“.

— Такъ и есть... ну, да! Ха-ха-ха, въ фортъ Прескотъ! Держи карманъ,—перешлешь, какъ же, когда эта краснокожая сволочь всѣ проволоки оборвала... подавись она и на этомъ, и на томъ свѣтѣ! Охъ, ужъ мнѣ эти полити-

каны! Экстренныя разсылаютъ, а того и не знаютъ, что на свѣтѣ дѣлается. Думаютъ, разбили эту орду, поймали собаку Чернаго Ястреба, такъ и рѣзнѣ конецъ, дороги свободны! Да!.. какъ-же, шалишь! Сами-жъ и виноваты, голубчики, сами и намутили все своимъ баловствомъ да потачками, авось теперь-то образумитесь и свои филантропіи оставите!... Вмѣсто того, чтобы перевѣшать всѣхъ до одной собакъ, они въ конгрессѣ гуманности разводятъ, да всякихъ поэтишекъ слушаютъ!... Гуманность! филантропія... — тоже нашли съ кѣмъ! Посмотрѣлъ бы я на васъ здѣсь, когда-бъ у васъ скальпы полетѣли! Другую пѣсню запѣли бы! А то издали...

Вдругъ онъ прервалъ свое ворчанье, вытянулся, какъ бы въ изумленіи, и весь превратился въ слухъ. Очевидно, чуткое ухо сквозь воркотню уловило нѣчто изъ ряду вонъ выходящее, потому что изумленное лицо его исказилось сильнымъ гнѣвомъ. Точно не вѣря себѣ, мистеръ Смитъ кинулся къ лентѣ, сталъ тщательно разбирать знаки, всплеснулъ руками и почти упалъ на спинку кресла.

— Везти въ Вашингтонъ?—бормоталъ онъ, задыхаясь отъ негодованія. — Такую собаку? Нѣтъ, они тамъ ничему не научились, и будь я трижды проклятъ, если они его не помилуютъ!

Высказывая такое подозрѣніе относительно намѣреній этихъ „они“, почтенный телегра-

фистъ, несомнѣнно, имѣлъ въ запасѣ много данныхъ. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы высказывать таковыя, онъ разразился проклятіями, и такъ громко, что, навѣрное, поднялъ бы на ноги всѣхъ сосѣдей, не помѣшай ему приходъ гостя.

Такимъ раннимъ гостемъ могъ быть, конечно, одинъ только почтенный Артуръ Колдайсъ или, по-просту, кэптенъ Артуръ, нѣкогда капитанъ волонтеровъ, „бившій прямо въ туза“, а теперь за страсть къ „свѣжимъ новостямъ“ прозванный жестокими мерезвильцами „старою бабой“. Прекрасная ферма и значительная рента давали кэптену Артуру большой досугъ, досугъ велъ къ „политиканству“, а послѣднее развило неудержимую страсть къ новостямъ. И дѣйствительно, большой „политикъ“, кэптенъ Артуръ любилъ собирать новости такъ же страстно, какъ, наприм., строгая, но справедливая мистрисъ Смитъ—говорить сентенціи. Возстаніе индѣйцевъ, хотя и усмиренное съ плѣненіемъ Чернаго Ястреба, знаменитаго вождя, два раза на голову разбившаго войска союза, но пока еще не совсѣмъ подавленное, сильно замедляло и даже разстраивало правильность почтовыхъ сношеній, почему почтенный капитанъ, лишенный зачастую новостей, испытывалъ теперь почти танталовы муки.

— Ишь, точно собака на дичь! — проворчалъ мистеръ Смитъ, все еще дувшійся на

пріятеля за отказъ уступить ему чернаго мула.—Ей-Богу, точно собака!

Но кэптенъ Артуръ не слышалъ, конечно, такого нелестнаго эпитета. Уловивъ еще на лѣстницѣ громкія проклятія мистера Смита, дававшія ему возможность разсчитывать на „нѣчто новенькое“, онъ вошелъ съ сіяющею улыбкой.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ!

Мистеръ Смитъ считалъ себя, вполнѣ естественно, самымъ молчаливымъ, самымъ сдержаннымъ гражданиномъ союза. Въ отношеніи умѣнья соблюдать тайну и держать языкъ за зубами онъ любилъ называть себя даже „могилой“, какъ мистеръ Артуръ—„старымъ солдатомъ“. Держа въ рукахъ только что полученную тайну и видя, въ то же время, предъ собой такого хищника, онъ насупился, принялъ важный видъ и отвѣчалъ на привѣтъ довольно сухо. А это еще сильнѣе утвердило гостя въ его разсчетѣ.

— Что-нибудь новенькое?—сладко спросилъ тотъ и уже глаза его хищно блеснули.—Свѣженькое что-нибудь?

— Н-да... не безъ того!—довольно загадочно и важно отвѣтилъ какъ бы про себя мистеръ Смитъ, умѣвшій-таки поддерживать престижъ „чиновника союза“. — Не безъ того! Кое-что есть!...

Глаза кэптена Артура заходили изъ стороны въ сторону.

— Изъ Вашингтона?

— Экстренная!

— Вотъ какъ!

Мистеръ Артуръ захлебнулся.

— Къ намъ?—спросилъ онъ, задыхаясь:— въ Мерезвиль?

Послѣ извѣстной размолвки изъ-за мула, мистеръ Смитъ имѣлъ всѣ резоны не отвѣчать на жгучій вопросъ и наказать, такимъ образомъ, кэптена. Но страсть поглумиться надъ „вашингтонскими политиканами“ взяла верхъ.

— Въ фортъ Прескотъ, сэръ!—выразительно подмигнулъ онъ.—Въ от-рѣ-зан-ный фортъ!—подчеркивалъ мистеръ Смитъ.

— Въ фортъ Прескотъ? Ха-ха-ха!.. Развѣ по воздуху?

Тутъ оба пріятеля залились гомерическимъ хохотомъ, выразительно подмигивая другъ другу и до тонкости разобрали всю „глупую“ вашингтонскую политику, разсылающую „экстренныя“, не зная, что дѣлается на дорогахъ, и то и дѣло только мирволящую „краснокожимъ собакамъ“. Господи, хоть бы съ одного-то изъ „нихъ“ сорвали когда-нибудь скальпъ! Увидѣли бы „они“, стоитъ ли мирволить да гуманничать! Только бы одинъ скальпъ!...

Какъ ни была интересна такая здравая критика, но неудержимая страсть кэптена, все-таки, побѣдила.

— И какъ же вы перешлете, почтеннѣйшій

мистеръ Смитъ, эту „экстренную?“ Потребуете военнаго эскорта для доставки? да? — спросилъ онъ, оставивъ критику.

— Конечно, сэръ!.. другого способа и нѣтъ... Пусть тащится съ эскортомъ!... Что касается меня, сэръ, то я былъ бы очень радъ, если-бъ она и не дотащилась вовсе!... Очень радъ, чортъ побери! — И мистеръ Смитъ запылалъ негодованіемъ вновь.

— Развѣ скверное?—почти зашепталъ отъ необычайнаго волненія гость.

— И очень, сэръ! Чортъ знаетъ что, сэръ! Самый адъ,—разрази меня Господь, сэръ!.. не придумалъ бы худшаго!

У кэптена Артура забѣгали глазки. Выносить такую пытку не хватало уже силъ и, задыхаясь, путаясь, онъ тихо проговорилъ:

— Я надѣюсь, мистеръ Смитъ, что вы не скроете отъ стараго друга... Вы знаете, что я...

На мистеръ Смитъ былъ „могила“.

— Государственная тайна!.. Долгъ службы, сэръ!—внушительно заговорилъ онъ чисто-могильнымъ голосомъ.—Долгъ службы!

— Да, да, понимаю!—быстро сыпалъ гость, захлебываясь отъ нетерпѣнія, такъ какъ препятствія только сильнѣе разжигали его страсть, Я хорошо понимаю! Оно, конечно... государственная тайна... долгъ службы... такъ! Но если, напримѣръ, пріятель, который обяжется честнымъ словомъ стараго солдата,—словомъ

стараго солдата, сэръ!—превратиться въ нѣмую рыбу...

Зналъ ли мистеръ Смитъ о невозможности „старому солдату“ превратиться въ нѣмую рыбу, или нѣтъ, только голосъ его сталъ еще могильнѣе.

— Секретная, сэръ! — точно оправдывался „могила-Смитъ“. — Секретнѣйшее предписаніе военнаго министра!

Этого было слишкомъ для кэптена Артура: его ударило въ потъ и въ вискахъ застучало.

— А-а... еще и секретная! Секретное предписаніе!—захлебывался онъ, подавшись впередъ и кидая алчный взглядъ на ленту аппарата.—Ну, да, я такъ и ожидалъ, такъ и думалъ, сэръ! Да, конечно, тутъ требуется тайна!... Да, да! Ужъ не о Черномъ-ли Ястребѣ?... А?!

Но могила-Смитъ загадочно молчалъ...

— Не о немъ-ли, сэръ?! Серьезно,—да?— кэптенъ старался заглянуть своимъ хищнымъ взоромъ въ глаза друга.

Мистеръ Смитъ не поднялъ опущенныхъ вѣкъ.

Тогда кэптенъ рѣзко оборвалъ, помолчалъ немного, точно отказавшись отъ всякой надежды проникнуть въ чужую тайну, и заговорилъ затѣмъ о другомъ, совершенно измѣнивъ и самый тонъ.

— А знаете ли, сэръ!—началъ онъ, казалось, совсѣмъ уже равнодушно и спокойно:—я пе-

редумалъ... Я, знаете ли, пожалуй, и не прочь теперь продать того мула... Знаете, о которомъ вы заговорили было давеча...

— Продать мула?—мистеръ Смитъ поднялъ глаза.

— Ну, да!... того, съ бѣлымъ пятномъ... Помните?

Помнитъ ли онъ?! Этотъ чудный мулъ съ бѣлымъ пятномъ на лбу точно у Аписа, съ черными отненными глазами, съ тонкими, какъ у газели, ногами,—этотъ мулъ положительно преслѣдовалъ бѣднягу и во снѣ, и на яву Этотъ мулъ стоялъ предъ нимъ, какъ живой, что бы тотъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ,—онъ самовольно, точно навожденіемъ злого духа, вторгался даже въ тексты депешъ, передаваемыхъ влюбленнымъ въ него Смитомъ, производя, конечно, путаницу и вызывая законный гнѣвъ сосѣднихъ станцій. Еще вчера онъ замѣнилъ собою въ текстѣ депеши слово: „мужъ"—и бѣдный мистеръ Смитъ получилъ нахлобучку, какъ-то нечаянно простучавъ адресаткѣ „вашъ мулъ" вмѣсто „вашъ мужъ"! Онъ, признаться, даже заслонялъ ему подчасъ свѣтлый образъ любимой супруги... Этотъ мулъ...

Мистеръ Смитъ закрылъ глаза и дьявольскій мулъ явился предъ его духовнымъ окомъ во всемъ соблазнѣ своей дикой красоты. Затѣмъ онъ открылъ глаза... затѣмъ...

Но тутъ оба пріятеля заговорили о чемъ-то такимъ глубокимъ шепотомъ, что даже

чуткое ухо самой мистрисъ Смитъ, плотно приложенное къ замочной щели, не могло уловить ни звука.

А злосчастная „экстренная", побродивъ по двумъ-тремъ инстанціямъ, дождалась, наконецъ, эскорта и двинулась съ нимъ въ отрѣзанный пока фортъ, стоявшій у самой границы индѣйскихъ владѣній, грозно глядѣвшій туда открытыми жерлами громадныхъ пушекъ. Небольшія шайки возставшихъ племенъ бродили еще у самой границы, но нападать на военные эскорты онѣ уже не рѣшались и телеграмма военнаго министра добралась въ фортъ благополучно. А что она тамъ натворила, читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Изъ которой ясно, какъ много значитъ въ жизни „точка зрѣнія".

— Я желалъ бы знать,—разорви меня бомба!— что вы на это скажете, лейтенантъ Свитхартъ? Да, что вы на это скажете?

Если бы часовой вдругъ ударилъ тревогу, сухой, длинный лейтенантъ Свитхартъ не вскочилъ бы стремительнѣе. Если бы батальонъ, вмѣсто того, чтобы повернуть по командѣ вправо, взялъ на смотру влѣво, его изумленіе не

могло быть сильнѣе. Дѣйствительно, онъ услышалъ нѣчто крайне необычайное, выходящее изъ ряду. Старый и толстый рубака, майоръ Спаркль, комендантъ форта, никогда не выказывавшій даже поползновенія справляться съ чьимъ бы то ни было мнѣніемъ, вдругъ пожелалъ узнать, что онъ скажетъ? И, ворочая въ изумленіи бѣлками, комкая газету, которую читалъ, пока майоръ рылся въ почтовой сумкѣ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, длинный и флегматичный лейтенантъ стоялъ истуканомъ. Что же такое могло случиться? Не взбунтовался ли гарнизонъ въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, вся бѣда, очевидно, заключалась въ какой-то депешѣ.

— Что вы на это скажете, сэръ?—еще нетерпѣливѣе повторилъ, между тѣмъ, экспансивный майоръ, весь багровый отъ негодованія, судорожно комкая только что полученную телеграмму министра, такъ возмутившую и мистера Смита.

— Что я скажу, сэръ?

Лейтенантъ, наконецъ, пришелъ въ себя, взялъ депешу и прочелъ ее медленно и внимательно. Затѣмъ онъ прочелъ ее еще разъ, очевидно, не довѣряя своимъ глазамъ. Затѣмъ, Богъ ужъ его знаетъ почему, полный изумленія, поднявъ высоко свои сухія плечи, прочелъ ее и въ третій разъ.

— Я думаю, сэръ, — я позволяю себѣ думать,—началъ онъ съ обычной флегмой, хо-

тя и пылалъ негодованіемъ:—что это величайшее, чортъ побери, свинство!..

— Слово въ слово, какъ и я, чортъ возьми!—подхватилъ майоръ.—И я то-же думаю, лейтенантъ Свитхвартъ! Даже больше: — съ моей точки зрѣнія,—сто залповъ чертей!—я думаю, что это даже не-вѣ-роятное свинство!..

Майоръ захлебнулся. Успокоившись, онъ въ пухъ и прахъ разнесъ всю индѣйскую политику правительства. Помилуйте! везти эту собаку, Чернаго Ястреба, въ Вашингтонъ! Да это уже не гуманничанье, а чистое сумасшествіе!.. И пусть его, майора Спаркля, разстрѣляютъ безъ суда въ 24 часа, если все это не значитъ, что Черному Ястребу не придется болтаться въ петлѣ, которую тотъ, несомнѣнно, заслужилъ, и если его тамъ не погладятъ по головкѣ?.. Его, поднявшаго почти всѣ племена и осмѣлившагося два раза подърядъ на голову разбить регулярныя войска союза?! Съ такимъ трудомъ взятаго, наконецъ, въ плѣнъ?! Два милліона бомбъ, чиненныхъ чертями!!!

Старая одышка помѣшала майору продолжать свою энергическую тираду, и, кашляя и отдуваясь, старый рубака только ворочалъ глазами, сверкавшими все большимъ негодованіемъ. Казалось, онъ совсѣмъ потерялъ голову и забылъ о престижѣ „коменданта,— по крайней мѣрѣ, справившись съ одышкой,

онъ продолжалъ еще энергичнѣе въ томъ же тонѣ, точно съ „равнымъ“ себѣ:

— Сто противъ одного, лейтенантъ Свитхартъ,—держу сто противъ одного,—если всѣ эти „тамъ“,—губы майора выразили необычайное презрѣніе:—если всѣ эти политиканы съ ихъ дамами и филантропами не считаютъ эту собаку героемъ! Слышите, сэръ?—ге-роемъ!—пусть съ меня живого сдерутъ шкуру, если я вру! Да, лейтенантъ Свитхартъ! Въ бараньихъ головахъ этотъ бунтовщикъ и снимать скальповъ — герой!.. Щелкоперы и стрикулисты печатаютъ ему оды и дѣлаютъ героемъ своихъ безмозглыхъ поэмъ, а всѣ барыньки декламируютъ и проливаютъ слезы! О, это старая исторія! Сначала насъ посылаютъ усмирять „героевъ“, а когда мы хорошо порѣжемся и справимся, наконецъ, потерявъ, чортъ побери, довольно-таки мяса,—ихъ милуютъ и везутъ напоказъ дамамъ!.. Это называется гуманною политикой! Будь я, сэръ, не майоръ Спаркль, если я хоть чуточку смысла вижу въ такой политикѣ!.. Да, съ моей точки зрѣнія!.. Будь я не майоръ Спаркль!..

Но такъ какъ не быть имъ майоръ не могъ, то, естественно, и смысла не могло быть въ такой политикѣ, что ясно выражало сухое, флегматическое лицо лейтенанта. Справившись съ новымъ приступомъ кашля, прервавшимъ его рѣчь, майоръ началъ мало-по-малу овла-

дѣвать собою. Всегда, при всякихъ взрывахъ негодованія, главное для него было—выговориться, и, выговорившись теперь, майоръ вспомнилъ о своемъ „престижѣ“:

— А, все-таки, сэръ, мы должны буквально исполнить предписаніе военнаго министра!

Этимъ восклицаніемъ,—вырвавшимся, правда, съ глубокою скорбью,—приходившій въ себя майоръ давалъ прекрасный урокъ дисциплины своему подчиненному и возстановлялъ свой, утраченный было, престижъ. Да, какъ ни возмутительно, какъ ни грустно, но исполнить должно, ибо послушаніе есть первый долгъ солдата. Всякое приказаніе должно исполнить, если оно не противорѣчитъ конституціи союза, и лейтенанту нужно всегда помнить это.

Слышите, лейтенантъ Свитхартъ!?

И такъ какъ лейтенантъ это слышалъ, то майоръ сейчасъ же добавилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— А настоящее, сэръ, ничѣмъ, къ сожалѣнію, не противорѣчитъ!..—и кликнулъ сержанта Брума.

Глаза майора сверкали восторгомъ. Атлетическая фигура упитаннаго сержанта, этотъ хорошо подогнанный, точно обтянутый мундиръ, эти сверкавшія пуговицы и нашивки, прекрасная выправка,—все это вмѣстѣ глубоко затрогивало сокровеннѣйшія струны майорскаго сердца. Не спуская зоркаго, опытнаго

глаза, онъ самодовольно любовался сержантомъ, какъ строгій отецъ своимъ достойнымъ дѣтищемъ. Все исправно, все на мѣстѣ, гладко, чисто, какъ должно, и пусть-ка тамъ посмотрятъ въ Вашингтонѣ политиканы, каковы-то должны быть д ѣ й с т в и т е л ь н ы е герои! Да, это — не краснорожій рѣзатель скальповъ. Это — не глупыя перья и бляхи на взъерошенной головѣ, не обтрепанныя индѣйскія лохмотья! Нѣтъ-съ! Это... это... ну, да, однимъ словомъ, пусть-ка о н и т а м ъ посмотрятъ, — если, конечно, у н и х ъ есть глаза, чтобы видѣть!

Экспансивный майоръ самодовольно потеръ руки, но тонъ его былъ сухъ и полонъ достоинства, конечно, когда онъ заговорилъ съ нижнимъ чиномъ.

— Сержантъ Брумъ! министръ требуетъ въ Вашингтонъ Чернаго Ястреба!

Въ сѣрыхъ глазахъ великолѣпнаго сержанта сверкнуло свирѣпое изумленіе: лицо его побагровѣло, но голосъ даже не дрогнулъ при обычномъ: „слушаю, господинъ майоръ!“

— Я назначаю васъ конвоиромъ, а вы должны выбрать себѣ еще двухъ рядовыхъ... Можете взять Тобби или Крэбса, хотя помните, что послѣдній любитъ засматриваться по сторонамъ! По моему, лучше Тобби и Джонса, — не бѣда, если тотъ глядитъ медвѣдемъ! Впрочемъ, какъ знаете... это ваше дѣло и вы одинъ за все отвѣчаете!... Слышите, сержантъ Брумъ?

На это, естественно, могъ послѣдовать лишь утвердительный отвѣтъ, и майоръ продолжалъ:

— Надѣюсь, все будетъ исправно! Охранять до Мерезвиля будетъ эскортъ, доставившій почту!... Понимаете? Ступайте!

Сержантъ повернулся, и прелестнѣйшій пируэтъ самой воздушной балерины на свѣтѣ не могъ бы взволновать такъ майорское сердце, какъ это безукоризненное, образцовое „направо кругомъ".

— Молодецъ!— проговорилъ старый рубака въ свои сѣдые, длинные усы.—Право, молодецъ! Только какъ бы ему не свернули шею ребята, если телеграмма стала извѣстна и тѣ вздумаютъ прибѣгнуть къ Линчу! Плохи шутки съ здѣшними ребятами!

Скоро весь фортъ негодовалъ по поводу новаго факта гуманничанія съ краснокожими, а къ этому негодованію, правду сказать, врядъ ли не присоединился бы и весь „западъ". Давно уже разошлись востокъ и западъ въ своихъ отношеніяхъ къ индѣйцамъ, давно уже вели они глухую борьбу на этой почвѣ, обзывая другъ друга, съ одной стороны, „мясниками", съ другой — „пустоголовыми филантропами" и майоръ былъ правъ, говоря, что это „старая исторія". „Молодцы запада", непосредственно соприкасавшіеся съ индѣйцами, зарившіеся на ихъ свободныя земли, то и дѣло захватывавшіе куски этихъ земель то тутъ, то тамъ, за что платились, конечно, скальпами, звали индѣй-

цевъ „краснокожими сабаками“, хотя на самомъ дѣлѣ относились къ нимъ хуже, чѣмъ къ собакамъ. Это была вражда органическая, традиціонная, переходившая изъ рода въ родъ. Для неутомимыхъ пахарей, глядѣвшихъ на свой трудъ библейскими глазами, номадъ-охотникъ, защищавшій свои богатые дичью лѣса и степи, былъ только лѣнтяй, врагъ, существо низшее, достойное глубочайшаго презрѣнія, и въ поголовномъ истребленіи этихъ номадовъ они видѣли бы свое благо. Для жителей восточныхъ штатовъ индѣецъ, извѣстный тамъ только по разсказамъ, описаніямъ, картинамъ, являлся, прежде всего, вольнолюбивымъ героемъ, окрашеннымъ поэзіей и романтизмомъ дикосвободной жизни. Дикій, независимый, полный презрѣнія ко всякой условной лжи, онъ фигурировалъ въ прелестнѣйшихъ поэмахъ и являлся красивою антитезой въ горячихъ трактатахъ публицистовъ, страстно бичевавшихъ меркантилизмъ и ложь культурной среды и тупость мѣщанства. Съ искреннимъ сожалѣніемъ видѣли лучшіе дѣятели востока, что номадъ-охотникъ обреченъ самимъ ходомъ жизни на погибель и вымираніе, но бороться съ этимъ не могли, ибо „ходъ жизни“,—постоянное, неудержимое заселеніе преріи,—былъ сильнѣе всякихъ распоряженій и предписаній. Президенты и конгрессы издавали въ огражденіе номада правила за правилами, законъ за закономъ, но піонеръ-земледѣлецъ шелъ все

дальше и дальше, его топоръ все больше распугивалъ дичь, единственный источникъ существованія номада, а остальное довершала водка и другіе спутники культуры. Извѣрившись въ обѣщанія одной стороны, дававшіяся подчасъ самимъ „отцомъ блѣднолицыхъ“, порѣшивъ, что бѣлые только лгутъ,—доводимый до отчаянія другою стороной, насиліями, захватомъ, самоуправствомъ, продолжавшимся вопреки „обѣщаніямъ,“—индѣецъ отъ времени до времени выкрашивался краской, выходилъ на „боевую тропу“ и страшно мстилъ врагамъ. Тогда правительству союза волей-невслей приходилось посылать войска въ защиту гражданъ; но какъ только мятежъ подавлялся, оно почти всегда принимало мѣры къ огражденію возставшихъ отъ мести бѣлыхъ, противилось казнямъ, что возмущало „Западъ“, гдѣ на значительную часть семей приходилось непремѣнно хоть по одному „скальпу“. Такая политика отличалась, можетъ быть, непослѣдовательностью, мало помогала индѣйцамъ, создавала распрю между штатами, но люди, которые ее вели, дѣйствительно глубоко ненавидѣли всякое насиліе, самоуправство, проливаніе крови и казни. И правъ былъ майоръ, утверждая, что все это—дѣло щелкоперовъ и поэтовъ. Правъ онъ былъ, предлагая пари, что т а м ъ всѣ щелкоперы и барыни считаютъ Чернаго Ястреба героемъ. Да, когда тотъ такъ удачно разбилъ на голову посланныя противъ него

войска и „Западъ“ скрежеталъ зубами, тамъ, на востокѣ, удивлялись его отвагѣ, искусству, а поэты дарили его звонкими рифмами. И громкій, почти общій крикъ всего „востока“, что уважать человѣка и героя нужно и въ побѣжденномъ врагѣ, раздавшійся послѣ плѣненія мятежнаго вождя, побудилъ министра потребовать плѣнника подъ видомъ допроса его въ конгрессѣ о причинахъ возстанія—въ Вашингтонъ. И еще былъ правъ майоръ, когда увѣрялъ, что такимъ образомъ индѣецъ могъ ускользнуть отъ заслуженной петли,—въ Вашингтонѣ не любили казней! Допросъ могъ затянуться, страсти за это время могли улечься и мятежный вождь, чего добраго, надѣлавшій столько бѣдъ и тревогъ, къ восторгу всѣхъ щелкоперовъ и ихъ поклонницъ, могъ быть помилованъ президентомъ.

ГЛАВА III.

О томъ же и еще кое о чемъ, имѣвшемъ непосредственную связь съ извѣстнымъ уже чернымъ муломъ.

А „великій вождь краснокожихъ братьевъ“ сидѣлъ, скованный по рукамъ и ногамъ, въ крошечномъ казематѣ форта, ничего, конечно, не зная. Въ узкое рѣшетчатое окно виднѣлись

только край ясно-голубого неба, да высокіе отроги Скалистыхъ горъ, подернутые темно-фіолетовою дымкой, но гордому плѣннику точно ничего другого и не было нужно,—его черные, неподвижные глаза не отрывались отъ окна. Эти горы будили воспоминанія, навѣвали думы, это онѣ заставляли стучать такъ громко сердце въ неподвижной, точно окаменѣвшей груди. У этихъ горъ бродилъ онъ ребенкомъ, тамъ росъ онъ, боролся съ буйволомъ и сѣрымъ медвѣдемъ, тамъ избрали его вождемъ. тамъ онъ, побѣдоносный, разбилъ на голову войска „блѣднолицыхъ собакъ“ и, наконецъ, тамъ же, разбитый въ свою очередь, попался въ плѣнъ... Все тамъ!...

Лицо индѣйца съ его строгимъ профилемъ осунулось, потемнѣло, на лбу прошли глубокія складки... Перья на головѣ,— знакъ его власти, — истрепались; скальпы,—трофеи великой борьбы,—отняты; красное одѣяло, истрепанное, изорванное въ бою, виситъ на его плечахъ лохмотьями. И только глаза его, черные, пронизывающіе, съ царственнымъ взглядомъ вождя, не измѣнились, не потухли, а горятъ еще ярче. Злобы ли стало въ нихъ больше, смѣлости, грусти-ли,—право рѣшить трудно; но, полные какого-то холоднаго огня, они неустанно устремлены на далекія горы и сверкаютъ неподвижнымъ, металлическимъ блескомъ. Изо дня въ день неподвижно, точно статуя, отлитая изъ темно-красной мѣди, сидитъ

съ плотно сжатыми руками индѣецъ, какъ бы не дыша, какъ бы застывъ въ одной и той же позѣ, и смотритъ, смотритъ и смотритъ... Такъ же сидитъ въ неволѣ и смотритъ поджарый, мускулистый горный коршунъ, пока не найдутъ его мертвымъ на полу его клѣтки.

Онъ знаетъ, что поднятое имъ возстаніе пяти племенъ кончено, что все разбито, погибло, что небольшія шайки, бродящія еще тутъ и тамъ, скоро будутъ переловлены, и если бы человѣческая душа не обладала способностью какъ-то странно тупѣть отъ сверхестественныхъ, выходящихъ за всякіе предѣлы, мукъ, онъ сказалъ бы, что ему невыразимо больно. „Великій вождь“, онъ знаетъ, что пѣсня его спѣта, что не сегодня—завтра придетъ часъ казни, но не смерть, конечно, мрачитъ его взоръ, не она поднимаетъ его грудь судорожнымъ волненіемъ, подавляемымъ громаднымъ напряженіемъ воли. Что́ ему смерть, когда онъ видалъ ее такъ часто, когда онъ знаетъ, что отойдетъ къ Великому Духу пустыни, куда идутъ всѣ храбрые, что войдетъ онъ туда гордымъ вождемъ и получитъ почетное мѣсто у костра среди другихъ великихъ тѣней за общею неугасимою трубкой! Развѣ не будутъ пѣть о немъ жены, не будутъ славить изъ рода въ родъ его „братья“? Нѣтъ, не это мучитъ гордаго воина,—другое лежитъ камнемъ на его душѣ... Что́, если великія тѣни нахмурятся при его приходѣ и Великій Духъ скажетъ ему съ укоромъ:

„Ты вошелъ не какъ воинъ... Ты не спѣлъ врагамъ послѣдней пѣсни храбраго!“

Вотъ что терзаетъ душу плѣнника неустанно, что страшнѣе ему самой смерти! Не дадутъ ему жестокіе враги умереть смертью воина, не будутъ длить его пытки, а быстро накинутъ позорную петлю подъ немолчный грохотъ барабановъ, и умретъ онъ безъ слова, какъ трусъ, какъ... Страшная, невѣроятная жестокость! И какъ бы хотѣлось ему, чтобы они, какъ должно врагамъ, медленно рѣзали его кривыми ножами, медленно сдирали съ него кожу, а онъ, непреклонный и гордый, съ торжествующимъ хохотомъ издѣвался бы надъ ними и бросалъ бы имъ въ лицо оскорбленія и проклятія... И много наговорилъ бы онъ этимъ „собакамъ“, много! Было у него, что сказать имъ!

Началъ бы онъ съ того, что всѣ они—торгаши, живущіе обманомъ, что языки ихъ лживы. Онъ перечислилъ бы имъ всѣ обманы, всѣ нарушенія слова, всѣ обиды, все зло, что вносили они годами въ среду его братьевъ. Болѣзни, голодъ, пьянство, нищета, — развѣ это не ихъ дѣло? Развѣ не старались они сѣять раздоры между племенами, чтобы удобнѣе завладѣвать землею, и развѣ не углублялись они, вопреки обѣщаніямъ, все дальше и дальше въ зеленую вольную прерію, отъ вѣка отданную для одной охоты индѣйцу? Лживые, гнусные торгаши! А когда во гла-

вѣ племенъ онъ поднялъ возстаніе, развѣ не бѣжали они отъ него, какъ подлые трусы?

Такъ думалъ Черный Ястребъ изо дня въ день, такъ думалъ онъ и въ роковой часъ утра, когда внезапно щелкнулъ засовъ и на порогѣ каземата появился майоръ Спаркль, окруженный конвоемъ.

Даже зоркій взглядъ майора не замѣтилъ, какъ индѣецъ вздрогнулъ. Ни одинъ мускулъ, казалось, не шевельнулся на этомъ точно изваянномъ лицѣ, только тѣнь какая-то пробѣжала, быстрая и неуловимая, какъ судорога, не оставивъ на немъ и слѣда. Безстрастный и гордый, казалось, совсѣмъ безучастно поднялся индѣецъ и пошелъ за конвоемъ. Куда?— на казнь?..

Зеленая, волнистая прерія только что проснулась и, вся облитая румянымъ свѣтомъ яснаго утра, тихо дышала привѣтомъ и жизнью, полною свѣтлой радости и безмятежнаго счастья. Все кругомъ стрекотало, чирикало, пѣло, привѣтствуя всплывшее солнце и высокая зеленая трава, колеблемая свѣжимъ утреннимъ вѣтеркомъ, налетавшимъ отдѣльными порывами, какъ бы вздохами, казалась длинными, вдаль убѣгавшими волнами, и тоже какъ будто шептала. Востокъ горѣлъ багрянцемъ, яркіе лучи котораго тянулись высоко по чистому голубому небу, и незамѣтно и мягко, все блѣднѣя и блѣднѣя, тонули въ лазури зенита, гдѣ уже плавно кружился, ши-

роко распластавъ крылья, какой-то хищникъ. Тонувшіе въ небѣ высокіе кряжи Скалистыхъ горъ, одѣтыхъ темною дымкой утренняго тумана, ярко горѣли всѣми оттѣнками свѣта, отъ палеваго, похожаго на свѣтъ бѣлой тучки, освѣщенной вечернею зарей, до свѣта ярко пылающаго угля. Все было свѣтло, чисто, ясно, все манило къ себѣ; все, проникнутое свѣжею радостію, говорило только о томъ, какъ хороша жизнь... Такого чуднаго утра, казалось, еще не видѣлъ индѣецъ.

На казнь?—Нѣтъ... въ Вашингтонъ!..

Нужно было много воли, чтобы не выдать изумленія, сохранить на безстрастномъ лицѣ выраженіе невозмутимо-гордаго безучастія. Еще больше, казалось, нужно было усилій, чтобы понять и повѣрить... Неужели? Зачѣмъ? О, хитры, какъ лисицы, эти бѣлыя собаки и всегда придумаютъ они какую нибудь ловушку, которую и не разберешь сразу!.. Но закаленное сердце индѣйца трепетало въ груди какъ то легко и свободно. Былъ ли то радостный трепетъ инстинкта жизни, вызванный отдаленіемъ рокового часа, или то была смутная. безсознательная надежда на что-то,—онъ и самъ не отдалъ бы себѣ отчета.

— Лейтенантъ Свитхартъ! видите вы эту закаленность? — не выдержалъ возмущенный майоръ.—Хоть бы дрогнулъ, собака!.. Точно все равно ему, что въ петлю, что туда!.. Что вы скажете, сэръ?

— Я скажу, господинъ майоръ, что это возмутительная преступность!—отвѣтилъ долговязый лейтенантъ, не найдя сразу лучшаго выраженія.

— Слово въ слово, какъ и я, лейтенантъ Свитхартъ, чортъ побери! Слово въ слово!—поощрительно подхватилъ майоръ и, кипятясь все больше и больше, энергично принялся торопить великолѣпнаго сержанта Брума.

— Скорѣй!—то и дѣло кричалъ онъ суетясь у фургона.—Сержантъ Брумъ! вы сегодня возитесь, какъ квакерша съ псалмами! Рядовой Джонсъ! глядите молодцомъ, а не медвѣдемъ! Такъ! Эй, вы, саблю... саблю подтяните, говорю я,—сто бомбъ, чиненныхъ Вельзевуломъ!

И когда эскортъ плотно окружилъ фургонъ, а возница уже взялъ въ руки свой длинный бичъ, майоръ вдругъ крикнулъ съ досадой, какъ будто что-то вспомнивъ:

— Сержантъ Брумъ и вы всѣ, слушайте!.. Помните: плѣнника нужно доставить не только живымъ, но и невредимымъ! Слышите сержантъ Брумъ?

Слышалъ это и плѣнникъ. То, что до сихъ поръ только смутно витало въ его трепетавшемъ сердцѣ, начало было выясняться, слагаться въ цѣльное представленіе, сознательное, живое. Да, онъ ясно слышалъ приказъ!.. Его будутъ беречь, конечно, до казни, чтобы на нее онъ выступилъ бодрымъ и силь-

нымъ, а не изнеможеннымъ, неспособнымъ выдержать долгую пытку. Онъ узналъ ее, тактику индѣйцевъ, родную тактику съ плѣнными врагами. Очевидно, тамъ хотятъ насладиться его казнью, посмотрѣть, какъ умираетъ индѣецъ... Неужели же въ самомъ дѣлѣ дадутъ ему враги умереть смертью героя?

И чуть слышный вздохъ какъ-то самъ собою вырвался изъ плотно сжатыхъ устъ индѣйца и потонулъ неслышно въ грохотѣ мчавшагося фургона.

А сержантъ и его спутники поняли этотъ дальновидный, предусмотрительный приказъ, конечно, иначе. Какъ истые сыны запада, они хорошо знали, какія чудеса творитъ иногда телеграфная проволока съ приказаніями, передаваемыми секретно, быстро дѣлающимися подчасъ общимъ достояніемъ совершенно неисповѣдимыми судьбами. Знали они, какъ чутокъ слухъ у „молодцовъ запада“ и какъ не любятъ тѣ церемониться съ приказаніями, приходящимися не по душѣ. Такъ ли оно было или не такъ, но, во всякомъ случаѣ, приблизясь къ Мерезвилю, сержантъ Брумъ приказалъ остановиться, „подтянуться“ и осмотрѣть оружіе.

— Въ случаѣ чего,—глухо сказалъ онъ, хмуря брови и кидая на индѣйца презрительно злобный взглядъ:—въ случаѣ чего, ребята, сабли вонъ и—въ карьеръ!.. Таковъ приказъ!—вздохнулъ онъ, точно оправдываясь.

И послѣдовавшія событія какъ нарочно вполнѣ подтвердили высокій даръ предвидѣнія великолѣпнаго сержанта. Съ секретною депешой дѣйствительно произошло какое-то чудо:—она выгнала все вознегодовавшее населеніе Мерезвиля далеко за городъ навстрѣчу плѣннику. Несмѣтная толпа, дышавшая одною угрозой, волновалась и напряженно ждала. Молчаливый мистеръ Смитъ, весь синій отъ негодованія, лихо гарцовалъ на знаменитомъ черномъ мулѣ съ бѣлымъ пятномъ на лбу, а политикъ кэптенъ Артуръ краснорѣчиво доказывалъ право гражданъ судить разбойниковъ судомъ Линча, не смотря ни на какія приказанія. Лишь только показался на дорогѣ эскортъ, толпа моментально смолкла, но только на мгновеніе. За напряженною минутною тишиной раздался общій крикъ: „Линчъ!“

— Загороди дорогу!... Они пустятъ въ карьеръ!—командовалъ выходившій изъ себя капитанъ волонтеровъ.—Загороди скорѣе!

Дорогу загородили телѣгами, на которыя съ разбѣга наскочили передовые конвоя. Грохнулись кони и люди подъ неистовый гомонъ, раздались выстрѣлы, полетѣли камни, пошла отчаянная свалка... Сержантъ нашелся: онъ проскакалъ въ объѣздъ съ фургономъ.

— Ну, слава Богу, счастливо отдѣлались!—свободно вздохнулъ онъ, проскакавъ далеко за линію свалки.—Что-то еще впереди будетъ?

Подъ глазомъ у него чернѣла громадная

сине-багровая шишка. У Джонса неудержимо лила кровь изъ разбитаго носа.

— И какъ подумаешь, что все это изъ-за гадины, которой давно бы слѣдовало качаться!—злобно прошипѣлъ онъ, ощупывая шишку, и толкнулъ ногой индѣйца.

Тотъ не дрогнулъ... только губы его точно побѣлѣли на мгновеніе, да глаза блеснули.... О, онъ сумѣлъ бы отплатить, не будь у него связаны руки! А попадись ему сержантъ, когда онъ былъ вождемъ...

У Чернаго Ястреба дрогнули углы губъ точно онъ хотѣлъ сладко улыбнуться.

ГЛАВА IV.

Въ которой всецѣло оправдываются слова браваго маіора.

Проскакавъ сравнительно благополучно Мерезвиль, великолѣпный сержантъ вмѣстѣ съ его спутниками во-очію убѣдились, какъ плохо хранитъ подчасъ телеграфная проволока ввѣренныя ей тайны и какъ сильно расходится энергичное населеніе „Запада“ съ „Востокомъ“ въ „индѣйской политикѣ“. Гадая съ тревогой о томъ, что будетъ впереди, сержантъ, несомненно, обнаружилъ основательныя знанія мѣстныхъ условій и характера населенія. Истина, впрочемъ, требуетъ сказать, что худшаго, соб-

ственно, онъ и его спутники за Мерезвилемъ не встрѣчали. Вездѣ, во всякомъ городкѣ, во всякой деревушкѣ они встрѣчали одно и то же: негодующую толпу, вооруженную чѣмъ попало, исполненную самаго страстнаго желанія „утереть носъ вашингтонскимъ филантропамъ“, познакомивъ плѣнника съ завѣтами старика Линча. Разница была только въ большей или меньшей мѣткости, съ какой направлялись то тамъ, то тутъ палки и камни въ тѣхъ, кто такъ или иначе мѣшалъ исполненію такого страстнаго желанія, и въ большемъ или меньшемъ напряженіи изворотливости, подчасъ положительно геніальной, которая требовалась отъ сержанта, чтобы „проскочить“ и, такимъ образомъ, свято выполнить приказъ строгаго майора. Не удивительно поэтому, что въ очень скорое время точили кровь носы всѣхъ конвоировъ, а ихъ лица представляли какую-то странную рельефную маску съ преобладаніемъ сине-багровыхъ и желто-зеленыхъ тоновъ. Ощупывая все новыя и новыя шишки, сержантъ Брумъ вздыхалъ только о „рѣкѣ“, за которой все должно было измѣниться.

— Только бы до рѣки! — вздыхалъ онъ.— Только бы проскочить эту желтую Миссури!

Плѣнникъ, крѣпко связанный, былъ предусмотрительно запрятанъ на самое дно фургона подъ сидѣнья и, такимъ образомъ, о силѣ бомбардировки могъ судить лишь по лицамъ своихъ конвоировъ. До него долетали только

грохотъ, крики негодованія, шумъ свалки, ругань, стоны; но вся эта свирѣпая музыка, казалось, нисколько его не волновала, не интересовала, являлась точно самымъ обычнымъ, самымъ естественнымъ для него актомъ. Можно было думать, что плѣнникъ ничего не слышитъ или что все происходящее нисколько его не касается,—до того онъ былъ невозмутимъ и равнодушенъ къ тому, что творилось вокругъ. Иногда только его черные глаза съ какимъ-то ледянымъ выраженіемъ не то презрѣнія, не то злорадства или насмѣшки молча скользили по лицамъ невольныхъ спутниковъ, на моментъ останавливались на какихъ-нибудь украшеніяхъ въ родѣ новой шишки, и тогда углы его плотно сжатыхъ губъ тихо дрожали, точно ему приходилось сдерживать про себя рѣзкое слово или злую улыбку. Такъ было снаружи,—но внутри, гдѣ тоже были свои глаза и уши, только невидимые, жило и копошилось другое. Тамъ, внутри, эта жестокая ненависть враговъ, этихъ „блѣднолицыхъ собакъ“, будила своеобразную радость, въ которой трепетали вмѣстѣ и гордость, и тщеславіе, и сознаніе своего значенія и силы. Досадилъ же онъ имъ, если всѣ они такъ кипятятся! есть имъ, видно, что помнить! Да, задалъ онъ имъ не мало!... Не можетъ быть, чтобы при такой злобѣ съ нимъ покончили быстро, не насладившись зрѣлищемъ долгой пытки, не постаравшись вырвать изъ его

запекшихся устъ позорный стонъ малодушія. Нѣтъ, не можетъ быть!...

Индѣецъ былъ спокоенъ...

Въ концѣ-концовъ, поѣздъ, все-таки, проскакалъ „рѣку“ и, дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ низкаго, глинистаго берега желтой Миссури все дальше на востокъ, картина мѣнялась. Даже типъ и внѣшній видъ обитателей становился иной. Ихъ движенія не были уже такъ порывисты и рѣшительны, въ манерѣ держать себя совсѣмъ отсутствовало безшабашное удальство, рѣчь не пересыпалась чертями и божбою, шляпы не сдвигались на самые затылки, фланелевыя рубашки смѣнились сюртуками и длинные ножи за поясами,—эти страшные „бовинойфъ“ Запада,—не пугали робкій глазъ на каждомъ шагу. Ожесточенія и негодованія также становилось все меньше, нападенія прекратились, никакой тактики, чтобы „проскочить“ благополучно городокъ или деревушку, не требовалось. Прежнее отношеніе къ плѣннику смѣнялось любопытствомъ, интересомъ и порою даже чѣмъ-то въ родѣ состраданія. Въ особенности стало это замѣтнымъ, когда всѣ они пересѣли въ вагонъ желѣзной дороги, добравшись, наконецъ, до крайняго тогда ея пункта. Какъ только публика узнавала, что везутъ Чернаго Ястреба, великолѣпный сержантъ убѣждался съ горькою обидой, что онъ стушевывается, становится совсѣмъ какъ бы незримымъ, а всѣ глаза на-

правляются исключительно на индѣйца. Да, на него одного! Съ „нимъ“ заговаривали, точно въ самомъ дѣлѣ съ человѣкомъ, а не съ собакой и разбойникомъ, ему предлагали подчасъ угощенья, даже хлопали по плечу,— его, мятежника, рѣзателя скальповъ, пролившаго столько крови, истребившаго огнемъ столько чудныхъ фермъ!... Самолюбивый сержантъ дрожалъ отъ негодованія.

Но индѣецъ тоже негодовалъ. Эти видимые знаки какого-то участія, интереса, вниманія,— все это, конечно, было лишь насмѣшкой, враждебной, злой, ядовитой! Недаромъ говорятъ дѣды, что въ ласкѣ „бѣлаго“ больше яда, чѣмъ въ слюнѣ гремучки, что змѣя жалитъ кусая, а „бѣлый“—лаская. И, полный безмолвно-гордаго, холоднаго презрѣнія, индѣецъ отворачивался, на всѣ вопросы и ласки не удостоивая никого даже взглядомъ.

— Ну-ка, ну-ка!—ликовалъ злорадно въ душѣ сержантъ:—посмотрите, голубчики, стоитъ ли это грубое животное вашей филантропіи!— и чуть не прыскалъ отъ душившаго его смѣха, когда плѣнникъ, напримѣръ, грубо отталкивалъ подносимую сигару.

— Ну, и озлобили же его!—ворчали про себя въ свою очередь пассажиры.

Не смотря на такое отношеніе индѣйца, всеобщіе интересъ и вниманіе къ нему вмѣстѣ съ участіемъ все росли и росли и положеніе сержанта становилось все болѣе щекотливымъ

и даже обиднымъ. Иногда ему приходилось совсѣмъ солоно и требовалось много усилій и воли, чтобы не выйти изъ роли конвоира и не показать „этимъ восточникамъ“, какъ „молодцы запада“ „чистятъ зубы“ зоиламъ. Въ качествѣ истаго сына Марса, бравый сержантъ имѣлъ неудержимую склонность къ прекрасному полу и разъ, когда въ вагонъ впорхнула одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ представительницъ этого пола, онъ, естественно, пришелъ въ весьма понятное волненіе. Голубые, какъ небесная лазурь, глаза, темныя длинныя рѣсницы и нѣжныя кудри плѣняли сердце неотразимо и сержантъ немедленно принялъ мѣры выказать свое великолѣпіе во всемъ его блескѣ. Онъ щелкалъ шпорами, опирался на саблю, крутилъ рыжіе усы, продѣлывалъ, словомъ, все, что обыкновенно такъ быстро чаруетъ женское сердце, но, увы!—въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, все было тщетно Миссъ Алиса и ея спутникъ, немолодой джентль'мэнъ, ея отецъ,—всецѣло уставились въ индѣйца.

— Это вождь?... Это Черный Ястребъ?—какъ бы задыхаясь отъ восторженнаго изумленія, спросила дѣвушка даже не повернувшись, а только шевельнувъ своими чудными рѣсницами въ сторону сержанта.—Да?

Сержантъ встрепенулся и щелкнулъ шпорами такъ жестоко, что могъ разбить вдребезги даже каменное сердце.

— Такъ точно, миссъ!

Но красавица опять не повернулась, даже не кивнула головкой, а, раскрывъ свои чудныя губки отъ удивленія, такъ и уставилась восторженными глазами въ плѣнника.

— Вождь!—обратилась она вдругъ къ индѣйцу, вся вспыхнувъ:—великій вождь!—поправилась она, краснѣя все больше и раздѣляя слоги, чтобы говорить понятнѣе:—вы очень не любите насъ, бѣлыхъ? да? всѣхъ не любите?

Въ тонѣ наивнаго вопроса этого полу-ребенка, полу-женщины ясно сквозило восторженное удивленіе и состраданіе, но индѣецъ остался, конечно, неподвиженъ и мраченъ, точно не слышалъ или не понялъ вопроса.

— Онъ не понимаетъ?—снова бросила она вскользь крутившему усъ сержанту.

— О, миссъ, все понимаетъ! Отлично понимаетъ!... только не хочетъ! Что прикажете дѣлать? Можно сказать—грубѣйшая скотина!—выпалилъ сержантъ Брумъ съ презрительною улыбкой.

Герой и—грубѣйшая скотина?!

Теперь красавица повернулась къ сержанту, но лицомъ, полнымъ гнѣва и негодованія. Голубые глаза стали темнѣе ночи.

— Какъ вы позволяете себѣ, сэръ, такъ выражаться о вождѣ, о героѣ? Низко оскорблять плѣнника, сэръ!... недостойно!...

Подъ ободрительные взгляды и возгласы сосѣдей она дрожала, возмущенная, оскорблен-

ная, негодующая и была дивно хороша въ эту минуту. Сержантъ Брумъ сидѣлъ неподвижно, весь багровый, какъ сваренный ракъ, широко выпучивъ глаза и раскрывъ изумленно ротъ. Признаться, такой видъ былъ далеко не воинственъ и не великолѣпенъ. Онъ это чувствовалъ, но совсѣмъ не зналъ, какъ ему выйти изъ неловкаго положенія. Кстати, его выручилъ сѣдой джентль'мэнъ, отецъ дѣвушки.

— Не плѣнникъ ли такъ отдѣлалъ васъ, сэръ?—спросилъ онъ, поднимая палецъ вровень съ лицомъ сержанта, хранившимъ ясные слѣды недавнихъ штурмовъ.—Не онъ ли, серъ?

Сержантъ не понялъ, было ли то сочувствіе или насмѣшка. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ радъ вмѣшательству другого лица, прерывавшему напряженное безмолвіе, и глухо отвѣтилъ:

— О, нѣтъ, сэръ... Это наши...

— Ваши? То есть, кто же эти „ваши"?..

— Наши, сэръ, — до рѣки!... У насъ въ преріи не любятъ филантропничать съ разбойниками и мятежниками!—вызывающе говорилъ уже оправившійся сержантъ, самою ехидною ироніей вымещая испытанное пораженіе.—Ну, и хотѣли отбить!.... Наши шутить не любятъ, сэръ!... У насъ живо: веревку на шею и...

Сержантъ выразительно показалъ рукою, что слѣдуетъ за „и".

— Неужели эти в а ш и — палачи? — ехидно

улыбаясь, спросилъ ближайшій сосѣдъ стараго джентль'мэна.—Странное ремесло у в а ш и х ъ!..

— Палачи? Нѣтъ, сэръ!.. они славные ребята и хорошіе граждане союза!

— Сомнительно!

— Какъ? — Сержантъ пылалъ и, казалось, вызывалъ на бой цѣлый міръ глазами и выпяченною грудью.—Какъ?

— Конечно! — подхватилъ старый джентль'мэнъ.—Хорошіе граждане не позволяютъ себѣ нападать на слугъ республики, исполняющихъ приказаніе конгресса, переданное министромъ. Конечно!... Это похоже на мятежъ!...

Какъ ни льстило сержанту такое негодованіе по поводу вынесенныхъ имъ потасовокъ въ качествѣ конвоира, но любовь къ дорогому „Западу" взяла верхъ надъ всѣмъ. Все могъ онъ вынести, только не глумленіе надъ „молодцами преріи"

— Нѣтъ!—гремѣлъ онъ: —Не мятежъ это!... Нѣтъ, это право гражданъ! Они сами, чортъ побери, по-своему хотѣли расправиться съ...

— Значитъ, хотѣли поступить съ индѣйцемъ, какъ индѣйцы съ вами... по своему... За что же зовутъ ихъ у васъ мятежниками?

— То индѣйцы, а то мы!— кипятился сержантъ.

— И вамъ менѣе простительно, чѣмъ полудикимъ индѣйцамъ! — перебилъ кто-то подъ общій хохотъ, сквозь который рѣзко выдѣлялись отдѣльные выкрики:

— Вы самоуправцы!

— Мятежники сами!

— Всѣ возстанія индѣйцевъ вызываются вами же!

Этотъ хохотъ, крики, обвиненія совсѣмъ было ошеломили сержанта, но онъ быстро пришелъ въ себя. Забывъ и выправку, и положеніе, повинуясь проснувшемуся инстинкту, онъ ловкимъ движеніемъ руки, совсѣмъ не по формѣ, опрокинулъ кэпи на затылокъ, заложилъ руки въ карманы, раздвинулъ ноги, громко сплюнулъ и, стоя въ такой выразительной позѣ готоваго на бой „молодца преріи", крикнулъ во всю силу своихъ могучихъ легкихъ:

— Сто дьяволовъ возьми мою душу, если у насъ не такіе же вѣрные граждане союза, какъ и у васъ! Двѣсти дьяволовъ, джентль'мэны! Можетъ быть, у насъ хуже понимаютъ, какою собственно должна быть республика, что̀ нужно отъ ея гражданина, но за каждую букву въ этомъ словѣ, за каждую звѣзду на нашемъ знамени мы всѣ умремъ до единаго, — всѣ, съ дѣтьми и внуками, граждане! Тысячу дьяволовъ съ самимъ Вельзевуломъ во главѣ! Вотъ какъ!

Индѣецъ все видѣлъ, все слышалъ, но въ этомъ горячемъ спорѣ ему стало ясно одно, что и между бѣлыми какъ будто идутъ свои распри... Точь-въ-точь, какъ у краснокожихъ,

гдѣ племена отъ вѣка враждуютъ другъ съ другомъ, гдѣ команчи ненавидятъ черноногихъ, тѣ, въ свою очередь, осседжей и т. д., и т. д. Старая это, но и грустная исторія, и не будь ея, можетъ быть, краснокожіе не уступили бы своей земли блѣднолицымъ. Неужели же и бѣлые дѣлятся на племена, враждующія другъ съ другомъ? Онъ думалъ всегда что они всѣ за-одно, что между ними нѣтъ распрей, несогласій и споровъ... Онъ думалъ, что всѣ они—одно племя, и что въ этомъ ихъ страшная, непреоборимая сила.

И все время, пока сержантъ Брумъ говорилъ свое слово, пересыпанное чертями, невозможнѣйшими проклятіями и самою жестокою божбой, индѣецъ глядѣлъ вокругъ удивленными глазами.

Поѣздъ подлетѣлъ къ станціи и споры прекратились. Миссъ Алиса съ отцомъ направились къ выходу, но у самыхъ дверей вагона дѣвушка внезапно остановилась. Нѣсколько мгновеній она стояла, казалось, въ какой-то нерѣшительности, точно колеблясь или рѣшаясь на что-то.... И вдругъ рѣшилась!... Быстро шевеля красивыми длинными пальцами, она вынула изъ волосъ бѣлую кисть акаціи и, вся побагровѣвъ, кинула ее плѣннику. Цвѣтокъ ударился о плечо и по складкамъ одѣяла на груди скатился къ индѣйцу на колѣни. Своими нѣжными лепестками онъ коснулся его жесткой, мускулистой руки...

Индѣецъ какъ будто вздрогнулъ и невольно шевельнулъ рукою.

— А!—рѣшилъ онъ про себя: — навѣрное, скальпировалъ какого-нибудь жестокаго врага ея племени или рода!

И въ первый разъ еще онъ поднялъ на бѣлаго свои глаза безъ злобы и презрѣнія.

ГЛАВА V.

Изъ которой, между прочимъ, ясно, въ какое подчасъ затруднительное положеніе могутъ ставить своихъ мужей самыя восхитительныя супруги.

Столица проснулась въ большомъ возбужденіи. Еще наканунѣ сотни репортеровъ полетѣли навстрѣчу интересному плѣннику и теперь столбцы всѣхъ газетъ пестрѣли описаніями, впечатлѣніями и разсказами объ этой встрѣчѣ. Чернаго Ястреба разбирали на всѣ лады: одни находили его „величественнымъ“, другіе „грубымъ“, третьи „жестокимъ“, четвертые „геніальнымъ“ и т. д.,—о немъ говорили на всевозможные тоны, отъ ядовито-остроумнаго, до тона, исполненнаго торжественности и паѳоса. Но рѣшительно всѣмъ,—и находившимъ въ немъ нѣчто „царственное“, и усматривавшимъ въ его лицѣ выраженіе одной „дикой жестокости“,—всѣмъ приходи-

лось, къ сожалѣнію, констатировать общій фактъ, что индѣецъ упорно отмалчивался на всѣ вопросы и приставанія и, видимо, относился къ „бѣлымъ“ съ холодною, презрительною злобой. Все это, казалось, дѣлало его еще интереснѣе, загадочнѣе, и въ пылкомъ воображеніи очень многихъ мечтательно-романтически настроенныхъ „миссъ“ и „лэди“ какъ-то невольно вставалъ величественный образъ не то полубога-героя, не то загадочнаго сфинкса.

Близилось вакаціонное время и столица понемногу начинала скучать. Все уже пріѣдалось—и рѣчи ораторовъ, интересныя засѣданія конгресса, митинги, всевозможныя собранія и театры, концерты, даже балы. Весна манила уже въ зеленые, веселые луга, въ темныя рощи, одѣвшіяся свѣтлою, пахучею, недавно развернувшеюся листвой, къ синему морю, на роскошномъ берегу котораго такъ любятъ проводить лѣто вашингтонцы. Но установленный для того обычаемъ часъ былъ еще сравнительно далеко и волей-неволей приходилось сидѣть въ городѣ, коротать время день за днемъ среди однихъ и тѣхъ же пріѣвшихся впечатлѣній. Въ это-то глухое время, когда всѣ рады любому, самому незначительному, лишь бы только новому явленію, и прибылъ въ столицу Черный Ястребъ.

Конечно, все ожило, встрепенулось, засуетилось,—явились живыя темы для разговоровъ

и дебатовъ, нашлось куда дѣвать часы скучнаго досуга. Черный Ястребъ заполонилъ собою все; только и рѣчи было, что о немъ, только и желанія, что его увидѣть. Витрины магазиновъ украсились его портретами, на которыхъ истрепанное одѣяло индѣйца преображалось въ древне-римскую тогу съ ея красивыми складками, и пестрѣли картинами боевыхъ схватокъ, гдѣ Черный Ястребъ во всевозможныхъ видахъ и позахъ, то на бѣшеномъ конѣ, то на ногахъ, съ неизмѣннымъ томагаукомъ въ рукѣ, выдѣлялся и величиной, и осанкой. Явились въ продажѣ даже духи, помада, мыло и много другой мелочи, о которой самъ индѣецъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, подъ его именемъ и съ его изображеніемъ. Видѣть настоящаго, дикаго индѣйца, да еще такого героя-вождя, такого красавца, какимъ изображали его на картинахъ, современнымъ жителямъ столицы еще не приходилось, и Черный Ястребъ, безусловно, сталъ „модой".

— Тобби!—томно говорила за завтракомъ прелестная мистрисъ Барнаби своему мужу, очень вліятельному конгрессмэну, въ то самое утро, какъ въ столицу прибылъ плѣнникъ:— милый Тобби! вы, конечно, знаете мои нервы?

— О, да, Бэтси!.. я знаю... Ужасные нервы!— быстро возразилъ мистеръ Барнаби, невольно вздрогнувъ и даже совсѣмъ забывъ планъ обдумываемаго было политическаго шага

при одномъ напоминаніи о „нервахъ“.—Ужасные нервы!

— И вы помните,—столь же томно продолжала прелестная мистрисъ: — что докторъ безусловно запретилъ всякія противорѣчія?

— Какъ же, дорогая Бэтси,—я отлично помню!... Противорѣчія вызываютъ истерію... Да, да!—вздохнулъ мужъ.

— Какъ вы милы, Тобби!—И томный взоръ, кинутый мистрисъ Барнаби мужу, былъ полонъ самой нѣжной благодарности. — Да, вы очень милы, Тобби! И вы, конечно, постараетесь достать для своей крошки Бэтси входной билетъ къ плѣннику? Правда, Тобби? — И мистрисъ Барнаби совсѣмъ по дѣтски склонила головку и лукаво надула губки.

— Входной билетъ, Бэтси? — Мистеръ Барнаби насупился. — Входной билетъ?.. Но, вѣдь это очень трудно, почти невозможно. Вы знаете, Бэтси, что плѣнникъ еще не допрошенъ, что онъ въ распоряженіи военной власти, что...

Но томные глазки прелестной мистрисъ стали закатываться, высокая грудь судорожно заходила, предупреждая объ истеріи, и мистеръ Барнаби долженъ былъ вспомнить, что противорѣчія запрещены безусловно.

Съ этого утра вопросъ о „входныхъ билетахъ“ къ плѣннику сталъ самою жгучею темой въ семейныхъ разговорахъ. Возможность добраться до индѣйца стала чѣмъ-то въ родѣ

крупнаго выигрыша въ лотерею или полученія интереснаго приза и ради нея пускалось въ ходъ все, даже интрига. Въ бомондѣ, въ средѣ его прелестной половины, это стало даже чѣмъ-то обязательнымъ, и не видѣть „этого чуднаго Ястреба“ или „несчастнаго узника“—значило бы почти то же самое, что явиться, напримѣръ, на оффиціальный балъ въ „Бѣлый Домъ“ въ домашнемъ капотѣ. Изъ-за первенства, изъ-за того, кто увидитъ скорѣе, пошли даже ссоры и ходили шутки, что изъ-за возгорѣвшейся такимъ образомъ войны женъ немного пострадала группировка партій въ конгрессѣ. Счастливицы, добиравшіяся, благодаря протекціи и связямъ, до узника, подзадоривали другихъ увѣреніями и восклицаніями, что онъ „душка“, „величественный“, „гордый“, „ахъ, какой!“ и т. д., расписывали на всѣ лады свое „восхищеніе“, увѣряли, что плѣнника „непремѣнно нужно выпустить“, бранили „этихъ противныхъ западниковъ, которые его такъ озлобили“, и всѣмъ этимъ, конечно, только подливали въ огонь масла. „Миссъ“ и „лэди“ только и говорили, что о входныхъ билетахъ, не давали покоя ни мужьямъ, ни женихамъ, ни знакомымъ, и непрекрасная половина, всѣ конгрессмэны и бизинесмэны, имѣвшіе связи и вліяніе, правду сказать, возроптали и въ глубинѣ души предавали анаѳемѣ ни въ чемъ, въ сущности, неповиннаго въ этой кутерьмѣ индѣйца. „Мода“ мало-по-малу охватывала всѣ сферы.

Мистрисъ Стэръ, благоразумнѣйшая изъ женъ, по увѣренію ея супруга, банкира, какъ только узнала отъ своей подруги, прелестной Бэтси, что та добралась-таки до плѣнника, какъ только услышала ея восторги,—провела безсонную ночь и заболѣла мигренью. Положительный банкиръ, немного встревоженный извѣстіемъ о болѣзни, придя въ спальню жены, увидѣлъ среди батиста, кружевъ и блондъ такое истомленное, болѣзненное и печальное личико, съ такимъ страдальческимъ выраженіемъ въ милыхъ глазкахъ, что сейчасъ же хотѣлъ сзывать консиліумъ.

— О, Джемми! зачѣмъ эти расходы?—совсѣмъ умирающимъ голосомъ еле-еле проговорила благоразумная больная, никогда не забывавшая интересовъ супруга.—Вы знаете, что врачи никогда не понимаютъ нашихъ женскихъ страданій... Наша организація...

— Но, мой другъ, вы совсѣмъ больны!—перебилъ ее не на шутку перепуганный банкиръ:—у васъ ужасный видъ!... Я боюсь..

— Благодарю, милый Джемми! У васъ золотое сердце и я всегда это знала!—отвѣчала больная, кидая на мужа взглядъ, отъ котораго совсѣмъ размякло его „золотое“ сердце.—Но! я не хочу врачей.... нѣтъ, Джемми!.. это нервы Лучше всего—небольшая прогулка... развлеченіе...

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало, милая Мэри? Поѣзжайте, куда хотите...

— А входной билетъ, Джемми? Мнѣ такъ хочется видѣть этого плѣнника!.. Всѣ къ нему ѣздятъ, только я... одна я!...—И крупныя слезы покатились градомъ изъ глазъ мистрисъ Мэри.

— Входной билетъ?... Но, вѣдь, это такъ трудно!... Вы знаете... я не членъ конгресса, не принадлежу къ администраціи!—взволновался банкиръ.—Да и что тамъ интереснаго, Мэри? Грубый дикарь...

— О, Джемми!—Мистрисъ Мэри рыдала.

— Конечно, грубый дикарь и только!—продолжалъ все больше волновавшійся и сердившійся супругъ.—Эти входные билеты всѣхъ сбили съ толку! Право, лучше было бы, если бы этого дикаря вздернули на Западѣ!

— Вздернули?!—Мистрисъ Мэри совсѣмъ разрыдалась и подняла руки къ головѣ.

— Идите, Джемми!—негодующе говорила, рыдая, благоразумнѣйшая супруга.—Идите! Я не могу слышать такой жестокости! - Идите же и вздергивайте!.. Идите и не мучьте меня!...

И, проклиная въ душѣ всѣхъ индѣйцевъ на свѣтѣ, моды и капризы женщинъ, уничтоженный банкиръ долженъ былъ поклясться во что бы то ни стало достать этотъ проклятый билетъ.

— А, все-таки, ей-Богу, было бы лучше, если бы его тамъ вздернули!—вздохнулъ онъ про себя, направляясь въ свою контору, и, правду сказать, такое мнѣніе раздѣляли съ

нимъ теперь очень многіе представители некрасивой половины бомонда въ Вашингтонѣ.

А индѣецъ напрягалъ всѣ силы своего мозга, чтобы понять все то, что творилось у него передъ глазами. Дикій сынъ степей, ошеломленный условіями и картинами совсѣмъ неизвѣстнаго ему, новаго быта,—онъ, казалось, растерялся и на первыхъ порахъ ничего не могъ ни уяснить, ни сообразить. Вождь и воинъ, онъ не могъ понять ни этихъ какъ бы ласкъ, ни участья, ни этого ухода и удобствъ, почти роскоши, расточаемыхъ ему исконными, смертельными врагами; узникъ и врагъ, обреченный на казнь, разсчитывавшій на самую лютую пытку,—онъ не могъ вѣрить намекамъ и даже порой прямымъ увѣреніямъ, что ему не сдѣлаютъ зла, что его выслушаютъ, дабы помочь его братьямъ. А, между тѣмъ, все это было не сонъ, не сказка, — все это стояло передъ нимъ неотразимымъ фактомъ и въ этомъ фактѣ нужно было такъ или иначе разобраться. А какъ разобраться, когда въ прошломъ не было для этого прецедентовъ, когда все это прошлое учило лишь одному, что „бѣлые“ —враги, исконные и непримиримые, что слова ихъ и обѣщанія лживы, что они хитры, какъ лисицы? Какъ разобраться, когда все, что было сдѣлано ими, ихъ отцами и дѣдами, все это завѣщало его сердцу одну непримиримую вражду?

Онъ допускалъ, что и у бѣлыхъ, какъ и среди его братьевъ, есть свои распри, что они тоже дѣлятся на племена, враждующія между собою. Врагъ его враговъ,—тѣхъ, что разбилъ онъ на голову, что скальпировали его воины,—могъ быть, конечно, ему другомъ... Но не въ средѣ же онъ отдѣльнаго, чуждаго другимъ и враждебнаго племени,—онъ въ самой столицѣ, откуда идутъ всѣ распоряженія и законы, гдѣ живетъ самъ отецъ блѣднолицыхъ, которому они повинуются и подчиняются, который распоряжается войсками! Что же значатъ эти улыбки, цвѣты и сласти, которыми надѣляютъ его здѣсь красивыя жены „бѣлыхъ", эти дружескіе разспросы ихъ мужей и братьевъ, эти ободряющіе намеки? Что же значитъ, наконецъ, это удобство и роскошь его тюрьмы, о какихъ никогда и не снилось индѣйцу, какихъ онъ не видѣлъ даже у „бѣлыхъ" въ ихъ пограничныхъ фермахъ?

Сердце его билось враждою, умъ пылалъ недовѣріемъ и подозрѣніемъ,—прошлое рисовало одно зло и горе. Этимъ ласкамъ, участію, вниманію, уходу онъ, конечно, не долженъ былъ вѣрить. Все это—ложь, обманъ, за которыми кроется втихомолку, затаенно обдумываемое зло,—такъ учили его еще дѣды. Вождь,—онъ долженъ быть на-сторожѣ! Онъ помнилъ разсказы о подкупахъ бѣлыми золотомъ и лаской, онъ самъ зналъ, какъ позорно измѣняли своимъ и племена, и вожди...

Онъ понялъ, наконецъ, что его хотѣли купить.

Индѣецъ невольно поднялся, выпрямился, глаза его блеснули злобнымъ огнемъ, уста искривились зловѣщею улыбкой. Если бы они пустили его назадъ, къ „своимъ“, онъ показалъ бы имъ, какъ продается Черный Ястребъ! Если-бъ онъ могъ ихъ обнять всѣхъ сразу своими стальными руками, имъ не приходилось бы никогда уже думать о подкупѣ индѣйца! Купить! Если-бъ онъ могъ зажечь самую землю со всѣмъ, что хранятъ ея глубокія нѣдра, и похоронить въ этомъ пламени всѣхъ своихъ братьевъ,—лишь бы испепелить населеніе блѣднолицыхъ,—онъ бы, конечно, это сдѣлалъ. Купить!—затрепетало злобнымъ смѣхомъ все, что наполняло его душу... Пусть на него посмотрятъ: моргнетъ ли онъ глазомъ, когда они будутъ тянуть изъ него жилы!

И взглядомъ, полнымъ величественнаго презрѣнія, полнымъ невыразимой злобы, встрѣчалъ онъ всѣхъ блѣднолицыхъ, безразлично, были ли то скучавшія дамы бомонда съ ихъ улыбками, цвѣтами и сластями, были ли то серьезные ученые, желавшіе узнать отъ него о бытѣ индѣйцевъ, члены конгресса, требовавшіе отъ правительства болѣе широкой гуманности по отношенію къ краснокожимъ, или, наконецъ, репортеры газетъ, громившихъ жестокость бѣлыхъ, населяющихъ пограничную область съ территоріей индѣйцевъ. Этимъ взгля-

домъ онъ, казалось, говорилъ имъ, какъ легко его купить. И тѣ, что встрѣчали этотъ взглядъ, если они умѣли понимать его выраженіе, невольно содрогались: до того краснорѣчиво говорилъ онъ имъ о томъ, что внесла ихъ культура въ среду человѣка-номада.

Обыкновенно плѣнникъ сидѣлъ неподвижно и молча, согнувшись, уткнувъ сложенныя руки въ колѣни, ни на кого и ни на что не глядя и какъ бы ничего не понимая. Посѣтителямъ могло казаться, что онъ погруженъ въ одну глубокую, сосредоточенную думу, изъ которой не хочетъ и не можетъ выйти. Когда входившіе хлопали его по плечу и, улыбаясь, говорили какое-нибудь привѣтствіе, онъ молча поднималъ на мгновеніе голову, молча окидывалъ ихъ быстрымъ, пронизывающимъ взглядомъ и сейчасъ же вновь принималъ обычную позу, точно все, что творилось кругомъ, всѣ эти привѣтствія, улыбки, приношенія относились не къ нему. Такъ же неподвижно и молча встрѣчалъ онъ всѣ разспросы и даже назойливыя приставанія репортеровъ. Снаружи это былъ какой-то манекенъ-человѣкъ, но только снаружи. Внутри, подъ этою видимою оболочкой безучастія и покоя, вѣчно на-сторожѣ, страстно жило невидимое, внутреннее око, зорко слѣдившее за каждымъ шагомъ, каждымъ жестомъ враговъ. Каждый часъ, каждую минуту оно подозрѣвало и ждало хитрыхъ ловушекъ, на которыя такіе мастера эти „блѣднолицыя

собаки“ и въ которыя такъ часто и такъ легко попадали наивныя дѣти пустыни

Но разъ, когда самъ министръ, окруженный посѣтителями, предложилъ ему вопросъ: отчего его братья такъ ненавидятъ бѣлыхъ?— онъ раскрылъ свои плотно сжатыя уста... И если у тѣхъ, что стояли тогда вокругъ него, были сердца, они должны были сжаться отъ боли и стыда за тѣ бѣды и страданія, насиліе и горе, о которыхъ говорилъ вождь этими странными гортанными звуками, этою наивною, неправильною, ломанною рѣчью!... И если была у нихъ совѣсть, она должна была проснуться и, схвативъ встревоженныя души порывомъ раскаянія и жгучей скорби, побудить „враговъ“ отказаться отъ своей неправды.—За что ненавидятъ „бѣлыхъ“!?—спрашивалъ вождь, и глаза его горѣли, и губы дрожали.—А пролитая кровь его братьевъ, а отнятыя земли, а насилія и обманы!...—Гортанные звуки, полные обиды, боли и злобы, рѣзали ухо,—страшная повѣсть о насиліяхъ невольно терзала сердце! Нѣтъ! лучше умереть въ бою, какъ воину, чѣмъ нести дольше такое гнусное иго! Лучше смерть подъ самою лютою пыткой!.. Такъ рѣшили его храбрые братья.

Онъ говорилъ не въ защиту своихъ, онъ не просилъ ни состраданія, ни пощады: онъ кидалъ въ лицо „бѣлыхъ“ обвиненіе. То былъ не узникъ, не плѣнникъ,— передъ ними съ

горѣвшимъ лихорадочнымъ взглядомъ, съ гордою осанкой стоялъ „великій вождь“, не знавшій примиренія, понимавшій только два исхода: смерть или побѣду.

Лицо министра стало блѣдно, на лбу у него прошла глубокая складка.

— А жаль!—вздохнулъ онъ, выходя на улицу: — право, глубоко жаль этихъ наивныхъ, какъ дѣти, дикарей!... Много, вѣдь, у него правды...

— О, конечно!—отвѣтилъ также грустно его спутникъ, вліятельный членъ конгресса.—Конечно, онъ говорилъ правду!... Но съ фатумомъ нельзя бороться... Ихъ гибель при столкновеніи съ культурой—фатумъ! Что бы мы ни предпринимали въ ихъ защиту, прерія, все-таки, будетъ принадлежать земледѣльцу.

ГЛАВА VI.

Нѣчто о сладкозвучной сиренѣ и закоснѣломъ сердцѣ.

Дни пролетали за днями и плѣнникъ мало-по-малу началъ приходить въ волненіе, скрывать которое становилось ему все труднѣе. Нервы не выдерживали этого напряженнаго ожиданія, этого томительно-лихорадочнаго по-

дозрѣнія съ часу-на-часъ подвоховъ и ловушекъ со стороны враговъ, давно, конечно, осудившихъ его на лютую казнь, отложенную лишь, можетъ быть, въ надеждѣ на его измѣну,—на то, что, подкупленный ихъ лаской, онъ предастъ своихъ. Какъ ни прислушивался индѣецъ, какъ ни ловилъ подозрительнымъ слухомъ каждое слово, враги по-прежнему не обнаруживали ясно своихъ тайныхъ цѣлей и козней, по-прежнему продолжали дарить его тонко разсчитанными улыбками и участіемъ, по-прежнему осыпали своими разспросами. О, хитры же эти бѣлыя собаки! Но, такъ или иначе, изъ такого напряженнаго состоянія нужно было выйти, нужно было показать имъ, что ихъ надежды напрасны, что ничего, кромѣ казни,—какой угодно, самой жестокой,—онъ великій вождь, отъ нихъ не приметъ!

И съ каждымъ днемъ Черный Ястребъ становился все угрюмѣе, все бо̀льшею злобой дышали его взоры, все страстнѣе и напряженнѣе ждалъ онъ грядущаго объясненія.

И оно пришло. Разъ ему сказали, наконецъ, что завтра навѣститъ его важное, всѣми уважаемое лицо, знаменитый проповѣдникъ, который хочетъ поговорить съ нимъ по душѣ, какъ съ другомъ...

Съ другомъ! Индѣецъ захохоталъ про себя. Хорошо!.. онъ выслушаетъ этого „друга“! И онъ тоже найдетъ для него „дружеское“ слово! Хорошо, пусть придетъ „этотъ другъ“!

Наконецъ-то, нахмуренное чело плѣнника разгладилось. Эту ночь онъ проспалъ дѣтски-спокойно.

Мистеръ Черчмэнъ, знаменитый проповѣдникъ, самая яркая звѣзда новой модной секты, потрясавшій и умилявшій сердца всѣхъ посѣтительницъ молельни, рѣшилъ пойти къ озлобленному индѣйцу, и объ этомъ, конечно, громко заговорила вся секта. Онъ рѣшилъ пойти къ нему „съ масличной вѣтвью примиренія“, съ проповѣдью любви и прощенія на своихъ полныхъ, красивыхъ губахъ,— рѣшилъ „потрясти это озлобленное, гордое сердце“, и своимъ могучимъ словомъ, творившимъ такія чудеса съ сердцами бомонда, „озарить его свѣтомъ истины.“ Конечно, это было трудное дѣло, это былъ цѣлый подвигъ, но на то же онъ былъ и мистеръ Черчмэнъ! Въ цѣломъ Вашингтонѣ никто не умѣлъ такъ глубоко и сокрушенно вздыхать о сквернахъ міра, никто не умѣлъ такъ страстно бичевать порока никто не умѣлъ, вперивъ свой проницающій взоръ прямо въ сердце прелестной грѣшницы, такъ страстно рисовать прелести искупленія. Мистеръ Черчмэнъ не сомнѣвался, что онъ сотворитъ чудо, что этимъ чудомъ онъ прибавитъ новый лучъ къ своему ореолу. Дикій и наивный сынъ степей, трепещущій въ ожиданіи возмездія и казни за свои преступленія, никогда не слыхавшій ничего о любви и прощеніи, онъ падетъ ницъ, конечно, передъ

этимъ новымъ словомъ и всецѣло раскается въ своихъ заблужденіяхъ. Мистеръ Черчмэнъ попробуетъ превратить врага въ брата!

И они встрѣтились: онъ, знаменитый проповѣдникъ, готовый сотворить чудо, способный оживлять камни, и этотъ хмурый, гордый вождь, дикій и съ виду безстрастный полный ненависти, которой лихорадочно горѣли его глаза, полный страстнаго желанія поскорѣе разоблачить эту томительную „игру“ бѣлыхъ. Мистеръ Черчмэнъ, по обыкновенію, вошелъ торжественно, медленно и важно, весь въ черномъ, смиренно и глубокомысленно потупивъ свои взоры. Дойдя до узника на шагъ, онъ остановился и поднялъ глаза.

Индѣецъ смотрѣлъ на него прямо въ упоръ...

Говорятъ, когда гремучка поймаетъ взглядъ робкаго степного кролика, тотъ не можетъ оторвать уже своихъ глазъ, не можетъ двинуться съ мѣста, впадая въ какую-то странную каталепсію. Нѣчто аналогичное испытывалъ и мистеръ Черчмэнъ. Этотъ горѣвшій, какъ у волка, взглядъ приковалъ его къ мѣсту, эти два глаза вонзились въ него точно гвозди. Чара какой-то силы, казалось, крылась въ нихъ, и нѣсколько мгновеній знаменитый проповѣдникъ простоялъ молча, какъ бы растерявшись, совсѣмъ забывъ заранѣе обдуманный планъ покоренія озлобленнаго индѣйца. Наконецъ, онъ совладалъ съ собою,

вспомнилъ и, не спуская глазъ, важно и глухо произнесъ:

— Здравствуй, братъ мой!

Индѣецъ встрепенулся весь, точно дикая птица, когда человѣкъ вплотную подойдетъ къ ея клѣткѣ.

— Развѣ бѣлые намъ братья? — спросилъ онъ своимъ рѣзкимъ гортаннымъ голосомъ, хмуря въ удивленьи брови и чуть-чуть улыбаясь.

— Да, братья!

Мистеръ Черчмэнъ совсѣмъ оправился; разговоръ начинался именно такъ, какъ онъ обдумалъ заранѣе.

— Да, бѣлые—братья тебѣ, Черный Ястребъ!—повторилъ онъ тѣмъ же торжественнымъ тономъ, что производилъ такой фуроръ въ его молельнѣ.

И мистеръ Черчмэнъ началъ свое заготовленное слово. Рѣчь его, полная образовъ и аналогій, лилась плавно и свободно, тонъ его голоса красиво вибрировалъ, повышаясь и понижаясь. Онъ то гремѣлъ бурными раскатами, то мгновенно стихалъ до бархатнаго шепота, пріятно ласкавшаго ухо. Мистеръ Черчмэнъ говорилъ о великомъ ученіи любви, исповѣдуемомъ бѣлыми, о завѣтахъ и терновомъ вѣнкѣ великаго Учителя, призывавшаго всѣхъ къ единенію и братству, завѣщавшаго людямъ миръ и смиреніе. Мистеръ Черчмэнъ бичевалъ ненависть и злобу, называлъ грѣ-

хомъ насиліе, обманъ и пролитіе крови. Всѣ люди на землѣ—братья, и всѣ должны любить другъ друга, должны прощать свои обиды. Великій Учитель завѣщалъ людямъ всепрощеніе и милосердіе. Черный Ястребъ, если онъ не хочетъ поплатиться страшнымъ наказаніемъ, долженъ сознать свои заблужденія, долженъ отрѣшиться отъ своей злобы.

— А!—вырвалось у индѣйца.

— Просвѣтись же, Черный Ястребъ, и стань изъ врага братомъ!—закончилъ торжественно проповѣдникъ.

Индѣецъ слушалъ молча, ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ и только глаза его мѣняли порой выраженіе. За то сердце его трепетало и билось такою злобой, что иногда у него почти не хватало силы сдержать ее и не выдать. Вотъ онъ, наконецъ, настоящій ходъ бѣлыхъ!... Лисица показала свою тропу!... Хорошо же! И у него найдется свое слово! онъ отвѣтитъ, какъ и должно великому вождю!... Но онъ еще сдержалъ себя.

— И бѣлые исповѣдуютъ это ученіе?—спросилъ онъ, при чемъ гортанные звуки его голоса слегка дрожали.

Мистеръ Черчмэнъ уловилъ это дрожаніе и торжествовалъ побѣду.

— Да, Черный Ястребъ,—это ихъ ученіе.

— И тѣ бѣлые, что живутъ за рѣкой?

— Да, и тѣ...

Сдерживать себя дольше было не нужно.

— Ты лгунъ, блѣднолицый! — съ невыразимымъ презрѣніемъ и въ тонѣ, и въ лицѣ отвѣтилъ индѣецъ.—Ты гнусный лжецъ, какъ и всѣ твои братья!.. но такой гнусной лжи еще не слыхало мое ухо!..

Пораженный мистеръ Черчмэнъ отступилъ на шагъ... Или онъ ослышался, или индѣецъ рехнулся... Но тотъ, задыхаясь отъ негодованія и презрѣнія, своею отрывистою, построенною такъ неправильно рѣчью приводилъ проповѣдника все въ бо́льшее смущеніе. Онъ давно понималъ, что бѣлые хотятъ его купить, какъ не разъ покупали его братьевъ. Они отдаляли его казнь и ухаживали за нимъ, надѣясь на измѣну. Но великій вождь не измѣнитъ и спокойно пойдетъ на казнь. Блѣднолицые—собаки, которыхъ онъ глубоко презираетъ и словамъ которыхъ не вѣритъ. Сѣрый медвѣдь менѣе лютъ и шакалъ менѣе трусливъ, чѣмъ бѣлый! Онъ покажетъ имъ, какъ умираетъ воинъ! Бѣлые дышатъ злобой и полны ядомъ, какъ гремучая змѣя... Не самъ ли блѣднолицый сказалъ ему, что они казнили своего великаго Учителя? И послѣ того онъ пришелъ увѣрять его, что враги кротки?!... Лжецъ!

Мистеръ Черчмэнъ ушелъ совсѣмъ уничтоженный.

Конечно, адепты враждебныхъ сектъ его осмѣяли. Не нужно брать на себя слишкомъ много, ко всякому дѣлу нужно подходить осто-

рожно, зрѣло обдумавъ каждое слово. Черный Ястребъ былъ совершенно правъ, встрѣтивъ такъ подобный апломбъ, подобную самоувѣренность, ни на чемъ не основанную. Въ такихъ дѣлахъ нельзя дѣйствовать круто и сразу: тутъ много значитъ постепенность,—и мистеру Черчмэну непремѣнно нужно зарубить это на своемъ длинномъ носу.

Друзья же проповѣдника обвиняли во всемъ жителей „Запада“, такъ сильно озлобившихъ этихъ наивныхъ дикарей, и, конечно, послѣдователей враждебныхъ сектъ, не постаравшихся раньше внести къ нимъ „истиннаго свѣта“.

Эта полемика печаталась на столбцахъ безчисленныхъ газетъ, и безъ того удѣлявшихъ очень много мѣста разсказамъ и разсужденіямъ о Черномъ Ястребѣ. Печать, какъ и общество, начинала уже шумѣть и волноваться изъ-за долгаго заключенія узника, обвиняя министерство въ проволочкѣ допроса. Такъ могли поступать, конечно, только съ индѣйцами, съ которыми всегда поступаютъ незаконно и несправедливо. Бѣлый, несомнѣнно, былъ бы уже давно допрошенъ и, во всякомъ случаѣ, его не томили бы въ заключеніи. Да, конечно, этотъ допросъ разоблачилъ бы ужасныя вещи: онъ обнаружилъ бы всю жестокость, всю несправедливость „бѣлыхъ“ и всю дряблость правительства союза, не умѣющаго энергически встать на защиту несчастныхъ дика-

рей. Онъ оправдалъ бы возстаніе этихъ не счастныхъ дѣтей преріи, доведенныхъ до отчаянія; но пора же, наконецъ, взглянуть на дѣло, какъ оно есть, трезвыми глазами, пора сознать свои ошибки и постараться ихъ исправить!... Черный Ястребъ былъ совершенно правъ, когда не повѣрилъ, что бѣлые исповѣдуютъ великое ученіе любви и мира, и пока дѣло будетъ стоять такъ, какъ оно стоитъ, ни одинъ индѣецъ, конечно, этому не повѣритъ никогда.

Такъ говорила печать, то же повторяло все общество, и министерство чувствовало себя, правду сказать, въ большомъ затрудненіи. Это затрудненіе крылось не въ допросѣ плѣнника, — допросить можно было всегда,— оно заключалось въ невозможности рѣшить вопросъ: какъ быть съ плѣннымъ вождемъ послѣ допроса? что съ нимъ дѣлать? О казни, хотя Черный Ястребъ и былъ осужденъ военнымъ судомъ, не могло быть, конечно, и рѣчи, и помилованіе президентомъ было несомнѣнно,—но что же съ нимъ дѣлать дальше? Отпустить его къ своимъ—значило впереди имѣть новое возстаніе, можетъ быть, болѣе страшное, чѣмъ то, съ которымъ только что справились съ такимъ трудомъ. Держать его здѣсь, — подъ какимъ предлогомъ? И волей-неволей, подъ разными предлогами, то отговариваясь текущими дѣлами, то необходимостью собрать новыя справки о возстаніи, министер-

ство оттягивало дѣло въ тайной надеждѣ на какой-нибудь случай, на какую-нибудь неожиданную комбинацію, которая поможетъ ему выйти изъ такого затрудненія. Ожидая запроса въ палатѣ, оно готовилось заявить, что судьбой плѣнника займется лишь послѣ того, какъ возстаніе будетъ усмирено окончательно и конгрессу будетъ предложенъ цѣлый рядъ реформъ съ цѣлью улучшенія положенія индѣйцевъ.

По счастью, въ Вашингтонѣ жилъ мистеръ Смартбой, глава фирмы „Смартбой и К⁰“, владѣвшій громаднѣйшимъ магазиномъ и складомъ всевозможныхъ товаровъ, занимавшими цѣлый кварталъ. Ходила остроумная легенда, будто мистеръ Смартбой родился на свѣтъ какъ разъ въ тотъ именно счастливый моментъ, когда геній какого-то почившаго финансиста, блуждая въ эфирѣ, искалъ себѣ на землѣ новаго подходящаго помѣщенія. За ненахожденіемъ-ли лучшаго, или таковъ уже былъ его выборъ, только геній, несомнѣнно, засѣлъ въ коренастую, толстую, но очень юркую фигуру мистера Смартбоя, съ дѣтства уже обращавшаго на себя вниманіе находчивостью и изобрѣтательностью на почвѣ всевозможныхъ операцій,—пока, конечно, съ леденцами, пряниками и мелкою карманною мелочью. Впослѣдствіи, выросши, окрѣпнувъ, развившись, онъ, естественно, оставилъ леденцы и пряники въ покоѣ и всю находчивость, всю

геніальную изобрѣтательность направилъ на акціи и облигаціи самыхъ остроумныхъ предпріятій. Мистеръ Смартбой строилъ дороги, осушалъ болота, организовывалъ банки, улучшалъ породы скота, наводнялъ штаты самыми громкими, самыми интересными рекламами о своей широкой и плодотворной дѣятельности. И хотя во всякомъ предпріятіи ему непремѣнно всегда мѣшалъ какой-нибудь странный „случай“, вѣчный врагъ финансовыхъ геніевъ, и мистеру Смартбою постоянно приходилось то „прогорать“, то „вылетать въ трубу“, то объявлять себя банкротомъ,—чудомъ скрытаго генія, онъ не „тонулъ“, а „выплывалъ“ всегда вновь во главѣ какого нибудь новаго, еще болѣе грандіознаго предпріятія, при чемъ туго набитый кошелекъ его все толстѣлъ и толстѣлъ. Правда, разорившіеся акціонеры порою громко роптали, шипѣли злыми инсинуаціями, дарили мистера Смартбоя нелестными эпитетами, но общій голосъ былъ за него, ибо всѣ продолжали вѣрить въ его „звѣзду“, его дѣловитость, изобрѣтательность и всѣ кричали въ унисонъ: „мистеръ Смартбой—геній!“

Это новое его предпріятіе,—колоссальный магазинъ, въ которомъ можно было найти все, что производилось мозольными руками всего стараго и новаго міра,—все, отъ нитки до баснословной индійской шали, отъ проволочнаго гвоздя до самой рѣдкой воды брилліанта, давало неслыханные дивиденды, о которыхъ

кричали вездѣ и всѣ. Мистеръ Смартбой потиралъ весело руки, считалъ барыши, поднималъ все выше и выше свои акціи до того злополучнаго дня, какъ ненавистный рокъ подарилъ ему конкурента въ лицѣ новой фирмы: „Универсальный складъ“,—открывшей свой магазинъ невдалекѣ и сразу сбившей цѣны. Покупатель, всегда падкій на новинку и дешевизну, сталъ явно измѣнять, и дѣла мистера Смартбоя пошли тише, дивиденды упали, акціи понизились, а въ городѣ стали ходить тревожные слухи, еще сильнѣе подрывавшіе дѣла. Мистрисъ Смартбой поневолѣ должна была прекратить свою широкую филантропическую дѣятельность и ограничить расходы на наряды и выѣзды, о которыхъ когда-то говорилъ весь городъ,—отчего проводила теперь время въ слезахъ, а мистеръ Смартбой пересталъ, по обыкновенію, потирать руки и ходилъ мрачнѣе ночи. Проклятый конкурентъ не шелъ ни на какія сдѣлки, отказывался отъ „отступного“ и все расширялъ свои операціи.

Но мистеръ Смартбой былъ геній!... Въ одну безсонную, тревожную ночь на него вдругъ снизошло вдохновеніе. Въ геніальной головѣ мелькнула комбинація, которая, несомнѣнно, спасала его самого, убивала конкурента и выручала министерство. Къ тому же она, несомнѣнно, должна была привести въ восторгъ мистрисъ Смартбой, такъ любившую „добрыя дѣла“.

Геніальный человѣкъ вскочилъ съ постели въ волненіи, пылая жаромъ вдохновенія.

— Да, его спасетъ Черный Ястребъ, этотъ грубый и глупый дикарь, передъ которымъ такъ лебезятъ всѣ барыньки и съ которымъ въ министерствѣ не знаютъ, что дѣлать! Хе, хе, хе!... все создано Богомъ на потребу умной и ловкой башкѣ!.. пригодится и этотъ краснокожій!... Не знаютъ, что́ дѣлать съ нимъ? Ну, хорошо же!.. онъ ихъ научитъ! Да, онъ ихъ научитъ, чортъ возьми!....

ГЛАВА VII.

Въ которой геній совершаетъ доброе дѣло, а истинная и скромная добродѣтель получаетъ свою мзду сторицей.

Мистрисъ Смартбой, какъ всегда въ послѣднее время, вышла къ завтраку съ заплаканными глазами. Добрая, кроткая женщина, она, конечно, не роптала, не пилила своего и безъ того разстроеннаго „милаго Джонни“, какъ любятъ это дѣлать другія жены,—она только втихомолку лила вѣчныя слезы. Конечно, мокрые глаза и красныя пятна подъ ними на щекахъ не особенно успокоительно дѣйствовали на супруга, порой они даже раздражали, вызывали его на какую-нибудь рѣзкую, вспыльчивую выходку, но что же могла сдѣлать добрая и кроткая женщина, если слезы текли

сами, непроизвольно и неудержимо? Она такъ любила благотворительность и всѣ эти пикники въ пользу больныхъ, балы въ пользу увѣчныхъ, аллегри ради голодныхъ и т. д.,—все, въ чемъ она поневолѣ должна была себѣ теперь отказывать,—были ея стихіей. Что могла она сдѣлать, если ее такъ страшно терзали эти насмѣшливые взгляды прежнихъ подругъ и эти ядовитыя соболѣзнованія ихъ по поводу „несчастья въ дѣлахъ“ при видѣ ея необновляемыхъ нарядовъ? Къ тому же она такъ привыкла вѣрить во всевыручающій геній „милаго Джонни“, который теперь, вдругъ, какъ-то необычно опустился, съ каждымъ днемъ становился только все мрачнѣе, и такъ привыкла уповать на Провидѣніе, сторицей награждающее добрыя дѣла. А она ихъ дѣлала такъ много, такъ много...

И она не ошиблась въ этомъ упованіи и вѣрѣ, добрая, кроткая женщина! Къ ея крайнему изумленію, въ это утро мистеръ Смартбой вышелъ къ завтраку какъ ни въ чемъ не бывало, вновь сіяя обычною улыбкой и потирая руки. Подойдя сзади мелкими, быстрыми шагами, онъ, какъ и раньше, опять громко чмокнулъ ея красивый лобъ.

— О, Джонни!—могла проговорить только отъ избытка взволновавшихъ ее чувствъ мистрисъ Смартбой, и сердце ея забилось сладкой надеждой на что-то хорошее.—О, милый Джонни!...

— Что, моя Нэлли, что?—весело спрашивалъ въ отвѣтъ мистеръ Смартбой, ожесточенно потирая руки.—Ну, будетъ намъ лить слезы!... Съ нынѣшняго утра...

Мистрисъ Нэлли, вся вытянувшись и сіяя счастьемъ, раскрыла свой чудный ротикъ.

— Съ нынѣшняго утра, Нэлли, — продолжалъ счастливый супругъ:—все должно измѣниться!... Кстати, вы давно не дѣлали себѣ обновокъ... Можете отправиться сегодня къ модисткѣ...

— Джонни! —ликуя и какъ бы не вѣря въ то же время, крикнула мистрисъ Смартбой.—Милый Джонни!

Но мистеръ Смартбой не выказалъ еще всей своей доброты. Потирая руки и весело хихикая, онъ продолжалъ:

—Да и благотворительныя дѣла свои, Нэлли, вы немножко запустили... Хорошо бы, знаете, вечеръ съ аллегри или что-нибудь въ этомъ родѣ...

— Можно bal masqué, Джонни!..

— Какъ хотите, милая! Это ваше дѣло...

Мистрисъ Смартбой ликовала. Высокая грудь ея колыхалась счастьемъ. Но она была кроткою и доброю супругой и потому сочла долгомъ немного опечалиться.

— Вы такъ добры, Джонни! Вы столько дѣлаете для меня, и я вамъ такъ благодарна... Но наши дѣла, кажется... наши дѣла, Джонни...

— Наши дѣла?—захихикалъ весело мистеръ Смартбой.—Не печальтесь, Нэлли!... О нашихъ дѣлахъ скоро заговорятъ всѣ штаты!... Да, Нэлли,—наши дѣла зацвѣтутъ, какъ ваши щечки!... Сегодня же вы получите одинъ сюрпризъ, который придется по вкусу вашему сострадательному сердцу... сегодня...

— Сюрпризъ? О, еще и сюрпризъ, Джонни?—вся заалѣвъ отъ избытка счастья, томно простонала мистрисъ Нэлли.

— Да, сюрпризъ! Помните, вы такъ хотѣли получить входной билетъ къ этому несчастному узнику...

Благодаря придуманной комбинаціи, мистеръ Смартбой находилъ теперь этого „глупаго дикаря“ — „несчастнымъ“, „страдальцемъ“, „мученикомъ“ и даже готовъ былъ пролить о его печальной судьбѣ и по поводу „возмутительнаго заключенія“ горячія слезы.

— Помните?

Мистрисъ Нэлли вскочила.

— Я получу билетъ? — спросила она, задыхаясь.

— Вы получите больше, чѣмъ билетъ, Нэлли! — весело и загадочно отвѣтилъ мистеръ Смартбой.—Гораздо больше!..

— Что же это такое, Джонни?

— Это... это... пока секретъ, Нэлли!... Это очень доброе дѣло, которое приведетъ въ восторгъ ваше сердце, всецѣло отданное доб-

рымъ дѣламъ... За это доброе дѣло мы, конечно, пожнемъ сторицей!

И, немного цинично захихикавъ довольнымъ, предвидящимъ наживу смѣхомъ „дѣловитаго“ человѣка, мистеръ Смартбой кончилъ свой завтракъ.

О, мистрисъ Нэлли никогда не сомнѣвалась, что онъ—геній!

Послѣ завтрака мистеръ Смартбой пошелъ прямо въ министерство. Взволнованною, глубоко прочувствованною рѣчью онъ заговорилъ тамъ о печальной судьбѣ этого несчастнаго индѣйца, который, вопреки всѣмъ традиціямъ и законамъ республики, такъ долго томится въ заключеніи. Конечно, онъ, мистеръ Смартбой, отлично понимаетъ всю затруднительность положенія правительства, онъ понимаетъ, что озлобленнаго вождя нельзя отпустить на свободу безусловно, но, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе, что сердце каждаго истаго „янки“ приходитъ въ негодованіе и все общество находится въ возбужденномъ состояніи. Длить все это дольше—невозможно.

Въ министерствѣ къ такимъ рѣчамъ уже привыкли и чиновникъ, морщась слушавшій горячее слово мистера Смартбоя, готовъ былъ уже прервать этотъ потокъ состраданія обычной оффиціальной фурмулой: „министерство сдѣлаетъ все зависящее... Оно приметъ во вниманіе“... и т. д. Но вдругъ его ухо уловило нѣчто совсѣмъ новое,

— Изъ такого положенія есть, все-таки, выходъ... Я пришелъ предложить... —говорилъ мистеръ Смартбой.

— Выходъ? Вы пришли предложить?—спросилъ чиновникъ, недовѣрчиво косясь на геніальнаго человѣка.—Какой же, напримѣръ?

— Я пришелъ предложить отдать его мнѣ на поруки, сэръ... Это лучшее, что можетъ быть при такомъ положеніи.

Да, это былъ лучшій выходъ. Чиновникъ даже раскрылъ ротъ, — такъ ошеломила его эта простота „выхода". Отдать на поруки! Да, вѣдь, это геніальнѣйшая мысль и никому она не приходила въ голову раньше! Этимъ затыкались всѣ глотки; индѣецъ получалъ свободу, былъ, въ тоже время, безопасенъ и вопросъ о его судьбѣ могъ быть совершенно свободно и легально отложенъ до далекаго „благопріятнаго и подходящаго" случая. Это была положительно геніальная мысль!

Мистеру Смартбою, конечно, жали руки, удивлялись его сердцу и головѣ, и предложеніе приняли сразу. Все было готово быстро,— въ министерствѣ не любили мѣшкать.

— Вотъ, мистеръ Смартбой... дорогой мистеръ Смартбой, и бумаги, и декретъ! Предъявите тамъ коменданту... Спасибо, мистеръ Смартбой!... право, это геніальнѣйшая мысль и дѣлаетъ большую честь вашему сердцу!

Ликуя, мистеръ Смартбой изъ министерства направился прямо въ контору объявленій.

Послѣ непродолжительнаго шушуканія съ управляющимъ онъ заказалъ десять тысячъ громаднѣйшихъ простынь-объявленій на самой яркой цвѣтной бумагѣ, которыя завтра чуть свѣтъ контора обязывалась расклеить по всему городу и вездѣ, куда только могъ добраться человѣкъ съ клеемъ и кистью. Изъ конторы онъ пошелъ къ индѣйцу и, предъявивъ декретъ министра объ отдачѣ ему на поруки Чернаго Ястреба, смѣло вошелъ къ нему, ощупывая на ходу захваченный „на всякій случай“ пятиствольный ремингтонъ, способный пробить черепъ буйвола.

— Какъ живешь?—весело крикнулъ мистеръ Смартбой.

Индѣецъ угрюмо сидѣлъ въ своей обычной позѣ и не шевельнулся. Послѣ давишняго разговора съ проповѣдникомъ, которому онъ такъ смѣло отвѣтилъ, съ нимъ, конечно, тянуть не будутъ. Съ часу на часъ ждалъ индѣецъ своей казни, на которую онъ пойдетъ, какъ воинъ, безстрашно и смѣло, со спокойною совѣстью и душой, презирая глубоко враговъ и предстоящую пытку. Что бы они съ нимъ ни дѣлали, имъ не вырвать изъ устъ вождя, конечно, даже самаго слабаго стона.

— Какъ живешь?— повторилъ мистеръ Смартбой и хлопнулъ индѣйца по плечу.—А я пришелъ за тобою!

Тотъ удивленно поднялъ глаза.

За нимъ? Этотъ кругленькій и толстенькій человѣчекъ, похожій на купца?

— Да, продолжалъ мистеръ Смартбой на удивленный взглядъ индѣйца:—за тобою, Черный Ястребъ! Ты осужденъ на казнь, но мы не хотимъ тебя казнить... Мы надѣемся, что, поживя среди бѣлыхъ, узнавъ ихъ лучше, ты перестанешь считать ихъ врагами... Мы милуемъ тебя...

Индѣецъ не понималъ, казалось, ничего и не вѣрилъ тому, что слышалъ.

— Правительство отдало тебя мнѣ подъ охрану,—ты будешь жить у меня. Не думай,—спохватился мистеръ Смартбой, когда увидѣлъ, что тѣнь пробѣжала отъ этихъ словъ по лицу узника:—не думай, что ты отданъ въ рабство... Вождь, конечно, не можетъ быть рабомъ. Ты не будешь работать и ничего не увидишь злого... Я буду тебя холить, ты будешь сытно ѣсть, хорошо спать, ничего не дѣлать и получишь самое роскошное платье и самыя красивыя перья... Курить будешь весь день... Мы хотимъ, чтобы ты получше узналъ насъ и убѣдился, что среди насъ есть много добрыхъ людей. Ну, пойдемъ!

Карета ждала у входа. Ошеломленный, совсѣмъ сбитый съ толку, даже какъ будто оробѣвшій отъ всей этой кутерьмы въ его растерявшейся головѣ, отъ этихъ странныхъ неожиданностей, индѣецъ молча вскарабкался въ нее вмѣстѣ съ мистеромъ Смартбоемъ, на его глазахъ переложившимъ зачѣмъ-то свой револьверъ изъ одного кармана въ другой. Когда они

оба,—ликующій геній и ошеломленный, какъ бы гипнотизированный индѣецъ,—вошли въ гостиную и пораженная мистрисъ Нэлли, немного испугавшись, широко раскрыла свои прелестные глазки, нѣжный супругъ, потирая руки, весело сказалъ ей:

— Вотъ, милая Нэлли, и мой сюрпризъ, и мое доброе дѣло! Это—Черный Ястребъ! Я взялъ его на поруки и онъ будетъ жить у насъ!

— Джонни!—совсѣмъ задохнулась отъ блаженства мистрисъ Нэлли, предчувствуя, какъ заболѣютъ съ досады и зависти всѣ ея подруги:—милый Джонни, это такое доброе дѣло... такое дѣло...

— И оно, моя крошка, дастъ намъ не одинъ милліончикъ!—весело хихикнулъ въ отвѣтъ мистеръ Смартбой, потирая руки.—Наша фирма засіяетъ, какъ твои глазки!

— А конкурентъ, Джонни?

— Конкурентъ?... Завтра же онъ ликвидируетъ свои дѣла!

Геніальный мистеръ Смартбой всегда разсчитывалъ вѣрно.

ГЛАВА VIII.

Нѣчто о томъ, какъ истинная добродѣтель побѣждаетъ зло.

На другой день съ утра вся столица запестрѣла саженными афишами самыхъ яркихъ цвѣтовъ, отъ которыхъ невольно рябило въ глазахъ каждаго прохожаго. Афиши покрывали

собою дома, стѣны храмовъ, телеграфные столбы, качались на протянутыхъ черезъ улицы проволокахъ, замѣняли собою плащи у спеціально нанятыхъ для того разнощиковъ, медленно шагавшихъ по тротуарамъ. Вездѣ, куда ни направлялся глазъ человѣка, онъ читалъ одно и то же:

„СМАРТБОЙ и К°“.

1000 скальповъ

собственноручно снявшій и два раза разбившій на голову регулярныя войска союза, великій вождь краснокожихъ

ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБЪ,

въ великолѣпномъ нарядѣ вождя, во всеоружіи и со всѣми атрибутами своей власти, присутствуетъ ежедневно въ магазинѣ

„СМАРТБОЙ и К°“.

модно! дешево! изящно!

N. B. Только что полученъ громадный выборъ самыхъ модныхъ и изящныхъ товаровъ всего свѣта. Дешевизна небывалая! Роскошь головокружительная! Внѣ конкуренціи!

Естественно, населеніе пришло въ небывалое волненіе,—каждому такъ страстно хотѣлось увидѣть индѣйца! Сначала, правда, это было принято за мистификацію и ловкую рекламу, но утреннія газеты разсѣяли всѣ сомнѣнія. Дѣйствительно, Черный Ястребъ присутствуетъ въ магазинѣ собственной особой. Мистеръ Смартбой,—этотъ замѣчательный дѣлецъ и финансистъ, давно извѣстный всему союзу,—доказалъ, что обладаетъ истинно-добрымъ сердцемъ, что онъ, къ тому же, прекрасный гражданинъ, который не ограничивается одними словами и платоническими сожалѣніями, но умѣетъ и реализовать ихъ. Ему одному пришла въ голову эта счастливая комбинація, выручившая несчастнаго узника и давшая возможность правительству снять съ себя обвиненіе въ жестокости и незаконности дѣйствій. Взявъ на поруки Чернаго Ястреба, мистеръ Смартбой, конечно, заслужилъ признательность правительства и всѣхъ добрыхъ гражданъ союза.

И съ самаго утра возбужденное населеніе столицы, горѣвшее страстнымъ любопытствомъ, густою вереницей направлялось къ одному центру—знаменитому магазину мистера Смартбоя, гдѣ отъ толпы совсѣмъ не было ни прохода, ни проѣзда. Четыре улицы, на которыя выходилъ своими фасадами магазинъ, буквально были запружены экипажами и народомъ.

Съ подругами мистрисъ Смартбой дѣйствительно творилось въ это утро недоброе отъ

зависти и досады. Прелестная мистрисъ Барнаби за завтракомъ стала горько жаловаться все на тѣ же нервы, и мужу, предчувствовавшему истерику, съ болью и тревогой въ сердцѣ пришлось выслушивать законныя сѣтованія на „недогадливость“ политиковъ, погруженныхъ въ обдумываніе своихъ „шаговъ“ и упускающихъ „жареныхъ голубей“ другимъ. Мистрисъ Мэри, благоразумнѣйшая супруга, слегла въ постель отъ мигрени, все усиливавшейся отъ больного и обиднаго сознанія, что эта „противная Нэлли Смартбой“ опять „всплываетъ“ и заставитъ говорить только о себѣ, затмивъ всѣхъ спутницъ финансовыхъ планетъ Вашингтона.

— Эти Смартбои опять поднимутся...—горько стонала благоразумная больная.

— Несомнѣнно, дорогая Мэри...— успокаивалъ ее банкиръ.—Но это-то и отлично для насъ... Вы знаете, у меня много его векселей и акцій.

Блѣдное личико мистрисъ Мэри исказилось глубокимъ страданіемъ. Она подняла руки къ блондамъ своего чепчика отъ приступа сильной боли.

— Уходите и не мучьте меня!.. Уходите, сэръ!—стонала благоразумная супруга.—У васъ только ваши векселя и акціи въ головѣ! Уходите и поднимайте ваши акціи!

И бѣдный банкиръ ушелъ, проклиная мигрени и женскую неспособность понимать финансовыя комбинаціи.

Но еще худшее творилось съ конкурентами самого мистера Смартбоя. Эти афиши, которыя они читали такими изумленными, широко вытаращенными глазами, эти статьи утреннихъ газетъ, восхвалявшихъ добродѣтель и догадливость ихъ конкурента, — влили, казалось, въ ихъ сердца какой-то страшный ядъ, отъ котораго, точно отъ долгой желтухи, совсѣмъ пожелтѣли ихъ лица. Въ обширныхъ залахъ „Универсальнаго склада“, еще вчера набитыхъ биткомъ лихорадочно-торопливыми покупателями и въ особенности покупательницами, шумныхъ и суетливыхъ, царила теперь абсолютная пустота и тишь. Въ громадныхъ зеркалахъ, вмѣсто оживленной толпы, отражались теперь только вялыя и точно сконфуженныя лица приказчиковъ, да желтыя и тревожно-грустныя физіономіи директоровъ-компаньоновъ, безмолвно и сосредоточенно шагавшихъ по пустымъ заламъ, заложивъ руки въ карманы. Богатства магазина оставались на полкахъ, ярко полированныя стойки были пусты.

— Да... онъ сегодня зарѣзалъ насъ сразу!— глухо, сквозь зубы, проговорилъ одинъ изъ директоровъ, сойдясь съ другимъ у большого зеркальнаго окна.—Съ одного маху!

— Да...—отвѣтилъ другой.—Цѣлый годъ мы понижали, цѣлый годъ вели дѣло въ убытокъ въ надеждѣ на побѣду. Еще немного—и онъ, несомнѣнно, полетѣлъ бы въ трубу...

— То-то и есть!... И вдругъ!... Кто могъ ожидать?

— Геній!—вздохнулъ въ отвѣтъ другой.

И оба отвернулись, чтобы не видѣть этихъ проклятыхъ афишъ генія, прямо стрѣлявшихъ въ окно своими громадными буквами.

— Придется ликвидировать...—вздохнулъ первый. — Впрочемъ... можетъ быть, мистеръ Бигпокетъ...

Онъ не договорилъ, потому что въ этотъ моментъ на порогѣ показался глава фирмы, самъ мистеръ Бигпокетъ своею длинною особой. Всѣ директора бросились къ нему, но, взглянувъ въ его сухое, бритое, тоже совсѣмъ пожелтѣвшее лицо, безмолвно остановились. Флегматичный, молчаливый мистеръ Бигпокетъ стекляннымъ взглядомъ обводилъ всѣ полки магазина и беззвучно двигалъ, точно жуя, своими безцвѣтными, сухими губами.

Это былъ плохой знакъ.

А самъ мистеръ Смартбой въ страстномъ волненіи лихорадочно бѣгалъ у себя изъ угла въ уголъ. Пока все шло, какъ по маслу и генеральное сраженіе, которое должно было рѣшить участь всей фирмы, явно клонилось на его сторону. Еще утромъ ему дали знать, что наличныхъ силъ клерковъ въ его магазинѣ не хватитъ, что необходимо подкрѣпленіе. Точно главнокомандующій на полѣ битвы, онъ отрядилъ запасныхъ, о которыхъ предусмотрительно позаботился еще наканунѣ, и

приказалъ принанять за какую угодно цѣну новый запасъ, на всякій случай, если и посланныхъ уже подкрѣпленій окажется недостаточно. Послѣ того онъ забѣгалъ еще лихорадочнѣе, сильнѣе прежняго потирая руки, то и дѣло подбѣгая къ окну взглянуть на свои афиши и запрудившую улицы толпу. Передъ завтракомъ ему прислали сказать, что если дѣла будутъ идти такъ и дальше, то къ вечеру нѣкоторыхъ товаровъ не хватитъ. Мистеръ Смартбой ликовалъ, но на душѣ у него, все-таки, скребли кошки.

Дѣло было въ томъ, что онъ никакъ не могъ еще рѣшить, что думаютъ и какъ смотрятъ на вещи въ „Универсальномъ складѣ“ его конкуренты, а это значило много. Тамъ сидѣли, конечно, не „пустыя головы“, и то или иное ихъ отношеніе лучше всего характеризовало бы дѣйствительное значеніе его побѣды. Эта побѣда могла имѣть только временное значеніе и могла быть настолько полной, что противнику не оставалось бы ничего больше, какъ покорно сложить оружіе и просить пощады. Ловкіе люди, они сразу сообразятъ, могутъ ли они конкурировать дальше, могутъ ли чѣмъ-нибудь вновь перетянуть къ себѣ „публику“, или дѣло ихъ проиграно вполнѣ, и тогда они, конечно, не будутъ „затягивать“, точно какіе-нибудь профаны, а постараются покончить все сразу и быстро. Не даромъ этотъ Бигпокетъ чертовски смышленная башка! Онъ зналъ, что ни одинъ покупа-

тель не зашелъ къ нимъ сегодня, не зайдетъ и завтра,—но дальше-то? Какъ они думаютъ?

Онъ бѣгалъ, волновался, ждалъ, но оттуда не было еще ни гласа, ни послушанія. Тянутъ ли о н и тамъ, совѣщаются ли, или колеблются? О, ловкій плутъ этотъ длинный, молчаливый сухарь! Мистеръ Смартбой сѣлъ завтракать одинъ, потому что экспансивная мистрисъ Нэлли поѣхала уже торжествовать побѣду къ подругамъ. Онъ ѣлъ быстро, торопливо, все ожидая, все прислушиваясь, но никто не являлся. Найдя, что такъ волноваться нельзя, онъ для успокоенія выпилъ рюмку портвейна и взялъ уже въ руку зубочистку, какъ ему неожиданно доложили, что прибылъ самъ мистеръ Бигпокетъ.

— Просить! — вскочилъ мистеръ Смартбой, сразу успокоенный. Волненіе его какъ рукою сняло. Съ салфеткой за жилетомъ, съ зубочисткой въ рукѣ стоялъ уже совсѣмъ другой человѣкъ,—спокойный, флегматичный, съ какимъ-то безжизненнымъ, почти соннымъ взглядомъ.

И два великана, два солнца финансоваго міра, два ожесточенныхъ врага, стояли лицомъ къ лицу. Одинъ — желтый, сухой, длинный, безмолвно, точно жуя, шевелилъ губами; другой—коренастый, толстый, цвѣтущій, молча ковырялъ во рту зубочисткой.

— Ловкое дѣло!—глухо, точно съ усиліемъ, выговорилъ, наконецъ, гость и вновь зашевелилъ губами.

— Н-да...—не то спросилъ, не то подтвердилъ полусонный хозяинъ.—Во всякомъ случаѣ, дорогой мистеръ Бигпокетъ,—д о б р о е дѣло! Жаль мнѣ было этого наивнаго дикаря. Къ тому же, знаете, мистрисъ Смартбой такъ предана благотворенію... — И онъ вновь заковырялъ въ зубахъ.

Молчаливый гость только пожевалъ въ отвѣтъ и шевельнулъ бровями, какъ будто ничего не разслышалъ.

— Мы согласны на отступное, сэръ...—такъ же глухо и съ такимъ же усиліемъ проговорилъ онъ вновь, послѣ минутной паузы.

Часы мѣрно стучали. Мистеръ Смартбой, продолжая ковырять зубочисткой, кивнулъ слегка сонною головой и отвѣтилъ самымъ дружескимъ тономъ:

— Ни цента, дорогой мистеръ Бигпокетъ!

Желтое лицо гостя какъ будто еще больше пожелтѣло. Время шло, маятникъ мѣрно качался, мистеръ Смартбой ожесточенно ковырялъ зубочисткой, а тотъ, по-прежнему, все только жевалъ и жевалъ.

— Хорошо! Мы ликвидируемъ...—тѣмъ же тономъ произнесъ онъ послѣ обоюднаго молчанія, вскинувъ, наконецъ, своими, точно ничего невидящими, стекляными глазами.

Зубочистка остановилась.

— Пятьдесятъ за сто, сэръ... завтра не дамъ и этого...

Мистеръ Смартбой бросилъ, это точно вскользь, прежнимъ, дружескимъ тономъ. Гость очень долго жевалъ.

— Хорошо! — проговорилъ онъ, наконецъ:— Мы согласны...

Великаны взглянули другъ другу въ глаза,—дѣло было слажено. И, сразу измѣнивъ тонъ, придя въ другое настроеніе, точно совсѣмъ преобразившись, оба, — и гость, и хозяинъ,—повели рѣчь дальше.

Побѣда была полная.

А въ это время въ магазинѣ шла давка, начавшаяся съ самаго утра и все возраставшая до того, что людямъ совсѣмъ почти нельзя было двигаться. Въ обширныхъ, роскошныхъ залахъ, заваленныхъ грудами разбросаннаго товара, занятаго сплошною почти массой человѣческихъ тѣлъ, стоялъ глухой, неясный гулъ множества голосовъ, хорошо слышный сквозь открытыя окна и двери далеко на улицѣ, гдѣ тоже шла давка и тоже стоялъ содомъ. Было жарко, душно... Не смотря на постоянную пульверизацію, на пущенные зальные фонтаны, на сквознякъ вездѣ открытыхъ оконъ и дверей,—въ воздухѣ тучею носилась пыль по заламъ всѣхъ четырехъ этажей. Подъемныя машины работали неустанно, клерки выбивались изъ силъ, разворачивая и отмѣривая товаръ, который затѣмъ не убирался, а прямо кидался за недостаткомъ времени въ общія кучи; безчисленныя кассы не успѣвали прини-

мать деньги и давать сдачу... А толпа все росла и росла...

Гуще всего была она въ залахъ бель-этажа, спеціально занятаго предметами дамскихъ нарядовъ, послѣдними сезонными новинками и ювелирными вещами. Тамъ она, конечно, состояла, главнымъ образомъ, изъ женщинъ, и бѣднымъ клеркамъ здѣсь была уже чистая каторга... Но въ главномъ залѣ этого этажа, въ громадномъ залѣ чистаго бѣлаго мрамора, убранномъ одними зеркалами въ серебряныхъ рамахъ, въ простѣнкахъ между которыми стояли мраморныя вазы съ роскошными гигантскими букетами изъ бѣлыхъ розъ,—тамъ шелъ цѣлый адъ. Сквозь общій, неясный гулъ тамъ то и дѣло ясно выдѣлялось одно слово: онъ, онъ, онъ!...

Да, тамъ находился о н ъ, великій вождь, „несчастный узникъ, милосердно освобожденный этимъ милымъ мистеромъ Смартбоемъ". На высокомъ золотомъ креслѣ, похожемъ на тронъ, съ вычурнымъ балдахиномъ изъ какой-то рѣдкой индійской кисеи, сидѣлъ индѣецъ въ ярко-красномъ, пурпуровомъ одѣялѣ, какого не видало никогда ни одно око его краснокожихъ братьевъ. Дорогія страусовыя перья, какихъ не носилъ еще ни разу ни одинъ вождь всѣхъ племенъ, высоко колыхались на его головѣ бѣлоснѣжною тучей, ниспадая красивыми каскадами и фестонами, развѣваясь во всѣ стороны. Бляхи въ его воло-

сэхъ сверкали червоннымъ золотомъ, у ногъ его, обутыхъ въ мокасины самой тонкой работы, лежалъ золоченый лукъ,—правда, совсѣмъ негодный, какъ оружіе,—и великолѣпный, хотя, на самомъ дѣлѣ, картонный золоченый же томагаукъ. Отъ богатаго пояса ниспадала цѣлая цѣпь картонныхъ скальповъ, съ сѣдыми волосами стариковъ, кудрями дѣтей, длинными, роскошными прядями женщинъ, безусловно похожихъ на настоящіе скальпы,—чудо искусства француза-парикмахера... Тѣснившаяся кругомъ женская толпа жадно смотрѣла на него полу-испуганными, полу-удивленными, но возбужденными, горѣвшими страстнымъ и лихорадочнымъ любопытствомъ глазами.

— Ахъ, какъ онъ страшенъ! — то и дѣло, полузадыхаясь, шептали прелестныя миссъ и мистрисъ, но все тѣснѣе окружали индѣйца плотнымъ кругомъ. Въ этомъ страхѣ было что-то чарующее, влекущее, возбуждающее.

— Не бойтесь, не бойтесь... онъ безопасенъ...—успокаивали боязливыхъ клерки.—Мы тутъ, сударыни... Онъ не сдѣлаетъ зла...

— Говорятъ, его очень обижали... Онъ не любитъ всѣхъ бѣлыхъ, всѣхъ насъ...

— Сомнительно! — шутили ловкіе клерки.— Сомнительно, сударыня.... А, впрочемъ, спросимъ его.

И, хлопая индѣйца по плечу, они спрашивали его шутливо:

— Ну, что, Черный Ястребъ,—нравятся тебѣ бѣлыя „скво“?

Но тотъ молчалъ.

Да и что могъ бы онъ отвѣтить, когда онъ самъ теперь ничего не понималъ и не зналъ? Этотъ залъ, котораго не знаютъ даже самые яркіе и блестящіе сны, этотъ нарядъ, пріятно поражающій его самого своимъ великолѣпіемъ, какого не знали никогда даже дѣды, эти свѣтлыя зеркала, въ которыхъ онъ видитъ себя такимъ величественнымъ въ этихъ чудныхъ перьяхъ и бляхахъ, эта громадная, тѣсная толпа, не сводящая съ него взоровъ,— все это безусловно ошеломляло и подавляло индѣйца. Все это походило на какую-то фантастическую сказку изъ индѣйскихъ легендъ о бродячихъ тѣняхъ. Онъ не отвѣтилъ бы себѣ теперь на вопросъ: онъ ли это дѣйствительно сидитъ и отражается кругомъ, или его тѣнь... Можетъ быть, все это ловкая тактика бѣлыхъ, чтобы смутить его и соблазнить своимъ богатствомъ... Очень можетъ быть, но, ошеломленный, подавленный, онъ какъ то совсѣмъ не могъ объ этомъ думать. Приложи онъ даже руку къ самому сердцу, онъ не сказалъ бы, чѣмъ оно бьется... Положительно околдовалъ его со вчерашняго дня этотъ юркій, толстенькій чародѣй, съ виду такъ похожій на простого купца.

ГЛАВА IX.

Сила волшебной чары и хорошаго корма.

Время летѣло незамѣтно и неудержимо. Такъ же незамѣтно и неудержимо копились милліоны мистера Смартбоя, такъ же росла и росла сила чары, овладѣвшей индѣйцемъ.

Да, онъ, несомнѣнно, былъ очарованъ, — онъ такъ вѣрилъ въ силу колдовства! На почвѣ такой вѣры явилось это представленіе, а разъ оно явилось, оно не могло не расти, все развиваясь, переходя постепенно въ самое незыблемое убѣжденіе. Какъ всѣ его братья, онъ былъ слишкомъ суевѣренъ и мнителенъ,—этотъ наивный сынъ дикой степи. Современные психіатры хорошо знаютъ силу такой мнительности, знаютъ, какъ сильно отражается зародившееся въ человѣкѣ сомнѣніе или представленіе на всей его духовной и физической природѣ. Гигантъ, какъ извѣстно, бываетъ безсиленъ поднять дѣтскую игрушку; полный силъ, цвѣтущій юноша можетъ чувствовать себя дряхлымъ старикомъ. И безстрашный, гордый вождь чувствовалъ, что онъ какъ бы совсѣмъ потерялъ свою волю, что, околдованный разъ, онъ находится въ полной власти этого толстенькаго чародѣя, веселаго и юркаго, съ безцвѣтными, смѣющимися глазками, въ которыхъ, однако, сверкалъ какой-то леденящій, мертвый холодъ.

Герой, во время жестокаго боя смѣло подставлявшій закаленную, безстрашную грудь подъ вражескія пули, одинъ способный противостоять цѣлой толпѣ нападавшихъ, способный умереть какъ никто, безъ стона подъ самою лютою пыткой, онъ даже какъ-то наивно робѣлъ при видѣ этой маленькой фигурки, этого неустаннаго потиранія рукъ, этого холоднаго хихиканія, этихъ безцвѣтныхъ глазъ. Да, робѣлъ... Такъ порою взрослый и сильный человѣкъ робѣетъ и дрожитъ при видѣ крошечнаго мышенка.

Конечно, если-бъ онъ могъ спросить себя, что онъ чувствовалъ къ своему чародѣю, онъ, несомнѣнно, отвѣтилъ бы, что въ глубинѣ души ненавидитъ его, и, можетъ быть, неизмѣримо страстнѣе, чѣмъ всѣхъ его братьевъ. Но онъ и не могъ себя спросить, казалось, ибо совсѣмъ какъ-то не могъ думать въ этомъ направленіи. Ошеломленный, подавленный однимъ представленіемъ, мозгъ зналъ и говорилъ лишь одно,—о власти чародѣя, и какъ будто совсѣмъ не хотѣлъ и не могъ знать ничего другого. Это, конечно, было тоже дѣломъ чары. И, пожалуй, не будь ея, этой чары, положеніе мистера Смартбоя могло стать не совсѣмъ безопаснымъ.—Развѣ не разрываетъ проснувшійся въ своей желѣзной клѣткѣ хоть на мигъ и вспомнившій о былой силѣ и волѣ африканскій левъ своего чародѣя-укротителя?

Время шло и сила чары все росла. Индѣецъ сталъ даже какъ-то странно волноваться, точно птица, замѣтившая хищную кошку, лишь только его слухъ уловлялъ дребезжаніе этого волшебнаго хихиканія, мелкіе, быстрые шажки, звукъ довольнаго потиранія руками. Приставленные къ нему клерки, давно узнавшіе и это подозрѣніе, и эту боязнь, всѣми мѣрами, конечно, старались поддержать ихъ въ индѣйцѣ, и скоро мистеръ Смартбой не имѣлъ другой клички, какъ „чародѣй и волшебникъ“. Порою, отъ скуки, они забавлялись этимъ смѣшнымъ для нихъ страхомъ и, проказничая, предупреждали другъ друга о мнимомъ приближеніи чародѣя. Ихъ тѣшила эта тревога, немедленно охватывавшая молча и безстрастно курившаго дикаря... Ге!—этотъ дикарь... онъ только сладко спитъ, сладко ѣстъ, когда они работаютъ до изнеможенія! Пусть же поволнуется! И, напуская на себя испуганный, встревоженный видъ, они громкимъ, полнымъ ужаса, казалось, шепотомъ передавали другъ другу: „кажется, идетъ колдунъ! кажется, колдунъ!..“

Могла ли не расти эта чара?

И мало-по-малу грозный вождь, казалось, совсѣмъ свыкся съ своимъ положеніемъ. Изо дня въ день просиживалъ онъ на своемъ тронѣ среди этой, часто несмѣтной, любопытной толпы, въ своихъ перьяхъ и бляхахъ, въ своемъ яркомъ одѣялѣ, съ этими картонными

скальпами, съ этимъ дѣтскимъ оружіемъ у ногъ. Съ каждымъ днемъ становился онъ безстрастнѣе, спокойнѣе и, свыкаясь съ своею странною ролью, все меньше и меньше напрягалъ свой ошеломленный мозгъ, чтобы понять эту странную правду, похожую на сказку. Конечно, тутъ много значилъ и другой факторъ. Эта мягкая перина его ложа, этотъ блескъ его наряда, роскошная сытная пища, вѣчно покойное сидѣнье, отсутствіе заботъ,—все это вмѣстѣ, составляющее самый завѣтный идеалъ каждаго охотника-номада, тѣсно связанный съ представленіемъ о блаженствѣ храбрыхъ въ „царствѣ тѣней“,—они тоже неотразимо и незамѣтно, шагъ за шагомъ, дѣлали свое дѣло. Мало-по-малу они ослабили эти нѣкогда стальные мускулы поджараго, худого тѣла, теперь полнаго жиромъ, налили, округлили эти нѣкогда угловато-красивыя черты энергическаго лица, притупили мысль и волю, пріучили индѣйца любить и цѣнить это сытое, беззаботное блаженство. Правда, все это блаженство давали ему враги и, можетъ быть, съ какою-нибудь хитрою цѣлью, но не все ли это равно?—все чаще и чаще говорилъ ему какой-то внутренній, доселѣ незнакомый голосъ:—не все ли равно, если онъ не идетъ на вражескіе соблазны, не пойдетъ никогда, никогда не предастъ своихъ братьевъ, когда бы у него потребовали этого прямо? Конечно, онъ, по-прежнему, ненавидѣлъ враговъ, этихъ

„блѣдно-лицыхъ собакъ, по-прежнему любилъ „своихъ“ и былъ имъ преданъ. Будь эти „свои“ здѣсь,—о! онъ, конечно, былъ бы съ ними, въ ихъ рядахъ, и впереди, какъ „вождь“! Но эти „свои“ были далеко, за тысячи миль,—такъ далеко, что и птица не долетитъ туда скоро,—о нихъ не было ни слуха; пища была такъ хороша, нарядъ такъ красивъ и мистеръ Смартбой, этотъ колдунъ, такъ близко...

И все замѣтнѣе полнѣлъ индѣецъ, все круглѣе становилось его лицо, все больше слабѣли его мышцы, все дороже становился ему комфортъ. Незамѣтно и тихо угасала мысль и воля человѣка, незамѣтно и тихо таялъ въ индѣйцѣ „великій вождь“....

А мистеръ Смартбой, этотъ колдунъ и геній,—конечно, все крѣпче потиралъ свои руки. Милліоны росли, слава о добродѣтели укрѣплялась, филантропія и наряды красивой жены заставляли невольно говорить всѣхъ... Этотъ дикарь, чортъ возьми, дѣйствительно принесъ ему счастье и, правду сказать, такіе дураки создаются Богомъ, конечно, только для того, чтобы служить на пользу сметливой головѣ. И не лучше ли, что онъ будетъ жирѣть на своемъ тронѣ, служа живою рекламой, чѣмъ поднимать мятежи и сдирать съ головъ скальпы? Конечно, лучше, и мистеръ Смартбой вполнѣ сознаетъ, что, пустивъ съ его помощью „въ трубу“ конкурента, округливъ свои сум-

мы, онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйстви-тельно доброе дѣло. До него всѣмъ приходи-лось только трепетать передъ этимъ дикаремъ, а теперь онъ сталъ смирнѣе ягненка. Развѣ это не дѣйствительная заслуга? пхе!..

Но слава мистера Смартбоя и торжество его супруги поднялись до апогея въ то пре-лестное утро, когда, воспользовавшись своимъ, хорошо ему извѣстнымъ, вліяніемъ на индѣйца, онъ заставилъ его сѣсть на козлы экипажа и, такимъ образомъ, прокатился съ визитами по столицѣ. Правда, въ карманѣ его брюкъ на всякій случай былъ запрятанъ пятиствольный ремингтонъ, но предметъ общаго любопытства, этотъ Черный Ястребъ, „великій вождь", гор-дый и безстрашный воинъ, все-таки, сидѣлъ на козлахъ въ своей красной тогѣ, въ своихъ чудныхъ перьяхъ. Мистеръ Смартбой глядѣлъ тріумфаторомъ; его жена задыхалась отъ счастья, зная, какъ страдаютъ ея завистливыя подруги. И оба, конечно, понимали, что предполагав-шаяся кандидатура мистера Смартбоя на от-крывшуюся ваканцію въ муниципальномъ со-вѣтѣ получаетъ съ этого утра небывалые шансы. Не чувствовалъ, казалось, не понималъ ничего одинъ индѣецъ. Не все ли ему равно, куда посадитъ его колдунъ, — на золоченый тронъ или на козлы? Онъ сидѣлъ неподвижно, въ полной апатіи, ни на что не глядя и точно ничего не видя вокругъ отъ какой-то сосредо-

точенной, казалось, думы. Но была ли это дума или дрёма,—онъ и самъ бы не отвѣтилъ.

— Ахъ, смотрите! Смартбои ѣдутъ съ индѣйцемъ!—такъ кричали всѣ встрѣчные, пораженные невиданною картиной. Объ этомъ только и говорили весь день и вездѣ.

Правда, были и завистливыя глотки. Были люди, которые находили, что индѣецъ врядъ ли выигралъ, сидя приманкой на своемъ тронѣ или на козлахъ экипажа. Слышались рѣчи, въ которыхъ говорилось что-то о достоинствѣ свободнаго человѣка, о чести вождя.

Но, само собой разумѣется, это завистливое шипѣніе тонуло въ морѣ общихъ восторговъ и не могло имѣть никакого вліянія на исходъ предстоявшихъ выборовъ въ муниципальный совѣтъ. Нѣтъ! этотъ добрый, умный человѣкъ стоялъ выше всякой клеветы!

А выборы приближались. Мистеръ Смартбой предполагалъ устроить для своихъ сторонниковъ „хорошенькій вечерокъ“, но мистрисъ Смартбой, больше его понимавшая въ этихъ дѣлахъ, остановилась на пикникѣ, и, конечно, настояла на своемъ. Хорошенькій пикникъ далеко за городомъ, на чистомъ воздухѣ, среди скалъ и ущелій, гдѣ такъ хороши виды, съ музыкой, съ танцами на лужайкахъ,—это понравится всѣмъ. Къ тому же, пикниковъ давно не устраивалось.

— Только, милый Джонни, мы возьмемъ съ собою и индѣйца!—томно взволновалась ми-

стрисъ Нэлли, пріятно налегая на сильное плечо супруга.

— Индѣйца? Это идея, моя милая Нэлли!...— весело отвѣтилъ мистеръ Смартбой, трепля ея розовую щечку.—Право, идея... непремѣнно возьмемъ!... пусть-ка онъ разложитъ намъ костеръ по индѣйски! Хе, хе, хе!...

И мистрисъ Нэлли опять задохнулась, предчувствуя, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ пикникъ на всѣхъ ея подругъ.

ГЛАВА X.

Какъ опасна излишняя самоувѣренность и до чего доводитъ иногда игра съ томагаукомъ.

Кругомъ опять царила золотая весна...

Красивыя окрестности Вашингтона утопали въ роскошной и яркой зелени, еще пахучей, еще не истомленной зноемъ, не занесенной пылью. Воздухъ былъ мягокъ и нѣженъ, небо сверкало своей чистою, глубокою лазурью. Всѣмъ было хорошо, все ликовало и сіяло радостью,—и люди, и природа...

День клонился къ вечеру, солнце спустилось уже низко, спряталось за вѣтви развѣсистыхъ великановъ лѣса и посылало оттуда, прорывавшіеся сквозь чащу, яркіе косые лучи золотого свѣта. Ущелья темнѣли. Внизу подъ обрывомъ, въ зіявшей, какъ пропасть, глубокой долинѣ, уже поднимались и клубились нѣжныя волны вечерняго тумана, фантасти-

ческія, такъ похожія на легкія тѣни плывущихъ привидѣній.

Пикникъ, устроенный мистеромъ Смартбоемъ, былъ въ самомъ разгарѣ. Дорогія вина веселые танцы на этомъ чудномъ, живительномъ воздухѣ, веселыя рѣчи и шутки, звуки очаровательной музыки развеселили всѣхъ. У всѣхъ горѣли щеки, сверкали глаза, всѣ любили „этихъ милыхъ Смартбоевъ“ и чувствовали къ нимъ особенную нѣжность. Подруги мистрисъ Нелли даже забыли свою зависть.

Одинъ индѣецъ въ своей тогѣ и перьяхъ сидѣлъ у своего костра, разложеннаго „по-индѣйски“, неподвижно, съ виду не то мрачный, не то апатичный... Давно, о, давно не видали его очи того, что теперь открывалось ихъ взору!... На золотомъ своемъ тронѣ, куда пригвоздилъ его этотъ ненавистный колдунъ, онъ совсѣмъ, казалось, забылъ и широкій просторъ зеленаго луга, и тѣнь дремучаго лѣса, и дикую красоту скалъ и ущелій; его ухо отвыкло отъ шума вольно бѣгущаго потока. Его отвыкшій глазъ сначала, казалось, не хотѣлъ даже вѣрить этой безбрежной, голубой дали, сливавшагося съ небомъ, горизонта. Но теперь онъ видѣлъ... и вспомнилъ... все вспомнилъ! Коснувшись благодатнаго материнскаго лона, проснулся и ожилъ вольный сынъ матери природы, и грудь его трепетала неизъяснимымъ счастьемъ, охваченнымъ какою-то неясною, тихою грустью, и невидимыя, внутреннія очи

его тихо рыдали отъ этого счастья. Въ самое сердце текли эти невидимыя слезы, горячія, какъ пламя, и тамъ, въ этомъ закаленномъ, гордомъ сердцѣ, вскипала отъ нихъ дремавшая злоба къ врагамъ, оторвавшимъ отъ матери сына. А эта мать все дышала своимъ свѣтлымъ просвѣтомъ, все нѣжнѣе охватывала дикаго сына неотразимою чарой ласки! Цѣлая цѣпь видѣній, грезъ, забытыхъ картинъ протянулась предъ духовнымъ окомъ неподвижно сидѣвшаго вождя. Дымъ отъ костра въ спокойномъ, недвижимомъ воздухѣ поднимался тонкою, стройною колонной, все расширявшейся кверху, и гдѣ-то безслѣдно тонулъ въ ясной лазури. Этотъ дымный столбъ говорилъ ему очень много. Тамъ, гдѣ-то далеко-далеко... у Скалистыхъ горъ, въ зеленой преріи, поднимались теперь, въ этотъ часъ, сотни, тысячи такихъ дымныхъ столбовъ, и сидятъ у костра не одинъ, а много краснокожихъ... Только нѣтъ у этихъ костровъ „бѣлыхъ“, нѣтъ всего того, что окружаетъ его такимъ своеобразнымъ шумомъ и гамомъ, роскошью и блескомъ. Вся роскошь тамъ—высокая, упругая и нѣжная, какъ шелкъ, зеленая трава; весь блескъ—одни косые лучи золотого солнца, да пылающіе пламенемъ островерхія пики горъ, уходящихъ въ самое небо.

Внизу, подъ обрывомъ, клубились волны тумана. Онѣ тоже много говорили этому, казалось, дремавшему сердцу. Да, такъ клубятся

волны вечерняго тумана у ручьевъ въ глубокихъ долинахъ волнистаго Канзаса. Онѣ тоже принимаютъ тамъ, клубясь и поднимаясь выше, такія же фантастическія очертанія, похожія на чьи-то тѣни, и вольныя дѣти прерій говорятъ, что это души погибшихъ воиновъ. У ручьевъ, при невидимыхъ для смертнаго кострахъ, великія тѣни героевъ ведутъ свои бесѣды и курятъ свою неугасимую трубку.

Дремалъ ли, или не дремалъ индѣецъ, но ему казалось, что онъ уносится куда-то далеко... далеко... Его брови сдвигались... голова опускалась все ниже... Онъ не слышалъ веселья „блѣднолицыхъ".

— Чего онъ сидитъ такой вялый!—крикнула, вдругъ, полная веселья и счастья красивая мистрисъ Бэтси, совсѣмъ забывшая свои нервы, взглянувъ на неподвижную фигуру индѣйца.— Мистеръ Смартбой! — смотрите! онъ совсѣмъ спитъ!... Дайте-ка ему вина!

— Вина? Ба! это идея... хе, хе, хе! — весело отвѣтилъ мистеръ Смартбой.—Эй! дайте сюда шампанскаго!... Онъ, кстати, его никогда не пробовалъ...

— Вы не боитесь опьянить его?—такъ себѣ, сама не зная для чего, спросила томная мистрисъ Мэри, пока веселый хозяинъ наливалъ стаканъ виномъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ немножко рискованно...—вмѣшался блестящій адвокатъ, страстный поклонникъ мистрисъ Мэри. — Мнѣ разсказы-

вали, что самые мирные краснокожіе дѣлаются очень опасными, когда опьянѣютъ... Если онъ никогда не пилъ, то это рискованно...

Не боится ли онъ? Рискованно? Пхе! — и мистеръ Смартбой захихикалъ въ отвѣтъ. Онъ знаетъ свою силу... пустяки! Къ тому же, на всякій случай, у него есть и хорошая штучка въ карманѣ. Хе, хе, хе! Онъ совсѣмъ покорилъ этого тигра!...

— Эй, Черный Ястребъ!... хочешь?

Индѣецъ оторвался отъ своихъ грезъ и видѣній и поднялъ глаза. Весь сіяя улыбкой, колдунъ протягивалъ ему полный, игравшій и пѣнившійся, стаканъ.

— Хочешь? Пей!

Да, его губы спеклись, его пылавшее горло, казалось, совсѣмъ пересохло. Всѣ глаза смотрѣли въ упоръ на индѣйца, пока онъ пилъ эту чудную влагу „бѣлыхъ", сладкую и острую, въ то же время пріятно щекотавшую нёбо... О, эти хитрые бѣлые! Какъ много они знаютъ, чего не знаетъ никто! Какія есть у нихъ хорошія и вкусныя вещи! Славная вода!

— Хорошо?—также сіяя, спросилъ его колдунъ, принимая порожній стаканъ. — Хочешь еще?

Кругомъ запротестовали.

— Слишкомъ много! Довольно! Вѣдь онъ никогда не пилъ!—Но мистеръ Смартбой вновь поднялъ презрительно плечи и захихикалъ.—Пхе! Пустяки!... онъ знаетъ, что дѣлаетъ!

— На, пей еще!—весело крикнулъ онъ и налилъ индѣйцу новый стаканъ.—Такъ! молодецъ!.. Ловко! Садись теперь!—И дружески хлопнулъ его по плечу, когда тотъ выпилъ.

Индѣецъ сѣлъ къ своему костру. Веселье продолжалось, музыка играла, всѣ становились еще довольнѣе и счастливѣе. Прелестныя пары кружились въ вальсѣ, забывъ не только индѣйца, но и все, казалось, на свѣтѣ. Да и стоило ли о чемъ-нибудь думать или помнить въ такой веселый, прелестный часъ? Всѣмъ хотѣлось только еще больше шума, веселья и, если можно, еще больше самозабвенія.

А вождь сидѣлъ у костра и чувствовалъ ясно, что съ нимъ творится какое-то новое чудо. Были-ли то чары этой выпитой имъ сладкой воды „бѣлыхъ“, или такъ повліяли на него его видѣнія и грезы, только онъ сознавалъ, что становится, вдругъ, какъ-то инымъ, совсѣмъ не прежнимъ. Онъ сталъ легче, — до того, казалось, легче, что могъ бы носиться въ воздухѣ, точно у него выросли крылья, какъ у птицы. Грудь его начинала дышать полнѣе и чаще, сердце забилось скорѣе, онъ сталъ бодрымъ и сильнымъ, точно крови и силы прибавилось ему отъ этой странной, шипѣвшей воды. И все кругомъ измѣнялось... Онъ не видитъ уже этихъ „бѣлыхъ собакъ“, не видитъ колдуна. Этотъ гамъ и шумъ, казалось, чѣмъ-то роднымъ и близкимъ, — можетъ быть, до сихъ поръ забытымъ только,—щекочетъ его

проснувшійся слухъ. Да, это шумъ и говоръ его родныхъ селеній!... Вонъ, у лѣса, въ глубоко-зіяющей долинѣ, внизу стоятъ ихъ „вигвамы", родные „вигвамы",—онъ ихъ видитъ вдругъ прозрѣвшими очами. Это ихъ костеръ,—нѣтъ, не одинъ... два, три... сотни костровъ горятъ и дымятся!.. Вонъ туманятся, клубясь, ручьи зеленой преріи внизу, подъ обрывомъ и въ этомъ туманѣ плывутъ великія тѣни почившихъ героевъ... Онѣ манятъ, зовутъ его, великаго вождя, такъ смѣло водившаго краснокожихъ братьевъ къ побѣдамъ! Да, онъ опять вождь!... Онъ не рабъ, не игрушка для вражескаго любопытства, не измѣнникъ, забывшій своихъ за удобствами и нѣгой... Онъ никому не продался!... Нѣтъ! онъ все тотъ же вождь, непреклонный и гордый,—онъ только спалъ до сихъ поръ, спалъ какимъ-то страннымъ, очарованнымъ сномъ! Его ожившее ухо ясно слышитъ тысячегрудый призывъ его братьевъ! Къ нимъ-же, туда,—къ этимъ „вигвамамъ", къ этимъ великимъ тѣнямъ!... Къ нимъ! къ нимъ... туда!...

И самъ собою вырвался внезапно изъ его ожившей груди этотъ гортанный боевой кличъ вождя, и звонко прорѣзалъ общій гамъ ликованья. Такъ кричитъ въ голубомъ эфирѣ одинокій журавль, когда увидитъ издали родную стаю. И, точно привѣтъ этой стаи, отвѣтило вождю многоголосое эхо дремавшихъ скалъ, ущелій и лѣса... Всѣ гости пикника невольно вздрогнули и остановились.

— Что это съ нимъ? Онъ, по-прежнему, сидитъ!... Онъ, кажется, совсѣмъ опьянѣлъ!

— Ахъ, это онъ запѣлъ, вѣроятно... Мистеръ Смартбой! прикажите ему, въ самомъ дѣлѣ, спѣть индѣйскую пѣсню!—опомнилась первая мистрисъ Бэтси.—Право, сэръ, прикажите!... Это очень интересно...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, прикажите ему спѣть!... Онъ, кажется, совсѣмъ уже того!—подхватили, смѣясь, гости.

— Это идея!... Черный Ястребъ, спой-ка намъ, братъ, свою пѣсню!—небрежно, но властно кинулъ ему мистеръ Смартбой.

Индѣецъ поднялъ посоловѣлые, ничего, казалось, не различавшіе, не понимавшіе глаза.—Хорошо!... онъ споетъ, конечно, разъ этого требуютъ т в о и, откликъ которыхъ онъ слышалъ. Онъ послушенъ и х ъ велѣнью, призыву, волѣ „великихъ тѣней“...

И онъ запѣлъ ее, эту страшную боевую пѣсню его братьевъ. Могучимъ движеніемъ поднялся онъ съ мѣста, выпрямился и, смотря вдругъ загорѣвшимися, воспаленными глазами туда, гдѣ стояли „вигвамы“, гдѣ витали въ туманѣ души почившихъ героевъ, — въ эту страшную пропасть, — онъ пѣлъ имъ свою дикую, вольную пѣсню. И по мѣрѣ того, какъ онъ ее пѣлъ, по мѣрѣ того, какъ рѣзкіе гортанные звуки все смѣлѣе вырывались изъ его груди, онъ, казалось, росъ все выше и выше,

дѣлался все лéгче, загорался все большею страстью, становился все могучѣе и сильнѣе.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ погибшихъ въ кровавой сѣчѣ, о Духѣ пустыни, къ чьимъ звѣзднымъ полямъ отходятъ тѣни храбрыхъ... О вѣчной, блаженной охотѣ, о золотомъ оленѣ, буйволѣ и лосѣ въ необозримыхъ лугахъ Великаго Духа. Онъ пѣлъ, что онъ вождь, водившій своихъ братьевъ къ побѣдамъ...

Онъ пѣлъ, а великія тѣни внимали...

Онъ пѣлъ о враждѣ къ бѣлымъ, трусливымъ, какъ зайцы, обманомъ ворвавшимся въ вольную прерію его братьевъ; онъ пѣлъ о геройствѣ этихъ братьевъ; онъ пѣлъ о страданіи и мукахъ, о томъ, что ударилъ святой часъ отмщенія; онъ призывалъ краснокожихъ къ жестокому бою...

Онъ пѣлъ... и великія тѣни отвѣтили тысячнымъ эхомъ...

— Смотрите, смотрите!... онъ пляшетъ!—вскричалъ кто-то изъ толпы заинтересованныхъ невиданнымъ зрѣлищемъ гостей.—Ахъ, какъ онъ смѣшонъ!

Да, онъ плясалъ ее, воинственную пляску краснокожихъ, надѣляющую пляшущихъ такою страстной отвагой. Она поднимаетъ духъ и удесятеряетъ силы. Онъ слышалъ этотъ громкій боевой кличъ, общій откликъ на его призывъ о т т у д а, снизу. Это воины отозвались на пѣсню призывную своего великаго вождя и,

готовясь въ бой, онъ долженъ проплясать боевую пляску...

— Мистеръ Смартбой! дорогой сэръ!—взмолились дамы: — пусть онъ намъ покажетъ свое искусство! Пусть онъ покажетъ, какъ метаютъ индѣйцы томагаукомъ.

— Томагаукомъ? Ахъ, да!... здѣсь есть онъ,— мы захватили для рубки хвороста... Эй, Черный Ястребъ! — крикнулъ веселый мистеръ Смартбой, взявъ въ руки топорикъ.—Эй, слушай!

Но тотъ плясалъ... Тамъ, внизу, плясали съ нимъ и великія тѣни. Онъ видѣлъ, какъ мѣрно колыхались въ долинѣ ихъ прозрачно-бѣлыя очертанія... Они зовутъ его туда, къ себѣ, внизъ,—въ вольную прерію, къ роднымъ „вигвамамъ“ его воинственныхъ братьевъ... Онъ слышитъ и его сердце трепещетъ восторгомъ, загорается страстною отвагой.

— Слушай! Что же ты это? Ну-ка, покажи, какъ швыряютъ у васъ томагаукомъ!...

Чей это голосъ? чей дребезжащій смѣхъ коснулся слуха великаго вождя, готоваго ринуться въ объятія безсмертныхъ тѣней героевъ? Чей это холодный, безстрастный взоръ смотритъ прямо въ его воспаленныя очи? Кто смѣлъ коснуться вождя и остановить его пляску? Кто?!... Индѣецъ не узнавалъ и не понималъ ничего... Бросить томагаукъ?! Зачѣмъ?!

Мистеръ Смартбой отошелъ уже къ гостямъ, а тотъ все еще стоялъ неподвижно, ничего не понимая и не узнавая. И вдругъ онъ

узналъ! Возбужденное лицо индѣйца моментально исказилось бѣшенымъ гнѣвомъ, глаза запылали еще ярче. Дикій крикъ, похожій на стонъ, вырвался изъ его сжатыхъ губъ и разнесся внизу по долинѣ, предупреждая братьевъ о томъ, что врагъ ихъ близко. Какъ!? и сюда, къ границамъ его свободныхъ братьевъ осмѣлился проникнуть этотъ подлый колдунъ? И стоитъ и смѣется глазами?! Новый бѣшеный крикъ предупрежденія вырвался изъ устъ индѣйца, и видѣлъ онъ, какъ заколыхались, задвигались на него великія тѣни, какъ бросились внизу къ оружію его краснокожіе воины... Сейчасъ, одну минуту—и онъ будетъ съ ними!... Только одно мгновеніе, — онъ сведетъ свои счеты!... Теперь онъ—вождь, и не боится колдуна!...

— Ну-же... швыряй скорѣй!.. хоть въ эту сосну, что ли!

Бронзовая рука поднялась съ томагаукомъ высоко надъ красною тогой и пукомъ бѣлыхъ перьевъ и медленно описывала круги... Всѣ гости пикника съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ уставились жадными глазами въ индѣйца... А тотъ стоялъ неподвижно и, если-бъ не это слабое движеніе руки, его можно было бы принять за античную статую, отлитую изъ мѣди. Но вдругъ эта вытянутая рука рѣзко откинулась назадъ и на мгновенье какъ бы застыла неподвижно. Еще одно сильное и быстрое движеніе, — скорѣе кистью, чѣмъ всею рукой, —

что-то мелькнуло въ воздухѣ, свистнуло... и мистеръ Смартбой съ раскроеннымъ на-двое черепомъ упалъ къ ножкамъ прелестной мистрисъ Бэтси.

— Ахъ!...

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ общій крикъ ужаса ликовавшихъ гостей, въ тихомъ вечернемъ воздухѣ далеко разнесся торжествующій, гортанный хохотъ: великій вождь извѣщалъ своихъ о побѣдѣ. Оттуда, снизу, они отвѣтили ему громкимъ эхомъ и дикій хохотъ гулко катился по глубокой долинѣ... Костры его братьевъ вспыхнули ярче... „великія тѣни“ дрожали привѣтомъ...

И прежде, чѣмъ кто-либо изъ ошеломленныхъ гостей могъ двинуться съ мѣста, индѣецъ прыгнулъ съ обрыва: непобѣдимый вождь, ставшій легче птицы, ринулся въ пропасть къ „великимъ тѣнямъ“ и братьямъ...

. . . . . .

Въ столицѣ естественно всѣ пришли въ ужасъ отъ такой черной неблагодарности...

ПЕППО и ПАНЧА.

Изъ мексиканской жизни.

(*Сюжетъ заимствованъ*).

I.

Замѣчательно красиво положеніе Монтерея! На востокѣ и западѣ, точно стражи, стоятъ высокія пики Зилла и Митрасъ; на югѣ могучая цѣпь Сіерра Мадре застилаетъ горизонтъ своей темно-синей громадой, исчезая въ туманѣ гдѣ-то далеко-далеко... А самъ Монтерей, пріютившійся въ глубокой долинѣ,—развѣ не отвѣчаетъ онъ этой чудной красотѣ своего положенія?... Молчаливые, таинственные домики въ зеленой кущѣ роскошныхъ садовъ, соборъ съ его могучими башнями и статуей Мадонны, монастырь францисканцевъ съ разрушенной часовней, построенной еще за три вѣка въ благодарность небу за открытый источникъ Ойоди-Агуа,—развѣ всего этого мало? А, наконецъ, старинный базаръ съ его лавками, пестрыми, какъ цвѣтникъ Пàнчи, приводящій въ восторгъ художниковъ, ищущихъ красокъ и свѣта, и многія иныя еще романтическія чудеса?!... О, Монтерей—волшебный городъ!

Правду сказать, Панча не имѣла яснаго представленія объ этихъ красотахъ... Если она любила свой Монтерей, то потому, что именно туда, а не въ иное мѣсто занесъ Божій ангелъ младенческую душу, когда Панча вздумала родиться. Любила еще и за то, что семнадцать лѣтъ ея жизни прошли безмятежно тамъ же. И разъ, единственный разъ, когда ей пришлось провести восемь дней не въ Монтереѣ, а у тетки Антоніи на виллѣ Гваделупѣ,—всего въ милѣ отъ города,—правду сказать, ей было смертельно скучно! И какъ же забилось ея сердечко, когда на обратномъ пути, сквозь длинныя уши своего осла, она разглядѣла куполъ родного собора! Она припала головкой къ могучему плечу дяди Тоддо и безмолвно, полная счастья, вздохнула...

Цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ родной городъ не зналъ никакихъ соперниковъ въ ея крошечномъ сердцѣ, какъ и само сердце не знало другого чувства. Но годъ тому назадъ лихой Пеппо сыгралъ съ этимъ сердцемъ какую-то странную штуку: Панча вдругъ узнала, что есть и другая любовь на свѣтѣ, и сразу почувствовала, что эта вторая—неизмѣримо глубже и сильнѣе первой... Пеппо оказался гораздо красивѣе и интереснѣе родного Монтерея, вся сила чувства къ которому какъ-то сразу потухла. Панча убѣдилась въ этомъ очень быстро, въ первый же день Свѣтлаго Праздника, когда кружокъ смѣлыхъ контрабандистовъ вы-

бралъ Пеппо своимъ предводителемъ, и тотъ явился въ Монтерей за благословеніемъ отца и добрыми пожеланіями такихъ же лихихъ малыхъ...

Отцы обоихъ были старые закадычные друзья, какихъ не часто встрѣтишь на бѣломъ свѣтѣ. Кристобаль, отецъ Пáнчи, двадцать лѣтъ уже былъ извѣстнымъ въ Монтереѣ каргадоромъ*) и не было такого злого языка въ цѣломъ городѣ, который покусился бы обвинить его въ порчѣ или утратѣ хотя бы самаго крошечнаго изъ довѣренныхъ ему свертковъ. Отецъ Пеппо столько же лѣтъ занималъ почетный постъ серено**), и самый подозрительный альгвазиль даже намекомъ не покушался никогда кинуть ему подозрѣніе въ стачкѣ съ ночными молодцами.

О, это были достойные люди и свято чтили Мадонну!... Кудрявый молодецъ Пеппо росъ у родныхъ въ далекомъ Таманлипасъ и явился въ первый разъ въ Монтерей подѣлиться и честью, и счастіемъ. Старики весело подмигивали другъ другу, глядя на ловкаго, браваго юношу, и счастливо потягивали принесенную имъ крѣпкую парасъ, которую, къ слову сказать, не нюхала ни одна таможенная крыса. Ге-ге! — Пеппо былъ не такой малый, чтобы знаться съ этимъ народцемъ, и не на столько

---

*) Каргадоръ,—уличный слуга, носильщикъ, коммиссіонеръ.

**) Серено—ночной сторожъ.

глупъ, чтобы заплатить хоть одно тлако*) пошлины!.. А славная, право, эта „парасъ“!... Ну, да и малый не промахъ,—далеко пойдетъ, если поможетъ святая Мадонна!... Шутка ли, въ двадцать два года и—глава отряда... Куда-жъ шагнетъ парень лѣтъ въ тридцать!?

Но какъ ни ловокъ былъ малый, какъ ни пряталъ искусно концы,—а вотъ же и не спряталъ отъ Пàнчи того, въ чемъ убѣдиться ей было такъ сладко!.. Ну, да можетъ быть онъ вовсе и не хотѣлъ скрывать, что изъ всѣхъ черныхъ глазъ на свѣтѣ только ея глаза не даютъ ему ни днемъ, ни ночью покоя, и такъ и влекутъ изъ горъ въ Монтерей! Какъ ни какъ, а цѣлыхъ полгода уже знала Пàнча, какъ сильно любитъ ее бравый Пеппо, хотя ни одно слово объ этомъ ни разу не соскочило съ ея коралловыхъ губокъ... Даже патеръ не услышалъ ни слова, ибо Пàнча допустила въ данномъ случаѣ исключеніе и повѣрила свою тайну непосредственно самой Мадоннѣ, да и то такимъ шепотомъ, что только одна Святая Дѣва и могла разслышать. Сильно любилъ Пеппо,—а все-таки рѣдко являлся малый въ Монтерей смотрѣть въ тѣ глаза, что не давали ему покоя... Шпоры свои носилъ добрый молодецъ не даромъ и скоро доказалъ, что выборъ его товарищей былъ очень удаченъ. Работы было по горло и ужъ такихъ штукъ,

*) Мелкая мѣдная монета.

съ контрарестардесъ *), какія выкидывалъ съ ними ловкій и безстрашный Пеппо,—никому не доводилось выкидывать. Уфъ, и какія, право, штуки,—Святая Мадонна!—Умирать со смѣха приходилось добрымъ людямъ, глядя, какъ злится и блѣднѣетъ, бывало, одураченная стража сбитая съ толку... Наведетъ ее Пеппо на ложный слѣдъ, путаетъ она по горамъ и ущельямъ,—а тотъ въ это время подъ самымъ носомъ цѣлый караванъ муловъ проведетъ. Ну, и счастье-жъ везло ему,—такое счастье, что купцы, для которыхъ Пеппо былъ чистой находкой, все больше и больше его звѣздѣ вѣрили и, не задумываясь, ввѣряли ему самые цѣнные товары. А народъ,—такъ тотъ удивлялся на него, даже гордился имъ! Да и могло ли оно быть иначе, — сами посудите... Разъ только наскочилъ Пеппо на бѣду,—ну, да и тутъ не сплошалъ, выпутался, ловкая голова! Вотъ какъ это было.

Велъ онъ большой караванъ въ Лампацо, ну, а тамъ все какъ на ладони открыто,—ни холмика, ни камня! Только и узнай онъ тутъ, что таможенная стража такъ прямо и валитъ за нимъ по слѣду. Видитъ малый, что некуда ему укрыться, не поставилъ въ этомъ мѣстѣ Господь убѣжищъ-горъ для добрыхъ людей,—а все-таки не сробѣлъ и не потерялся!.. Погналъ прямо въ городъ муловъ,—и будь что

*) Контрарестардесъ—таможенная стража.

будетъ!... Пригналъ, постучался въ одну дверь, въ другую, — шепнулъ два-три слова,—глядь, анъ и слѣдъ простылъ каравана!.. Ну, и хохоту-жъ было, какъ вслѣдъ за нимъ нагрянула въ городъ погоня!... Ходятъ стражники съ вытянутыми лицами, заглядываютъ въ каждое „патіосъ“ *), видятъ еще горячихъ, потныхъ муловъ,—такъ и валитъ паръ!—сѣдла валяются,—ну, да что возьмешь!... Даже въ Мексикѣ можно имѣть сколько хочешь сѣделъ, а муламъ всегда дозволялось потѣть въ волю,—на то нѣтъ запрета. Туда, сюда... гдѣ Пеппо?—никто ничего не знаетъ, хоть бы слово кто!... И ушли одураченные стражники съ носомъ... а какъ только ушли,—въ каждомъ патіосъ нашелъ Пеппо все свое добро въ цѣлости до послѣдняго свертка. Даже за постой да кормъ съ него никто и ничего не взялъ!

Къ свѣтлому празднику опять появился Пеппо въ Монтереѣ. Весело привѣтствовали его друзья, да тому хотѣлось услышать привѣтствіе изъ другихъ устъ. Ну, и прилипъ же онъ къ свой Пàнчѣ,—такъ прилипъ, точно бы пришили его къ красной съ золотомъ юбкѣ! Помолвили отцы парочку, сами на нее не налюбуются,—зовутъ добрыхъ людей любоваться... Порѣшили свадьбу черезъ годъ сыграть, когда Пеппо больше денегъ наживетъ. Сошлись добрые люди и донъ-Базильо пришелъ, сосѣдъ

*) Дворъ.

отца Пàнчи. И ужъ сколько выпили тутъ всѣ на радостяхъ,—такъ и сказать нельзя!

Пилъ и Пеппо,—нельзя вѣдь... Пилъ, а хорошая парасъ и развязала ему языкъ... Ну, да и народъ-то все былъ свой,—хорошій народъ!.. Сталъ Пеппо разсказывать, какое онъ новое дѣло задумалъ... А ужъ и штучку, правда, выдумалъ,—святая Мадонна!—какую славную штучку!... Ни больше, ни меньше, какъ въ самый Монтерей три каравана за-разъ ввести задумалъ! И вотъ какъ дѣло слаживалось. Въ горахъ онъ нѣсколькихъ муловъ хотѣлъ поставить, чтобы стражу сбить съ толку,—какъ погонится она по ложному слѣду, онъ тѣмъ временемъ къ городу подойдетъ быстрымъ ходомъ. А чтобы въ городѣ на что-нибудь не наткнуться,—съ другой стороны пустую, старую хату подожгутъ. Извѣстное дѣло,—народъ, какъ ночныя бабочки: такъ и кинется къ огню!... И хохоту-жъ было, когда онъ этотъ ловкій планъ разсказывалъ,—святой патронъ Яго!—сколько веселаго хохоту!.. Пàнча такъ и заливалась серебрянымъ колокольчикомъ,—любо ей было сознавать, что́ за бравый молодецъ ея нареченный!.. И донъ-Базильо хохоталъ да радовался,—нуженъ ему былъ хорошій товарецъ, очень нуженъ!

Въ ту же ночь проводила Пáнча своего милаго за городъ въ горы, и нельзя сказать, чтобы шли-то они очень быстро. И что ужъ тамъ у нихъ было, про что это они все шеп-

тали другъ другу, — одинъ мѣсяцъ блѣдный развѣ видѣлъ и слышалъ... Долго смотрѣла ему вслѣдъ Пáнча, а какъ скрылся онъ изъ вида совсѣмъ, такъ что и ея глаза слѣдъ его потеряли,—вытерла слезы, вздохнула да и побѣжала сейчасъ къ собору. Стала на колѣни передъ статуей Мадонны и все ей разсказала дѣвушка, все до послѣдняго словечка, потому что долго говорила...

Вернулся и донъ-Базильо домой,—веселый, смѣется,—своей дочкѣ, Цонѣ, про сговоръ Пеппо съ Пáнчей разсказываетъ и задуманнымъ добрымъ молодцемъ дѣломъ хвалится. Поблѣднѣла Цона, какъ полотно стала,—точно бы, вотъ, острый ножъ ей прямо сердце прорѣзалъ... Лучше бы, кажется, красавицѣ Пеппо мертвымъ увидѣть, чѣмъ нареченнымъ Пàнчи,—даромъ, что подружкой была ея!.. Ну, да у монтерейскихъ красавицъ, правду сказать, всегда такъ: ужъ какъ втюрятся онѣ въ парня, такъ вотъ, ей-ей!—скорѣе горло перервутъ, чѣмъ соперницѣ уступятъ!.. Такъ ужъ отъ прабабушекъ къ внучкамъ изъ рода въ родъ ведется у нихъ. Злѣе ягуара становятся, — даромъ что голубками воркуютъ,—и все имъ тогда ни по чемъ... хоть цѣлый полкъ веди на нихъ! Такъ и съ Цоной сталось... А ужъ и гордая, и самолюбивая была красавица! За гордость и красоту ее и прозвали „La Reina"! Самыми красивыми парнями, бывало, помыкаетъ, какъ добрый ѣздокъ плохимъ муломъ, ну, а тутъ сама наскочила...

Черные глаза Пеппо,—видите ли, — самой-то, кошечкѣ, ужъ больно приглядѣлись!.. Такъ приглядѣлись, что, вотъ, хоть въ гробъ ложись,— а подай! Ну, да и самолюбіе страдаетъ... гордость щемитъ...

Выбѣжала Цона, какъ шальная, а ей на встрѣчу Па́нча отъ Мадонны идетъ, ровно видѣніе въ лунномъ свѣтѣ неслышно двигается... Схватила ее та за руку, сдавила и, еле переводя духъ отъ волненія, еле разжимая стиснутые зубы, спрашиваетъ страстно:

— Скажи мнѣ, Па́нча, правду: любитъ тебя Пеппо?...

— Да, подруга моя! любитъ меня Пеппо такъ же, какъ и я его люблю!—отвѣчаетъ Па́нча.—И мы сказали уже это другъ другу...

— И сегодня былъ у васъ сговоръ?

— Да, сегодня былъ сговоръ!...

Цона засмѣялась, какъ смѣется шакалъ темною ночью...

— Будь же онъ проклятъ, твой Пеппо, который промѣнялъ меня на такую, какъ ты, недостойную тварь... И ты будь проклята, Па́нча! Забудь, что я была твоей подругой!... Но клянусь тебѣ Мадонной святой, что свадьбы этой не будетъ!... Мадонной клянусь! — хоть бы и пришлось загубить свою душу!...

И что же задумала ревнивая красавица?!...

II.

Былъ въ таможенной стражѣ офицеръ донъ-Педро, который сильно покручивалъ черный усъ, когда увидитъ, бывало, Пàнчу... Всѣ знали, что давно уже врѣзался онъ въ нее, — знала и Пáнча. Красивый былъ малый и ловкій! Сколько дѣвушекъ отъ него съ ума сходило,— а вотъ же и не тянуло къ нему Пáнчу,—даже глядѣть на него не глядѣла. Убивался парень, но что тутъ подѣлаешь, когда это дѣло святой Мадонны,—ея, знать, воля, что одинъ любится, а на другого и глядѣть не хочется... Но, какъ ни убивался,—а все-таки не терялъ надежды. Такъ, вотъ, и борода, — какъ ты ея ни брей, а она все ростетъ...—говорилъ часто на эту тему цирюльникъ Янито... Зналъ онъ, кого кто любитъ въ городѣ, какъ дѣвица свое приданое...

Сидитъ это разъ донъ-Педро у себя вечеромъ, ничего не знаетъ,—только, вдругъ, слышитъ, докладываютъ ему, что какая-то красавица его спрашиваетъ. Какой же caballero не выскочитъ на такія слова быстрѣе кота за мышью?! Выскочилъ, смотритъ,—дѣйствительно,—стройная дѣвушка передъ нимъ, только лица нельзя разсмотрѣть было въ темнотѣ подъ густой вуалью. Протянулъ донъ-Педро руку, да слышитъ вдругъ, говоритъ ему незнакомка:

— Оставьте, caballero!... Я не на любовное свиданіе пришла къ вамъ. Завтра ночью, —

говоритъ:—капитанъ *) Пеппо хочетъ ввести въ городъ три каравана контрабанды!—И разсказала ему змѣя Цона весь планъ, который узнала отъ донъ-Базильо.

— Да вамъ-то что, синьора?—А что, если то, что́ вы говорите, да неправда, чтобы обмануть стражу?..

Цона засмѣялась такимъ смѣхомъ, что офицеръ пересталъ колебаться.

— Мнѣ нужно, чтобы вы взяли Пеппо... лишь бы онъ не достался этой змѣѣ Па́нчѣ!—вотъ, зачѣмъ я вамъ разсказала.—А вы, вѣдь, сэноръ, хорошо знаете, кто такая Па́нча,—вамъ также нѣтъ разсчета желать этой свадьбы...

Офицеръ поблѣднѣлъ и схватился за грудь, гдѣ боролось въ это мгновеніе такъ много самыхъ противоположныхъ ощущеній.

— Развѣ синорита Па́нча выходитъ за него замужъ?

— У васъ есть срокъ, сэноръ,—завтра вы можете разспросить у всѣхъ, когда былъ ихъ сговоръ.

Разсмѣялась холоднымъ, злымъ смѣхомъ и убѣжала, какъ безумная, да такъ и рехнулась съ тѣхъ поръ злая Цона,—знать наказала ее святая Мадонна!...

А донъ-Педро долго стоялъ въ волненіи, не зная, на что рѣшиться... Какъ-ни-какъ,—

---

*) Въ Мексикѣ начальники какихъ бы то ни было отрядовъ называются капитанами.

а въ груди его все-таки билось бравое сердце гидальго. И неловко ему чувствовалось отъ этого прямого предательства, и ревность черной змѣей сосала молодое сердце, и долгъ нашептывалъ ему свой призывъ, да и славы хотѣлось—поймать самаго ловкаго контрабандиста, смѣлость котораго не знала предѣловъ! И то еще мучило его, что никогда не проститъ ему Пàнча, если она дѣйствительно любитъ Пеппо,—проклянетъ его предъ святымъ ликомъ Мадонны. Но долгъ и ревность заявляли о себѣ, впрочемъ, громче всего...

III.

Ужъ и вечеръ стоялъ,—славный такой, тихій да темный... Луны на небѣ не было,—не любятъ ее, извѣстно, добрые молодцы, въ особенности, когда она свѣтитъ некстати!.. Ну, да и она не любитъ обличать то, что́ требуетъ тайны. Любитъ она звуки гитары, любитъ слушать воркованье влюбленныхъ, а чтобы мѣшать бравому дѣлу,—нѣтъ!—она всегда спрячется, когда это нужно!...

Пáнча сидѣла съ отцомъ и дономъ-Мануэлемъ,—отцомъ Пеппо,—и всѣ трое весело говорили о хорошей штукѣ, которую выкинетъ бравый Пеппо темною ночью. Сильно билось дѣвичье сердце,—страстно хотѣлось ему поскорѣе услышать милый, ласковый голосъ, а

время, какъ бы на зло, текло такъ медленно и скучно, точно ѣхало на упрямомъ ослѣ въ гору... Какой же это красавицѣ на бѣломъ свѣтѣ терпится ждать своего милаго! Во всякомъ случаѣ не Пáнчѣ, потому что она не спускала лихорадочнаго взора съ далекой горной дороги, что, еле синѣя, вилась по кручамъ внизъ къ высокому городскому мосту. А когда темная ночь окутала все такою черною мглою, что и ея зоркіе глаза не могли различать ничего, она стала тревожно вслушиваться. Донъ-Мануэль бросилъ уже сигару, зажегъ фонарь и ушелъ выкликать свое: слу-шай!.. Еще сильнѣе забилось дѣвичье сердце,— знала она, что въ эту пору какъ разъ и спускаются караваны ея милаго съ кручи... Еще немного—и станетъ ея милый передъ нею. Да не такъ, знать, хотѣла Мадонна святая... Могильную тишину ночи прорѣзалъ рѣзкій крикъ, послышался топотъ скакавшихъ всадниковъ и въ сторонѣ моста одинъ за другимъ блеснули яркіе выстрѣлы. Пàнчѣ казалось, что это стрѣляютъ ей прямо въ сердце... Полная ужаса, поняла она сразу бѣду своего милаго, почуяла сердцемъ, что какой-то врагъ предалъ его, и подняла къ Мадоннѣ руки... Каждая капля индійской крови затрепетала въ ея жилахъ и, не удержи ее силой отецъ, Пàнча ринулась бы въ битву, на помощь Пеппо, такъ же безстрашно и пылко, какъ нѣкогда добрыя жены ацтековъ кидались на испанцевъ по до-

рогѣ въ Анагуакъ. И жутко пришлось бы тогда донъ-Педро съ его стражей! да, знать, не хотѣла Мадонна... Подкосились у Пáнчи рѣзвыя ноги, грохнулась она на-земь, какъ срѣзанный колосъ...

Когда она очнулась—все уже было тихо... Неслышною тѣнью скользила она по темнымъ, спавшимъ улицамъ, пробираясь къ предмѣстью. Тамъ, знакомою тропой, по которой недавно провожала Пеппо, Пáнча направилась къ мосту. Скоро она наткнулась на трупъ молодого парня изъ отряда Пеппо и тутъ же должна была обойти еще два трупа въ мундирахъ таможенной стражи. Но мертвыхъ она не боялась,—теперь ее ничто не пугало... Съ каждымъ шагомъ труповъ становилось все больше,—дорого продавали свою жизнь молодцы!—и Пáнча только молилась за ихъ души Пресвятой Дѣвѣ. Вотъ цѣлая куча убитыхъ: видно, что тутъ шла самая горячая схватка,—вотъ неподвижныя массы убитыхъ муловъ и разбитые тюки... Но гдѣ же Пеппо?... Какъ ни приглядывалась Пáнча, Пеппо нигдѣ не было!...

Она замѣтила вдали слабый трепетный свѣтъ фонаря серено и сейчасъ же пошла на него, пробираясь черезъ трупы и тюки. Тамъ стоялъ донъ-Мануэль, закутанный въ свой длинный плащъ, и сказалъ ей, что Пеппо нѣтъ среди плѣнныхъ, какъ онъ узналъ отъ знакомаго контраресгардесъ... Пàнча не отвѣтила ни слова и только прикоснулась холодными

устами къ дрожавшей старческой рукѣ, и оба вмѣстѣ,—отецъ и невѣста,—молча пошли туда, къ мосту, искать среди мертвыхъ жениха и сына. Оба знали, что если Пеппо не взятъ плѣннымъ, то убитъ, ибо не таковъ былъ малый, чтобы кинуть въ бѣдѣ товарищей...

Но гдѣ же Пеппо? Молча обошли они все мѣсто боя, надъ каждымъ трупомъ трепетно свѣтилъ фонарь серено, но ни въ одномъ лицѣ не узнали они того кого искали! Тогда они оба осторожно двинулись на высокій мостъ и стали чутко прислушиваться... Откуда-то снизу, изъ глубокой мглы, доносилось что-то слабое, похожее на легкій стонъ... Серено поднялъ свой фонарь и зорко началъ всматриваться въ глубину. Наконецъ, старикъ какъ-то странно захрипѣлъ и, схвативъ за руку Пàнчу, быстрыми шагами направился съ моста внизъ по кручѣ,—отцовскіе глаза разглядѣли сына...

Пеппо лежалъ въ самой глубинѣ, на зеленой травѣ у берега, рядомъ съ неподвижнымъ трупомъ дона-Педро, въ груди котораго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сердце, торчала рукоятка боевого ножа... Смертельно раненый, онъ еще дышалъ и сразу узналъ отца и невѣсту.

— Падре! Пàнча!...—прошепталъ онъ со вздохомъ слабѣющими устами.

Безъ единаго слова, безъ звука оба упали предъ нимъ на колѣни, точно пораженные громомъ, а Пеппо шепталъ имъ, все больше слабѣя и слабѣя.

— Насъ предали, падре, но мы славно дрались и умереть не стыдно... О, моя Пàнча, моя Пàнчита... о!...

Онъ замолчалъ, но собрался съ силами.

— Сейчасъ... конецъ, Панчита... сейчасъ!... Одинъ поцѣлуй, милая, одинъ поцѣлуй... Скорѣй, моя Панчита, я... я... отнесу его Мадоннѣ...

И Пàнча наклонилась и страстно поцѣловала помертвѣвшія уста первымъ поцѣлуемъ своей первой дѣвственной любви! Потомъ она сложила руки и помолилась Мадоннѣ. Потомъ быстро разорвала воротъ, сняла съ креста ладонку съ зашитой въ ней святыней и, разстегнувъ куртку Пеппо, положила ее на переставшее биться сердце. Потомъ... но никто и никогда не узналъ, что́ сталось потомъ съ Пáнчей и куда она дѣвалась...

ИДИЛЛІЯ ВЪ АННАМѢ.

(*Сюжетъ заимствованъ*).

Дозонъ—маленькая рыбачья деревушка, которую въ послѣднее время охотно посѣщаютъ культуроносители этого подтропическаго края, населеннаго дѣтски-наивнымъ народомъ... О красивые щеголи-офицеры, всегда готовые рубиться, а въ часы отдыха ухаживать за бронзовыми красавицами, и не менѣе щеголеватые негоціанты, для которыхъ „сто на сто“ считается здѣсь ничтожнымъ барышомъ,—они находятъ для себя не мало забавнаго и интереснаго въ Дозонѣ! Предпріимчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне набожный, которому и везло за это, ростовщикъ Симсонъ выстроилъ здѣсь даже маленькую гостиницу въ мѣстномъ стилѣ, но убранную вполнѣ по-европейски, съ итальянской верандой и недурнымъ видомъ... Она частенько бываетъ полна представителями высшей расы и, благодаря недурнымъ цѣнамъ, набожный, хозяинъ не сѣтуетъ на свое новое предпріятіе, а горячо благодаритъ Всевышняго за неисчислимыя щедроты...

Хорошо и весело бываетъ въ Дозонѣ, хотя и жарко... Но я знаю и одну грустную исторійку, отъ которой вѣетъ холодомъ...

Тамъ жила Банъ, молоденькая бронзовая фея, такая красивая и стройная, съ такими дивными глазами, что люди звали ее или цвѣткомъ, или веселой птичкой. Не знаю, наивны ли цвѣты, но птички, несомнѣнно, наивны,— а четырнадцатилѣтняя Банъ была наивнѣе птичекъ. Она жила у старой бабушки, торговавшей плодами и раками, а послѣднихъ съ избыткомъ таскали красивой Банъ маленькіе рыбачата за ея дивныя сказки о драконахъ и феяхъ. Этимъ сказкамъ научила ее старуха... Съ самыхъ первыхъ лѣтъ разсказывала она своей внучкѣ дивныя вещи, и птичка Банъ простодушно и страстно вѣрила въ могучихъ красавцевъ-князей, которые уводятъ для нѣги и счастья бронзовыхъ фей въ свои очаровательные замки, побивая драконовъ. Она вѣрила, иногда задумывалась и, какъ бы украдкой, вздыхала...

Разъ одному блестящему кавалерійскому офицеру пришла шальная идея, — тоже понавѣдаться въ Дозонъ. Это было въ одинъ изъ роскошнѣйшихъ декабрьскихъ дней, когда раки цѣнятся дороже и сбытъ ихъ вполнѣ обезпеченъ. Онъ, конечно, зашелъ въ гостиницу, плотно и хорошо пообѣдалъ, выпилъ, закурилъ сигару и, растянувшись затѣмъ въ длинномъ креслѣ на верандѣ, сладко вздрем-

нулъ. Такъ дремать могутъ только люди, счастливые своей миссіей или полные сознанія хорошо исполненнаго долга. Не знаю, думалъ ли когда нибудь и что-нибудь молодой офицеръ о своей миссіи, но въ жгучемъ вопросѣ о долгѣ онъ былъ безусловно спокоенъ: въ каждой схваткѣ съ наивными и плохо вооруженными аннамитами онъ рубилъ направо и налѣво.

Какъ разъ въ это время Банъ сдала принесенные ею раки хозяину гостиницы и направлялась назадъ мимо веранды. Въ первый еще разъ была она тутъ и, полная изумленія, остановилась, какъ вкопанная. Въ открытую дверь веранды она впервые увидѣла зеркало, висѣвшее на противоположной стѣнѣ, и потому, естественно, открыла свой чудный ротикъ и оскалила жемчужные зубы. Тамъ, въ зеркалѣ, хорошенькое бронзовое личико сдѣлало то же. Тогда Банъ закрыла ротикъ и убѣдилась, что темный двойникъ ея копируетъ ее послушно. Полная жгучаго любопытства, она какъ-то совсѣмъ машинально вступила на веранду и стала на самомъ порогѣ. Цѣлыхъ пять минутъ простояла она неподвижно, все шире и шире раскрывая изумленные глазки, пока не убѣдилась, казалось, въ чемъ-то... Но и тутъ ее взяло сомнѣніе, потому что она всплеснула руками и, точно не вѣря самой себѣ, проговорила:

— Неужто ужъ это я такая хорошенькая? Совсѣмъ точно бронзовая фея!

А легкій родной вѣтерокъ, чуть-чуть шурша въ зеленыхъ, прихотливо иззубренныхъ листьяхъ и качая пестрѣвшія ярко головки душистыхъ цвѣтковъ, тихо шепталъ ей, казалось:— да, да... это ты, моя Банъ, моя птичка, мой цвѣтокъ!...

Тогда очарованная Банъ повернулась, и очарованіе ея и изумленіе выросли еще сильнѣе,—совсѣмъ перешли въ восхищеніе. Прямо передъ нею, растянувшись въ длинномъ креслѣ, дремалъ сказочный князь, который уводитъ бронзовыхъ фей въ свой волшебный замокъ! Блестящій, смуглый, загорѣлый, почти такой же бронзовый, какъ и она, этотъ сказочный князь казался какимъ-то неотразимо прелестнымъ, волшебнымъ видѣніемъ, и сладкій сонъ его баюкали стрекотомъ рѣзвыя птички и пестрые цвѣты своимъ душистымъ дыханіе. Повинуясь влеченью какой-то сильной чары, восхищенная Банъ на кончикахъ пальцевъ, тише легкой кошки, подкралась къ спящему, наклонилась, уставила въ него свои глазки и услышала ясно, какъ легкій родной вѣтерокъ, чуть-чуть шурша яркими листьями и пестрыми цвѣтами, прошепталъ ей въ уши:—да, да, моя Банъ, моя бронзовая фея! это онъ,—твой... князь и владыка!

Тутъ дремавшій князь поднялъвдругъ опущенныя вѣки и сладко улыбнулся, тоже полный изумленія... Прямо навстрѣчу его взору свѣ-

свѣтились двѣ яркія звѣздочки и чудная, дѣтски-наивная, счастливая улыбка.

— Чортъ возьми! — сказалъ онъ. — А, вѣдь, право же недурна эта темная крошка! Чего ей нужно?

Банъ, конечно, не поняла ни слова, потому что князь говорилъ на своемъ, ему одному извѣстномъ, княжескомъ языкѣ. Но на улыбку она отвѣтила еще болѣе свѣтлой улыбкой и не спускала взгляда, пока тотъ не протянулъ къ ней руки и не сказалъ знакомыхъ словъ: „иди ко мнѣ!“ Тогда очарованная, она опустила скромно глазки и... подошла къ нему, чтобы идти въ замокъ...

Старая бабушка выплакала свои глаза, потому что ея внучка, Банъ, безслѣдно исчезла... Даже зоркіе рыбачата не знали, куда она дѣвалась, а ужъ мало ли рыскали они взадъ и впередъ, разыскивая свою хорошенькую сказочницу!... Добрые сосѣди тоже ничего не знали Вѣроятно, случилось какое-нибудь сказочное чудо... Дѣвушку могъ подхватить вольный вѣтеръ, который любитъ красотокъ, и унести на свою сторону, откуда показывается солнце. Могъ, наконецъ, похитить и мрачный драконъ, что̀ живетъ на западныхъ горахъ, далеко за Брамапутрой, въ облакахъ и льдинахъ... Мало-ли что̀ могло случиться... А тигръ? Развѣ не

уноситъ онъ бронзовыхъ красотокъ? Но извѣстно, что, полакомившись хорошенькой жертвой, онъ оставляетъ за то въ покоѣ стада... Все же утѣшеніе!

Такъ думали добрые люди, но старая бабушка думала другое и не теряла надежды... Отъ рѣзвой Банъ многое могло статься и, чего добраго, не сказавши никому и словечка. дѣвчонка могла побѣжать къ замужней теткѣ, что жила въ добрыхъ десяти миляхъ отъ Дозона... То-то задастъ она нагоняй этой стрекозѣ съ ея сверкающими глазенками!... Какъ ни было трудно это для ея старыхъ костей, но, прождавъ долго, добрая старуха собралась въ путь къ замужней дочери, теткѣ своей рѣзвой бѣглянки. Уходя, она все-таки оставила въ своемъ шалашѣ небольшой запасъ провизіи на случай неожиданнаго возвращенія внучки.

И хорошо сдѣлала, что оставила, потому что въ ея отсутствіе Банъ вернулась... Да, вернулась, но только не прежней Банъ, не рѣзвой птичкой, не яркимъ цвѣточкомъ... Боже! до чего была печальна и убита прежняя бронзовая фея, до чего она постарѣла!... Путешествіе въ волшебный замокъ сказочнаго князя оказалось на дѣлѣ далеко не легкимъ: ножки Банъ были въ крови, а платье въ лохмотьяхъ...

Въ Дозонѣ же у скромной Бенъ-Бао росъ единственный сынъ, Генъ, въ которомъ мать не слышала души. Онъ не былъ похожъ на сказочнаго князя, но любить умѣлъ глубоко и — увы! — безнадежно. Чудные глазки Банъ очаровали малаго еще съ ранняго дѣтства, когда оба играли безпечно въ „мужа и жену“, или „дракона и царевну“... Что же дѣлать, если дѣтскія мечты не сбываются и разсѣиваются, какъ дымъ, вмѣстѣ съ дѣтствомъ! Очень можетъ быть, однако, что эта глубокая любовь и магическіе глазки болѣе, чѣмъ любовь къ Бенъ-Бао и ея слезы, удержали юношу на мѣстѣ, когда смѣлые сверстники уходили въ горы, чтобы перевѣдаться своимъ бѣднымъ, наивнымъ оружіемъ съ могущественными пришельцами „варварами“, защищая родную землю и родныя могилы, и звали молодого Гена съ собою...

— Не слушай, Генъ, мое единственное счастье! — говорила Бенъ-Бао и плакала. — У этихъ варваровъ-пришельцевъ ружья сыплютъ смертельныя пули такъ часто и густо, какъ дождикъ свои капли, и бьютъ такъ далеко, что намъ ничего съ ними не подѣлать. Они — дѣти дракона... Сиди лучше и пожалѣй свою мать Бенъ-Бао!...

Банъ не говорила ни слова, даже не смотрѣла, но... Генъ остался! Иногда, впрочемъ, его мучилъ какой-то странный, таинственный голосъ. Легкій родной вѣтерокъ, чуть-чуть

шурша прихотливо иззубренными листьями и качая головки душистыхъ цвѣтовъ, казалось, нашептывалъ ему въ уши: - Генъ, Генъ... тамъ гибнутъ твои братья, защищая родныя могилы!— Но Генъ не уходилъ.

Впрочемъ, когда Банъ исчезла, Генъ и не могъ уйти,—онъ слегъ. Исчезновеніе красавицы поразило его, какъ громовая стрѣла, которая, какъ извѣстно, бьетъ каждаго, кто дерзновенно или случайно подглядитъ какую-нибудь тайну боговъ. Щеки Гена стали походить на увядшій пожелтѣлый листъ, но глаза горѣли ярче, чѣмъ въ тѣ минуты даже, когда ему доводилось встрѣтиться съ бронзовой феей. Бенъ-Бао позвала ученаго Ки-Ліу съ длинной привязной косой и огромными очками, мудреца врачевателя, хорошо знавшаго множество земныхъ тайнъ и заклинаній, молчаливаго и важнаго, одного вида котораго должна была трепетать всякая лихая хворость. И важный Ки-Ліу долго мудрилъ надъ хворымъ юношей, прикладывая руки и ко лбу, и къ ногамъ его, дулъ ему въ полуопущенныя вѣки и прислушивался къ горячему дыханію. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что все это дѣло злого дракона, который дохнулъ на несчастнаго своимъ пламеннымъ вздохомъ, и посовѣтовалъ принести ему умилостивительную жертву.

Бенъ-Бао принесла не одну, а двѣ жертвы, но дѣло не поправилось. Генъ по-прежнему лежалъ неподвижный и безсильный, снѣдаемый

страшнымъ пламенемъ дракона. Тогда, полная отчаяніи, Бенъ-Бао оставила въ покоѣ ученаго мудреца Ки-Ліу и обратилась къ собственному сердцу, которое быстро подсказало ей лѣкарство. Какъ ни было это больно гордому сердцу матери, увѣренной, что ея Генъ можетъ взять самую богатую и знатную невѣсту въ Дозонѣ, она пошла къ бѣдному шалашу убогой продавщицы плодовъ и раковъ и сказала вернувшейся бѣглянкѣ:

— Банъ! мой Генъ умираетъ!.. Ты одна можешь спасти его изъ когтей чернаго дракона,—ты это знаешь... Иди же къ намъ!

Но Банъ стояла неподвижно, безмолвно, подавленная и грустная, а губы ея дрожали, точно она собиралась заплакать.

Бенъ-Бао тоже стояла нѣсколько мгновеній молча, тщетно ожидая отвѣта, и потомъ снова заговорила голосомъ, въ которомъ уже звучала мольба:

— Банъ, ты *его* не любишь, я это знаю... Но онъ умретъ, если ты не станешь его женою... Спаси его, Банъ!

Банъ не двигалась, губы ея задрожали сильнѣе, изъ чудныхъ глазъ брызнули, наконецъ, слезы... Очевидно, красавица боролась сама съ собою. Но, вдругъ она подняла руки, закрыла ими лицо и, рыдая, сказала:

— Нѣтъ, Бенъ-Бао, не проси!.. я не могу... я не стою... О, не моли меня, Бенъ-Бао!

Тогда гордая Бенъ-Бао упала предъ красавицей на колѣни и схватила руками ея лохмотья:

— Банъ! я молю тебя!

И старуха долго молила бы еще, если бы непреклонная фея не вырвалась и не кинулась бы вонъ, какъ безумная, изъ убогаго шалаша. Тогда Бенъ-Бао сама зарыдала и долго стукалась головой о черную землю. Потомъ она встала, вытерла слезы и громко сказала:

— Будь же ты проклята, Банъ! Пусть проклянетъ тебя тотъ, кто любитъ и полюбитъ!.. Пусть проклянутъ тебя твои дѣти, если они у тебя будутъ, и пусть возьметъ ихъ черный драконъ, когда они станутъ твоей радостью!..

Генъ умиралъ... По обычаю, его перенесли въ среднюю комнату, одѣли въ праздничную одежду, положили лицомъ къ востоку и заносили тушью на бумагу каждое его слово. Къ ноздрямъ подложили два легкихъ хлопка ваты, чтобы по движенью ихъ слѣдить за дыханьемъ.

Высохшая отъ горя, похожая на живую тѣнь, Бенъ-Бао двинулась зачѣмъ-то изъ комнаты и, къ изумленію столкнулась на порогѣ съ Банъ.

— Это ты, Банъ? Входи, входи!.. можетъ быть, ты спасешь его еще! — крикнула она почти радостнымъ голосомъ.

— Я войду...—отвѣтила Банъ, опуская рѣсницы:—но не будетъ ли Гену хуже, когда онъ увидитъ меня?

— Нѣтъ, Банъ... хуже ему уже быть не можетъ!—отвѣтила тихо старуха.

Банъ вошла и подошла прямо къ умиравшему.

— Генъ, ты хочешь меня видѣть? Не будетъ ли тебѣ тяжело?

Умирающій открылъ глаза.

— Да... Банъ...—отвѣтилъ онъ тихимъ и слабымъ голосомъ:—я хочу тебя видѣть и мнѣ не будетъ тяжело...

Тогда Банъ попросила, чтобы всѣ присутствовавшіе ушли изъ комнаты, и, когда всѣ вышли, она сѣла на ложе Гена и, плача, разсказала ему свою трагическую исторію, начиная со встрѣчи на верандѣ. Генъ тоже плакалъ и держалъ ея руку.

— Такъ ты, Банъ, въ самомъ дѣлѣ вѣрила сказкамъ старухи-бабушки? — спросилъ онъ сквозь слезы.

— Да, Генъ, я вѣрила... Прокляни же меня, милый Генъ!..

Но Генъ сильнѣе, послѣднимъ усиліемъ сжалъ ея ручку, точно боясь, какъ бы она у него не выскользнула, и отвѣтилъ:

— Проклясть?! О, нѣтъ, моя милая Банъ!.. Да будутъ благословенны боги, что привели тебя къ моему порогу!..

. . . . . .

Когда, много времени спустя, старая Бенъ-Бао заглянула въ комнату, она застала своего Гена въ объятьяхъ бронзовой красавицы тихо заснувшимъ навѣки...

Послѣ одной горячей схватки съ дикарями, которые, между прочимъ, покушались поджечь склады арміи своихъ цивилизаторовъ и даже успѣли въ этомъ, но огонь былъ вò-время потушенъ,—военный штабъ былъ поставленъ въ маленькое затрудненіе вопросомъ: какъ быть съ плѣнными?.. Конечно, по отношенію къ плѣннымъ мужчинамъ этотъ вопросъ не вызывалъ ни малѣйшихъ затрудненій и рѣшался очень просто. Этихъ каналій бунтовщиковъ привяжутъ къ жерламъ пушекъ и разнесутъ въ куски картечью,—вотъ и все! И просто, и скоро!... Но среди плѣнныхъ были двѣ поджигательницы, взятыя на мѣстѣ преступленія.

— Гм!—колебался старый рубака-подполковникъ, крутя сѣдой усъ.—Оно, дѣйствительно, какъ будто не совсѣмъ красиво разстрѣливать бабъ!... Что-жъ, чортъ возьми, мы можемъ эту старуху... какъ, бишь, ее?.. да, да, помню—Бенъ-Бао—мы можемъ если не разстрѣлять, то повѣсить эту каргу!.. А, какъ вы думаете?!

Но всѣ думали такъ же. Одинъ только блестящій молодой адъютантъ, улыбнувшись и шутя, нашелъ, что ее слѣдовало бы, пожалуй,

сжечь, потому что она удивительно похожа на вѣдьму...

Всѣ разсмѣялись, но подполковникъ спохватился:

— Да, да, постойте! А что же дѣлать съ той... бронзовой красоткой? Удивительные глазки!.. Банъ, кажется, зовутъ ее, да? Чертовски глупыя имена у этихъ дикарей... Такъ что же дѣлать съ ней? Прелакомая, вѣдь, дѣвчонка, а?! Такой кусочекъ, такой кусочекъ...

Бравый рубака захлебывался, но въ это время вошелъ дежурный офицеръ и покончилъ съ недоумѣніемъ... Вмѣсто рапорта: „все благополучно“—онъ доложилъ, что плѣнница Банъ сама удавилась въ тюрьмѣ...

МОРЕ НЕ ПРОЩАЕТЪ.

(Скандинавское сказаніе.)

I.

Больше всего любила Эдда свое полярное солнце и море. Когда раскаленные до бѣла лучи играли въ темной синевѣ тихаго фіорда,—голубые глаза жадно слѣдили за прихотливыми переливами цвѣтовыхъ полутоновъ, а пылкая мечта или грёза ловила въ нѣжныхъ сочетаніяхъ красокъ силуэты дивныхъ, никому невѣдомыхъ въ мірѣ призраковъ.

Какъ и всѣ дѣти ея народа, она была сильна, высока, и стройна. Бѣлое чело обрамляли тяжелыя золотыя косы, точно корона полярной королевы. Когда розовыя губы не пѣли,—онѣ были сжаты съ выраженіемъ тихаго, сосредоточеннаго покоя, которымъ дышало лицо; только горѣвшіе голубые глаза не мирились съ этимъ покоемъ: они всегда свѣтились нѣжной грёзой, всегда искали чего-то такого, чего не ищутъ другіе...

Эдда никогда не знала веселья,—даже ребенкомъ она не рѣзвилась!... Дяди Улевъ, старый рыбакъ, прожилъ съ теткой Антье всю жизнь такъ же молчаливо и тихо, какъ теперь они оба почиваютъ рядомъ другъ съ другомъ на грустномъ погостѣ близъ самой дюны. Не знала она также и материнской ласки. Дядя Улевъ курилъ только свою трубку, старая тетка Антье вѣчно пряла свою пряжу или чинила сѣти. Зато къ Эддѣ слетали золотыя видѣнья,—предъ ней воскресали старинныя саги... Глядя внизъ въ синюю пучину фіорда, она видѣла, какъ отраженныя мимобѣгущія золотыя облака превращались въ древніе замки. Тамъ двигались древніе викинги, прелестныя дамы вѣнчали цвѣтами героевъ, дно фіорда пестрѣло неслыханнымъ богатствомъ тайныхъ сокровищъ, а молодыя дочери викинговъ звали ее къ себѣ въ хороводы:

— Эдда, Эдда, сойди къ намъ побѣгать!... Развѣ не слышишь ты, Эдда?

У Эдды отъ этого зова всегда кружилась головка, которая склонялась съ утеса все ниже и ниже къ темно-синей глади. И старый Улевъ поспѣлъ однажды какъ разъ во-время, чтобы отнять ее у рѣзвыхъ дочекъ викинговъ...

Ворчалъ старый Улевъ на эти причуды, тетка Антье не разъ сердито грозила своей прялкой... Да что подѣлаешь съ прирожденнымъ нравомъ!... На все молчитъ Эдда, а, глядь,

черезъ какіе-нибудь полчаса опять сидитъ на берегу фіорда, и розовыя губки сами собой шепчутъ старинную рыбацкую пѣсню:

Прялка поетъ про рыбацкое горе...
Въ хижинѣ бѣдной темно.
Дѣвушка! слышишь?—зоветъ тебя море,
Радугой блещетъ оно...

Разное сулилъ Господь на землѣ людямъ. Для одного жизнь проходитъ, какъ видѣнье, для другого—тянется, какъ долгая полярная ночь... Темно и глухо было въ рыбацкой хижинѣ съ ея черными, закоптѣлыми стѣнами и балками. Тетка Антье вѣчно ворчала о грѣхахъ и мукахъ ада, молчаливый Улевъ рѣдко бывалъ дома,—то рыбача въ морѣ, то уходя за пять миль въ Тромзе, куда относилъ на продажу свою добычу. Въ рѣдкіе часы досуга онъ молчаливо забивался въ уголъ, дымилъ своей трубкой и казался страшнѣе ворчливой Антье. Эдда боялась его молчанья больше самыхъ краснорѣчивыхъ описаній старой тетки... Никогда не скажетъ слова старый рыбакъ.

II.

Но разъ, въ маѣ, онъ сказалъ ей:

— Пойдемъ со мною, Эдда, въ Тромзе!...

Дядя Улевъ былъ въ духѣ: уловъ былъ богатый и нести его нуженъ былъ помощ-

никъ... Сильно забилось сердечко у Эдды; не видала она еще города, ничего не видала, кромѣ своей хижины и моря. Знала Эдда и рыбацкія пѣсни, въ которыхъ городъ являлся всегда источникомъ разныхъ бѣдъ для юныхъ рыбачекъ... Тамъ теряли довѣрчивыя красавицы свое сердце, которое послѣ приходилось искать имъ въ глубокой пучинѣ фіордовъ, топя въ бѣлоснѣжной морской пѣнѣ черный позоръ и горе... Поэтому къ острому, жгучему любопытству у Эдды примѣшивалась и смутная тревога. Но семнадцатый май ея жизни былъ слишкомъ прелестенъ, а на постояломъ городскомъ дворѣ шло такое шумное веселье, такъ чудно звучала неслыханная ею музыка оркестра, такъ много приходилось кружиться въ веселыхъ танцахъ, что для тревоги не оставалось уже мѣста, и она исчезла, какъ сѣрый туманъ подъ лучами солнца.

А дядя Улевъ молча курилъ въ углу свою трубку. Сквозь густыя волны табачнаго дыма зоркій глазъ рыбака сразу уловилъ впечатлѣніе, произведенное появленіемъ его молоденькой „рыбки“. Городскія красавицы дулись и смотрѣли искоса; молодцы-парни чуть не дрались другъ съ другомъ за Эдду. Да и было за что подраться въ самомъ дѣлѣ, клянусь морскимъ духомъ! Ого! славную рыбку, лакомый кусочекъ привелъ онъ съ собою въ Тромзе!... Что твоя форель, трепещетъ и вьется, вся извиваясь, въ веселыхъ танцахъ красавица

Эдда, чаруя и гибкимъ станомъ, и граціей движеній, и прелестью упругихъ, еще не развернувшихся дѣвственныхъ формъ. Славная, лопни мой парусъ, рыбка! Найти бы только купца на нее тароватаго!... Ну, да какъ не найти его въ Тромзе?!... Хе, хе!... Купецъ всегда найдется на хорошій товарецъ!... Вотъ, не продешевить бы только!.. Но дядя Улевъ умѣлъ хорошо считать золотыя кроны, въ счетѣ не сбивался!...

Съ того дня мимо хижины добрые парни проложили битую тропу... Что ни день,—смотри,—то тотъ, то другой проѣдетъ, и у каждаго непремѣнно какое-нибудь особенное дѣло: то съ пути, вишь, сбился, то поглядѣть съ утеса на фіордъ захотѣлось, то рыбу спрашиваютъ,—нѣтъ ли продажной, то прицѣниваются къ неводу и сѣтямъ у тетки Антье... Молча курилъ дядя Улевъ свою трубку, но все видѣлъ и понялъ. Жутко пришлось тогда Эддѣ: строго-на-строго запретилъ ей старый Улевъ выбѣгать къ морю и все держалъ взаперти въ четырехъ стѣнахъ...

— Сиди, Эдда, и пряди съ теткой Антье!

Скучно жужжитъ быстрая прялка, монотонно ворчитъ тетка Антье, молча куритъ дядя Улевъ свою трубку... А тамъ, за черными, закоптѣлыми стѣнами вольно ходитъ вѣтеръ, ласково свѣтитъ полярное солнце, тихо рокочатъ темно-синія воды фіорда. Эдда мечтаетъ о замкахъ викинговъ, о пляскахъ и пѣс-

няхъ подводныхъ царевенъ, старая Антье вздыхаетъ о грѣхахъ и мучится страхами ада, старый Улевъ молча считаетъ про себя золотыя кроны.

А въ трубѣ кто-то жалобно плачетъ:—Эдда, бѣдная Эдда!..

III.

Много добра оставилъ старый Торе Норге двумъ сыновьямъ, Олафу и Тронтье, когда умеръ, не въ мѣру поѣвъ вкусной и жирной трески... Невоздержанъ былъ старикъ на ѣду, какъ старшій сынъ Олафъ на вино и пиво. Оставилъ онъ имъ цѣлое помѣстье, большой каменный домъ, да добрый мѣшокъ, туго набитый кронами. Важнымъ человѣкомъ сталъ Олафъ Норге, и какъ ни хулили его кругомъ за дикій, жестокій нравъ, какъ ни былъ онъ безобразенъ,—а не одна городская красавица пошла бы за нимъ съ охотой къ пастору, только бъ онъ глазомъ мигнулъ, лишь бы стать госпожей Норге! Правда, за Тронтье пошли бы съ большей охотой,—красавецъ былъ Тронтье и мягкимъ, добрымъ нравомъ весь въ мать свою вышелъ,—да тотъ разъѣзжалъ по морю съ товаромъ, забирался даже въ чужія страны. И на руку было Олафу, что красивый Тронтье не жилъ дома. Мѣсяцъ спустя послѣ танцевъ въ Тромзе въ хижину явил-

ся и богачъ Олафъ Норге. Не прицѣнивался онъ къ сѣтямъ тетки Антье, не спрашивалъ кратчайшаго пути, не желалъ любоваться фіордомъ, а прямо закинулъ нужное слово объ Эддѣ, какъ рыбакъ свой крючокъ на рыбку. Люди, живущіе вѣчно у моря, которое само немолчно говоритъ имъ, съ которымъ всегда нужно держаться на-сторожѣ и бороться,— эти люди не многословны: они говорятъ только то, что нужно... Немного говорилъ и Норге, — за него досказали золотыя кроны. Онъ выложилъ на черный рыбацкій столъ ровно цѣлую сотню, и сладко звенѣли золотыя кроны...

Тетка Антье забыла объ адѣ, старый Улевъ оставилъ свою трубку.

— Идетъ! — сказалъ онъ: — дѣвочка твоя!... Когда же свадьба?

— Черезъ мѣсяцъ,—отвѣтилъ Олафъ Норге.— Я жду Тронтье и хочу съ нимъ раздѣлиться: нехорошо будетъ жить намъ вмѣстѣ послѣ свадьбы. Молодая жена, сами знаете, всегда миру помѣха...

Молча кивнулъ дядя Улевъ глазами, пустилъ въ отвѣтъ большую струю дыма и поднялъ правую руку.

— Ладно! Ударимъ!...

Ударили по рукамъ. Олафъ вскочилъ на коня, а старый Улевъ взялъ свою суковатую палку и пошелъ къ морю искать запроданную рыбку... Эдда лежала на берегу, опустивъ

бѣлыя ноги въ темно-синюю влагу, и пѣла старую пѣсню.

— Будетъ, Эдда, съ глупыми пѣснями! — сердито сказалъ дядя Улевъ.—Черезъ мѣсяцъ ты станешь женою Олафа Норге, а онъ тебя научитъ кое-чему другому...

— Олафа Норге?!

— Развѣ ты оглохла, Эдда?!—еще мрачнѣе сказалъ дядя.—Да, Олафа Норге! Мы ударили съ нимъ по рукамъ, а своего слова, ты знаешь, я не мѣняю...

Ничего не отвѣтила Эдда, только стала бѣлѣе морской пѣны. Голубые глаза потухли и какъ-то безцѣльно тонули взглядомъ въ безпредѣльной синевѣ взволнованнаго моря. Такъ смотритъ только безжизненными глазами изсѣченная изъ камня статуя Скорби...

Опять куритъ дядя Улевъ свою трубку, опять тетка Антье прядетъ свою пряжу,—а въ трубѣ, какъ и море, какъ и вольный вѣтеръ, что-то жалобно пѣло:—Эдда, бѣдная Эдда!...

IV.

Свой рыбацкій ботъ Олафъ Норге украсилъ яркими лентами и флагомъ,—такъ ужъ водится у жителей-того побережья... Тихо качала морская волна этотъ ботикъ, пока блѣдная Эдда говорила „прости“ родному порогу... Сборы

были не долги, — Олафъ не любилъ медлить!... Дядя Улевъ оставилъ на мгновенье свою трубку, чтобы пожать нареченнымъ руки, тетка Антье оставила прялку, чтобы шепнуть бѣдной Эддѣ послѣднія наставленія о долгѣ, а затѣмъ... затѣмъ заскрипѣли снасти, и надулся парусъ, морская волна зашумѣла, плескаясь, у острого носа бота... и снова задымила трубка, и снова застонала неугомонная прялка...

Путь былъ дологъ, но молодые не промолвили другъ другу и слова. Если-бъ Эдда открыла свои блѣдныя уста,—у нея вмѣсто словъ потекли бы однѣ слёзы; если-бъ Олафъ хоть на мгновенье отвелъ глаза отъ паруса, чтобы взглянуть на невѣсту, имъ не скоро пришлось бы увидѣть Тромзе... Вѣтеръ крѣпчалъ все сильнѣе, надвигалась буря, и снасти пѣли не свадебную, а грустную пѣсню. Но недаромъ родился Олафъ у моря. Какъ-ни-какъ, а подъ искусной рукой ярко пестрѣвшій ботикъ вмѣстѣ съ волною прибоя ударилъ о пристань прямо у Тромзе. Пристань пестрѣла группами разодѣтыхъ красавицъ и щеголей-парней, встрѣтившихъ молодую пару веселой свадебной пѣсней. У первыхъ щемило сердце отъ зависти, что „чужая“ и „нищая“ отбила завиднаго жениха,—вторые сулили въ душѣ счастливому жениху тысячи чертей за похищенную Эдду, но... на свадьбѣ нужно имѣть веселыя лица! И съ веселой пѣсней проводила на-

рядная толпа молодую пару до старой каменной кирхи.

На погостѣ Олафъ Норге сказалъ свое первое слово:

— Эдда! это братъ мой Тронтье... Будь ему, Эдда, сестрою...

Ничего не отвѣтила Эдда, только взглянула молча...—Ахъ, и зачѣмъ же взглянула ты, блѣдная Эдда?... И тебѣ, бѣлокурый красавецъ Тронтье, лучше было бы не глядѣть въ эти очи, а считать золотыя звѣзды, катаясь по синему морю!... Только встрѣтились взгляды, и чудное что-то свершилось и съ Эддой, и съ Тронтье... У того и у той румянцемъ вспыхнули щеки, а очи зажглись восхищеньемъ.. Предъ Эддой воскресло одно изъ чудныхъ видѣній, въ живой воплощенное образъ, а Тронтье, казалось, увидѣлъ морскую сирену, взглядъ которой, лазурный и влажный, навѣкъ покоряетъ безстрашное сердце морского скитальца. И оба стояли, дрожа и молча, восхищаясь другъ другомъ... Въ кирку Тронтье вошелъ мрачный и грустный послѣднимъ.

Олафъ Норге сказалъ пастору свое „да“ твердо и громко. Что сказала блѣдная Эдда— никто не разслышалъ. Да и зачѣмъ было слышать, когда пасторъ поспѣшилъ сказать свое нерушимое „amen“... Потомъ всѣ направились въ гостиницу, гдѣ богатый Олафъ заказалъ знатный обѣдъ и не скупился на вино, а музыка выбивалась изъ силъ, чтобы доставить

гостямъ побольше веселья. Ну, и веселье же было! Олафъ нализался такъ, что его, точно мертваго, уложили въ свадебный поѣздъ, гдѣ блѣднѣе полярной лѣтней ночи сидѣла молодая жена. И поѣздъ двинулся къ очагу новобрачныхъ подъ звуки веселой музыки, подъ громкіе крики весело подгулявшихъ гостей...

Медленно и тихо, то вспыхивая, то погасая, догораетъ огонь камелька. Пьяный Олафъ Норге храпитъ, развалившись на брачной постели, въ сапогахъ и платьѣ. Молодой новобрачной и стыдно, и страшно... Въ первый разъ въ жизни Эдду пугаетъ одиночество, въ первый разъ ей хочется выплакать свое горе на чьей-нибудь груди, согрѣтой лаской... Но нѣтъ, никого нѣтъ у тебя, бѣдная Эдда!... Тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, у самаго фіорда стоитъ черная рыбацкая хата... Въ хатѣ темно и скучно. Дядя Улевъ куритъ молча трубку, тетка Антье прядетъ свою пряжу. Старый рыбакъ жадно считаетъ про себя золотыя кроны, его старуха ворчитъ о грѣхахъ и мукахъ... Только вѣтеръ одинъ жалѣетъ бѣдную Эдду и плачетъ въ трубѣ, какъ и она, заливаясь слезами:

— Эдда... бѣдная Эдда!

И сдается Эддѣ, что это вовсе не вѣтеръ. И кажется ей сквозь туманъ, застилающій очи, сквозь теплыя слезы, что это плачетъ съ нею одинъ изъ викинговъ ея чудныхъ видѣній, воскресшій и воплощенный въ статный образъ бѣлокураго Тронтье...

— Эдда, слышишь ли, чудная Эдда!

Ахъ, неужели это и въ самомъ дѣлѣ Тронтье?...

V.

Полный ботъ привезъ Олафъ рыбы .. Сильно шумѣло и билось море, грузно сидѣлъ нагруженный ботъ, и не ввести бы Олафу судно въ бухту, кабы не Тронтье. Досадно было старшему брату, да нечего дѣлать—нельзя было не принять услуги. Помогъ Тронтье брату причалить, помогъ перетаскать богатый уловъ въ амбары, а тѣмъ временемъ Эдда жарила для обоихъ на пылавшемъ очагѣ рыбацкій ужинъ—свѣжую рыбу... Пьетъ Олафъ Норге стаканъ за стаканомъ, шумитъ у него въ головѣ, глаза наливаются, а все сильнѣе сосутъ его сердце черныя думы. Не спускаетъ онъ пытливаго взора съ красиваго брата, который молча уставился въ огонь, слѣдитъ онъ ревниво и за Эддой... Злится и реветъ взбѣшенное море, такъ и бьетъ объ утесы бѣлою пѣной, пугая самое неробкое сердце; закипаетъ злая, черная буря и въ груди у Олафа... Кажется, ясно читаетъ онъ мысли красиваго брата и видитъ, что грустному взгляду того такъ и мерещится въ пламени образъ прелестной, тоскующей Эдды... Понимаетъ онъ и робость жены, слышитъ тихіе, грустные вздохи, ловитъ

нѣжные взгляды, мимолетно скользящіе въ пламя. Выпилъ еще Олафъ и сразу поймалъ взгляды влюбленныхъ. Сорвался онъ блѣдный и гнѣвный, кинулся къ Эддѣ, поднялъ могучую руку и со всего размаха ударилъ тяжелою чарой въ голову... Даже не вскрикнула Эдда,— такъ и упала подстрѣленной чайкой.

А что было дальше—видѣла только мрачная ночь, да слышала свирѣпая буря...

Когда Эдда очнулась, свѣтило ужъ солнце... Бѣлые, жгучіе лучи играли на чужомъ очагѣ, а возлѣ нея сидѣлъ Тронтье... Въ открытое настежь окно врывался весь въ цвѣту дикій шиповникъ, а дальше—тихо сверкало безпредѣльное синее море... Эдда счастливо вздохнула и нѣжно спросила:

— Гдѣ я и что тутъ случилось?... Ничего не могу я припомнить...

— Спи и не спрашивай, Эдда! — отвѣтилъ ей Тронтье:—докторъ изъ Тромзе предписалъ тебѣ долгій покой, дорогая!

— Я буду покойна, Тронтье,—только скажи мнѣ, что все это не сновидѣнье... Скажи мнѣ: гдѣ я, что сталось съ Олафомъ, почему я не въ домѣ Олафа?...

Тронтье отвелъ голубые глаза къ синему морю и глухо отвѣтилъ:

— Такъ и быть,—я скажу, только ты ужъ не спрашивай больше... Ты у меня, а не въ домѣ Олафа... Ночью случился пожаръ... я насилу извлекъ тебя изъ огня, гдѣ погибъ пьяный братъ, — прости ему Богъ! — съ его домомъ.—Спи, не волнуйся,—теперь ты, Эдда, снова свободна, какъ птичка...

Сладко вздохнула блѣдная Эдда, и легкій сонъ слетѣлъ быстро на нѣжныя вѣки... А море и воздухъ, и дикій шиповникъ баюкали Эдду, тихо напѣвая, какъ пѣсню:

— Эдда... счастливая Эдда!..

VI.

Давно уже пасторъ обвѣнчалъ Эдду и Тронтье, и Эдда жила полнымъ счастьемъ. Старыя раны всегда лѣчитъ быстро новое счастье... Одно только смущало счастливую Эдду: ея Тронтье-красавецъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе: тайная скорбь снѣдала красавца, согнала съ его щекъ здоровый румянецъ, туманила ясный взоръ какой-то гнетущей, тяжелой думой. Точно камень давилъ ему сердце.—Съ тревогой слѣдила за милымъ счастливая Эдда, но разспрашивать не рѣшалась, — не любилъ разспросовъ Тронтье... И сына уже принесла ему Эдда, красиваго и здороваго мальчугана,—да и сынъ не надолго утѣшилъ отца... Все больше и больше

снѣдали Тронтье черныя думы, все больше сталъ онъ дрожать привидѣній... Стоустая молва разносила всюду, что Олафъ Норге бродилъ неслышною тѣнью по свѣту, и каждую полночь метался Тронтье въ трепетномъ страхѣ...

— Эдда! Эдда! слышишь-ли, Эдда? кто-то стонетъ у двери!..

— Спи, мой милый!...—шепчетъ въ отвѣтъ ему Эдда:—это вѣтеръ проносится съ моря... не бойся!..

— Эдда, Эдда, кто-то скребется!.. я слышу возню у порога!

— Спи, не тревожься! Скребется твой песъ, твой преданный сторожъ. Онъ сторожитъ насъ съ тобою.

— Кто же зоветъ меня, Эдда?.. кто кличетъ? Чей это голосъ зоветъ меня:—Тронтье?

— То—мое сердце, мой милый! Оно стучитъ тебѣ:—Тронтье... Прилягъ и не бойся!.'

Каждую ночь такъ метался бѣдный Тронтье, и чѣмъ мрачнѣе была ночь, тѣмъ глубже становился его ужасъ . . . . . .

. . . . . .

Разъ они возвращались изъ Тромзе всѣ трое... Эдда кормила сына, Тронтье натягивалъ парусъ. Море было тихо и спокойно, въ ясномъ небѣ горѣли золотыя звѣзды, а полная луна разсыпалась золотою рябью и обливала береговые утесы молочно-бѣлымъ свѣтомъ. Эдда пѣла старинную пѣсню; все дышало кру-

гомъ тихимъ счастьемъ, — только Тронтье былъ мраченъ.

— Эдда, Эдда, не пой, дорогая!.. Лучше молись, моя Эдда...

Насторожилась чуткая Эдда.

— Что грозитъ тебѣ, Тронтье? о чемъ мнѣ молиться?.. Море спокойно и небо сверкаетъ звѣздами...

Холодный потъ оросилъ чело Тронтье.

— Сегодня какъ разъ годовщина смерти Олафа... Смотри, моя Эдда, вѣтеръ крѣпчаетъ, а, вонъ, надвигается черная туча...

И только сказалъ это Тронтье,—дрогнуло тихое море, застонало... Надвинулась черная туча, закрыла и звѣзды, и мѣсяцъ, а море покрылось все бѣлою пѣной, бѣшено заметалось и завыло въ наступившемъ мракѣ... Въ ужасѣ зашептала Эдда святую молитву,—но слышитъ сквозь шепотъ, какъ буря реветъ одно слово:—убійца, убійца!.. „Кто-же убійца?“ —спрашиваетъ Эдда, прижимая къ груди крошечнаго ребенка, и слышитъ вдругъ голосъ Олафа:

— Братъ мой, Тронтье, убійца!.. Онъ ударилъ ножомъ меня въ сердце, зарылъ подъ утесомъ у моря, а домъ истребилъ пожаромъ!.. Не вѣритъ бѣдная Эдда,—ложь это: Тронтье ея—не убійца!... Такъ только чудится все это робкому слуху, ужасъ напѣваетъ лживыя пѣсни!.. И страстно взмолилась она милому мужу, не видному за мракомъ:

— Правь же, мой Тронтье, правь лучше! Буря качаетъ нашъ ботикъ!.. Храбрѣе, мой милый, храбрѣе, ради нашего сына, — правь смѣло!

— Нѣтъ намъ спасенія, Эдда!—отвѣчаетъ ей Тронтье:—ни мнѣ, ни тебѣ, ни нашему сыну... Братъ мой Олафъ приплываетъ за нами, — вырвало море его изъ могилы... Клялся онъ, умирая, что море отомститъ убійцѣ, а море никогда не прощаетъ... Слышишь,—оно не прощаетъ!.. Вонъ, гляди: Олафъ ужъ прямо передъ нами на гребнѣ, покрытомъ бѣлою пѣной...

— О, Тронтье, Тронтье! ты мужъ мнѣ и отецъ нашему сыну,— спаси насъ!..— взмолилась бѣдная Эдда въ смертельномъ страхѣ и кинулась къ мужу.

— Не мужъ, не отецъ я, моя Эдда!—отвѣчаетъ Тронтье:—а убійца... Гляди: мѣсяцъ прорвался сквозь тучи, — видишь ты синія мертвыя руки, что тянутся въ ботикъ, видишь ты страшныя мертвыя очи?!..

И кинулъ Тронтье въ холодномъ ужасѣ парусъ.

На другой день послѣ ночной бури рыбаки нашли разбитый ботикъ, а затѣмъ тихое море прибило къ берегу четыре трупа... Тронтье обнималъ полуистлѣвшій трупъ убитаго брата, Эдда прижимала сына...

„ДВА МІРА“.

Разсказъ.

I.

...Мы тянули компаніей вино и по обыкновенію ныли... Пили мы вино зря, какъ-то механически, точно по обязанности,— нельзя же не пить, сидя вечеркомъ цѣлой компаніей въ садикѣ загородняго ресторана,—ныли потому, что давно уже ничего другого не умѣли и не знали. Всѣ эти столичные слухи, толки, сутолока, истомили насъ давнымъ-давно, а безалаберная жизнь „со дня на день“, безъ ясной цѣли, безъ живого дѣла, если не считать скучно-томительныхъ часовъ обязательной службы „для жалованья“,— столичная жизнь, то и дѣло, казалось, убѣждавшая насъ въ нашей безполезности и никому ненужности, ничѣмъ другимъ кромѣ нытья надѣлить насъ и не могла. Пили мы и ныли, ныли и пили... Разговоръ не клеился и ограничивался изрѣдка передаваемыми то тѣмъ, то другимъ слухами и происшествіями дня, какъ нарочно, все только мрачнаго свой-

ства; въ нашемъ настроеніи другихъ мы и подобрать не могли. Наше „веселье“ скорѣе всего походило на тризну, скучную, томительную; наши толки отдавали чѣмъ-то похороннымъ... Мы, столичные люди, подточенные рефлексіей, вообще какъ-то особенно склонны не то къ самобичеванію, не то къ ироніи надъ собой съ подкладкой желчнаго пессимизма, очень смахивающаго на пресыщенность и усталость—въ этотъ же вечеръ нашъ небольшой, случайно собравшійся кружокъ былъ особенно въ ударѣ. Нервы ли особенно расходились, желчи ли накопилось слишкомъ много,—только мы перебрали все, нигдѣ, ни на чемъ, кажется, живого мѣстечка не оставили, надъ всѣмъ поглумились до сыта, съ какою-то странною, затаенною радостью бередя свои больные нервы. Наконецъ, всѣмъ начало становиться просто тошно...

Тотъ изъ насъ, что все время упорно читалъ газету, какъ бы избѣгая нашего нытья, нашъ новый знакомый, на нѣсколько дней попавшій въ столицу,—не выдержалъ и поднялъ голову отъ своей газеты.

— Господа...—почти укоризненно протянулъ онъ:—господа! что вы это?.. Хоронить себя вздумали, что ли?

— А что?—ѣдко обернулся къ нему сосѣдъ:—не свадьбу ли играть прикажете?... Подблюдныя пѣсни пѣть?..

— Ни свадьбу играть, ни пѣсенъ подблюдныхъ не нужно,—но и хоронить-то себя зачѣмъ?..—

возразилъ тотъ.—Жизнь не исчерпывается же однѣми этими гадостями, о которыхъ вы вотъ уже часъ ноете...

— Ноете!— обидѣлся сосѣдъ:—ишь оптимистъ какой!... Не слыхали развѣ, не читали?!—И онъ желчно ткнулъ въ газету, сообщившую очень некрасивую новость.

— Слыхалъ и читалъ...—обидѣлся въ свою очередь первый на слово „оптимистъ“,—оно, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ обидное у насъ слово!— читалъ-съ! Такъ что же изъ этого слѣдуетъ? За этими слухами, толками, происшествіями не слѣдуетъ забывать о жизни. Изъ-за нихъ нужно все-таки помнить *человѣка*, „міръ“, какъ говоритъ деревня.

— „Міръ“!—подхватилъ ѣдко споривший:— „міръ“, который спалилъ колдунью... Ха, ха, ха!...

— Или, какъ, вонъ, въ культурной Америкѣ,— крадетъ напропалую!... Читали? — подхватилъ другой.

„Оптимистъ“ завертѣлся отъ волненія.

— И колдунью палитъ, и крадетъ напропалую...—заговорилъ онъ спѣша, какъ бы боясь, что ему помѣшаютъ договорить:—это все такъ-съ... бываетъ. Но опять-таки не въ этомъ сила... Тамъ и тепло, и правда, и любовь, и много другого чего хорошаго есть,— вотъ чего забывать не слѣдуетъ, чтобы не ныть. Да вотъ,— что долго говорить!— хотите разскажу вамъ случай изъ моей жизни среди промышленныхъ культурныхъ „янки“, которые, по вашему,

только крадутъ напропалую?.. Я вѣдь самъ, было одно время видѣлъ въ немъ только черствaго, мошенника-промышленника. А послѣ и о другомъ „мірѣ“ разскажу, который колдунью палитъ... Хотите?

Вмѣсто отвѣта, мы всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ нетерпѣливо сдвинули наши стулья. Тихая, теплая ночь спускалась уже на землю, зажигая одну за другой блѣдныя, мигавшія звѣзды въ потемнѣвшемъ небѣ. Кругомъ было тихо и какъ-то особенно хорошо и покойно... Намъ всѣмъ какъ-то вдругъ захотѣлось такого покоя, захотѣлось отдохнуть хоть на чемъ нибудь отъ нашего нытья и боли.

— Разскажите, разскажите!..

Мой сосѣдъ наполнилъ стаканы. „Оптимистъ“ всталъ, прошелся въ волненіи и началъ свой разсказъ.

II.

— Это было уже довольно давно, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ... Вы помните еще это время—свѣтлое, полное идеаловъ, полное хорошаго, какъ юность, оптимизма,—когда всѣмъ вѣрилось и жилось такъ лихорадочно хорошо... Насъ было четверо. Мы были молоды, сильны, здоровы и, главное, полны той всеобъемлющей, безкорыстной любовью къ тому неопредѣленному и неясному и въ то же время какъ бы

опредѣленному и ясному, что укладывается въ понятіе „человѣчество“,—любовью, характеризовавшей вообще тогдашнюю юность. Это была какая-то пантеистическая любовь, если можно такъ выразиться, любовь, разлитая всюду, безъ границъ и причины,—не искусственно вызванная, но органическая, какъ бы врожденная. Самихъ себя для насъ не существовало... Мы видѣли, понимали, признавали только одно, внѣ насъ стоящее, „оно“,—человѣчество, міръ, что ли,—чудное, прелестное, святое въ своемъ общемъ, — нечудное, непрелестное въ своихъ частностяхъ,—„оно“, къ которому мы тяготѣли, которому всецѣло посвящали и отдавали себя, все свое „я.“ Каждая женщина казалась намъ сестрой, каждый мужчина—братомъ. Враги!?—Да, у насъ были и враги, но если, по Дарвину, „ползущее пресмыкающееся“ могло съ перемѣной условій обстановки превратиться въ „летающее“, если гадъ могъ превратиться въ птицу, то еще легче, казалось намъ, было изъ врага сдѣлать друга, изъ человѣка тупого, хищнаго, злого, сдѣлать *настоящаго* человѣка... Мы были чище слезы тогда, чище той росинки, что играетъ на солнцѣ ярче алмаза; мы любили тогда, мы вѣрили,— словомъ, мы были молоды тогда и молоды именно по-тогдашнему.

Но ядъ зарождавшагося уже и тогда пессимизма, гной безвѣрія, холодъ нытья пахнули было и на насъ заразой. Конечно, зараза не совладала съ молодостью, ея энергіей, ея

любовью, ея вѣрой, ея живучей силой,—все это осталось при насъ, какъ и было, но ядовитое прикосновеніе ея все-таки не прошло безслѣдно. Впустивъ незамѣтно свое страшное, невидимое жало, она влила въ наши сердца по капелькѣ своего яда, и этихъ капелекъ было достаточно, чтобы спутать въ насъ все, поднять въ душахъ цѣлыя бури, погнать насъ такъ любившихъ и свои бѣдныя хаты, и свои дебри, и глухія поля, чортъ знаетъ куда, за океанъ, въ Соединенные Штаты, въ чуждыя, незнакомыя страны—искать новыхъ условій жизни, искать мѣстъ, куда бы приложить все свое молодое!... Этотъ ядъ шепталъ намъ ядовитыя мысли, онъ отравилъ насъ представленіемъ, что мы здѣсь, на родинѣ, у себя чужды всему, ни съ чѣмъ не связаны, никому не нужны, что мы, все наше духовное „я“—искусственное созданіе западно-европейской книжки... Идите же туда, гдѣ ваша духовная родина,—туда, куда бѣгутъ всѣ обездоленные въ Европѣ,—шепталъ онъ намъ,—и мы пошли... Намъ было больно, намъ стоило это много борьбы,—но мы все-таки пошли, потому что тогда мы знали только: да-да и нѣтъ-нѣтъ. Чужая страна?.. Чужой, неизвѣстный намъ совсѣмъ языкъ!? Необходимость физическаго труда, о которомъ мы и понятія не имѣли!? Пустяки!... есть надъ чѣмъ задумываться! И мы не задумывались, мы пошли. Это была, конечно, молодая дерзость, за нее мы поплати-

лись жестоко, грубо,—но, ей-Богу, и теперь, теперь вотъ, когда у меня нѣтъ не тронутаго мѣста, нетянутой жилы, когда все ноетъ, все болитъ,—и теперь я радъ о ней вспомнить!...

Разсказчикъ вздохнулъ, поправилъ сбившіеся на лбу волосы и замолчалъ. Сосѣдъ, до того ѣдко споривший съ нимъ, подвинулъ ему какъ-то особенно любовно полный стаканъ и сказалъ: „ну-ка!“ Тотъ хлебнулъ и продолжалъ:

— Итакъ, мы поплыли за океанъ, въ „обѣтованную землю“,—въ розовую Аркадію, какъ мы думали,—уложились мы, конечно, въ пять минутъ, потому что и укладывать-то было собственно нечего,—искать новыхъ мѣстъ, куда-бы приложить свои силы и потребность самоотреченія. Все пойдетъ какъ по маслу,—о, въ этомъ мы были больше чѣмъ увѣрены!.. Впрочемъ, въ послѣднемъ мы разочаровались быстро, даже черезчуръ быстро, сразу, почти моментально, какъ только коснулись берега, какъ только „промышленный янки“, у котораго мы нанимались на работу, сталъ щупать, точно у лошади, наши мускулы, — когда стало очевиднымъ, что однѣхъ розовыхъ платоничностей для „приложенія своихъ силъ въ новомъ мѣстѣ“ мало, а нужно еще „*умѣть*“ ихъ прилагать,—когда мы очутились безъ всего: безъ угла, безъ хлѣба, съ перспективой голодной смерти впереди,—потому что, какъ оказалось, мы не только не умѣли говорить на новомъ языкѣ, но и не умѣли ничего

дѣлать. О, этотъ розовый угаръ прошелъ быстро, слишкомъ быстро!.... Намъ отказывали вездѣ, потому что своимъ неумѣньемъ мы задерживали другихъ рабочихъ,—отказывали, платя почти изъ милости за часъ, за полчаса неловкаго, неумѣлаго ковырянья. Мы пробовали все, мы узнали все... и голодъ, и холодъ, и обиду... мы... Но про все это я не буду говорить: голодъ, холодъ, обида выпадаютъ на долю плохо приспособленному человѣку и не въ одной странѣ „промышленнаго янки".

Нѣтъ,—я хочу разсказать совсѣмъ про другое... Я хочу разсказать, какъ мы увидѣли въ этомъ „промышленномъ янки", на видъ холодномъ, безстрастномъ, черствомъ „янки", на котораго мы уже озлобились, котораго мы начинали ненавидѣть за наши лишенія, обиды, разочарованіе, за нашъ, наконецъ, довольно-таки смѣшной розовый угаръ, съ которымъ мы къ нему ѣхали, вооруженные только массой розовыхъ теоретическихъ выкладокъ,—какъ мы увидѣли въ этомъ „янки" *человѣка* и *какого* человѣка! Я хочу разсказать, какъ мы устыдились и своего озлобленія, и своей зарождавшейся ненависти, какъ мы пожалѣли, что, въ унисонъ съ разными „описывателями", готовы были признать его не человѣкомъ, а какой-то черствой, кулацкой, денежной машиной. Мы устыдились себя, закравшихся въ наши сердца отъ неудачъ, въ которыхъ сами же были виной, злобы и лживаго недовѣрія къ человѣ-

ку вообще и, устыдившись, мы *поклонились человѣку*. Да и было за что: „человѣкъ“ блеснулъ такой красотой и лаской, такой деликатной простотой, такимъ высокимъ гуманизмомъ, что не только тогда, но и теперь даже,— теперь, когда вся душа, кажется, поставлена вверхъ ногами,—теперь молодѣешь и вѣришь въ жизнь, когда все это вспомнишь.... Вотъ, слушайте!

III.

— Поплатились мы уже тогда достаточно.... Мы шли съ платонизмомъ, самоотверженіемъ, вѣрой,—насъ встрѣчали естественнымъ вопросомъ: что мы *умѣемъ дѣлать*, или сколько можемъ заработать, и отвѣтъ на послѣдній вопросъ долженъ былъ служить въ глазахъ спрашивавшихъ нашей оцѣнкой... Мы готовы были сложить за другихъ, за *всѣхъ* свои головы,—у насъ щупали мускулы или подозрительно оглядывали, принимая за мошенниковъ, бѣжавшихъ изъ европейской тюрьмы, такъ какъ мы не умѣли ни работать ни говорить... Конечно, мы были смѣшны,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—смѣшны, какъ ребята, насунувшіе на себя тяжелые, не по силамъ доспѣхи, но, согласитесь, что тутъ было много и очень трагическаго!... Мы поплатились уже столько, что озлобились по горло...

Но кое-какъ, благодаря многимъ счастливымъ случайностямъ, мы пробились и не погибли отъ голода и лишеній... И вотъ, въ то время, когда мы только что вздохнули вольнѣе, только что вышли изъ невозможно тяжелой каторги, только что безъ жгучей злобы могли взглянуть на солнце, на міръ, на людей, — въ это самое время съ нами стряслась бѣда, и не бѣда, а нѣчто такое ужасное, что и вспомнить страшно... Другъ, больше чѣмъ другъ,—товарищъ, братъ—нечаянно пролилъ кровь товарища, брата; надъ нами, дышавшими одной любовью и самоотверженіемъ, нависло обвиненіе, самое тяжелое, самое ужасное, какое только можетъ нависнуть надъ человѣкомъ: обвиненіе въ убійствѣ!...

Это было въ штатѣ Канзасѣ, недалеко отъ индѣйцевъ, куда мы забрались въ своихъ поискахъ за работой... Мы только-что проѣхали небольшой городокъ Сенеку и расположились у ручья въ небольшой рощицѣ отдохнуть и пообѣдать...

Одинъ изъ насъ, Линевъ, знавшій уже хорошо страну и языкъ, такъ какъ жилъ въ ней больше насъ, отвелъ лошадей къ виднѣвшейся невдалекѣ фермѣ, и въ рощѣ, у ручья, осталось насъ только трое... Невдалекѣ еще рубили лѣсъ какіе-то „янки“, которыхъ мы увидѣли позже,—теперь мы слышали только глухіе, мѣрные удары ихъ длинныхъ, тяжелыхъ топоровъ.

Стояла глухая, поздняя пора,—ноябрь..... Листъ опалъ, деревья были голы и, гибко качаясь голыми вѣтвями отъ напоровъ осенняго вѣтра, лѣсъ не шумѣлъ, а какъ-то тоскливо, болѣзненно не то свистѣлъ, не то нылъ, надрывая душу... Сверху давило небо, окутанное въ сѣрыя, свинцовыя, холодныя тучи; внизу пробирала сырость, промозглая, осенняя сырость. Все было мертво, глухо. Мы курили короткія американскія трубки, изрѣдка перебрасываясь тоскливо короткими фразами,—все уже было давнымъ-давно переговорено, пережевано,—досадуя на Линева за его обычную медлительность, совсѣмъ не зная, что дѣлать, чѣмъ убить время въ ожиданіи... Мой сосѣдъ, Рѣчицкій, такъ... зря... отъ нечего дѣлать вынулъ свой глупѣйшаго устройства курьезный револьверъ,—въ немъ не было курка, а разряжать приходилось нажимая собачку,—и выпалилъ въ цѣль или птицу—не помню... Другой, тоже зря и отъ нечего дѣлать, попросилъ показать, какъ револьверъ разряжается; тотъ сталъ показывать, неловко, неумѣло,—нажалъ собачку и.... роковой выстрѣлъ грянулъ... Несчастный дрогнулъ, ровно, спокойно сказалъ: „въ меня“...—покачнулся... Мы бросились къ нему... и.... но тутъ я умолкаю.. У меня нѣтъ силъ, нѣтъ мужества пересказать,—и не только пересказать, а даже вспомнить—все подробно!... Вотъ и отъ того, что я сказалъ уже, у меня дрожитъ все, а сердце

замираетъ и въ груди схватываетъ больная, давящая судорога... Вѣдь это другъ нашъ, братъ, съ которымъ мы все, все дѣлили, пережили, передумали вмѣстѣ,—лежалъ теперь передъ нами блѣдный, съ помутившимся взоромъ, судорожно двигая рукою,—лежалъ, уложенный дружеской, братской рукою...

Разсказчикъ остановился, грузно шлепнулся въ кресло и уткнулъ лицо въ сложенныя на столѣ руки. Мы нервно курили наши папиросы—намъ всѣмъ стало жутко..... Жена моего *vis-à-vis*, жадно ловившая слова разсказа, поблѣднѣла и точно въ испугѣ широко открыла глаза.

IV.

Когда разсказчикъ всталъ, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно и, казалось, дрожалъ. Сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ, нервныхъ шаговъ, онъ вдругъ остановился, заложилъ руки въ карманы и обвелъ насъ всѣхъ взглядомъ.

— Остановитесь немного,—началъ онъ вновь:—подумайте сами, и вся невыразимо страшная картина нашего положенія встанетъ предъ вами сама собою... Подумайте только!... Чужая страна, чужіе люди, языка которыхъ мы не знали, съ обычаями и нравами которыхъ мы не освоились, для которыхъ мы были подозрительные пришельцы,—можетъ быть, даже ко-

нокрады, не умѣвшіе ни говорить, ни работать, Богъ вѣсть зачѣмъ привалившіе въ глухую прерію изъ восточныхъ штатовъ, гдѣ, Богъ его знаетъ, и напроказили, чего добраго! Ни одного человѣка знакомаго, ни одной души, которая сказала бы за насъ хоть слово!.. Глухая мѣстность, прерія, граничащая съ индѣйцами, гдѣ вообще такъ часто разыгрываются кровавыя драмы,—выстрѣлы, сдѣланные зря и хорошо разслышанные рубившими лѣсъ „янки", не понимающими безцѣльной траты дорогихъ патроновъ,—убійство безъ свидѣтелей, и т. д., и т. д.—все это было противъ насъ и ничего *за насъ*... Все было противъ насъ и прежде всего мы сами, мы, блѣдные, изумленные до полнаго отупѣнія, охваченные ужасомъ, невыразимымъ ужасомъ до какого-то столбняка, парализовавшаго въ насъ все: волю, мысль, сознаніе, оставившаго нетронутымъ одно животное чувство самосохраненія.

— Зароемъ... зароемъ! — дико, безсмысленно, совершенно безсознательно прошепталъ мнѣ Рѣчицкій, смотря на меня вытаращенными, неподвижными отъ ужаса глазами.

Но тотъ еще жилъ, еще двигалъ рукой, еще хрипѣлъ, хотя все слабѣе и слабѣе, при чемъ лицо его все больше затягивалось трупною, синеватою блѣностью. Шальная пуля, попавъ въ верхнюю часть правой стороны груди, разорвала, какъ послѣ оказалось, важный сосудъ, и, сразу потерявъ сознаніе, несчастный,

дорогой нашъ товарищъ корчился въ предсмертныхъ судорогахъ у самыхъ нашихъ ногъ... Право, сомнѣваюсь, чувствовали ли мы тогда, въ тотъ именно моментъ, все глубокое горе, охватившее насъ позже, невыразимую боль потери близкаго друга... Думаю — нѣтъ! Самый фактъ, само происшествіе, ошеломившее насъ всецѣло, какъ бы заслоняло собою все, всѣ ощущенья и, отнявъ сознаніе, отнявъ разсудокъ, отняло и представленіе... Мы какъ будто не понимали, что собственно произошло такое, чего мы лишились,—не понимали, не сознавали, не чувствовали всей глубины разыгравшейся драмы... Все это пришло позже,—теперь мы только дрожали въ безсознательномъ ужасѣ. Такъ и раненый, говорятъ, не чувствуетъ въ первые моменты своей раны, не чувствуетъ боли, не сознаетъ, не понимаетъ, почему не двигаются его члены, которые за секунду передъ тѣмъ были ему такъ послушны...

— Зароемъ!..

— Что ты! что ты!—въ ужасѣ шепталъ я въ отвѣтъ Рѣчицкому, тоже безсознательно, не понимая, почему именно, и, тоже не понимая, зачѣмъ и почему, зачерпнулъ шляпой воды въ ручьѣ и сталъ поливать голову умиравшаго...

Понимаете ли вы, господа, представляете ли вы себѣ, что все это, все, что я разсказываю длинными періодами, длилось всего какую-нибудь секунду,—что все это происходило какъ-

то вдругъ, точно совсѣмъ безъ времени! Нѣтъ, вы и представить себѣ не можете,—для этого нужно пережить все... Черезъ секунду было уже другое... Черезъ секунду Рѣчицкій, и безъ того измученный, истерзанный жизнью, прикладывалъ свой револьверъ къ виску и говорилъ мнѣ все съ тѣмъ же безсознательнымъ, дикимъ, неподвижнымъ взглядомъ: прощай!

— Довольно!.. Прощай!.. Довольно!..

Теперь я понимаю, какое невыразимое страданіе, какое горе скрывалось за этимъ „довольно“, что оно значило,—но тогда, помню, я задрожалъ только отъ ужаса, что трупа будетъ два, что я останусь одинъ. Ей-Богу, кажется, только отъ этого! Черезъ секунду я держалъ уже его руку, бѣшено давилъ ее, бѣшено боролся, безсознательно не допуская его выстрѣлить въ себя. Еще секунда—и въ этой отчаянной свалкѣ,—дикой, инстинктивной свалкѣ,—раздались рѣзкіе, сухіе выстрѣлы, быстро слѣдовавшіе другъ за другомъ, какъ дробь барабана... Это добрый, женственно мягкій, какъ женщина, нѣжный Рѣчицкій палилъ въ меня, въ себя, во все, что было предъ глазами, но мимо, такъ какъ я все не выпускалъ его руки... Дикій, животный ужасъ моментально перешелъ у него въ припадокъ дикой, животной ярости, бѣшенства, изступленія. Въ борьбѣ онъ все нажималъ собачку револьвера и посинѣвшими устами съ невыразимой злобой шепталъ проклятія и мнѣ, мѣшавшему ему покончить съ

собой, и себѣ, и цѣлому свѣту... Но, вотъ, курокъ тупо защелкалъ по пустымъ, выстрѣленнымъ патронамъ,—аффектъ прошелъ такъ же быстро, какъ и наступилъ, и бѣднякъ, рыдая, упалъ ницъ на землю и, рыдая, цѣловалъ и обнималъ умиравшаго въ судорогахъ друга...

Моя сосѣдка, блѣднѣвшая все больше и больше, не выдержала, какъ-то глухо простонала: „ахъ!“—и закрыла руками глаза. Разсказчикъ остановился, посмотрѣлъ на нее недоумѣвающими глазами,—онъ самъ былъ взволнованъ не меньше ея,—точно спрашивая: говорить ли? Но мы, заинтересованные до-нельзя и тоже всѣ взволнованные, нетерпѣливо крикнули ему: „продолжайте, продолжайте!..“ Онъ продолжалъ.

V.

— Ну-съ, на мой отчаянный крикъ или вопль,— я думаю, скорѣе, вопль, — прибѣжали и Линевъ, знавшій кое-какъ по англійски, и „янки“, рубившіе лѣсъ... Рѣчицкій все лежалъ, рыдая, а мои уста только безсмысленно шептали: „нечаянно, нечаянно!“—на встревоженные, недоумѣвающіе взгляды прибѣжавшихъ...

— Нужно къ суду, граждане, къ суду!..— помню, говорили мнѣ „янки“.

— Да, къ суду... къ суду!..—машинально отвѣчалъ я имъ.

Какъ мы уложили умиравшаго въ телѣгу, какъ мы двинулись въ городокъ съ конвоировавшими насъ верхами двумя „янки“, какъ совсѣмъ остылъ въ пути умиравшій, какъ рыдалъ Рѣчицкій, какъ съ постепеннымъ возвращеніемъ парализованнаго сознанія наполняло мою душу невыразимое горе,—ну, всего этого говорить я не буду... Зачѣмъ?!.. Нѣтъ, я лучше перейду прямо къ новому ужасному, которое испыталъ я,—къ такому ужасному, чего и передать-то связно нельзя, что было страшнѣе самой смерти...

Нервы мои уже устали безусловно... Я, казалось, заснулъ духовно, совсѣмъ заснулъ, сидя съ открытыми глазами, высоко, на сидѣньи высокой американской телѣги, рядомъ съ рыдавшимъ, какъ дитя, Рѣчицкимъ, двигаясь и ощущая, какъ манекенъ, если бы тотъ могъ двигаться и ощущать. Изъ этого столбняка,—я иначе не могу назвать его,—вывело меня... Но нѣтъ, постойте!.. Помните, какъ всѣ могучіе тираны, всѣ Наполеоны трепетали всегда *молчанья* толпы, именно только *молчанья*, боялись вида только угрюмо *молчащей* толпы... Помню, читая это когда-то, я не понималъ хорошо, что тутъ такого страшнаго, и приписывалъ это недовольству и разочарованію въ разсчетахъ услышать „восторженные клики“. Но тутъ я *понялъ*, господа... Я увидѣлъ ее, эту *молчащую толпу*, я испыталъ этотъ ужасъ... Я понялъ, почему блѣднѣли всесильные Напо-

леоны,—потому что я испыталъ самъ, какой ужасъ, какая подавляющая сила скрыты въ этомъ угрюмомъ молчаньи... Я ее увидѣлъ эту угрюмо сосредоточенную молчащую толпу съ устремленнымъ на тебя одного взоромъ, и это вывело меня изъ столбняка... Да, я ее увидѣлъ! При въѣздѣ въ городокъ, куда раньше прискакалъ одинъ изъ конвоировавшихъ насъ „янки", насъ встрѣтило все его населеніе—все, отъ мала до велика, и женщины, и дѣти, — встрѣтило большой многотысячной толпой, плотно сжатой по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой медленно,—такъ страшно, такъ убійственно медленно,—двигалась наша телѣга! Эта ужасная молчащая толпа стояла неподвижно, устремивъ на насъ, на меня, какъ въ одинъ фокусъ, свой неподвижный, угрюмый, многотысячный взоръ... О, я какъ-то особенно чувствовалъ этотъ взоръ, я его видѣлъ, я *осязалъ* его даже, и не могъ отвести своихъ глазъ, а, напротивъ, повинуясь какой-то неодолимой, приковывающей силѣ этого взора, все шире и шире таращилъ ихъ. Онъ пронизывалъ меня, пришибалъ, околдовывалъ, чаруя, приковывалъ къ мѣсту и въ то же время тянулъ къ себѣ. Я чувствовалъ на себѣ и видѣлъ каждый глазъ въ отдѣльности и не могъ шевельнуться; я слышалъ, какъ этотъ глазъ, каждый въ отдѣльности изъ этихъ тысячей глазъ, шепталъ мнѣ страшное: „убійца, убійца, убійца!" О, да, ей-Богу, я это слышалъ, слышалъ все явственнѣе, все неотразимѣе, и хо-

лодный потъ бездоннаго ужаса выступалъ на лбу крупными каплями... все больше и больше...

Если бы меня ругали, если бы мнѣ угрожали, если бы вслухъ высказывали подозрѣніе,—о, я моментально ожилъ бы... Во мнѣ проснулся бы живой, невинный человѣкъ, я бы защищался, возмущался, боролся,—и это, несомнѣнно, было бы даже счастьемъ тогда для меня!. Да что! хоть бы звукъ какой нибудь, хоть бы слово вырвалось!.. Но это молчанье, это угрюмое молчанье, неподвижность, мертвая тишина... и среди всего этого неподвижный, многотысячный, угрюмо укорительный взоръ, —о, это нѣчто непередаваемо-ужасное! Нѣтъ словъ у меня, чтобы нарисовать его вамъ наглядно, образно представить его околдовывающую, гипнотизирующую силу!.. „Убійца“—шепталъ онъ, и я все больше, все яснѣе чувствовалъ, сознавалъ себя убійцей... Положительно, это было колдовство какое-то! Понимаете ли, я, безусловно невинный, самъ глубоко потрясенный происшедшимъ человѣкъ, подъ вліяніемъ этого магическаго, молчаливаго взгляда, чувствовалъ, сознавалъ себя злодѣемъ, убійцей!... Онъ положительно повелѣвалъ мной... А телѣга все двигалась, а этотъ ужасный, многотысячный взоръ все слѣдилъ и слѣдилъ...

Разсказчикъ въ волненіи выпилъ залпомъ свой стаканъ. Мы какъ-то съежились, мы почти не дышали...

— Да,—продолжалъ онъ.—И знаете ли, еще немного, еще только немного этого колдовства и, повинуясь какой-то неодолимой силѣ, почти потребности, я машинально всталъ бы въ телѣгѣ, машинально снялъ бы шляпу, поклонился бы и *повинился*... Я, совсѣмъ невинный человѣкъ, ей-Богу, сказалъ бы громко: „простите мнѣ,— я убійца!“ Ей-Богу, сказалъ бы, но меня выручили слезы... Вдругъ, почему-то, точно сами собой, изъ сухихъ, неподвижныхъ, вытаращенныхъ въ ужасѣ глазъ потекли у меня теплыя, крупныя слезы. Потекли и затуманили все... Онѣ спасли меня!

Наступила глубокая пауза. Разсказчикъ долго молчалъ, плотно сжавъ губы. Наконецъ, онъ вскочилъ, нервно зашагалъ и, заложивъ по привычкѣ руки, прямо остановился предо мною.

— Вотъ,—сказалъ онъ:—съ этого-то момента у меня и показалась сѣдина!..

VI.

— Остановились мы, — продолжалъ разсказчикъ:—у длиннаго, досчатаго сарая, похожаго на домъ, или дома, похожаго на сарай, въ которомъ незадолго предъ тѣмъ помѣщалась типографія мѣстной газетки, и вошли въ него вмѣстѣ съ угрюмо молчащей толпой... Не по-

мѣстившіеся запрудили всю улицу, толклись на ней, молча жуя свой табакъ и сплевывая изрѣдка жвачки. Женщины, помню, поднимались на пальцы и вытягивали головы, чтобы лучше насъ разсмотрѣть. Рѣчицкій на что-то сѣлъ и, плача, поникъ головой; Линевъ что-то объяснялъ толпѣ, окружившей его плотно сжатой, молчащей стѣной. Я прислонился къ стѣнѣ, стоя, и ждалъ. Чего?—право не знаю... кажется, кандаловъ и часовыхъ... Да, да,— именно этого... Я все ждалъ, что вотъ-вотъ раздастся лязгъ желѣза и блеснутъ штыки... Но,— замялся разсказчикъ:— тутъ случился инцидентъ... Разсказывать ли?

— Да, да!... все разсказывайте! — крикнули мы въ одинъ голосъ.

— Ну, ладно!.. Я сказалъ уже, что ждалъ стоя, никого не видя въ отдѣльности и видя всѣхъ вмѣстѣ въ то же время, одинъ, совсѣмъ одинъ, въ сторонѣ. Ни одной знакомой души, ни одного слова, ни одного ласковаго взгляда!... И вдругъ,—представьте себѣ!—кто-то хлопаетъ меня по плечу, хорошо, казалось, дружески, какъ хлопаютъ на западѣ Америки! Ей-Богу, я сначала не повѣрилъ себѣ... Обернулся и вижу: стоитъ юноша, прямо смотритъ на меня и что-то спрашиваетъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ.

Его глазъ я не видѣлъ изъ-за тумана слезъ, застилавшихъ мои глаза, и довольно густыхъ уже сумерекъ, а словъ сразу не разслышалъ.

Но звуки человѣческой рѣчи, святое слово, казалось, участья, отдались во мнѣ электрической искрой. О, вы и представить себѣ не можете, какое счастье вдругъ охватило меня, какая нѣга разлилась въ груди отъ этого магическаго звука человѣческой рѣчи!... Такъ есть кто-то, кто говоритъ со мной, кому я не чуждъ, кто сочувствуетъ мнѣ?!... Я ожилъ, я хотѣлъ броситься къ нему на шею, я цѣловалъ бы его, какъ братъ брата, человѣкъ человѣка...

— А много денегъ было у него?

Денегъ?!

— Что?—Сначала я не понялъ... Я стоялъ недоумѣвая...—Деньги? — спрашивалъ я самъ себя:—какія деньги?!—Но вдругъ все понялъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, въ груди схватила боль, какъ спазма, тупая, тяжелая, въ глазахъ пошли круги... Это была ярость, бѣшенство,—такое же, съ какимъ раньше проклиналъ меня Рѣчицкій, когда я не далъ ему убить себя,—бѣшенство, въ которое какъ-то сразу, отъ сильнаго контраста ощущеній, счастья и полученной обиды, что-ли, перешло это счастье... Моментъ—и я убилъ бы нѣмца, продолжавшаго все также хлопать меня по плечу и улыбаться своей тупой, подмигивающей улыбкой... Моя рука уже сжимала револьверъ,—еще моментъ... но кто-то схватилъ меня, сильно схватилъ сзади. Я оглянулся и почти безъ силъ упалъ на грудь Линева, о которомъ я какъ-то совсѣмъ забылъ.

— Что ты, что ты?!—шепталъ онъ мнѣ въ свою очередь, дрожа и прижимая къ себѣ:— что ты?!

Онъ слышалъ все, видѣлъ все, понялъ и сейчасъ же объяснилъ собравшейся вокругъ насъ кучкѣ. Кругомъ поднялся негодующій ропотъ... Оттолкнутый кѣмъ-то, юноша куда-то исчезъ и чья-то человѣческая рука протянулась ко мнѣ съ кружкой воды. Малорослый худощавый чехъ, слесарь, что-то бормоча почешски, протягивалъ мнѣ воду. Я выпилъ ее залпомъ и сразу пришелъ въ себя.

То, что на полученную обиду я схватился за револьверъ, сказало за меня больше, чѣмъ что бы то ни было,—можетъ быть, даже расположило всѣхъ ко мнѣ. Это было вполнѣ въ характерѣ и нравахъ энергичныхъ, смѣлыхъ, по своему гордыхъ „молодцовъ Запада", никогда не разстающихся съ револьверомъ, простыхъ, почти грубыхъ въ обращеніи, но за то никогда и никому не позволяющихъ наплевать себѣ въ кашу,—отчего вы почти и не встрѣтите на „Западѣ" личныхъ оскорбленій. Весь этотъ случай, грубый и грустный, имѣлъ, однако, для меня хорошія послѣдствія: онъ отрезвилъ меня, привелъ въ себя!.. Это грубое, вслухъ, прямо высказанное подозрѣніе пробудило во мнѣ сознаніе моей невиновности, какъ бы уяснило мнѣ весь ужасъ тяготѣвшаго на мнѣ, на насъ обвиненія, сняло колдовство, отупѣніе, въ какомъ я находился... Каждый

атомъ, каждый фибръ задрожалъ во мнѣ отъ негодованія! Во мнѣ проснулся живой человѣкъ, почувствовавшій потребность разъяснить, снять съ себя больное, оскорбительное подозрѣніе, доказать всѣмъ свою правоту и чистоту,—человѣкъ, способный сознавать и чувствовать боль и оскорбительность такого положенія.... Кандалы?!.. Что-же,—пусть несутъ ихъ! Я надѣну ихъ гордо, какъ и долженъ надѣть невинный человѣкъ, и сниму ихъ не самъ,—ихъ сниметъ судъ передъ всѣми! Такъ или иначе, черезъ мѣсяцъ, годъ... но я докажу свою невиновность, и людямъ, а не мнѣ станетъ за нихъ стыдно!.. Гдѣ же цѣпи, гдѣ часовые со штыками?! Ихъ не было!

— Граждане... На основаніи конституціи...

Толпа разступилась. Предо мною стоялъ рослый, бородатый янки, истый типъ „молодца Запада", въ рубахѣ съ засученными рукавами, въ кожаномъ фартукѣ,—шорникъ, только-что вставшій отъ рабочаго станка, и прикладывалъ руку къ высокой шляпѣ.

— Граждане!.. Я— шерифъ!..

Я, Рѣчицкій, Линевъ,—мы всѣ трое тоже подняли руки къ шляпамъ.

— Убійство спучилось умышленно или нечаянно?

— Нечаянно!—переводилъ Линевъ.

— Не дуэль, безусловно запрещенная законами Канзаса?

— Нѣтъ, не дуэль!..

— До собранія суда, граждане,—на основаніи нашихъ законовъ, я всенародно объявляю васъ арестованными!

— *All right!*—отвѣтили мы ему въ одинъ голосъ.

— Ваше оружіе?...

Мы отдали свои револьверы, свои длинные охотничьи ножи, безъ которыхъ не ходятъ на „Западѣ", и ждали. Инстинктивно взглянулъ я на свои ноги, которыя, конечно, сейчасъ же закуютъ, и затѣмъ сталъ искать глазами стражи... Но никого не было,—шерифъ исчезъ!..

VII.

Послѣ небольшого отдыха, въ теченіе котораго разсказчикъ лихорадочно затягивался дымомъ папиросы, безмолвно, какъ и мы всѣ, онъ продолжалъ:

— Мы совсѣмъ не знали судебной процедуры въ республикѣ и недоумѣвали, почему именно насъ не тащатъ въ тюрьму. Ожиданіе стало томить и тяготить насъ... Мы такъ уже освоились съ представленіемъ о тюрьмѣ, что проволочка только мучила. Скажу больше: намъ даже какъ-то хотѣлось тюрьмы,—не тюрьмы собственно, а того одиночества, тишины, покоя, которые она дала бы намъ. Мѣсяцъ, два, три,—можетъ быть, даже годъ слѣдствія,—ду-

малось намъ:—раскроетъ все и мы выйдемъ свободными и чистыми... Ну, что же дѣлать?—лишь бы только скорѣе!.. Но ничего не было: никто не заковывалъ насъ, никто не сторожилъ, никакая тюрьма насъ не ожидала. Мы были свободны, какъ всѣ, могли ходить и дѣлать что угодно, какъ и всѣ свободные, не осужденные судомъ граждане,—не могли только отлучиться изъ города безъ заявленія о томъ шерифу. Въ этомъ послѣднемъ и въ отобраніи оружія и заключался весь арестъ... Стражей нашей былъ весь городъ, каждый ребенокъ... Будь у насъ здѣсь сестры, матери и сдѣлай мы только шагъ, чтобы скрыться,—сестры и матери остановили бы насъ сами. Такъ уважаютъ тамъ свои законы и свое право.

Все это поняли и узнали мы только послѣ, а тогда только недоумѣвали, тревожась въ ожиданіи. Сколько длилось оно, — не знаю, но не меньше часа во всякомъ случаѣ послѣ ухода шерифа. Я подошелъ къ Рѣчицкому, сидѣвшему неподвижно, какъ статуя, все въ одной и той же позѣ, и сказалъ ему что-то ободряющее. — Скорѣй бы! — глухо отвѣтилъ онъ мнѣ... Онъ тоже, какъ я, все ждалъ и ждалъ тюрьмы...

— Граждане!—къ суду республики!...

Предъ нами опять стоялъ шерифъ, и мы, признаться, совсѣмъ ошалѣли. Къ суду? Сейчасъ? Безъ предварительнаго слѣдствія, безъ

тюрьмы?—Нѣтъ, мы ничего не понимали! Къ суду? Какой нибудь часъ—и къ суду? Что же это?!

Мы вошли въ большой залъ второго этажа сосѣдняго дома и опять затерялись въ толпѣ гражданъ, стоявшихъ, какъ и мы, въ шляпахъ. Предъ нами впереди виднѣлась деревянная рѣшетка, отгораживавшая меньшую часть зала; за ней стоялъ длинный столъ, за которымъ въ шляпахъ же,—обычай „Запада“,—откинувшись со спинками креселъ къ стѣнѣ, сидѣли 12 присяжныхъ, старикъ-судья съ длинной, сѣдой бородой, прокуроръ округа и назначенный намъ защитникъ. Одни читали газеты, другіе жевали табакъ, курили сигары, третьи искали насъ глазами. Ни малѣйшей торжественности, никакого эффекта!.. Все было просто, какъ-то черезчуръ просто и отдавало какимъ-то особеннымъ спокойствіемъ... Но за этой простотой, за этимъ спокойствіемъ,—самъ не знаю почему, но, ей-Богу, живо почуялась мнѣ неумолимая, строгая, даже страшная правда. Тутъ, предъ этимъ судомъ, прошелъ мой страхъ, успокоились мои нервы, явилась почему-то сразу полная увѣренность, что, не смотря ни на что,—ни на отсутствіе свидѣтелей при несчастномъ случаѣ, ни на незнаніе языка и условій,—я выйду отсюда правымъ, какимъ и былъ. Предо мной сидѣли не судьи, не какія-то особенныя существа, для которыхъ я могъ быть загадкой,—предо мной си-

дѣли такіе же люди, граждане, какъ и я, собравшіеся по-просту, по-человѣчески обсудить мое дѣло...

И вся судебная процедура началась также просто. Судья, этотъ длиннобородый, сѣдой старикъ, такъ много видавшій на своемъ вѣку, засѣдавшій нѣкогда въ конгрессѣ, сражавшійся простымъ волонтеромъ-солдатомъ за „союзъ“,—этотъ сѣдой, какъ лунь, съ живыми, почти юношескими глазами, старикъ, какъ-то необычайно просто поднялся съ своего, мѣста, и, стоя, также просто, спокойно объявилъ, что судъ приступитъ къ разбирательству нашего дѣла. Затѣмъ онъ спросилъ насъ, не имѣемъ ли мы чего-нибудь противъ него, прокурора или кого-нибудь изъ присяжныхъ, не считаемъ ли себя чѣмъ-нибудь обиженными, не были ли кѣмъ-нибудь и чѣмъ-нибудь нарушены наши права. Послѣ отрицательнаго отвѣта онъ обратился съ послѣднимъ вопросомъ и къ нашему защитнику, затѣмъ сѣлъ и вызвалъ за рѣшетку свидѣтелей-янки.

VIII.

Теперь, господа, я отлично понимаю, что большую роль въ охватившемъ меня покоѣ, въ этой увѣренности, что я выйду правымъ,—играла именно эта простота суда, которой я не ожидалъ, которая меня изумила. До

сихъ поръ съ словомъ „судъ“ у меня соединялось представленіе о чемъ-то страшномъ, унизительномъ, обидномъ, о чемъ-то такомъ, гдѣ я перестану быть равнымъ всѣмъ человѣкомъ, а превращусь въ какое-то особенное существо, каждое слово котораго будетъ заподозрѣно, каждый жестъ будетъ казаться изворотливостью, гдѣ поэтому меня могутъ и будутъ третировать и гдѣ другого имени, какъ „подсудимый“ или „обвиняемый“, я не услышу. Когда же вдругъ я увидѣлъ себя здѣсь, передъ рѣшеткой, такимъ же „гражданиномъ“, какъ и всѣ, такимъ же членомъ „публики“, какъ и каждый изъ стоявшихъ рядомъ со мною янки, когда ко мнѣ обращались такъ же просто съ словомъ „гражданинъ“, какъ и къ свидѣтелю, и такъ же просто предлагали присягать на „библіи“ или на „конституціи республики, какъ, молъ, позволяетъ мнѣ моя совѣсть“, когда, наконецъ, я, выходя къ судьямъ за рѣшетку, садился передъ ними на стулъ, какъ и любой свидѣтель, и говорилъ съ ними также просто,—всѣ эти ужасныя представленія разлетѣлись, конечно, прахомъ. Я понялъ, что судили не меня, не лицо, а изслѣдовали, взвѣшивали самый фактъ, происшествіе, что я былъ не подсудимый, а такой же свидѣтель событія, какъ и другіе, что только послѣ изслѣдованія и взвѣшиванія всѣхъ обстоятельствъ я могъ бы уйти отсюда не гражданиномъ, а „подсудимымъ“, если-бъ судъ, взвѣсивъ все,

призналъ меня таковымъ и если-бъ для этого были какія-нибудь данныя. И—странное дѣло!—тутъ, передъ этой простой рѣшеткой суда, толпа, публика, казалась мнѣ уже другой; я не чувствовалъ, не видѣлъ ея подозрительнаго взгляда, не видѣлъ, не ощущалъ, не дрожалъ ея угрюмаго, сосредоточеннаго молчанія, не былъ подавленъ ею, — чувствовалъ себя независимо и свободно, какъ равный среди равныхъ... Эта толпа, какъ и я, смотрѣла теперь на судей съ напряженнымъ интересомъ, какъ и я, ловила показанія и въ глубокомъ, полномъ уваженія молчаніи вслушивалась въ слова сѣдого судьи. Предъ этой простой деревянной рѣшеткой мы, публика и я, были равными; здѣсь было нѣчто высшее, чѣмъ она,—судъ, и этотъ „судъ“ равнялъ насъ.

— Позвольте... одинъ вопросъ! — остановилъ прокуроръ, когда янки, давъ свои показанія, собирались уйти:—какъ вы думаете?.. ваше личное впечатлѣніе... не было ли тутъ дуэли?

Толпа шарахнулась, затаивъ дыханіе и вытянувъ шеи. Янки какъ-то замялись и молча, отпустивъ глава, обдумывали... Я слышалъ только, какъ билось мое сердце, и считалъ, казалось, его удары, точно секунды. Наконецъ, тотъ, что присягнулъ на конституціи, поднялъ голову:

— Мое впечатлѣніе говоритъ мнѣ одно,— спокойно отвѣтилъ онъ:—здѣсь не было ничего преднамѣреннаго...

— А вы?—обратился прокуроръ къ другому, угрюмому скватеру.

— А я думаю,—отвѣтилъ тотъ угрюмо:— что отвѣчать на такой вопросъ дѣло суда, а не мое...

— Вѣрно!—Толпа улыбнулась, улыбнулись и судьи.

Угрюмый скватеръ оставался вполнѣ вѣренъ себѣ: разъ онъ только свидѣтель, а не судья, никому не должно быть дѣла до его личнаго мнѣнія и онъ обязанъ говорить только то, что видѣлъ. Но и въ этихъ отвѣтахъ звучало для насъ, для публики, можетъ быть, и для судей, признаніе нашей правоты, снимавшее съ насъ всѣ подозрѣнія. Это чувствовалось мною какъ-то инстинктивно, схватывалось безсознательно,—я угадывалъ это въ неясномъ шепотѣ, въ мимолетныхъ взглядахъ, въ жестахъ, почему-то будившихъ мою бодрость.

— Гражданинъ Лин... Лин... Лини..! — вызывалъ судья, усиливаясь прочесть это чуждое ему имя.

Линевъ, такъ же, какъ и свидѣтели-янки, войдя за рѣшетку, сѣлъ на стулъ, стоявшій противъ судьи, но, садясь, снялъ шляпу.

— Гражданинъ, — сказалъ ему старикъ-судья:—вы насъ стѣсняете. Мы здѣсь всѣ съ покрытыми головами... зачѣмъ вы сняли вашу шляпу?

— Я сдѣлалъ это изъ уваженія къ суду...— отвѣчалъ сконфузившійся Линевъ.

– Судъ не сомнѣвается въ вашемъ уваженіи. Въ Америкѣ всѣ граждане уважаютъ свой судъ. Не заставляйте же насъ снимать шляпы, сэръ, хотя бы изъ уваженія „къ большинству“... Надѣньте свою шляпу!..

Это былъ новый урокъ нашей европейской щепетильности и условной деликатности,—урокъ, какихъ мы уже получили очень достаточно... Весь красный, Линевъ надѣлъ свою шляпу и началъ свои показанія. Когда онъ сталъ разсказывать, кто мы и что мы, что́ двинуло насъ сюда, всѣ насторожились и съ любопытствомъ, съ какимъ-то напряженнымъ интересомъ стали оглядываться на насъ. Муха могла бы пролетѣть и мы услышали бы шумъ ея полета,—такая кругомъ воцарилась тишина. Я уловилъ разъ взглядъ судьи, быстрый, рѣзкій, и мнѣ показалось, что онъ глядитъ на меня какъ-то грустно и ласково вмѣстѣ. Еле-еле уловлялъ я смыслъ рѣчи Линева,—онъ говорилъ своимъ плохимъ англійскимъ языкомъ,—но я чувствовалъ, я видѣлъ, что по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, я становлюсь не чужимъ здѣсь, что меня начинаютъ понимать и знать, какъ человѣка,—что подозрѣнія уносятся безповоротно... Смѣло и твердо вошелъ я въ свою очередь за рѣшетку и посмотрѣлъ въ глаза судьи.

— Гражданинъ! вы плохо говорите по американски?

— Да.

— Вамъ нуженъ переводчикъ?

— Да.

Я говорилъ, смотря прямо на судью, а переводчикъ-нѣмецъ переводилъ мои слова суду. Когда онъ передавалъ устройство револьвера и обстоятельства, сопровождавшія нечаянный выстрѣлъ,—въ гробовомъ молчаньи наполненной публикой залы раздалось громкое: „*stop!*“— и чья-то рука поднялась кверху.

— Въ чемъ дѣло? Что вамъ угодно?—спросилъ судья, вглядываясь въ толпу:—что такое?

Впередъ протиснулся чехъ, слесарь, тотъ самый, что подавалъ мнѣ воду.

— Судья! — сказалъ онъ:—считаю своимъ долгомъ заявить, что переводчикъ переводитъ невѣрно.

— Какъ?

Его слова произвели большую сенсацію и среди судей, и въ толпѣ... Онъ взялъ револьверъ изъ рукъ переводчика и сталъ объяснять въ свою очередь.

— Переводчикъ, — закончилъ онъ: — плохо усвоилъ смыслъ словъ и совсѣмъ не знакомъ съ этимъ оружіемъ. Я слесарь!..

— Гражданинъ!—позвалъ судья Линева:— кто изъ двухъ переводчиковъ говоритъ вѣрнѣе?.. Вы слышали?

— Да... этотъ точнѣе!..—указалъ Линевъ на чеха.

— *All right!*—Теперь, докторъ, вы!...

Докторъ далъ свои показанія относительно осмотра и вскрытія трупа. Послѣ него приш-

ла очередь Рѣчицкаго. Тотъ вошелъ за рѣшетку блѣдный, почти шатаясь, и не сѣлъ, а упалъ на стулъ.

— Вы другъ покойнаго?—спросилъ судья.

— Да!

— Вы убили его нечаянно?

— Да!

Прокуроръ предложилъ въ свою очередь какой-то вопросъ, но его перебилъ сидѣвшій у самой стѣны присяжный. Не вынимая изо рта сигары и не мѣняя позы, онъ внушительно пробормоталъ:

— Не лучше ли вмѣсто лишняго вопроса предложить гражданину стаканъ воды?!. Вы видите,—онъ близокъ къ обмороку!..

Прокуроръ налилъ воды, поднесъ ее Рѣчицкому и вопросъ свой оставилъ. Судья снова всталъ:

— Судъ приступаетъ къ рѣшенію!.. Удалитесь!

IX.

Не больше, какъ черезъ полчаса мы опять стояли въ той же залѣ, призванные туда шерифомъ выслушать рѣшеніе. Толпа все прибывала и прибывала, наполняя залъ до того, что буквально не было никакой возможности двинуться ни взадъ, ни впередъ и, не стой мы уже у рѣшетки, намъ бы до нея не про-

браться. Насъ никто не видѣлъ, не обращалъ на насъ вниманія, какъ и мы никого изъ толпы не видали, не замѣчали. Всѣ глаза, какъ и наши, лихорадочно, напряженно всматривались туда, за рѣшетку, гдѣ все также спокойно, невозмутимо, въ тѣхъ же, казалось, позахъ, сидѣли судьи. Рѣчицкій поблѣднѣлъ еще больше. У меня дрожали ноги, грудь ходила ходенемъ, а сердце билось такъ, что я задыхался.

Когда движеніе, шорохъ, шумъ шаговъ улеглись, наконецъ, и кругомъ воцарилось напряженное безмолвіе, судья всталъ и взялъ лежавшую передъ нимъ бумагу.

„Судъ республики,—началъ онъ своимъ сухимъ, слегка дрожавшимъ, старческимъ голосомъ:—изъ полноправныхъ гражданъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, постановилъ считать смерть такого-то, происшедшую отъ револьвернаго выстрѣла, неисповѣдимымъ произволеніемъ воли Всевышняго или стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, какъ кому угодно. Гражданъ же,—судья назвалъ насъ:—объявляетъ свободными отъ всякихъ подозрѣній“...

Онъ, казалось, еще не кончилъ, въ воздухѣ еще дрожали послѣдніе звуки его старческаго голоса, а весь залъ буквально задрожалъ отъ общаго, дружнаго крика: *all right*!.. Судья снялъ шляпу и подалъ намъ руку, за нимъ это сдѣлалъ прокуроръ, присяжные, а затѣмъ и публика. Сотни рукъ протягивались къ намъ,

сотни головъ стояли передъ нами обнаженными, сотни глазъ свѣтились намъ человѣческой лаской и привѣтомъ!.. Это было публичное возстановленіе нашихъ гражданскихъ правъ, публичное признаніе насъ вновь полноправными гражданами, и этой минуты я не забуду во всю мою жизнь... Ни лишняго слова! Каждый звалъ насъ только къ себѣ отужинать, чего мы, конечно, и исполнить не могли бы и что означало только признаніе насъ членами „своего очага“,—большая честь по понятію янки. Ни лишняго слова, говорю я, ни лишняго жеста, ненужнаго вздоха, излишней любезности, ничего такого, а между тѣмъ мы рыдали, какъ дѣти и чувствовали себя какъ бы въ родной, душевной семьѣ... Съ этой только минуты поняли мы, что такое этотъ черствый на видъ, хладнокровный, сухой, „промышленный янки“, поняли, сколько глубокой гуманности, сколько деликатности,—не условной, щепетильной, приторной любезности, а именно деликатности,—сколько любви, простой, человѣческой любви, а не показной слащавости кроется подъ этой наружной ледяной оболочкой!.. Поняли—и устыдились всего того, что копошилось въ насъ еще за минуту предъ тѣмъ, что заставляло смотрѣть насъ на него злыми, нечеловѣческими глазами.

— Ужинать... ужинать... ко мнѣ... въ мою семью, къ моему очагу!—говорилъ намъ каждый, тряся съ чувствомъ наши руки, и гово-

рилъ такъ, что у насъ захватывало дыханіе, слезы все быстрѣе текли по нашимъ щекамъ, и мы могли только безмолвно сжимать эти грубыя, мозольныя, честныя руки піонеровъ, угрюмыхъ, серьезныхъ на видъ „молодцовъ Запада".

И долго еще послѣ того, какъ разбрелась по домамъ вся публика, бесѣдовали мы съ нашими судьями, какъ съ простыми, хорошими знакомыми-пріятелями, перебирая то то, то другое, съ помощью переводчика отвѣчая на безчисленные вопросы.. Много мы говорили, многое разсказывали, а тѣ съ глубокимъ, чисто братскимъ интересомъ слушали нашу повѣсть и, слушая, крѣпко жали наши руки.

— Хорошо вы сдѣлали, — говорилъ намъ старикъ-судья:—очень хорошо, что собрались сюда! У насъ здѣсь много хорошихъ рукъ, честныхъ сердецъ и дѣльныхъ головъ, но мало такъ хорошо образованныхъ, какъ въ Европѣ. О, вы здѣсь не будете лишніе, только нашъ языкъ изучите скорѣе!.. Посмотрите: весь народъ, который вы видѣли сегодня, умретъ прежде, чѣмъ дозволитъ дотронуться до одной буквы въ словѣ „республика", а между тѣмъ очень немногіе дадутъ точный отвѣтъ, что такое значитъ республика и въ чемъ состоятъ обязанности и задачи республиканца... Въ этомъ почти и кроется причина всѣхъ злоупотребленій у насъ...

Это говорилъ судья намъ, за нѣсколько минутъ только передъ тѣмъ стоявшимъ за

рѣшеткой суда, и по этому одному вы можете судить уже, какъ сильно измѣнилось наше положеніе. И сколько участія, сколько деликатности и простого довѣрія звучало въ тонѣ каждаго и въ каждомъ вопросѣ, которые намъ предлагали почти въ перебой! Только въ эти минуты открылись у насъ глаза, и мы поняли могучую красу человѣка; но глубокое, великое, безпредѣльное счастье этого момента, безпредѣльный покой и миръ, ворвавшіеся въ наши души внезапно,—не передамъ я вамъ, да и не смогу никогда! Да-съ,—бѣда учитъ и только въ бѣдѣ познаются люди... Такъ и народъ говоритъ... Но послушайте дальше!

На прощанье судья спросилъ насъ, какъ хотимъ мы хоронить покойнаго: на свой или общественный счетъ, и, получивъ въ отвѣтъ: „конечно, на нашъ!“—отвѣтилъ намъ съ хорошей улыбкой, что этимъ мы исполняемъ древній обычай Канзаса. Въ Канзасѣ „убитаго“ всегда хоронили и хоронятъ его товарищи.

— Есть у насъ еще другой обычай,—сказалъ онъ намъ: — свято исполняемый всѣми. Онъ ведется у насъ еще съ той поры, когда нашъ штатъ самъ началъ войну противъ рабства,—задолго до мятежа юга, отчего и зовется „кровавымъ“. Съ той поры у насъ считается неприличнымъ оставлять трупъ убитаго... Друзья и товарищи всегда дежурятъ при немъ почетной стражей съ оружіемъ до похоронъ и сами копаютъ ему могилу. Если бы вы почему-либо

не согласились, если-бы вамъ почему-либо было трудно исполнить этотъ боевой обычай,— мы сами...

Но мы, конечно, согласились,—мы пожали всѣмъ руки и ушли дежурить... Намъ все равно было не до сна!

X.

Подойдя къ дому, гдѣ лежалъ покойникъ, у дверей мы застали толпу уходившихъ женщинъ: онѣ приходили сюда исполнить свой долгъ, чисто женскій долгъ—скрасить своими добрыми руками ужасъ смерти, убрать, украсить то, что подавляло, ужасало,—выказать ласку, теплоту, вниманіе къ незнакомымъ, чужимъ людямъ, но такъ нуждавшимся въ участіи! Войдя, мы не узнали своего сарая: все было прибрано, выметено, все было чисто и даже какъ-то тепло, уютно!. Въ углу пылала багровымъ свѣтомъ желѣзная печь; у окна стоялъ чисто накрытый столъ, на которомъ горѣла лампа и стояли цвѣты; въ другомъ углу, на высокомъ столѣ, прибранный, покрытый бѣлымъ покровомъ, буквально утопая въ зелени и цвѣтахъ, лежалъ покойникъ. И все это было сдѣлано не родственными, а чужими, незнакомыми руками,—все было сдѣлано людьми, которыхъ мы не знали, не видѣли, о которыхъ никогда ничего не слыхали, которыхъ, несомнѣн-

но, готовы были бы назвать до сихъ поръ „чер-ствыми существами“, способными только на-живать, торговать, промышлять. Сначала все это поразило насъ до того, что мы стояли всѣ трое неподвижно, въ изумленіи поводя глазами, но, придя въ себя, наши души переполнились такой благодарностью, такой любовью къ этимъ чужимъ, незнакомымъ людямъ, что, не сговариваясь, повинуясь одному общему влеченію, мы разомъ бросились къ дверямъ въ надеждѣ застать ихъ тамъ, увидѣть, поблагодарить... но ихъ и слѣдъ простылъ!

И не въ этомъ одномъ выразилась гуманность и деликатность этого „промышленнаго янки“,—о, нѣтъ! Всю ночь напролетъ заходилъ къ намъ то тотъ, то другой, чтобы не оставлять насъ однихъ, чтобы развлечь живымъ словомъ, такъ или иначе выказать свое вниманіе и участіе. Каждый, конечно, заходилъ къ намъ „только такъ“,—шелъ мимоходомъ—„отчего же, думаю, не зайти, молъ, провѣдать“, или „погрѣться, потому, что ночь, джентль'-мэны, чертовски холодна!“ и т. д. въ томъ же родѣ. И въ этомъ наивномъ обманѣ, плохо скрытомъ, сшитомъ черезчуръ бѣлыми нитками,—обманѣ, еще болѣе подчеркивавшемъ деликатность человѣка, желавшаго избѣжать выраженій благодарности,—всецѣло выразилась деликатность и гуманность „янки“, простая, наивная, не навязчивая... Только-что было мы усѣлись, какъ открылась дверь и вошелъ какой-

то бородатый, дюжій „джентль'мэнъ", конечно, „только погрѣться", потому, что ночь, джентль'-мэны, очень холодна, молъ... чертовски холодна!"... Онъ совалъ руки къ огню, дѣлая видъ, что ему въ самомъ дѣлѣ страшно холодно, топтался на мѣстѣ, разсказалъ какой-то совсѣмъ неподходящій анекдотъ о нѣмцѣ, принявшемъ козу за буйвола,—надъ нимъ и тамъ подтруниваютъ!—а затѣмъ, все налегая на то, что „ночь, джентль'мэны, чертовски холодна, а къ утру будетъ еще-де холоднѣе",—вынулъ вдругъ изъ широкихъ штановъ бутылку портвейна и въ наивномъ замѣшательствѣ, крѣпко, неуклюже поставивъ ее на столъ со словами: „разрази меня, джентль'мэны, если она не лишняя у меня, совсѣмъ лишняя,—даже жену спросите!—отвѣдайте, не побрезгайте!"—быстро скрылся. Только-что скрылся этотъ, вошелъ другой; онъ шелъ, видите ли, „мимо" и какъ-то сразу рѣшилъ, что „не мѣшаетъ-де погрѣться,—разрази его Господь!"—и, суя одну руку къ огню,—другая была у него занята какимъ-то сверткомъ,—вдругъ перешелъ къ разсказу о какомъ-то знаменитомъ врачѣ, который всѣ болѣзни вылѣчивалъ только тѣмъ, что заставлялъ больныхъ ѣсть хор-р-рошій ростбифъ. „О, джентль'мэны! это былъ замѣ-ѣ-чательный докторъ, разрази меня Господь, если я вру!"—протянулъ онъ, сплюнувъ на сторону „жвачку", и вдругъ, быстро положивъ на столъ свой свертокъ, громадный ростбифъ, съ которымъ-де

жена его „совсѣмъ не знала, что дѣлать", потому что... видите ли... видите ли, онъ недавно убилъ громаднаго вола, громад-нѣйшаго, „разрази меня Господь!"—онъ скрылся, какъ и первый. Третьему „совсѣмъ не спалось, граждане!" Онъ пошелъ только „пройтись", ну, а жена... „о, вы, конечно, джентль'мэны, знаете, какой самолюбивый народъ и хвастливый эти хозяйки", — жена, видите ли,—подмигиваетъ съ наивной ироніей третій:—, кстати послала его отнести пріѣзжимъ джентль'мэнамъ этотъ лишній, совсѣмъ лишній яблочный пирогъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе о ея стряпнѣ!" Четвертый, пятый, шестой и т. д., и. т. д.— всѣ заходили „только такъ", „погрѣться", „потому что мимо", или потому, наконецъ, что „разрази его Господь, если...", а затѣмъ невнятное бормотанье. И каждый при этомъ приносилъ обязательно что-нибудь или отъ „хвастливыхъ хозяекъ", или „лишнее, совсѣмъ лишнее,—провались я!" или такое, что „рекомендуютъ знаменитые врачи!"—такъ что къ утру нашъ столъ буквально превратился въ бакалейную лавку.

XI.

Какъ только разсвѣло, Линевъ пошелъ къ лошадямъ, которыхъ поставилъ у себя кто-то изъ горожанъ, а мы съ Рѣчицкимъ отправились копать могилу. Онъ былъ совсѣмъ слабъ,

еле шелъ, но свѣжее осеннее утро пріободрило его на время. Утро было сѣрое, туманное, скучное, совсѣмъ гармонировавшее съ нашимъ настроеніемъ и съ предстоявшимъ намъ дѣломъ. Сѣрый туманъ застилалъ землю, и въ этомъ сѣромъ туманѣ какими-то фантастическими тѣнями или пятнами вырисовывались громадныя кладбищенскія деревья и силуэты ближайшихъ памятниковъ. Солнце выдѣлялось на востокѣ багровымъ шаромъ и еле-еле багрило сквозь туманъ эти тѣни. Мѣсто было широкое, пустынное, дикое,—какъ-то необычайно печальное. Мерзлая земля звонко гудѣла подъ ударами нашихъ мотыгъ, и это гудѣнье одно только и нарушало царившее кругомъ безмолвіе, отдавая точно плачемъ. Рѣчицкій не выдержалъ: онъ бросилъ мотыгу и зарыдалъ.

— Не могу!—вырвалось у него вмѣстѣ со слезами.

Плотно стиснувъ зубы, съ трудомъ сдерживая душившія меня слезы, я одинъ продолжалъ работу. Глухой стонъ, съ которымъ отрывались куски земли, участился, кусокъ отлеталъ за кускомъ, моя мотыга ходила все быстрѣе и быстрѣе, и эта быстрота и нервность работы помогали мнѣ, кажется, сдерживать себя и свои слезы. Но мало-по-малу я выбился изъ силъ. Крупныя капли пота, какъ слезы, покатились у меня по лицу, грудь задыхалась, сердце, казалось, готово было лопнуть, а мо-

тыга еле-еле держалась въ ослабѣвшихъ рукахъ. Я остановился передохнуть, недоумѣвая, какъ быть дальше, работы оставалось еще пропасть, и вдругъ, гляжу,—въ туманѣ вырисовывается фигура съ мотыгой... Гляжу, не вѣря себѣ, и кого же я вижу? Нашъ судья,—старикъ-судья, за нимъ прокуроръ, банкиръ, присяжные—еще и еще!..

— Мы пришли къ вамъ на помощь, граждане! Съ добрымъ утромъ!

Мои ноги задрожали, какъ и рука, которую я по-очереди протягивалъ пришедшимъ, и я не выдержалъ. Этого было уже слишкомъ для моихъ нервовъ!... Глубокая ласка, сердечное, простое вниманіе, участіе всегда прежде всего какъ-то разслабляютъ сдерживающаго горе человѣка. Я сѣлъ на землю, и у меня тоже закапали слезы.

— Сэръ!—сказалъ въ это время судья лежавшему ницъ Рѣчицкому, беря его руку:—сэръ! нужно умѣть справляться съ горемъ.... Слушайте, сэръ...—и старческій голосъ его дрогнулъ и перешелъ въ хриплый шепотъ:—у меня на глазахъ убили въ бою моего сына!

Разсказчикъ остановился въ волненіи. Мы сами были взволнованы до-нельзя,—наша дама утирала слёзы... Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ.

— Такимъ образомъ, могила скоро поспѣла и къ концу ея на дрогахъ привезли гробъ... Кто распоряжался, право, не знаю,—но въ счетѣ,

представленномъ намъ послѣ похоронъ, всѣ цѣны за матеріалъ были сбавлены на 25%... Гробовщикъ совсѣмъ отказался отъ платы за работу...

Такъ вотъ, господа,—закончилъ онъ:—каковы эти „промышленные янки“ на самомъ дѣлѣ!.. Судите сами: правъ ли я былъ, говоря, что за всѣми этими печальными газетными новостями, злоупотребленіями и проч., и проч., не нужно забывать „міра“, человѣка,—не нужно забывать, что этотъ „міръ“, какъ говоритъ наша деревня, живетъ, ростетъ и развивается? А пока онъ живъ, пока живъ „человѣкъ“,—нечего говорить: „все пропало!“—потому что газеты сообщили о мерзостяхъ, такъ или иначе всплывшихъ наружу... Сколько бы ихъ ни было,—подъ ними все-таки продолжаетъ биться здоровое человѣческое сердце. Вотъ что нужно всегда помнить!..

XII.

— А еще... еще!—закричали мы всѣ въ одинъ голосъ, когда „оптимистъ“, окончивъ свою сентенцію, взялся-было за шляпу:—вы обѣщали разсказать про другой „міръ“... Что же?...

— Да ночь, господа!.. нерѣшительно протянулъ онъ въ отвѣтъ.

Дѣйствительно, на дворѣ уже стояла глубокая ночь,—но намъ было не до сна. Спро-

сивъ у соннаго лакея вина, мы разлили его въ стаканы и, хлебнувъ, уставились всѣ въ разсказчика. Тотъ началъ:

— Нѣсколько лѣтъ спустя, господа, надо мною разстилалось уже другое небо,—сѣрое, холодное небо угрюмой Сибири. Я поселился въ большой, но глухой деревнѣ на рѣкѣ Оби и, правду сказать, первое время только и дѣлалъ, что нылъ... Согласитесь, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я жилъ, для всякихъ оптимизмовъ мало было мѣста и нытье могло казаться самымъ подходящимъ дѣломъ. На цѣлые долгіе мѣсяцы, когда рѣка замерзала, я былъ совсѣмъ почти отрѣзанъ отъ остального міра. Кругомъ была страшная глушь. Жизнь деревни походила скорѣй на какое-то сонное прозябаніе безъ всякой цѣли впереди, кромѣ хорошаго улова рыбы и хорошаго покоса. Вьюги, бураны, снѣгъ,—безконечный, однообразный до тошноты снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ!.. Ну, да что напрасно живописать,—сами вы отлично понимаете,—къ тому же меня страшно влекло къ центрамъ, гдѣ жизнь, казалось,—такъ всегда кажется издали, господа!—идетъ быстро, кипуче, страстно, гдѣ, молъ, только и живутъ люди по-людски, какъ слѣдуетъ, гдѣ... Ну, да, однимъ словомъ, я только и жилъ, и дышалъ представленіемъ объ этихъ центрахъ, только и упивался о нихъ мечтами, совсѣмъ не видя своей деревни, не интересуясь ею, не входя въ ея жизнь, настроеніе, думы, нужды, совсѣмъ

игнорируя ее—точно ея и не было вовсе! Люди ея казались мнѣ не людьми, а Богъ ихъ знаетъ чѣмъ,—отношеніе къ нимъ у меня было какое-то не то брезгливое, не то жалостливо презрительное... Упивался я только книгами, да рѣдкими газетами, въ которыхъ интересовался даже меню юбилейнаго обѣда статскому совѣтнику Всѣхперехватскому,—словомъ, жилъ, какъ и подобаетъ жить благородному мореплавателю, случайно заброшенному свирѣпой волной на какіе-нибудь Гебриды. Ну-съ, и, конечно, раскаялся,—ибо и тамъ, господа, жилъ „человѣкъ", такой же, какъ и я, а, можетъ быть, и лучше, чѣмъ я, не смотря на всю мою культурность,—жилъ „міръ", въ которомъ билось хорошее, здоровое человѣческое сердце, котораго я не разглядѣлъ на первыхъ порахъ изъза своего нытья. Раскаялся и устыдился опять... Но слушайте!...

Кромѣ меня, относился такъ къ деревнѣ, къ ея людямъ, еще другой человѣкъ—Митькаворъ, или, по-просту, „посельщикъ", сосланный сюда изъ Россіи по приговору общества за конокрадство. Его тоже не удовлетворяли условія мѣстной жизни и тоже тянуло къ кипучимъ центрамъ. Эта кипучесть центровъ заключалась для него, правда, въ трактирахъ, скаканьи на извозчикахъ,—„эй, сторонись, малый! р-р-расшибу!" — гульбѣ, всевозможныхъ притонахъ „веселья", балаганахъ, но отношеніе-то все-таки было одинаковое. Онъ тоже какъ-

то брезгливо, презрительно относился къ сибиряку, „деревенщинѣ“, „желторотому чалдону“ *), не видавшему „какъ гуляютъ въ Москвѣ, или, напр., хоть бы къ примѣру—у Макарья“, никогда не слыхавшему трактирныхъ органовъ, не видавшему столичнаго „форсу“. Вся разница была въ томъ, что Митька-воръ проявлялъ такое свое отношеніе на дѣлѣ, кралъ у сибиряка направо и налѣво, что попало, угонялъ лошадей и скотъ, „обижалъ всяческимъ манеромъ“, въ чемъ теперь чуть ли не видѣлъ свое неотъемлемое право, какъ существа высшаго, которому само-собой должно покоряться все низшее. Право на преобладаніе въ борьбѣ исключительныхъ, болѣе приспособленныхъ натуръ, болѣе сильныхъ,—общее понятіе, господа!—и ему былъ далеко не чуждъ Митька. Не даромъ же сложилась поговорка: „На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“. По крайней мѣрѣ, Митька, кравшій на родинѣ съ опаской, здѣсь кралъ почти открыто, бахвалился своимъ ремесломъ и даже иронизировалъ надъ обокраденными. „Міръ“ озлобился на него давно, но, благодаря тогдашней сибирской юриспруденціи, благодаря деньгамъ Митьки и его умѣнью говорить съ засѣдателемъ, ничего подѣлать съ нимъ не могъ. Была у него жена, славная, работящая женщина, ко-

*) „Желторотыми чалдонами“ зовутъ всѣ поселенцы сибиряковъ, а тѣ ихъ въ свою очередь —„варнаками“.

торая добровольно пошла за нимъ въ ссылку, были дѣти, въ которыхъ онъ, правда, души не слышалъ, но ни слезы Авдотьи, которую онъ подчасъ колотилъ на чемъ свѣтъ стоитъ, ни угрозы, что она уѣдетъ и заберетъ дѣтей, если онъ не оставитъ „своего злодѣйства", ничто не дѣйствовало. Митька-воръ не унимался.

„Міръ" терпитъ, терпитъ, но и его терпѣнью есть предѣлы. Какъ-ни-какъ, а въ деревнѣ стали поговаривать, что Митьку-де пора „проучить". Сначала говорили, что не дурно бы, молъ, „попужать маленько", такъ, для острастки только, а потомъ стали договариваться и до „своего средствія". Это „свое средствіе", которое не разъ выручало сибирскія деревни отъ воровъ, кончающееся обыкновенно превращеніемъ живого человѣка въ безформенную массу, или малопулькой въ сердце, а дѣла о нихъ, „за неотысканіемъ виновнаго", сдачею въ архивъ,—не что иное, какъ своеобразный „Линчъ", зачастую практикуемый сибирскимъ „міромъ". Не знаю, слышалъ ли про это Митька, но только онъ сталъ вести себя какъ будто осторожнѣе, не выходилъ по вечерамъ, за то днемъ ругалъ „желторотыхъ чалдоновъ" во всю глотку и на всю улицу.

— Тем-на-та желторотая,—вопилъ онъ громко, эффектно сплевывая сквозь зубы и затягиваясь цыгаркой: — тоже туда съ своимъ рыломъ!.. Боюсь я васъ,—какъ же! Необразованность деревенская!

— Ну-ну!... Ты того... не больно!—отвѣчали ему гдѣ-нибудь.

— Что, не больно?—съ необычайнымъ презрѣніемъ огрызался Митька.—Что?.. Дур-р-р-ачье желторотое. Тоже, подумаешь, какъ бы̀дто люди...

— Что-жъ... нѣшто нѣтъ!?

— Л...л...ю...ди!—злобно, презрительно хохоталъ Митька:—л...л-ю-ди! Какъ же, держи карманъ! Облезьяны вы съ цирку, вотъ что!.. Что̀ вы видѣли?.. Окромя своей деревни и свѣту не видѣли! Ишь ты... Л...л...л...ю...ди!... Ха, ха, ха!..

„Міръ“ терпѣлъ... Этотъ апломбъ, это презрѣніе дѣлало то, что, ей-Богу, Митьку дѣйствительно считали существомъ высшимъ и во всякомъ случаѣ не ровней имъ—деревенщинѣ. Такъ или иначе, но „міръ“ дѣйствительно считалъ Митьку образованнымъ.

XIII.

Стояла бурная осень, и въ деревнѣ шелъ храмовой праздникъ. Деревня выпила, шли хороводы, пѣсни, плясъ, не смотря на сильный вѣтеръ, вздымавшій на широко разлившейся Оби, другой берегъ которой чуть былъ виденъ, цѣлыя водяныя горы... Тому, кто не видалъ Оби, и представить себѣ трудно, что это за могу-

чая, широкая, многоводная рѣка! Я видѣлъ Миссисипи послѣ сліянія ея съ Миссури, но Обь, право, можетъ съ нею поспорить... Она ревѣла теперь, погоняемая вѣтромъ, вся покрытая бѣлой пѣной, которая мѣстами быстро кружилась въ частыхъ водоворотахъ, и безконечными всплесками мутныхъ, пѣнистыхъ волнъ била крутой, изрытый, все подмываемый берегъ. Я любилъ этотъ шумъ,—онъ напоминалъ мнѣ шумъ морского прибоя,—и къ вечеру вышелъ на берегъ. Тамъ никого не было: деревня веселилась у себя, на большой деревенской площади, гдѣ стоялъ кабакъ и лавки, и откуда доносились веселый говоръ и громкія пѣсни. На берегу было пустынно, гудѣлъ, и рвалъ только вѣтеръ, все больше и больше переходившій въ бурю, нагонявшій тяжелыя дождевыя тучи, да грозно ревѣла рѣка, кипѣла и бурлила, точно ей тѣсно было въ ея широкомъ ложѣ, точно какая-то скрытая на днѣ ея роковая сила расходилась „во всю“ и въ какомъ-то безумномъ, бѣшеномъ порывѣ рвала и метала ея глубокія, спокойныя воды, стараясь вырваться изъ-подъ нихъ на просторъ, на раздольный широкій берегъ.

— Батюшка!.. Отецъ родной! Заступись!

Предо мною вдругъ очутилась Авдотья, блѣдная, взъерошенная и повалилась въ ноги. Она примчалась во весь духъ, тяжело дышала и, кланяясь, глядѣла на меня испуганными, затуманенными глазами.

— Заступись!—нервно рыдала она, дрожа, скороговоркой, глотая слова и хватая мое платье:— заступись... Убьютъ... Ей-Богу, убьютъ!...

— Кого? что?...

— Митьку, слышь... — въ испугѣ бормотала она:—его... всей деревней бьютъ... Ой, батюшки... ой, родные!—забьютъ его, на смерть забьютъ пьяные!

— Да какъ же я заступлюсь-то?

— Тебя послушаютъ... Иди... Они послушаютъ!.. Свѣтъ ты мой ясный! Вѣдь „міромъ“ бьютъ!... О-о-о-хъ!...

Но прежде, чѣмъ я могъ сообразить хорошо, въ чемъ дѣло, прежде даже, чѣмъ опомнился, пришелъ въ себя отъ этой неожиданной сцены, заступаться и идти было уже некуда и нечего... Послышался стоголосый крикъ: „держи, держи!“—затѣмъ шумный топотъ большой толпы и вдали показался бѣгущій „міръ“, впереди котораго, быстрѣе гонимаго зайца, летѣлъ къ берегу, прямо на насъ, Митька съ избитымъ лицомъ, въ красной, въ клочья изорванной рубахѣ. Подлетѣвъ къ берегу, какимъ-то неуловимо ловкимъ движеніемъ сбросивъ на бѣгу порты, онъ перекрестился и гулко шлепнулся въ воду.

— Мать Пресвятая Владычица! — завопила Авдотья, всплеснувъ руками: — потонетъ!.. Ей же Богу, потонетъ!

— Такъ ему, собакѣ, и надо!—огрызнулся на ея причитанья кто-то изъ „міра“.

Но тотъ не тонулъ. Мощными ударами здоровыхъ рукъ онъ разсѣкалъ воду и, прыгая съ волны на волну, то ныряя, казалось, на самое дно, то вдругъ выплывая изъ бѣлой пѣны, все больше и больше отдалялся отъ насъ. Его рубаха выдѣлялась яркимъ, краснымъ пятномъ на сѣро-желтой водяной массѣ и бѣлой пѣнѣ; онъ то исчезалъ, то появлялся снова, отчаянно борясь съ волнами, и все больше отдалялся. Но до того берега было далеко, страшно далеко... „Міръ“ это видѣлъ.

— Не доплыветъ!—съ злобной радостью протянулъ кто-то дрожавшимъ, раздраженнымъ голосомъ.

— Гдѣ доплыть?!—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ другой, какъ бы радуясь.—Въ лодкѣ,—и то не доберешься... Ишь, волна-то!

— Самъ Господь, значитъ...

— Видно ужъ, Господь!.. Такъ ему, вору, и слѣдуетъ!..

А буря разыгрывалась, казалось, все сильнѣе и сильнѣе... Можетъ, быть, это только казалось такъ моему напряженному взору, въ естественномъ волненьи, но волны становились все выше и выше, а красное пятно на нихъ ныряло все чаще и глубже. Я стоялъ въ томительномъ, жуткомъ ожиданіи, стоялъ какъ столбъ, не зная, что дѣлать; Авдотья, какъ попоумная, валялась въ ногахъ у „міра“, причитая, заклиная спасти несчастнаго, не дать ему погибнуть, какъ псу, молъ, безъ покаянія.

— Отцы родные!—причитала она, голося и рыдая:—кормильцы наши! душу-то христіанскую спасите!..

— Душегуба-то своего спасать?!—укоризненно огрызался „міръ“.

— Не будетъ, кормильцы, н-н-не будетъ больше... Вотъ крестъ святой, не будетъ!.. Сама свяжу его, коли что... Не губите, родные!

— Кто губитъ-то?—проворчалъ старикъ Парфенъ, ближайшій къ Авдотьѣ.—Что ты, баба!.. Самъ въ воду полѣзъ!..

— Самъ, родные, самъ!... Ой, горюшко мое!..—хваталась Авдотья за голову.

На „міръ“, повидимому, совсѣмъ не дѣйствовали ея причитанія, ея мольбы и слезы. Она валялась въ ногахъ, а „міръ“ стоялъ не двигаясь, напряженно всматриваясь въ туманную рѣчную даль, страстно слѣдя за борьбою своего злѣйшаго врага съ разбушевавшейся стихіей. Да и чего бы, казалось, волноваться этому „міру“, если гибель его врага была для него единственнымъ спасеніемъ! А этотъ врагъ еле-еле виднѣлся теперь краснымъ пятнышкомъ въ общемъ коловоротѣ волнъ и пѣны, сквозь мракъ, хлеставшаго уже, буквально хлеставшаго дождя,—то пропадая совсѣмъ изъ вида, то появляясь на мигъ, чтобы снова сейчасъ же исчезнуть въ пучинѣ. „Пропадетъ!“, кажется, явственно стучало мое сердце и мнѣ казалось, что то же самое стучитъ оно въ груди всего стоявшаго на берегу „міра“, въ груди валяв-

шейся въ слезахъ, съ причитаніями Авдотьи, стоитъ какъ роковой, неумолимый приговоръ въ этомъ общемъ напряженномъ взорѣ.

XIV.

Дождь хлесталъ все сильнѣе, и боровшееся красное пятно появлялось на поверхности бушевавшихъ, пѣнившихся волнъ все рѣже, совсѣмъ исчезая въ туманѣ... Но несчастный еще плылъ, еще боролся, хотя, можетъ быть, уже изнемогая. Предъ нимъ разстилалась, казалось, безконечная водяная даль,—назади ждалъ неумолимый, суровый „міръ", вышедшій изъ терпѣнья, раздраженный, непреклонный. И тамъ, и тутъ зіяла смерть, и несчастный плылъ и плылъ, инстинктивно, безсознательно напрягая свои крѣпкія, стальныя, но изнемогавшія руки. Эти руки все еще выныряли изъ сѣрой водной мглы и дождя, но разглядѣть ихъ могли уже только очень зоркіе глаза.

— Плы-ветъ!—въ сильномъ удивленьи пробормоталъ молодой парень, какъ бы про себя, какимъ-то сдавленнымъ полушепотомъ, приподнявшись на пальцахъ и вытянувъ шею:—плыветъ, ребята!..

— Плыветъ, говоришь?

И вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ удивленный вопросъ, сквозь шумъ хлеставшаго

дождя, сквозь мглу и бурю, по рѣкѣ пронесся отчаянный, дикій крикъ, раздиравшій душу... Онъ былъ похожъ на долгій, протяжный ямщичій гикъ, но безъ его удали, а полный одного отчаянья и невыразимаго ужаса. Сама буря, казалось, смолкла предъ нимъ и застыла, сами волны перестали съ глухимъ рокотомъ ударять о берегъ. Онъ несся по рѣкѣ какъ-то долго, страшно долго, точно рѣка тянула его вмѣстѣ съ собою, и все звенѣлъ и звенѣлъ въ ушахъ. Толпа вздрогнула, какъ и я, какъ и Авдотья—этотъ крикъ точно разбудилъ всѣхъ...

— Тонетъ, братцы!—пробормоталъ тотъ же парень глухо, въ ужасѣ:—Господи...

— Всѣ Богу отвѣтите, всѣ!—въ изступленьи, колотя себя въ грудь, кричала Авдотья.—Кто Ему не грѣшенъ?!. Всѣ отвѣтите за человѣчью душу!..

Этотъ крикъ, казалось, все еще звенѣлъ сквозь вопли Авдотьи, а въ душѣ озлобленнаго „міра“ поднялась и шла уже глухая, отчаянная борьба... Очень можетъ быть, что поднялась она еще и раньше,—но теперь она вызвала какое-то смятеніе и суету. „Міръ“ стоялъ уже не молча, не глухой, неподвижной стѣной,—среди него поднялось какое-то движенье, кто-то выдѣлился впередъ, кто-то окликалъ какого-то „Ваньку“. У самой воды, у самыхъ вспѣненныхъ волнъ, бѣшено хлеставшихъ о берегъ, съ чѣмъ-то копошились люди, суетясь, торопя другъ друга, то и дѣло выкрикивая: „живѣй!“.

— Кто въ Б-о-г-а вѣ-ѣ-ру-етъ!—явственно донеслось новымъ стономъ-гикомъ по рѣкѣ, сквозь ревѣвшую бурю, и, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ отчаянный, предсмертный вопросъ, на шумно хлеставшихъ волнахъ бурно закачалась „мірская“ лодка.

— Налегай!—громко прозвучалъ, заглушая, казалось, самую бурю, голосъ старика-рулевого:—рѣжь волну!

Здоровыя руки парней сильно налегали на весла; старикъ-рулевой, съ разметавшейся отъ вѣтра бородой, зорко всматривался въ сѣрѣвшую мглу... Туда же напряженно, затаивъ дыханье, всматривались и весь „міръ“, и Авдотья.

— Кто въ Б-о-г-а—вѣрр!..—донеслось снова съ рѣки, но лодка была уже далеко...

Когда она причалила къ берегу снова и полуживого Митьку-вора почти вынесли изъ нея на берегъ,—онъ шелъ самъ нетвердо, шатаясь,—онъ долго кланялся „міру“ въ ноги... Кланялась и Авдотья.

— Ну, что? будешь еще обижать насъ?—спросилъ кто-то громко, полушутя, полусерьезно, но съ какой-то скрытой лаской въ тонѣ.—Ай, Митька, Митька!..

Но Митька въ отвѣтъ поднялъ голову и чего-то долго искалъ по сторонамъ ополоумѣв-

шими, точно безсмысленными глазами; наконецъ, онъ, казалось, нашелъ: это былъ крестъ, виднѣвшейся вдали деревенской церкви...

— Вотъ!.. сказалъ онъ отрывисто, глухо, слабымъ, прерывающимся голосомъ и складывая въ то же время для креста свою совсѣмъ посинѣвшую, дрожавшую руку:—вотъ,—какъ передъ Богомъ!.. Вотъ,—крестъ святой!—никкогды!.. Передъ Богомъ!..

— Ладно... ладно!—уже совсѣмъ ласково засмѣялись на „міру", гдѣ всѣ души вдругъ какъ-то быстро размякли подъ вліяніемъ человѣческаго тепла и сознанія хорошаго дѣла:—ладно!... Иди,—испей пока! Ишь, пробрало тебя какъ!.. Выпей!..

Но весь синій, дрожавшій Митька-воръ не слышалъ.

— Вотъ!—бормоталъ онъ, все стукая себя по лбу тремя сложенными для креста перстами:—вотъ!.. Передъ Богомъ!.. Никкогды!! Ни въ жисть!

И Митька-воръ дѣйствительно „никкогды" уже „ни въ жисть" не обижалъ „міра"... Онъ сталъ, какъ всѣ, хорошимъ мірянином и даже извѣстнымъ кругомъ своей честностью и исправностью ямщикомъ. Но кличка „воръ" такъ и осталась за нимъ, да и самъ онъ ея не бѣгалъ.

— За что-жъ это, братъ, прозвали тебя такъ нехорошо люди,—за что такая кличка?—спра-

шивали-было его проѣзжіе купцы, довѣрявшіе ему въ тайгѣ и свои „животы“, и кошельки.

— За прошлое, купцы!—отвѣчаетъ Митька:—воромъ былъ негда-сь. Съ тоё поры и осталась кличка... Обижалъ я,—ну, да Господь надоумилъ!... Такъ-то-сь!—И охотно разскажетъ сейчасъ же, какъ его надоумилъ Господь...

Да, еще забылъ:—Митька-воръ никогда не звалъ уже деревенщину „облезьянами“ и никогда не сомнѣвался, что они люди...

1888 г.

Книгоиздательство Б. К. ФУКСА въ Кіевѣ.
Прорѣзная, 23.

Библіотека Избранныхъ Беллетристовъ.

Въ 1902 году въ изданіе это войдетъ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Элизы Ожешко

съ портретомъ автора и вступительной статьей.

Переводъ съ польскаго подъ редакціей С. С. ЗЕЛИНСКАГО.

Никогда не потеряютъ значенія мысли Ожешко по многимъ „больнымъ“ вопросамъ нашего времени. Облекая эти мысли въ изящную беллетристическую форму, она смѣло и неустанно проводила ихъ въ современное общественное сознаніе, что, въ связи съ талантомъ оригинальной романистки, поставило ее на ряду съ наиболѣе извѣстными писателями.

Изданіе выходитъ **ежемѣсячно**, состоитъ изъ **12 ТОМОВЪ** и будетъ закончено въ декабрѣ 1902 года.

Цѣна за все изданіе, **12 ТОМОВЪ**, напечатанныхъ на плотной глазированной бумагѣ: 1) безъ пересылки и доставки—**4 р.** 2) съ пересылкой и доставкой **5 руб.**

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе **двухъ рублей**, остальная сумма должна быть уплачена ежемѣсячными взносами до 15 декабря.

Книгоиздательство Б. К. ФУКСА въ Кіевѣ.
Прорѣзная 23.

Поступили въ продажу новыя изданія:

Максъ Нордау.

ПАРАДОКСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ. Оптимизмъ или пессимизмъ? Вольшинство и меньшинство. Ретроспективный взглядъ на исторію. Успѣхъ въ жизни. Психо-физіологія генія и таланта. Внушеніе. Благодарность. Содержаніе поэтической литературы. Естественная исторія любви. Эволюціонная эстетика. Симметрія. Обобщеніе. Гдѣ истина? Національность. Картина будущаго.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА.

ЦѢНА книги (171 стр.)—75 коп.

Наложеннымъ платежомъ по требованію.

Георгъ Брандесъ.

СКАНДИНАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Критика творчества и дѣятельности норвежскихъ, шведскихъ и датскихъ писателей:

Генрика Ибсена, Бьернстьерне-Бьернсона, Стриндберга, Якобсена Андерсена, Софіи Ковалевской и другихъ.

Съ портретомъ автора и вступительнымъ очеркомъ.

Переводъ съ датскаго подъ редакціей М. В. ЛУЧИЦКОЙ.

Цѣна за два тома (260+250=510 стр.) 1 р. 50 к.

Наложеннымъ платежомъ по требованію.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ IV.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.

Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 13 Сентября 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

Томъ IV.

Въ Сибири.

I. Пустыня и люди.
Хайтунъ.
Послѣдняя услуга.
II. Новый докторъ.
III. Христова ночь.
IV. Въ тундрѣ и тайгѣ.
V. Вторая правда.
VI. Мірское дѣло.
VII. Мы побѣдили.
VIII. Сонъ одного засѣдателя.

ПУСТЫНЯ И ЛЮДИ.

(Изъ записокъ мечтателя).

I.

Хайтунъ.

То былъ мой медовый мѣсяцъ таежной жизни, и тайга мнѣ тогда еще не прискучила. Какъ школьникъ, вырвавшійся изъ душныхъ стѣнъ пансіона, я радовался и безграничной шири, и свободѣ, и людямъ. Истомленная грудь жадно вдыхала смолистый ароматъ вѣчно зеленой хвои; усталые отъ тюремнаго сумрака глаза съ нѣгой любовались оттѣнками блѣдноватой лиственницы и синеватаго кедра на густомъ фонѣ ели; притупленный слухъ оживалъ отъ клекота и крика перелетной птицы, улетавшей на югъ, стая за стаей, а сердце... у него опять были люди... какіе или съ какимъ прошлымъ—не все-ли это равно въ глухой пустынѣ, разъ у нихъ въ груди дрожало и билось такое же сердце? И когда наступила

первая долгая зима и одѣла все бѣлымъ пологомъ снѣга, на которомъ тайга смотрѣла хмуро и угрюмо, когда небо казалось тяжело нависшимъ свинцовымъ сводомъ, а короткій день походилъ на лѣтнія сумерки, заунывный стонъ вѣтра хваталъ меня за душу жестокой болью. Я ходилъ съ Хайтуномъ на лыжахъ за лосемъ, выслѣживалъ съ нимъ юркую бѣлку, искалъ даже медвѣжью берлогу и весело слушалъ предостерегающій шепотъ наивнаго охотника, который относился къ медвѣдю болѣе чѣмъ почтительно и подобострастно, приписывая ему, какъ всѣ его соплеменники инородцы, нѣчто чудодѣйственное и полу-божественное.

— *Онъ* все знаетъ, все понимаетъ и все слышитъ!—шепталъ съ оглядкой Хайтунъ на своемъ смѣшанномъ жаргонѣ, держа на всякій случай на-готовѣ винтовку. — Онъ какъ богъ!— говорилъ этотъ сынъ пустыни, не рѣшаясь назвать звѣря по имени, и съ такой глубокой вѣрой, съ какой древній египтянинъ говорилъ бы о богѣ-крокодилѣ. И разъ, когда намъ удалось-таки повалить вдвоемъ этого матераго свирѣпаго бога, я былъ свидѣтелемъ живого явленія, отъ котораго современнаго культурнаго человѣка отдѣляютъ уже тысячелѣтія. Хайтунъ, мѣткая пуля котораго пронизала медвѣжье сердце, — раздвоился: онъ плакалъ, причиталъ и извинялся предъ убитымъ и въ то же время дрожалъ самой гордой радостью. Онъ

запѣлъ какой-то дикій побѣдный гимнъ, какой пѣвалъ, должно быть, еще первобытный охотникъ,—гимнъ, въ которомъ сливались вмѣстѣ и величаніе врага, его силы и мощи, и суевѣрный страхъ предъ этимъ врагомъ, и гордое торжество побѣдителя. И все это было полно такой нетронутой, цѣльной поэзіи, какой дышало все вокругъ: и угрюмая тайга, и розоватые тоны догоравшаго дня, и это море снѣга, волнистое, неровное, съ его причудливой игрой свѣтотѣни, и самъ Хайтунъ, наконецъ, это наивное дитя сѣверной пустыни. Я стоялъ точно очарованный; мнѣ стало почти жутко, какъ дѣлается жутко каждому въ забытыхъ развалинахъ древняго храма. Я помню, какъ торжественно разносила проснувшаяся тайга дикіе звуки Хайтуновой пѣсни, какъ отражали ихъ въ тонъ могучіе стволы вѣковыхъ кедровъ, а въ тихомъ неподвижномъ воздухѣ, искрясь и волнуясь, дрожали морозныя блестки.

Мы сошлись съ нимъ быстро, и этому, конечно, много помогло, что и я любилъ своеобразную, могучую и тихую, нѣжную, глубоко печальную красоту далекаго сѣвера. Конечно, мои глаза, глаза уроженца другихъ широтъ, привыкшіе къ другимъ горизонтамъ, краскамъ и картинамъ, не различали того чарующаго блеска ея, что былъ открытъ взору ея вѣрнаго сына. Такъ степняки не видятъ всей прелести горнаго пейзажа, а горцы—красоты

степи. Но я понималъ любовь Хайтуна къ ней, понималъ, почему онъ не промѣнялъ бы ея никогда и ни на что, и какъ могъ и насколько могъ любилъ ее тоже. Это насъ и сблизило. Хайтунъ сразу угадалъ все, угадалъ чутьемъ, потому что чутье у него было острѣе слова и мысли.

„Хайтунъ“ было испорченное русскими инородческое имя, съ которымъ онъ сжился, какъ съ роднымъ. Онъ просиживалъ у меня частенько предъ огнемъ цѣлые часы, пока я читалъ или писалъ; и я до сихъ поръ не знаю, грезилъ-ли онъ, обдумывалъ что-нибудь, или спалъ съ открытыми глазами, прямо уставленными на огонь. Я думаю, онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на это опредѣленно. Въ качествѣ друга онъ не стѣснялся, конечно, ни съ моимъ табакомъ, ни съ моимъ чаемъ, потому что очень любилъ и то, и другое. Правда, онъ любилъ еще и водку, часто заговаривалъ о ней, но такъ какъ у меня никогда ея не оказывалось, то волей-неволей приходилось бѣднягѣ довольствоваться только первыми, хотя и со вздохомъ, съ укоризненнымъ покачиваніемъ головы и съ увѣреніями, что другу „некарашо“ быть безъ водки. Впрочемъ, послѣднее нисколько не мѣшало нашей дружбѣ. Иногда онъ приносилъ мнѣ гостинцы: кусокъ мороженной оленины, рыбу или плохенькую шкурку какого-нибудь убитаго звѣрка, и въ такихъ случаяхъ, конечно, съ табакомъ и на-

емъ церемонился еще меньше, а укоръ „некарашо“ звучалъ выразительнѣе и сильнѣе, при чемъ недвусмысленно восхвалялись „другіе“—мои сосѣди—гораздо лучше-де угощавшіе Хайтуна и за худшіе подарки. Я молчалъ и улыбался, улыбался въ концѣ концовъ и онъ, и опять усаживался безмолвно у камелька. Иногда онъ выпрашивалъ у меня что-нибудь для него новенькое и блестящее,—ножикъ, пуговицу или что-нибудь въ этомъ родѣ, и когда я отказывалъ, немного дулся, но и это не мѣшало дружбѣ. Онъ такъ же быстро прощалъ и забывалъ, какъ и увлекался. Иногда онъ пѣлъ мнѣ свои пѣсни,—страшныя, дикія, совсѣмъ особыя пѣсни, безъ связнаго текста, смыслъ и значеніе которыхъ таятся только въ настроеніи пѣвца и его тонѣ. По цѣлымъ часамъ пѣлъ онъ о томъ, что ель стройна и красива, а у лося рога, какъ вѣтви, но пѣсня его плакала, и смѣялась, грустила и радовалась, какъ и наша. Каждый разъ эти дикіе, гортанные звуки сначала терзали ухо, потомъ раздраженіе смягчалось, таяло, слухъ свыкался, схватывалъ ритмъ, гамму, своеобразную мелодію, и... въ концѣ концовъ я бросалъ книгу, вслушивался, пульсъ начиналъ биться скорѣе, настроеніе поднималось, дикая пѣсня покоряла, какъ и наша пѣсня...

Но большею частью Хайтунъ сидѣлъ у камелька молча, съ открытыми глазами, и одно лишь сознаніе присутствія, хотя и молчащей,

живой души, скрадывало для меня страшную тоску одиночества. Рѣчей онъ не любилъ,— онъ могъ только или молчать, или тянуть свою заунывную пѣсню. Слово не давалось этому сыну молчаливой пустыни. Когда онъ бывалъ сытъ, онъ икалъ, чтобы похвастаться этой сытостью и поблагодарить за нее своего бога, котораго онъ за неудачи поролъ кнутомъ немилосердно, хотя и трепеталъ передъ нимъ и приносилъ ему жертвы. Когда голодъ и неудачи въ охотѣ и ловлѣ доводили Хайтуна до отчаянія, онъ снималъ божка съ почетнаго мѣста, обзывалъ самыми скверными словами, кричалъ ему, что онъ вовсе не богъ, а никуда негодное чучело и пускалъ въ ходъ плеть. Неудачи смѣнялись въ концѣ концовъ удачей,— божокъ водворялся на прежнее мѣсто съ жертвами, съ подобающимъ трепетомъ. Хайтунъ наѣдался до отвала и, сіяющій, приходилъ ко мнѣ икать.

— Поролъ?—спрашивалъ я его, сразу угадывая все.

— Поролъ. Много, много, карашо поролъ!..— отвѣчалъ, улыбаясь, Хайтунъ.

— Была удача?

— Очинь била. Много, много кушиль. Карашо кушиль...

Довольный, онъ усаживался у камелька, щурясь, вперялъ глаза въ пламя, икалъ и каждый разъ почти обращался ко мнѣ съ дружескимъ увѣщаніемъ:

— Слюшай, другъ,—побей своя богъ!—говаривалъ онъ самымъ участливымъ тономъ:— Ой, слюшай, побей,—сама лучше дѣло... Все тибэ будетъ.

— И водка, Хайтунъ?—спрашивалъ я, улыбаясь на этотъ наивный лепетъ.

Хайтунъ тоже улыбался.

— Водка богъ не даетъ... Водка ты дэнгы давай лючше. Не жалэй дэнгы, водка будытъ!..

— А деньги какъ же?

— Дэнгы?! — переспрашивалъ немного смущенно Хайтунъ, но сейчасъ же находилъ выходъ. — Дэнгы отъ началныкъ беры. Дэнгы началныкъ естъ,—богъ нѣтъ.

Мой скептицизмъ разбивался, конечно, вдребезги предъ этимъ точно выкованнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ все было ясно, стройно, цѣльно и опредѣленно, не было никакихъ сомнѣній; природа и ея явленія нераздѣльно сливались съ личной жизнью центральной фигуры—человѣка, а боги имѣли всѣ слабости людей. Мои сомнѣнія и улыбки Хайтунъ встрѣчалъ всегда недоумѣніемъ и укоризненно качалъ на нихъ головой. Онъ слушалъ мои объясненія, слушалъ разсказы о другой жизни, другихъ людяхъ, городахъ, пріобрѣтеніяхъ науки,—слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ, съ какимъ дѣти слушаютъ разсказы изъ „Тысячи и одной ночи“, и... оставался самимъ собою. Все это пролетало мимо, не оставляя и слѣда, сдувалось дыханіемъ пустыни, соз-

давшей себѣ въ его лицѣ самаго вѣрнаго сына. И я не настаивалъ, не налегалъ. Я чувствовалъ, что если мнѣ удалось бы сдѣлать хотя самомалѣйшую брешь въ этой выкованной цѣльности и не дать сейчасъ же взамѣнъ ея ничего новаго, столь же стройнаго, яснаго и цѣльнаго,—счастливый Хайтунъ будетъ не Хайтунъ, а раздвоенный, расшатанный человѣкъ.

Ко мнѣ онъ относился, кажется, такъ же, какъ и къ своему шаману. Въ особенности смущали его книги, къ которымъ онъ питалъ почти суевѣрный страхъ и вѣрилъ въ ихъ колдовство и чудодѣйственную силу. Какъ я ни увѣрялъ его, что не могу предсказывать ни счастливой охоты, ни удачнаго лова, ни приплода, онъ не вѣрилъ и дулся, потому что безъ способности прорицательства я со всѣми моими книгами неминуемо долженъ былъ сходить съ пьедестала, дѣлался равнымъ ему и даже ниже его, гораздо больше меня смыслившаго въ охотѣ и ловѣ. Мои отказы отъ колдовства и гаданья онъ приписывалъ нежеланью или какимъ-либо другимъ особеннымъ, можетъ быть, таинственнымъ причинамъ. И разъ онъ заставилъ меня пережить самую скверную, самую больную минуту.

Это случилось послѣ ряда неудачъ и голодовки, когда жестоко выпоротый идолъ послалъ ему, наконецъ, цѣлаго лося. Хайтунъ ликовалъ, раздаривалъ куски; въ юртѣ у него шло веселое пиршество, на которое съѣхались

къ нему голодные сосѣди, величали и его, и убитаго лося, и бога, пославшаго удачу. Я зашелъ къ нему послѣ пиршества и засталъ его въ самомъ блаженномъ состояніи. Хайтунъ съ раздутымъ животомъ безъ малѣйшаго движенія лежалъ на полу юрты, а вѣрная и любящая Айченъ, сидя на корточкахъ, все еще вкладывала ему въ ротъ куски мяса и любовно запихивала ихъ пальцемъ въ глотку. Хайтунъ, сытый какъ удавъ, могъ только глотать и шевелить губами,—больше ничего. На мой приходъ онъ двинулъ бѣлками, какъ бы приглашая безмолвно раздѣлить съ нимъ рядомъ его блаженство, и не издалъ ни одного звука.

— Будетъ съ него, Айченъ, будетъ... Смотри, его и такъ раздуло, онъ еле дышетъ...—сказалъ я, на самомъ дѣлѣ испугавшись за жизнь Хайтуна, но Айченъ, которая могла еще двигаться, могла грызть и рвать зубами мясо, только улыбнулась въ отвѣтъ, какъ бы говоря этой улыбкой, что отъ счастья бѣды не бываетъ.

Однако, бѣда случилась. Хайтунъ выстоялъ, за то беременная Айченъ свалилась отъ этого счастья. Помню, Хайтунъ влетѣлъ ко мнѣ блѣдный, растерянный и, вопя, повалился въ ноги, а я стоялъ предъ нимъ такой же блѣдный, такой же растерянный и увѣрялъ его, что ничего не смыслю въ лѣченіи, не знаю никакихъ заклинаній и ничѣмъ не могу

помочь несчастной. Сначала онъ не повѣрилъ. Когда заклинанья дружбой не подѣйствовали, бѣднякъ перешелъ къ соблазнамъ: онъ послѣдовательно предлагалъ мнѣ шкуру лося, потомъ медвѣдя, песцовъ и даже чернобурую лисицу, роскошнымъ мѣхомъ которой надѣялся уплатить всю свою недоимку засѣдателю. Потомъ онъ перешелъ къ скоту, прибавляя по штукѣ. И когда убѣдился, что всѣ мольбы его тщетны, когда увѣрился, что я дѣйствительно не могу помочь ему и самъ отъ того страдаю, судя по моему блѣдному, растерянному виду, онъ поднялся удивленный, гнѣвный, негодующій. Такъ же точно онъ снималъ, вѣроятно, съ почетнаго мѣста и своего провинившагося бога. Все болѣе и болѣе охватываемый гнѣвомъ, голосомъ, полнымъ презрѣнья, онъ осыпалъ ругательствами и мои чудодѣйственныя книги, и меня, и мою ученость, и свою вѣру въ мою силу. Зачѣмъ же эти книги, если въ нихъ нѣтъ указаній, какъ помочь человѣку,—зачѣмъ онѣ?! Зачѣмъ эта ученость, которая не знаетъ никакихъ заклинаній, извѣстныхъ самому послѣднему шаману, и что же это въ самомъ дѣлѣ за ученость!? Зачѣмъ же, наконецъ, меня считаютъ всѣ умнымъ человѣкомъ и даже самъ засѣдатель, когда я ничего не знаю, не умѣю даже пускать кровь и лѣчить такъ, какъ лѣчилъ пьяница Васька-посельщикъ, за воровство сидящій теперь въ острогѣ!? Онъ долго еще кричалъ на эту

тему, топалъ ногами, затѣмъ плюнулъ на книги съ невыразимымъ презрѣніемъ и поскакалъ верстъ за тридцать къ своему шаману. Признаюсь, мое сердце стучало за него: я отдалъ бы много въ эту минуту за умѣнье помочь бѣдной Айченъ.

И шаманъ, который „все умѣетъ", конечно, явился, содравъ съ бѣдняги вдвое болѣе того, чѣмъ тотъ послѣдовательно соблазнялъ меня. Шаманъ кричалъ, прыгалъ, завывалъ, билъ въ бубенъ, жегъ какой-то волосъ и тряпки, а когда бѣдная, крикомъ кричавшая, Айченъ предпочла все-таки, не смотря ни на что, отправиться туда, гдѣ всѣ постоянно сыты, гдѣ нѣтъ засѣдателя и лоси ходятъ съ золотыми рогами,—стало ясно, что она сдѣлала это отъ колдовства или дурного глаза злого русскаго.— О, всѣ они злы, эти русскіе, какъ бы и чѣмъ бы ни прикидывались, злы и коварны, и каждый шаманъ видитъ насквозь ихъ черныя души! Отъ нихъ пошли на землѣ всѣ бѣды, они грабятъ людей, насылаютъ моръ, спаиваютъ бѣдняковъ своей водкой, и нѣтъ предѣла ни алчности ихъ, ни корысти, ни злобѣ! Они...

А Хайтунъ, слушая это, печальный, убитый Хайтунъ одобрительно качалъ головой... Онъ повѣрилъ... Повѣрилъ всецѣло, не смотря даже на водку, которую я досталъ-таки для него по этому случаю... Убитый, истерзанный, какъ всѣ мы, люди, когда теряемъ близкихъ,

онъ съ удовольствіемъ глоталъ эту водку, даже обнималъ меня, но когда напился, когда дурманъ, подмѣшанный къ этой водкѣ, спуталъ у него и языкъ, и мысль, и чутье, онъ все-таки бормоталъ, что „русски некарошъ“, что у него дурной глазъ и черная душа, что всѣ они дѣлаютъ постоянно только зло и зло... И, по истинѣ, тутъ было много общей правды.

Такимъ образомъ, нашей дружбѣ пришелъ конецъ... Конечно, онъ заходилъ ко мнѣ, грѣлся у камелька, выпрашивалъ, не церемонился съ табакомъ и чаемъ, упоминалъ о водкѣ, а подчасъ и пѣлъ свои пѣсни. Конечно, мы продолжали и охотиться вмѣстѣ, и гоняться на лыжахъ за лосемъ, но прежнее не возвращалось. Шаманъ оказался сильнѣе меня, и слѣдъ его силы отозвался на нашихъ отношеніяхъ. Сколько бы ласковыхъ словъ ни говорилъ мнѣ Хайтунъ, но каждый разъ я чувствовалъ, что эта ласка только на языкѣ, что подъ нею кроется совсѣмъ ей постороннее, какіе-либо виды или цѣли,—чувствовалъ потому, что Хайтунъ не умѣлъ ни лгать, ни притворяться... Все это выходило у него неуклюже, грубо и слишкомъ наивно... Впрочемъ, вскорѣ послѣ того, какъ я потерялъ въ немъ друга, я потерялъ въ немъ и Хайтуна... Въ его цѣльности была пробита брешь, а замѣнить ее новой не смогли или не сумѣли. То, что поднесли ему, только расшатало его: онъ запилъ и погибъ... И эту брешь пробила медаль...

Когда-то, очень давно, Хайтунъ, съ опасностью для собственной жизни, въ сильный разливъ, вытащилъ изъ воды утопавшаго чиновника... Кажется, опрокинулась лодка, въ которой переѣзжалъ рѣку чиновникъ, или что-то въ этомъ родѣ,—теперь не припомню. Тотъ далъ ему на водку, но нашелъ это недостаточнымъ и, вернувшись въ городъ, сталъ хлопотать о наградѣ. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, самъ Хайтунъ даже пересталъ уже вспоминать этотъ случай, какъ вдругъ его вызвали къ засѣдателю... Засѣдатель, къ глубокому изумленію Хайтуна, не побилъ его, не ругалъ, ни слова не упоминалъ о ясакѣ и недоимкахъ, а ласково отправилъ въ городъ, котораго Хайтунъ не видалъ еще никогда. До города было ѣхать далеко, на это ушло много времени и весь нашъ уголъ, всѣ юрты, всѣ знакомцы и сосѣди пришли въ движеніе. Случай былъ выходящій изъ ряда, каждый гадалъ и объяснялъ по своему. Одни, въ представленіи которыхъ городъ нераздѣльно сливался съ острогомъ и возмездіемъ, увѣряли, что бѣднягу заперли въ острогѣ за какое-то темное дѣло,—придумывали даже самое дѣло,—или по злому навѣту, и называли, чей навѣтъ; другіе, настроенные болѣе свѣтло, увѣряли, что Хайтуна ждетъ только почетъ и успѣхъ, потому что въ городѣ большіе люди узнали про его особенное умѣнье ставить капканы и выслѣживать звѣря... Какъ бы то ни было, но говоръ былъ большой и

интересъ огромный—Хайтунъ положительно заполонилъ всѣхъ. И, наконецъ, онъ явился съ невиданнымъ блескомъ, съ неслыханной славой,—явился не одинъ, а самъ-другъ съ медалью, которая сверкала, какъ зимнее солнце... И, право, я не знаю, что произвело бы бо̀льшее впечатлѣніе въ бѣдныхъ юртахъ,—новоели солнце на небѣ, или эта медаль на Хайтуновой груди...

Когда онъ зашелъ ко мнѣ, это былъ Хайтунъ уже только по облику, да и самый обликъ сильно измѣнился: гордость оттопырила и надула эти добродушныя, наивныя губы, тщеславіе измѣнило характеръ взгляда, посадку головы, сковало члены; важность превратила прежнюю непосредственность въ какую-то каменную глупость, бахвальство качало эту коренастую, приземистую фигуру изъ стороны въ сторону, какъ качается при ходьбѣ медвѣдь. Я видѣлъ, что Хайтунъ зашелъ только затѣмъ, чтобы похвастаться этой медалью, которую онъ вычистилъ до того, что она прямо сверкала, и все-таки то и дѣло продолжалъ тереть рукавомъ... Онъ усѣлся у камелька, но не молчалъ уже, а важно болталъ о томъ, что въ городѣ его всѣ знаютъ и почитаютъ, что съ нимъ говорилъ самъ бо̀льшой начальникъ и не только не ругалъ его и не заговаривалъ о недоимкѣ, но и подалъ ему руку; что самъ засѣдатель, наконецъ, относится къ нему теперь совсѣмъ иначе, ласъ-

ково и нѣжно и, можетъ быть, даже побаивается, зная его вліяніе и значеніе въ городѣ; что его просили остаться тамъ, не прочь были бы, пожалуй, платить за это и деньги, какъ платятъ всѣмъ господамъ, но онъ самъ не захотѣлъ и предпочелъ вернуться; что его кормили до отвала, и каждый господинъ, даже самъ начальникъ, то и дѣло зазывалъ къ себѣ, что... Но я уже не слушалъ дальше,—я мысленно оплакивалъ своего Хайтуна...

За то слушали всѣ другіе, такія же наивныя дѣти пустыни, какъ и самъ Хайтунъ,—слушали съ открытыми ртами, съ радостью, съ восторгомъ, съ вѣрой и надеждой найти въ немъ заступника и защитника отъ всякихъ золъ, бѣдъ и засѣдательскихъ козней,—такой глубокой вѣрой, что и Хайтунъ заразился ею и увѣровалъ. Изъ юрты въ юрту провожали великаго человѣка, и вездѣ онъ былъ почетнымъ гостемъ, котораго кормили, какъ на убой, и напаивали дорогой водкой. Онъ такъ вошелъ въ роль, такъ прельстился ею, такъ привыкъ, что и самъ сталъ требовать себѣ угощеній и водки и пилъ безъ просыпа... Отказывать ему никто и не думалъ, потому что за него была медаль, а за этой медалью чуялись сила и значеніе... Дали же ее зачѣмъ-нибудь человѣку въ отличіе отъ другихъ, а никто еще не слышалъ, чтобы въ глухой тайгѣ бѣдному инородцу надѣвали такой знакъ! Въ концѣ концовъ, и

самъ Хайтунъ началъ думать такъ же и очумѣлъ отъ пьянства, почета и важности. Протрезвившись, онъ снова требовалъ водки и снова вралъ и вралъ, насколько хватало силы и фантазіи въ его наивной головѣ, потому что чѣмъ неимовѣрнѣе было вранье, тѣмъ больше оказывался почетъ и обильнѣе угощенья. Онъ изолгался до того, наконецъ, что и самъ, кажется, бѣдняга, пересталъ отличать правду отъ лжи... Подъ конецъ, ради престижа, онъ сообщалъ даже какіе-то указы и законы, о которыхъ конфиденціально шепталъ ему, будто бы, начальникъ, и, по правдѣ, эти указы и законы вполнѣ отвѣчали самымъ страстнымъ вожделѣніямъ наивныхъ слушателей, почему и не понравились засѣдателю, до слуха котораго дошли уже прямо въ волшебномъ видѣ... Онъ вызвалъ къ себѣ Хайтуна, и... тамъ произошло съ бѣднягой что-то такое таинственное, о чемъ онъ самъ никому не повѣдалъ въ точности, а разсказчики передавали различно... Были и такіе, что увѣряли, будто засѣдатель затрясся и убѣжалъ отъ страха, лишь только завидѣлъ Хайтуна съ его медалью. Какъ бы то ни было, но Хайтунъ уже самъ послѣ того сталъ собираться въ городъ принести какую-то жалобу и „заступиться за своихъ“, которые собрали ему на дорогу денегъ и дорогихъ шкуръ для даровъ. Онъ уѣхалъ нагруженный, сытый, пьяный,—уѣхалъ съ самыми ужасными угрозами

по адресу засѣдателя, съ просьбами и жалобами обиженныхъ своихъ, провожавшихъ его съ самыми свѣтлыми надеждами, какъ защитника-друга. Уѣхалъ, и... слѣдъ его простылъ... хотя въ тайгѣ долго еще не улегались ни надежды, ни ожиданія.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ самому пришлось побывать въ городкѣ... Вечеромъ, у дверей кабака, мое вниманіе невольно приковала къ себѣ фигура пьянаго инородца въ самыхъ жалкихъ отрепьяхъ. Онъ жался къ стѣнѣ, дрожалъ отъ стужи, но въ то же время тянулъ какую-то заунывную пѣсню. Что-то знакомое почудилось мнѣ и въ этой жалкой фигурѣ, и въ этомъ тонѣ пѣсни. Я вглядѣлся и невольно вскрикнулъ:

— Хайтунъ!.. это ты?! Хайтунъ!

— Какой тибэ Хайтунъ?—пробормоталъ пьяный обидчиво.

— Да развѣ это не ты?

— Я нэ Хайтунъ тэпэръ, а Спырыдонъ...

Но вдругъ онъ узналъ меня, — узналъ, вздрогнулъ и оторопѣлъ.

— Другъ... другъ...—бормоталъ онъ, захлебываясь, какимъ-то плаксиво-радостнымъ голосомъ.—Это ты... ты?.. Ты пріѣзжалъ?.. Ты узнавалъ Хайтунъ?! Ахъ, другъ, ахъ, другъ!—А помынышъ, какъ ми гонялъ съ тобой сахатый!.. Какъ ми медвидь...

И пьяный Хайтунъ заплакалъ...

— Помню... помню... Перестань, Хайтунъ...

Онъ пересталъ и, съ дрожащими на рѣсницахъ каплями слезъ, дрожавшей пьяной рукой схватилъ мою руку...

— Другъ... другъ!..—зашепталъ онъ страстно, задыхающимся отъ мольбы голосомъ, готовый упасть на колѣни: — Другъ!.. поднесы стаканчыкъ! Адынъ стаканчыкъ... Ахъ, другъ... другъ!

Онъ дрожалъ, молилъ, вытянувъ короткую шею, молилъ голосомъ, глазами, дыханіемъ молилъ, и жадно, съ горячей надеждой заглядывалъ мнѣ въ глаза. Я далъ ему, что могъ... Онъ началъ страстно благодарить, хотѣлъ поцѣловать мою руку, хотѣлъ поклониться въ ноги и сотню разъ повторялъ свое: „Ахъ, другъ! ахъ, другъ...“—захлебываясь, почти плача отъ радости и счастья и вспоминая то то, то другое... Но вдругъ, съ обычной непослѣдовательностью пьяныхъ, онъ нахмурился и буркнулъ мнѣ прямо въ упоръ:

— Бэдный Айченъ памыралъ... Атъ дурной глазъ памыралъ!..—И пьяный Спиридонъ юркнулъ въ низкую кабацкую дверь, чтобы залить тамъ старую, не заживавшую рану Хайтуна...

Я долженъ вернуться, однако, къ временамъ нашей дружбы, когда Айченъ была жива, а Хайтунъ не получилъ еще медали...

Стоялъ широкій разливъ и, покуда хваталъ глазъ, вода покрывала безконечный долъ свѣтлою гладью... Днемъ спокойная, ясная, она ослѣпительно сверкала то солнечнымъ огнемъ, то глубокой лазурью неба, а вершины

залитыхъ кедровъ и елей казались изумрудными островками, гдѣ играла и стрекотала перелетная птица... Съ утра и до вечера кричала неугомонная и крикливая гагара, крякали утки, перекликались гуси, выкрикивалъ свои гортанные тоны журавль, и этому хаосу милліоннаго птичьяго гама немолчно вторилъ грозный шумъ рѣки, русло которой мѣстами такъ бурлило и кипѣло, точно вода касалась раскаленнаго ложа. Ночью все это стихало, все окутывалось въ бѣло-молочный туманъ, съ которымъ тщетно старались спорить лунные лучи и звѣзды, и шумѣла только рѣка... Но за то шумъ этотъ становился сильнѣе и казался ближе... Можно было думать, что рѣка прорвала гдѣ-нибудь громадные шлюзы и несется прямо на тебя...

Мы выбрались съ Хайтуномъ на лебедей Въ архангельскомъ челнокѣ, сшитомъ, Богъ его знаетъ какъ, изъ коры, дерева и прутьевъ, мы пробирались отъ островка къ островку, отъ отмели къ отмели, чтобы добраться до быстрины, до шумнаго потока, гдѣ съ первымъ блескомъ ранней зари, когда фіолетовые тоны ночи еще спорятъ съ блѣдно-розовымъ дыханіемъ утра, играютъ лебеди, вытягивая съ крикомъ другъ къ другу длинныя шеи, хлопая могучими крыльями, поднимая цѣлые фонтаны брызгъ. Хайтунъ правилъ на славу... Его убогій челнокъ скользилъ легко, какъ бы не касаясь даже воды, а весла гребли совсѣмъ

безшумно... Ему могла бы позавидовать и юркая выдра... Малѣйшая неосторожность, самая незначительная ошибка,—и намъ пришлось бы жутко: челнокъ легко могъ налетѣть на вершину залитаго водою дерева и разсыпаться на части или опрокинуться, и тогда, прежде чѣмъ мы оба вынырнули бы изъ глубины, его унесло бы теченіемъ... Но глазъ у Хайтуна былъ удивительно зоркій, — такой глазъ создаетъ только пустыня и жизнь охотника... Онъ видѣлъ на глубинѣ, видѣлъ и все, и вездѣ, а если не видѣлъ, то угадывалъ по цвѣту воды, по движенію или прямо чутьемъ. Лавируя по чистой свѣтлой глади, его челнокъ извивался ужомъ...

Съ воды начиналъ уже подниматься туманъ, когда мы причалили къ островку, вскочивъ на который, Хайтунъ топнулъ ногою, въ знакъ того, что здѣсь будетъ ночлегъ человѣку. Западъ горѣлъ всѣми оттѣнками кроваваго цвѣта и окрашивалъ своимъ свѣтомъ и воду, и легкій, еще дрожавшій туманъ, и островокъ, и насъ. На востокѣ уже клубилась фіолетовая дымка, но рыба еще играла и плескалась, кой-гдѣ кричала и птица... Охотника и рыболова соблазняли эти всплески и широкіе, медленно расходившіеся круги по красной водяной глади. Онъ закинулъ удочку, поймалъ что-то, выбросилъ, закинулъ снова, опять поймалъ и, радостно взвизгнувъ, быстро отцѣпилъ отъ крючка и сталъ жадно грызть еще бившуюся, еще трепетавшую рыбу...

— Ахъ, другъ,—пробуй!.. Много, много карошъ!—говорилъ онъ, лукаво посматривая на меня ласково смѣявшимися глазами, потому что зналъ уже мою брезгливость.—Чево тебэ не ѣстъ? Сама лючше дэло!.. Свыкай!..

Я улыбнулся ему и не могъ отвернуться: такъ хорошъ онъ былъ, весь облитый румянымъ свѣтомъ заката, съ этой бившейся рыбой въ зубахъ, съ этой лукавой улыбкой, полной непосредственной ласки и дружбы. Другимъ онъ и не могъ быть на лонѣ этой дѣвственной водной пустыни, которая служила ему самымъ подходящимъ фономъ... Они сливались тутъ оба—онъ и пустыня—въ полный гармоническій аккордъ... Безъ него она была бы мертва,—безъ нея онъ былъ бы только грубый, невѣжественный дикарь, какъ выражаются подчасъ культурные люди...

Мы улеглись подъ челнокъ, который вытащили вдвоемъ... Близко отъ насъ кипѣло и бурлило русло, и этотъ шумъ усыплялъ и притуплялъ нервы... Полная луна глядѣла съ неба, и рѣчной туманъ въ ея лучахъ казался молочно-бѣлымъ сіяніемъ... Я задремалъ быстро, но какъ-то невольно проснулся, когда чуткій Хайтунъ тревожно поднялъ голову.

— Что такое Хайтунъ?

— Шши!... Плыветъ!..

Онъ насторожился и прислушивался.

— Кто плыветъ?..

— Нэ нашъ... Русске плыветъ...

Я прислушался въ свою очередь, полный недоумѣнія, но ничего не слышалъ, кромѣ шума рѣчного потока. Только ухо Хайтуна могло различить сквозь этотъ ревъ и вой, какъ скользитъ по водѣ лодка. Но я еще сомнѣвался.

— Ты почемъ же знаешь, что русскій?

— Нашъ вэсламъ нэ стучытъ...

Я еще разъ прислушался, но опять ничего не разслышалъ и прилегъ въ полной увѣренности, что Хайтуну только померещилось. Но черезъ мгновеніе, какъ и Хайтунъ, я былъ уже на ногахъ испуганный и оторопѣлый... Тамъ, въ ночной глубинѣ, во мглѣ молочно-бѣлаго тумана, въ ревущемъ потокѣ что-то случилось. Кто-то погибалъ и отчаяннымъ воплемъ прощался съ жизнью, такъ какъ звать на помощь въ пустынѣ некого. Человѣческій крикъ прорѣзалъ ревъ и вой кипѣвшей воды и протянулся по рѣкѣ какимъ-то безнадежнымъ, смертнымъ стономъ... Что-то плеснуло, казалось, и наступила могильная, мертвая, прямо страшная пауза... Потомъ опять крикъ, еще отчаяннѣе, больнѣе, безнадежнѣе, но гораздо глуше, какъ будто ему не хватало уже силы и воздуха...

И затѣмъ опять ничего... только все та же неподвижная таинственная глубина лунной ночи, та же молочная мгла тумана, да грозный ревъ невидимо метавшейся воды...

— Кончено! — стучало громко, охваченное ужасомъ сердце. — Смерть!!

Я стоялъ неподвижно, какъ остолбенѣлый, стучалъ зубами, дрожалъ и безсмысленно повторялъ одно и то же: „Что такое, Хайтунъ, что такое?!“

Но Хайтунъ уже столкнулъ челнокъ, уже сидѣлъ въ немъ и ударилъ весломъ.

— Зажыгай, другъ, огня! Карошо зажыгай!

И, приложивъ руку къ щекѣ, онъ какъ-то особенно гикнулъ, давая знать туда, въ глубокую непроницаемую мглу, гдѣ грозно шумѣла рѣка и кто-то боролся за жизнь, что человѣкъ близко. И гикнулъ недаромъ: оттуда сейчасъ же долетѣлъ до насъ отвѣтный призывъ погибавшаго.

— Ай-да!—крикнулъ смѣлый и добрый Хайтунъ и налегъ на весла.

Его челнокъ юркнулъ въ туманную мглу и исчезъ. Это былъ не рискъ, а прямой подвигъ, но для Хайтуна, никогда не разсуждавшаго, не имѣвшаго ни малѣйшаго представленія о долгѣ и подвигѣ, жившаго однимъ влеченіемъ и унаслѣдованнымъ отъ предковъ теплымъ человѣческимъ чувствомъ, это была только потребность и самое естественное дѣло. На той ступени, на которой стоялъ этотъ дикій сынъ пустыни, вольный, независимый, свободный отъ нашихъ условностей и понятій объ общественныхъ нормахъ, на этой ступени люди еще не называютъ подвигомъ движеній и акта, вызванныхъ великимъ чувствомъ солидарности. Это приходитъ позже... съ исторіей... когда куль-

тивированное общественными условіями чувство самосохраненія поглощаетъ и подавляетъ собою всѣ другія движенія человѣка.

Я стоялъ у костра, который горѣлъ, казалось, совсѣмъ безъ свѣта и багрилъ только ближайшіе клубы тумана, ломалъ руки и дрожалъ съ ногъ до головы. Я дрожалъ и за Хайтуна, прямо рисковавшаго жизнью, и за того, кто погибалъ въ невидимой темной пучинѣ, и за себя, оставшагося одинокимъ на крошечной отмели въ безбрежной водяной глади разлива... Я слышалъ, какъ они перекликались,—Хайтунъ и утопавшій,—одинъ гикомъ, другой молящимъ стономъ, перекликались все чаще и чаще, и съ каждымъ новымъ окликомъ ихъ—нервность моя росла, я дрожалъ сильнѣе, сильнѣе ломалъ руки и, полный отчаянья, предчувствовалъ одну неминуемую бѣду.—Еще одно мгновенье,—шепталъ, казалось, каждый разъ какой-то внутренній голосъ, — и этотъ окрикъ будетъ послѣднимъ, не будетъ ни гика, ни молящаго крика,—останется только этотъ мракъ, и этотъ водный шумъ и я одинъ...—И, весь охваченный однимъ страхомъ, самъ не зная зачѣмъ, почему, всецѣло отдаваясь какой-то неодолимой потребности, я тоже сталъ кричать туда, въ темноту, и Хайтуну, и тому, кто звалъ его на помощь, и кричалъ, кричалъ, ничего уже не слыша, не различая, все кричалъ... пока челнокъ не ударился о берегъ.

— Чево, другъ, крычать... Не надо крычать... Моя твой огонь выдалъ.

Тогда, обливаясь откуда-то внезапно взявшимися слезами, я кинулся на шею Хайтуну, поддерживавшему тяжело дышавшаго человѣка.

— Здараствуй... здараствуй, другъ!—отвѣчалъ онъ мягко на эти объятія.—Будытъ!.. помогай лючше... одинъ спасалъ... другой раньше кончалъ...

Спасенный оказался пріятель, сосѣдъ, жившій только верстахъ въ семи или восьми отъ меня,—слесарь Оскерко... Я очень любилъ этого скромнаго, застѣнчиваго, замкнутаго отъ какой-то прирожденной робости человѣка, мягкаго, искренняго, глубоко честнаго и крайне вѣжливаго въ обращеніи съ людьми. Онъ частенько бралъ у меня книги, которыя возвращалъ самымъ аккуратнымъ образомъ, уважалъ знаніе, охотно слушалъ объясненія ему неизвѣстнаго и всегда порывался на какую-нибудь услугу. Услужить хоть какъ-нибудь тому, кто ему нравился, было для него самымъ любезнымъ дѣломъ. Теперь онъ лежалъ весь мокрый, дрожащій и, уткнувъ голову въ руки, стуча зубами, глухо, съ больнымъ воплемъ повторялъ время отъ времени одно и то же:

— Вильчинскій! А.... а.... бѣдняга Вильчинскій!

— Что дѣлатъ, всэ памыратъ будэмъ!—резонно успокаивалъ его по-своему Хайтунъ:— Ничево не подэлаешь, другъ!..

И, повернувшись ко мнѣ, вставилъ шепотомъ:

— Не карошъ былъ человѣкъ... Ай, ай, не карошъ!..

Я совсѣмъ не зналъ Вильчинскаго и слышалъ о немъ только отъ Хайтуна.

II.

Послѣдняя услуга.

Стояла холодная, чисто полярная ночь. Я помню, какъ играло мертвымъ, холоднымъ огнемъ сѣверное небо.

Густая мгла какого-то особеннаго пепельно-синяго тона была, какъ всегда, прозрачна, и звѣзды горѣли такъ ярко, какъ онѣ горятъ только на сѣверѣ. Я не помню тамъ, при чистомъ небѣ, глубокаго чернаго мрака нашихъ зимнихъ ночей. Снѣгъ бѣлѣлъ, а мѣстами и блестѣлъ отъ звѣзднаго свѣта, — сквозь прозрачную мглу далеко виднѣлась глухая, оцѣпенѣлая пустыня, безжизненная, какъ бы задушенная царившей вездѣ и во всемъ чисто мертвой, подавляющей тишиной. Ни малѣйшаго движенія, ни звука, ни даже намека на нихъ,— одно только безмолвіе, одна прозрачная синяя тьма ночи, одинъ громадный звѣздный куполъ, мертвый и холодный, какъ безконечный снѣжный саванъ подъ нимъ, и пустыня, пустыня,

пустыня... Она терялась гдѣ-то далеко, очень далеко въ неясныхъ очертаніяхъ, въ болѣе глубокихъ и темныхъ тонахъ и оттуда прямо въ упоръ дышала на человѣка какъ бы самой смертью, безстрастной, неподвижной, молчаливой. Тутъ только, въ такія именно ночи ощущается весь ужасъ полнаго одиночества и безлюдья пустыни, подавляющій, гнетущій мучительнымъ настроеніемъ, въ которомъ сквозитъ и смутная тревога испуганной жизни, и глухое отчаяніе, и безъисходная тоска. Леденѣетъ умъ, цѣпенѣетъ сердце... Становится прямо страшно чувствовать себя живымъ въ этомъ замершемъ мірѣ. Человѣкъ захочетъ крикнуть, вызвать хоть намекъ на жизнь и движеніе,— и вмѣсто того... заплачетъ

Но вдругъ, что-то дрогнетъ на потемнѣвшемъ сѣверѣ, гдѣ какъ-то сразу сгустился синій тонъ почти до чернаго, дрогнетъ и вспыхнетъ, какъ будто гдѣ-то скрытая, далекая заря дохнула на сѣверъ своимъ послѣднимъ, догорѣвшимъ лучемъ. Потухнетъ, опять вспыхнетъ, дрогнетъ и вдругъ раскинется безшумно по небу вверхъ широкимъ поясомъ свѣта какого-то неяснаго, неопредѣленнаго оттѣнка. Еще одно мгновеніе, и новый свѣтовой лучъ взлетаетъ вдогонку первому, волнуясь, колеблясь, какъ бы играя, и добѣгаетъ почти до зенита. Пока они переливаются, то укорачиваясь, то набѣгая, превращаясь то въ легкій, чуть видимый свѣтовой эѳиръ, то въ густыя по-

лосы цвѣтного свѣта, новые и новые лучи другихъ оттѣнковъ раскидываются отъ черной уже дуги сегмента къ зениту, и небо какъ-то сразу станетъ походить на громадный цвѣтной вѣеръ прозрачнаго огня, сквозь который ясно видны звѣзды. Тишина станетъ какъ будто еще глубже, но изумленный глазъ не хочетъ вѣрить этому безмолвію, и ухо сначала чутко ожидаетъ треска, шума или даже грома. Мгновеньями все это блѣднѣетъ, какъ бы сбѣгаетъ или глохнетъ, но затѣмъ вспыхиваетъ еще сильнѣе вѣеромъ, завѣсой, цѣлыми потоками цвѣтного огня, но огня мертваго, холоднаго, какъ эта тишь, эта ночная синь, какъ сама пустыня... Онъ не грѣетъ, не ласкаетъ, не живитъ, этотъ странный, чарующій только глаза огонь, онъ лишенъ всякаго тепла, самаго ничтожнаго впечатлѣнія жизни. Зажженная свѣча, горящая лучина таятъ ихъ въ себѣ неизмѣримо больше, чѣмъ это пылающее огненнымъ холодомъ небо. На душѣ отъ него становится жутко, ростетъ смутная тревога,—онъ пугаетъ воображеніе, какъ мертвая улыбка на застывшемъ лицѣ трупа, вдругъ озаренная упавшимъ лучемъ луннаго свѣта. Это не свѣтъ, а мистическій, болотный огонь, свѣченіе могилы, отраженье мертваго ледяного кристалла... Красота смерти, предъ лицомъ которой еще страшнѣе чувствовать себя живымъ, еще сильнѣе и глубже подавляетъ сознаніе одинокаго ничтожества въ этой мертвой пустынѣ. Одинъ только

глазъ безсознательно слѣдитъ за игрой свѣтовыхъ эффектовъ, чарующей гаммой самыхъ нѣжныхъ, неуловимо прекрасныхъ цвѣтовыхъ полутоновъ. И по мѣрѣ того, какъ устаетъ восхищенный глазъ, а небо разгорается все больше и больше, странное что-то начинаетъ твориться съ тоскующей душой человѣка. Что-то потухаетъ и глохнетъ, сознаніе туманится, наступаетъ безстрастное забытье, какъ будто этотъ холодный пламень дышетъ на тебя мертвымъ дыханьемъ смерти и, мало-по-малу, совсѣмъ незамѣтно, человѣкъ погружается въ мирную, безпечальную дрёму. Недаромъ Хайтунъ такъ глубоко вѣрилъ, что эта свѣтовая игра—отраженіе того міра, куда упорхнула душа его кроткой и любящей Айченъ.

Въ такую ночь я сидѣлъ у горѣвшаго, теплаго камелька, а больной слесарь Оскерко разсказывалъ мнѣ свою повѣсть.

— Я всегда любилъ Вильчинскаго, пане, ахъ, какъ любилъ! — говорилъ Оскерко. — Другого такого друга у меня никогда не было, да и что-жъ тутъ удивительнаго!... Парень былъ на славу, и голова, по правдѣ сказать, была у него не дюжинная,—не моей, конечно, чета. Сами вы знаете, пане, что я не особенно того... головой,—полутемный человѣкъ, какъ есть. Ну, а онъ, извѣстное дѣло, другого полета. И росли мы съ нимъ вмѣстѣ съ самаго дѣтства,—мы оба изъ Немирова на Подолѣ, пане. Хоть и былъ онъ сыномъ богатаго и ро-

довитаго шляхтича, однако, не брезгалъ играть съ мѣщанскимъ сыномъ—играли вмѣстѣ. Наша хата, пане, стояла рядомъ съ каменнымъ домомъ его отца и только старый плетень отдѣлялъ его садъ отъ нашего дворика. Ге!.. ну и играли же мы!.. Чуть вырвется, бывало, Стась отъ своего гувернера, сейчасъ къ плетню, а я ужъ тутъ какъ тутъ, конечно, потому что привязался къ нему, какъ къ родному брату, и покорялся во всемъ. Красивый былъ онъ, умный, ловкій и хитрый, такой хитрый молодчина, что изъ всего, бывало, вывернется, никогда въ дуракахъ не останется! Право!.. Такъ и въ играхъ: въ дуракахъ быть была ужъ моя доля, потому что росъ я самымъ настоящимъ дурнемъ, если говорить по правдѣ. Настоящій форменный дурень былъ,—да онъ и звалъ меня такъ, а потомъ, когда меня хватила оспа, прозвалъ щербатымъ. Остеръ былъ на словцо хорошее, за словомъ въ карманъ не лазилъ, малый, нѣтъ!... Другого имени мнѣ и не было среди хлопцевъ, ей-Богу! Хе, хе... смѣшно, когда вспомнишь все это!.. И во что бы мы ни играли,—крѣпость-ли штурмомъ брали, въ мячъ-ли, въ снѣжки,—всегда его верхъ, никто его не побѣдитъ. Гдѣ тутъ!.. развѣ обойдешь такого ловкаго малаго! Какъ же, держи карманъ! Только тебѣ же и влетитъ хорошенько!..

Ну, а потомъ мы вмѣстѣ поступили и въ школу. Потому, хоть и бѣденъ былъ мой отецъ и тяжело ему приходилось, а все же хотѣлъ

сдѣлать изъ сына чиновника,—пошли ему, Господи, царствіе небесное! Какъ-ни-какъ, а сколотилъ кое-что, заплатилъ за то, что подготовили, сдѣлъ меня, поклонился смотрителю и всунулъ-таки своего дурня въ школу. Ну, и сталъ я такимъ образомъ со Стасемъ однокашникомъ. Вмѣстѣ на школьной партѣ сиживали, вмѣстѣ перочиными ножами скребли ее, учителей, какъ водится, надували, всякія школьныя проказы творили, только вотъ лозъ вмѣстѣ не отвѣдывали... Мнѣ-то онѣ частенько выпадали и по субботамъ, по положенію, да и въ другіе дни, а Стасю, помнится, ни разу... Не потому только, что шляхтичъ былъ онъ и отецъ у него со смотрителемъ хлѣбъ-соль водилъ, а и учился малый далеко лучше меня, ну, и извернуться всегда сумѣетъ. Случится что̀ въ классѣ, онъ сейчасъ я не я: сидитъ такой скромной овечкой, что никому и въ голову не придетъ подумать на него—паненка, а не хлопецъ, да и все!.. Ну, извѣстное дѣло, смотритель сейчасъ меня глазами ищетъ...—Эй, ты, рожа вихрястая, выходи!—кричитъ:—по глазамъ, говоритъ, вижу, что твое это разбойника дѣло!—И поретъ... Извѣстное дѣло, не выдавать же своихъ!.. А и любилъ же пороть покойникъ,—спаси его Господи!—и медомъ не корми его, только бы выпороть кого!.. Ну, и рука у него была здоровая, тоже нужно сказать: кого погладитъ, тотъ долго помнить будетъ! Всѣ почти отвѣдывали у него эту руку,

кромѣ Стася. Смышленъ былъ малый, какъ есть, ловкачъ, говорилъ ужъ я вамъ!

А только, пане, не далась грамота дурню... Во второй классъ еще кое-какъ перелѣзъ съ грѣхомъ пополамъ, ну, а во второмъ за то ни тпру, ни ну!.. Стась въ третій,—а я во второмъ, Стась въ четвертый и съ наградой еще, а я во второмъ... Какъ ни убивался отецъ, сколько лозъ ни обломалъ, какъ ни плакала мать, а изъ меня, дурня, все ничего... Уперся, какъ упрямый рогатый волъ въ этотъ свой второй классъ, и—ни съ мѣста... И нельзя сказать, чтобы самъ не старался, — изъ кожи лѣзъ, — заткну уши и прямо слово въ слово бывало катаю, а вотъ, какъ подойдетъ дѣло отвѣчать, — а въ особенности задачи на дроби всякія, — дуракъ дуракомъ, хоть колъ теши!.. Только и было, что по закону, да чистописанію хорошо, а то все нули да нули. Бились, бились родители, и такъ, и сякъ,—однако, видятъ, что не будетъ проку изъ такой головы, взяли меня... Потужили, бѣдные,—царствіе имъ небесное!—подумали, какъ лучше, да вотъ, и отдали меня къ слесарю въ науку... Такъ я и разстался со Стасемъ,—онъ своей дорогой пошелъ, до университета добрался, а я своей, слесарской... И, по правдѣ, далось мнѣ слесарство,—тутъ я, видно, на свою точку попалъ... Доволенъ былъ мной панъ Маціевскій, покойникъ,—спаси, Господи, его душу! — и похваливалъ, такъ что даже родители радовались...

— Ничего, —говаривалъ онъ отцу:—не печальтесь: будетъ, кажется, прокъ изъ вашего малаго... Что-жъ дѣлать, если такъ ужъ Господь опредѣлилъ, что одному—голова, другому—руки хорошія да глазъ вѣрный... Божья воля, ничего тутъ не подѣлаешь... Я, по крайней мѣрѣ, доволенъ вашимъ малымъ...

И слыша такія слова, я еще больше старался, изъ кожи лѣзъ... Съ утра до ночи стою съ подпилкомъ, бывало, рукъ не покладая, такъ что самъ Маціевскій скажетъ: „брось, хлопче, а то руки перетрудишь“. Спасибо ему, хоть чему нибудь выучилъ остолопа... И много такъ лѣтъ прошло... Ни разу не встрѣтился я со Стасемъ съ той поры, какъ онъ въ университетъ поѣхалъ,—а все не забывалъ его,—вѣрите, нѣтъ,—а все объ немъ только и дума одна... Научился я и ружейному дѣлу и все, бывало, думаю, что непремѣнно самъ сдѣлаю ему такую двустволочку, что даже промахомъ бить будетъ. Любилъ онъ вездѣ первымъ быть, ну, а стрѣльба ему не давалась,—настоящаго глаза не было у бѣдняги. И сильно это его всегда мучило, потому самолюбивъ былъ малый и горячъ, ухъ, какъ самолюбивъ!.. Чуть что, сейчасъ вспыхнетъ, какъ порохъ, и пошелъ!.. И не товарищъ ты ему, и не другъ, и глядѣть на тебя не хочетъ... Гордъ былъ, видите ли—родъ ужъ, значитъ, такой... Какъ теперь, вотъ, помню: боролись это мы съ нимъ разъ среди другихъ панычей и хлопцевъ и повалилъ его

я на земь... Ничего удивительнаго, конечно,—потому что и тогда я больше на медвѣженка походилъ,—видите, какъ скроенъ,—ну, а онъ, хоть и ловкій и юркій, а сложенія былъ деликатнаго... Стали тутъ всѣ смѣяться да подзадоривать: „эхъ, молъ, Стась,—побѣдилъ тебя щербатый дурень!"—и мнѣ кричатъ: „молодецъ!"—чтобъ того еще больше позлить,—такъ ужъ всегда водится среди мальчишекъ... И такъ это озлило, бѣднягу, въ такую лютость вошелъ малый, что,—вѣрите, нѣтъ ли,—совсѣмъ даже разумъ потерялъ... Вскочилъ какъ мѣломъ вымазанный, дрожитъ, глаза у него сверкаютъ, схватилъ хлыстъ и—хвать меня съ размаха! такъ и разсѣкъ губу. Извѣстное дѣло, кровь шляхетская обидчивая и горячая! Но и этого показалось ему мало, потомъ еще три дня носу не казалъ, какъ я его ни выглядывалъ у плетня,—не идетъ, хоть плачь! И такъ это меня мучило, такъ мучило, потому что давно уже я и любилъ его, и подчинился ему,—что какъ завидѣлъ его, наконецъ, какъ подошелъ онъ ко мнѣ, такъ я и разревѣлся отъ радости. Однако, все-таки дулся онъ, пока я не поддался ему и не далъ побороть себя... Вотъ каковъ былъ малый, одно слово: завзятый!..

Судите жъ теперь сами, что сталось со мной, какъ я его передъ собой опять увидѣлъ!.. Обтачивалъ я тогда ножницы нашей судейшѣ, когда, гляжу,—входитъ онъ,—рослый такой да красивый, съ усами, съ бородкой... Глядѣть-

гляжу и себѣ не вѣрю, только слышу: ножницы—брынь! подъ напилкомъ,—и разлетѣлись!.. Кинулся къ нему на грудь,—чортъ, думаю, и съ судейшей самой, не то, что съ ея ножницами,—и отстать не могу... Ну, и онъ, конечно, тоже того... не безъ ласки,—потому тоже любилъ меня... „Давно мы, говоритъ, съ тобой не видались, щербатый,—очень давно!“—и смѣется. И такъ онъ меня этимъ старымъ прозвищемъ утѣшилъ, такъ оно мнѣ по сердцу пришлось, что я, вѣрите, нѣтъ-ли, захныкалъ, балбесъ.

— Давно—хнычу—давно, и все я такой же щербатый дурень...

Ну, и настали для меня хорошіе дни... Стась меня, конечно, всему научать началъ, какъ на свѣтѣ идетъ,—разсказывалъ много такого, чего мои уши за скрипомъ напилка и не слыхивали... Сами знаете, пане, какое время тогда стояло въ нашемъ краѣ, когда рухавка начиналась... И въ костелы собирались... и то... и другое... Ну, и Стась, конечно, какъ и всѣ... чамарку носилъ, конфедератку, въ банду записаться собирался... Отецъ у него умеръ,—получилъ онъ наслѣдство и былъ совсѣмъ вольной птицей... Всегда въ компаніи, съ паннами и панами, и ужъ, бывало, какъ заговоритъ, такъ всѣ его заслушаются—уха не оторвешь! Только и проситъ сердце: „говори, милый, говори!“—вѣкъ бы слушалъ, ей-Богу... Одинъ Маціевскій старый не долюбливалъ его и ругался по своей привычкѣ,—мало кому вѣрилъ, ста-

рикъ...—„Пустозвонъ!—говоритъ:—на словахъ только... знаемъ мы такихъ-то... Деньги, что отецъ оставилъ, на вѣтеръ пускаетъ, прокучиваетъ, а добрымъ людямъ зубы заговариваетъ да языкъ чешетъ!“ И такъ меня обижало это ворчанье, такъ обижало, что и сказать вамъ не могу, пане... Кровь даже въ голову ударитъ, слушать силъ нѣту,—такъ бы, кажется, и хватилъ его напилкомъ, да и все!... Ну, а тутъ молчи, терпи, слушай,—сами только посудите!... И стало мнѣ невтерпежъ совсѣмъ. Что, думаю, околачиваюсь я тутъ съ глупымъ напилкомъ да стариковское ворчанье слушаю... Чѣмъ я хуже другихъ!? Слышалъ я, что въ Хмѣльниковскихъ лѣсахъ банда собирается,—Стась мнѣ это сказалъ, самъ туда собирался,—подумалъ, перекрестился, да и рѣшилъ махнуть съ нимъ... Будетъ онъ начальникъ, а я его солдатомъ, думаю!.. Сейчасъ это я напилокъ къ чорту, снялъ фартукъ, да и маршъ къ старому Маціевскому.

— Такъ и такъ...—говорю ему.—Ужъ простите... за науку спасибо, а увольте... Не увольте,—самъ, говорю, уйду!..

Маціевскій сейчасъ за очки, потому что всегда, бывало, старикъ надѣвалъ очки въ трудную минуту,—круглыя такія, въ мѣдной оправѣ... Надѣлъ на носъ, поднялъ голову и смотритъ на меня.

— А сколько, спрашиваетъ, вашей милости лѣтъ будетъ, интересно знать?..

— Что-жъ,—говорю:—слава Богу, двадцатый идетъ...

— То-то!—отвѣчаетъ. Вынулъ табакерку, набилъ носъ, обтерся и говоритъ:

— Врядъ-ли только, — говоритъ, — тамъ нуждаются въ этакихъ сморкачахъ... Туда нужны люди крѣпкіе, выносливые, стойкіе... Солдаты, а не молокососы... Не снесешь головы своей, малый...

— А зачѣмъ мнѣ она, голова моя, пане?—отвѣчаю.—Сами-жъ вы знаете и говорили, что у меня руки вмѣсто головы... Что-жъ ее беречь-то?..

Покачалъ старый головой, покачалъ, да и спрашиваетъ:

— А съ отцомъ, съ матерью говорилъ?

— Нѣтъ, не говорилъ еще...

— Ну, такъ поди-жъ, съ ними переговори прежде...

Пошелъ я... Поблѣднѣлъ отецъ, мать въ слезы, конечно,—извѣстное дѣло: какъ-ни-какъ, а все-таки жалко сына, спаси ихъ Господи! Ни слова отецъ, подперся рукой, сидитъ, только нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на образъ Пречистой. За то мать прямо стономъ стонала... Ну, однако, всталъ отецъ...—„Стой,—говоритъ,—старая... будетъ!.. Еще не въ гробу онъ!“—Перекрестился, снялъ со стѣны святую икону, поднялъ ее, ну, а я, извѣстное дѣло, въ ноги, и слезами облилъ ихъ. Тогда къ матери... Та сорвала съ шеи святую ладонку, надѣла на

меня,—вотъ она, пане... до сихъ поръ при мнѣ, и въ гробъ возьму ее съ собою,—надѣла, хочетъ благословить, а силъ нѣту... Прижалась только да дрожитъ, дрожитъ, дрожитъ, бѣдная, а сердце токъ, токъ, токъ...

Оскерко перекрестился, смахнулъ набѣжавшую слезу, помолчалъ немного и затѣмъ разсказывалъ дальше:

— Удивилъ меня, однако, Маціевскій старый... Какъ вернулся я къ нему и разсказалъ все, онъ понюхалъ табаку, постучалъ пальцами, снялъ свои очки, да и ушелъ въ другую комнату... Долго возился онъ тамъ, а, наконецъ, и выходитъ... Въ одной рукѣ деньги, въ другой—стилетъ англійскій... Замѣ-ѣ-чательная, пане, штучка,—пополамъ пятаки рубилъ.

— Ну,—говоритъ:—Ясь, спасибо тебѣ за работу твою... Платилъ я тебѣ, что могъ, ну, а это такъ... на дорогу... пригодится...—потому что заслужилъ ты... Пусть хранитъ тебя святая Ченстоховская Матерь!.. иди, коли хочешь... И еще одно скажу тебѣ,—говоритъ:—на счетъ головы твоей и рукъ, это точно, я говорилъ, ты правъ... Но я не все досказывалъ... Голова головой, руки руками, а у тебя и еще кое-что есть, малый,—сердце есть!.. Золотое оно у тебя!

— Ей-Богу, пане, такъ и сказалъ, старый... чудакъ вѣдь онъ былъ!.. И вѣрите, нѣтъ,—заплакалъ и обнялъ меня, какъ родного сына...

Ну, потомъ, извѣстное дѣло, я сейчасъ къ Стасю.—Удивлю его, думаю, обрадую, да и

самъ радуюсь, что пойдемъ вмѣстѣ... Не засталъ его дома, ждать пришлось, а какъ вернулся онъ, я сейчасъ ему все и выложилъ.— Такъ и такъ,—говорю:—я готовъ, Стась... пойдемъ!..

— Ну, и иди,—говоритъ,—иди!..

— А ты же?—спрашиваю.

— Ге!—говоритъ:—я не могу теперь... у меня всякаго дѣла пропасть!..

Похолодѣлъ я даже.

— Какого дѣла?!—спрашиваю и ушамъ своимъ еще не вѣрю.

— Эхъ,—отвѣчаетъ со смѣхомъ:—бѣдная твоя голова!.. Какъ былъ ты дурнемъ, такъ и остался дурнемъ... Неужто-жъ,—спрашиваетъ,—думаешь, что мнѣ не пріятнѣе было бы съ тобою пойти, чѣмъ тутъ оставаться?! Хе, дурень!..

А я все стою остолопомъ да глазами хлопаю.

— Вѣрно,—говорю:—что дурень, то дурень, ничего въ толкъ взять не могу!—Даже смѣяться сталъ Стась...

— Ну, слушай же... Неужели,—говоритъ:—ты думаешь, что только и дѣла на свѣтѣ, что лобъ подъ пулю подставлять?.. А кто-жъ будетъ тогда политикой заниматься, самую справу вести?! Самъ знаешь, у кого только руки,—пусть руками служитъ, кому Господь голову хорошую далъ,—пусть головой работаетъ... Такъ, что-ли? понялъ?

Тутъ только разобралъ я, въ чемъ дѣло и понялъ, что малый резонъ говоритъ. Какъ

ни жутко стало, а обнялъ его крѣпко и пошелъ одинъ... Ну, а дальше извѣстно что... Не хоронился я, не зѣвалъ, не берегъ себя,—нѣтъ, въ этомъ, пане, не грѣшенъ... Какъ ни приходилось подчасъ жутко,—Господи, Іисусе святой, чего только терпѣть ни приходилось: и голодъ, и холодъ,—иной разъ до того доходило, самъ себѣ у Бога смерти просишь,—ну, а хуже другихъ не былъ!.. Какъ предъ Истиннымъ!.. Иной разъ въ сильномъ огнѣ ёкнетъ у тебя сердце,—извѣстно, слабъ человѣкъ,—ну, да я сейчасъ себя за ухо!..—Эхъ, дурень, дурень, дурень!—скажу себѣ:—чего боишься? головы своей глупой жалѣешь?.. Кому нужна она, твоя башка пустая, что жалѣть ее!?... Скажешь такъ, ну и сразу осмѣлишься...

И какъ взяли меня, пане, я не вертѣлся, не изворачивался, ничего не утаивалъ и себя не выгораживалъ... Что ужъ тутъ,—пошелъ, такъ и пошелъ! Такъ я и генералу сказалъ на допросѣ, и ему такой отвѣтъ понравился,—улыбнулся...—А много,—спрашиваетъ улыбаясь:—нашихъ москалей убилъ?—„Не знаю, панъ генералъ,—отвѣчаю:—трудно оно считать въ бою, сами это, ваша милость, знаете... А только, говорю, глазъ у меня вѣрный, и патроновъ не жалѣлъ я!“ И что-жъ вы думаете, понравилось это ему, даже по плечу меня потрепалъ...—Молодчина!—говоритъ,—честно отвѣтъ держишь... какъ слѣдуетъ мужчинѣ! Хоть и преступникъ, а прямой человѣкъ!—И вѣрите, нѣтъ,—за это за самое

мнѣ даже облегченія разныя приказалъ сдѣлать противъ другихъ... Ну, и, какъ отбылъ я свой срокъ здѣсь, выпустили меня на вольное поселеніе,—я на Олекму пошелъ, мастерство свое завелъ... И хорошо мнѣ тамъ повезло,—нечего говорить,—дѣла много было, заработокъ шелъ изрядный... Одна бѣда случилась только,—получилъ извѣстіе, что отецъ съ матерью померли, царствіе имъ небесное!.. Ну, и затужилъ я,—Господи, какъ затужилъ!.. Можетъ, и руки наложилъ бы на себя, кабы не Вильчинскій...

Сижу это я разъ самъ на самъ съ бутылкой, потому, по правдѣ сказать, я тогда запивать вздумалъ и дѣло свое забросилъ,—сижу, когда слышу: стукъ... стукъ... ко мнѣ въ дверь кто-то... Пошелъ отворить, отворяю,—Іезусъ, Марія!—себѣ не вѣрю, креститься даже сталъ... Во снѣ-ли это, или спьяна, а только стоитъ предо мной мой дорогой Стась и улыбается... Сильно измѣнился малый, а только сердце мое сразу его учуяло...—Ты-ли это, Стась,—спрашиваю,—тебя ли Господь послалъ?

— Я... я!—отвѣчаетъ.—Я самый... Давно я уже въ этой проклятой Сибири околачиваюсь,—еще какъ ты срокъ отбывалъ,—и только недавно узналъ, что ты здѣсь и мастерство завелъ... Вотъ и пріѣхалъ стараго друга повидать... Радъ? Отвѣчай!..

Ге!.. что же было и отвѣчать мнѣ этому молодчинѣ на такой вопросъ?.. Извѣстно, ки-

нулся къ нему, какъ къ родному брату.— „Пусти,—кричитъ,—будетъ!.. задушишь, медвѣдь!“—а я ему въ отвѣтъ:—И задушу, и задушу... Не задавай такихъ вопросовъ!..—Такъ мы, словно мальчишками, бывало, и провозились, даромъ что бородатые оба.

— Какъ же ты это попалъ сюда—не извернулся, ловкая голова?...

— Ну, — говоритъ,—это ужъ мое дѣло... не могу я всего выкладывать даже другу... Самъ, — говоритъ, — знаешь поговорку: ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами...

— Еще бы!—говорю.

Ну, и стали мы жить, поживать... Вѣрите, нѣтъ,—прямо ожилъ... И бутылку бросилъ, и снова фартукъ надѣлъ, и за напилокъ взялся... Другимъ свѣтъ въ глазахъ показался, да и все... Стась лежитъ, или что читаетъ, или такъ, посвистываетъ, а я хоть и стою за тисками или по стряпнѣ чѣмъ занятъ, все-таки на него хоть однимъ глазкомъ да поглядываю... Ге-ге!—хорошо поживали!.. Я, конечно, ни къ чему и притронуться не давалъ ему, потому жалѣлъ бѣднягу... Къ лицу-ли ему было съ чѣмъ-нибудь возиться, стряпней тамъ, что-ли, или еще чѣмъ?! Ге, не такой это человѣкъ, не пристало ему! „Живи только, свистя, полеживай, да меня когда-никогда словомъ своимъ побалуй,—вотъ и все, а я ужъ, медвѣдь, и за себя, и за тебя, голубчикъ, сработаю...—

говаривалъ я ему.—Не тужи, что отцовское состояніе твое прахомъ пошло,—не прокутилъ ты его, знаю, — не таковскій ты человѣкъ, чтобы прокучивать,—и все у насъ будетъ, чего только твоя душенька пожелаетъ... Недаромъ Богъ далъ мнѣ руки, а тебѣ голову,—ну, и будемъ мы съ тобою одно цѣлое!" Такъ я говорилъ ему и такъ оно было, пане,—какъ братъ съ братомъ жили. Правда, не нравился онъ нашимъ на Олекмѣ, – сильно огорчало это меня, ну, да вѣдь на всѣхъ не угодишь,—думалъ,—давно это извѣстно... Разное судачили про него наши, ровно бы, вотъ, языки у всѣхъ зачесались... И краснобай, молъ, онъ,—языкомъ только трезвонитъ будто бы, а на дѣлѣ кутила и проходимецъ, который въ мутной водѣ рыбу ловитъ и честныхъ людей оболваниваетъ, и другое, и третье, еще худшее, иные увѣряли, что онъ за уголовщину какую-то попалъ, – вексель тамъ, что-ли, подмахнулъ, ну, да я не вѣрилъ,—зналъ я, что такое людская слава. „Откуда знаете?—спрошу. –Докажите!"—а каждый въ отвѣтъ только одно: „слышали, молъ!" Ну, разсержусь я,—потому что какъ же могли не сердить меня такія слова,—разсержусь и скажу имъ:

— А слышали вы какъ люди говорятъ, что собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ? Слышали?

Покачаютъ головами, покачаютъ, какъ срѣжу я ихъ такимъ своимъ отвѣтомъ, и скажутъ:

— Эхъ, Ясь!.. жалко намъ тебя,—ничего ты и подъ носомъ не видишь... Эхъ, кабы да другую голову тебѣ...

— Это,—отвѣчаю,—я давно ужъ слыхалъ про голову-то... Нѣтъ, вы мнѣ что-нибудь новенькое скажите.

— Что-жъ тебѣ новенькаго сказать? Что дурень ты, хоть и добрѣйшая душа, такъ и это не ново.

Ну, я и вскиплю.

— Вѣрно,—отвѣчаю:—не ново, давно слыхалъ! А вотъ что я вамъ скажу: не говорите вы мнѣ про Стася ни словечка... Все равно, ничего не выйдетъ, только ссора, потому что ничему не повѣрю... Знаю я его лучше васъ... Онъ все состояніе свое отдалъ...

— Конечно, отдалъ,—смѣются тѣ:—на паненокъ въ Варшавѣ...

Ну я и повернусь отъ гнѣва,—уйду, чтобы съ своими не ссориться... Приду домой, какъ ни стараюсь скрыть свое волненіе, а Стась все-таки сейчасъ распознаетъ... Ге! тонкій глазъ былъ у малаго!.. Сейчасъ спроситъ:

— Опять, поди, меня ругалъ кто-нибудь или небылицы плелъ, а?

Повѣшу я грустно голову да и сознаюсь.

— Плели, Стасю...—говорю: — да ты не волнуйся... Ничему я не вѣрю...

— Еще бы ты повѣрилъ, старый товарищъ!—говоритъ. — Тогда и на свѣтѣ жить бы не стоило...

Даже въ жаръ меня кинетъ отъ такихъ его словъ, такъ бы и зацѣловалъ его, кажется... Глаза, право, затуманятся...

— Плюнь,—говорю:—милый Стасю... а ну ихъ! Ты мнѣ всѣхъ милѣй и дороже.

— Спасибо, дружище!—отвѣчаетъ. — Я такъ и дѣлаю, не обращаю вниманія... Дурни они всѣ, ничего не понимаютъ,—ты одинъ меня знаешь... Привыкъ я къ людской неблагодарности... Извѣстно, всѣ вороны каркаютъ на то, что не по ихъ вороньимъ головамъ!... Что-жъ они всѣ противъ меня?.. Воронье глупое—и только!

— Вѣрно!—отвѣчаю.

Ну, хорошо... Пересталъ я даже со своими встрѣчаться, — что за охота, сами посудите... Живемъ себѣ вдвоемъ и никого знать не хотимъ, — зачѣмъ намъ? Стась посвистываетъ или разсказываетъ, даже наиважнѣйшія тайны разсказывалъ мнѣ, чего никто другой не только не зналъ, да и во снѣ ему не снилось, а я свое дѣло дѣлалъ хорошо! Только вотъ разу одного зовутъ меня.

— Приходи, — говорятъ: — дѣло есть и не какое-нибудь, а дѣло важное!

Что такое?—думаю; однако, одѣлся, пошелъ... Прихожу, мнѣ сейчасъ же по первому слову:

— Ну, это ясно,—ты все еще съ своимъ Вильчинскимъ носишься?..

— Все еще ношусь, — отвѣчаю:— и всегда буду носиться. Такъ и знайте!

— Ну, такъ вотъ, читай же!—говорятъ, и подаютъ мнѣ письмо. — Видишь,— спрашиваютъ, — кто пишетъ?.. честный человѣкъ? вѣришь ему?

— Честный человѣкъ,—отвѣчаю, глянувъ на подпись:—и вѣрю ему.

— Ну, такъ читай!

Такъ и потемнѣлъ у меня свѣтъ въ глазахъ, пане, какъ прочелъ я это писмо. И руки дружатъ, и строчки прыгаютъ, и самъ я весь дрожу. Господи Iисусе! Моему Стасю, чтобъ никто не вѣрилъ, чтобы всякій его избѣгалъ?! Чтобы мой Стась былъ обманщикъ и негодяй!? Нѣтъ, тутъ, думаю, что-нибудь не ладно, недоразумѣніе какое-нибудь... Не можетъ быть этого!..

— Читай дальше!—кричатъ.

Читаю,—вижу и фактъ сообщаютъ. Такъ и такъ... Дали Стасю въ одномъ поселеньѣ 350 рублей для передачи другому лицу, а онъ не передалъ и убѣжалъ съ ними, или прокутивъ ихъ, на Олекму...

— Не можетъ этого быть!—говорю, — и задохнулся: астма подошла, — думали добрые люди, что отойду даже. Ну, однако, оправился, всталъ. Всталъ, и жизни не радъ,—думаю, можетъ быть, лучше бы было, если бы отошелъ совсѣмъ. Поклонился я всѣмъ низенько, взялъ шапку и пошелъ бродить... Хотѣли меня проводить, потому всѣ жалѣли, да я просилъ, однако, меня оставить. Бродилъ, бродилъ, ду-

малъ, думалъ, а ничего въ толкъ взять не могъ, не пойму ничего да и все. Эхъ, ты голова моя глупая, головушка!..—думаю только со слезами.—И зачѣмъ я съ такой глупой головой только на свѣтъ родился!.. Что-нибудь одно, думаю: или тотъ, что пишетъ, лжетъ, или въ самомъ дѣлѣ Стась... того... И въ то же время не могу допустить, чтобы тотъ лгалъ или чтобы Стась былъ виноватъ. Что тутъ, думаю, какъ быть? Ге! Ну, вижу, что изъ глупой головы не выжмешь масла, махнулъ рукой, да и пошелъ прямо къ Стасю. Пришелъ и буркнулъ ему всю правду.

— Такъ и такъ,—говорю,—Стась, вотъ что пишутъ. Ты деньги взялъ и не отдалъ...

Вскочилъ бѣдняга, красный, какъ вареный ракъ, глазъ поднять не смѣетъ,—даже голову свѣсилъ.

— Что-жъ ты, — говорю,—молчишь?.. Хоть слово скажи...

— Что же мнѣ, Ясь, говорить,—отвѣчаетъ:—когда все это правда...

— Какъ правда?! Не можетъ быть!—кричу.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—правда! Сущая правда!...

И вдругъ, бацъ на колѣни,—предо мной-то! и у самого слезы.

— Слушай, Ясь, — говоритъ:—одному тебѣ только откроюсь и никому больше. Потому плевать мнѣ на всѣхъ, кромѣ тебя одного,—ты одинъ меня знаешь... Ну, и будь ты моимъ судьей,

говоритъ.—Было у меня дѣло одно, важное, преважное,—такое дѣло, что я никому открыть его не имѣю права, даже тебѣ... даже отцу родному... Нужны были на это дѣло деньги, а гдѣ же ихъ взять?! Все мое я давно уже истратилъ на другихъ, ты это знаешь и, конечно, вѣришь мнѣ... Бился, бился, ночей не спалъ,—негдѣ достать, всякъ только для себя бережетъ, въ сундукѣ держитъ!.. Эхъ! Вдругъ мнѣ даютъ для передачи эти 350 рублей одному богатому человѣку... Вѣришь-ли даже духъ захватило у меня,—самъ Богъ, думаю, посылаетъ хорошее дѣло. Ну, и рѣшилъ я пожертвовать лучше собой, своей доброй славой, а пустить деньги на дѣло. Тотъ, думаю, человѣкъ богатый, ничего ему не станется, ну, а на меня пусть лаютъ люди. Пусть я буду воръ, негодяй, обманщикъ.

— Стой!—вскричалъ я тутъ, потому что не могъ дольше сдержать себя.—Стой, мой любый, мой великодушный Стась!.. Не будешь ты ни воромъ, ни обманщикомъ, ни негодяемъ, какъ и не былъ имъ никогда!.. Не будутъ на тебя больше каркать люди незаслуженно!.. Ты правъ: мы по сундукамъ свое бережемъ, вмѣсто того, чтобы отдать на что-нибудь доброе!.. Довольно! И у меня кое-что лежитъ, какъ ты знаешь, по наслѣдству отъ родителей осталось—царствіе имъ небесное!—да и напилкомъ своимъ прикопилъ. Зря лежитъ, когда ты на доброе дѣло искалъ и свое честное имя заклады-

валъ!.. Прости-жъ меня глупаго!.. Прости, что я, дурень, сразу не сообразилъ и не заступился за тебя!..—И такъ, знаете, самъ я себѣ тогда противенъ былъ и деньги мои противны, что не открылъ я сундукъ, а прямо ногой замокъ сбилъ... Выкинулъ все да и говорю:

— Бери, мой братъ: тутъ наберется на ту сумму, за которую ты себя воронамъ въ жертву отдалъ!.. Бери и отдай тому, чьи были деньги!.. Бери, Стась, бери, прошу тебя!.. Что мы въ самомъ дѣлѣ передъ тобой?—ничто! И видишь эту руку,—она сорокафунтовымъ молотомъ играетъ,—такъ клянусь тебѣ, что сразу зажму, ею сто глотокъ, если вздумаютъ послѣ того каркать на тебя... Всѣ зажму, чьи бы ни были!..

И, Господи Іисусе, какъ мы тутъ расцѣловались съ нимъ!.. И у него слезы, и я хнычу. Рѣшилъ тутъ Стась не откладывать дѣло въ долгій ящикъ, самому отвезти поскорѣй деньги, такъ какъ почта рѣдко ходитъ. Хоть и далекій путь предстоялъ, однако, такъ лучше казалось и вѣрнѣе; къ тому-жъ и дѣло у него тамъ какое-то было. И какъ уѣхалъ онъ на другой день, я сейчасъ къ своимъ.

— Слушайте,—говорю:—Вильчинскій уѣхалъ. Повезъ отдавать деньги...

— А гдѣ-жъ онъ ихъ взялъ? — спрашиваютъ.—Неужто-жъ, Ясю, ты этому вѣтрогону, проходимцу свои послѣднія крохи отдалъ?!

— Гдѣ взялъ,—отвѣчаю:—это не ваше дѣло. А только знайте, что не воръ онъ, не прохо-

димецъ, а голова почище насъ всѣхъ!..—И разсказалъ я имъ тутъ все, что мнѣ Стась говорилъ.

— Видите,—говорю,—что это за человѣкъ!?

Ну, да тѣ все свое, извѣстно, заладили...

— Видимъ, видимъ! — качаютъ головами:— Хорошо видимъ, какъ онъ обошелъ твою простоту!.. Эхъ, бѣдовая ты головушка! Что, если-бъ Господь милосердный къ твоему сердцу да приставилъ бы настоящую голову!..

Да я повернулся и не слушалъ дальше! Эхъ, надоѣли они мнѣ всѣ съ этой головой, правду сказать, и не хотѣлъ я имъ вѣрить...

Ждалъ я своего Стася, ждалъ,—анъ, вмѣсто него бѣды дождался. Разослали насъ всѣхъ съ Олекмы, вотъ я и попалъ сюда въ тайгу послѣ долгихъ скитаній по разнымъ мѣстамъ. За что, про что,—никто не зналъ, никто и догадаться не могъ. Одно только говорили: доносъ какой-то былъ, а чей и откуда, кто его знаетъ. Начальство переполошилось, хоть и совсѣмъ понапрасну, ну и разселило. Прибылъ я сюда съ хохломъ однимъ, Орликомъ, другъ-пріятель былъ, женатый и дочка у нихъ Маруся. Ахъ, и любилъ я эту дѣвчурочку, славное дитя было!.. Ну, вотъ я мастерствомъ своимъ опять промышлять сталъ; знаете, оно каждому нужно: и буряту, и тунгузу, и якуту, и остяку, и самоѣду, всѣмъ и всегда нужно, даромъ что пустыня; а Орликъ торговое дѣло завелъ, сталъ пушнину скупать, потому де

нежный былъ человѣкъ и со сметкой. Въ два, три года такое дѣло завелъ, такъ его поставилъ, что хоть кому въ пору. И обзавелся всѣмъ, и извѣстность получилъ, и наживать сталъ. Хорошій былъ человѣкъ, простой, обходительный и умный, кого ни спроси всѣ его за такого знали. Да вотъ только вѣку Богъ не далъ. Поѣхалъ это онъ разъ по своему дѣлу осенью ранней, простудился, провалялся дней семь, да и отдалъ Богу душу,—спаси его, Господи!—оставивъ вдову съ Марусей одинокими на свѣтѣ. Извѣстно, женская доля: нѣтъ тяжеле этой доли... Только и былъ у нихъ я свой, можно сказать, человѣкъ, а вы сами понимаете, что не велика корысть съ такого, когда у него подъ чубомъ плохо. Если-бъ за руками стояло, ну, пожалуй, еще и выгорѣло бы что-нибудь, а то вѣдь ликвидировать цѣлое торговое дѣло нужно было, счета сводить, разсчеты дѣлать... Ге-ге! не дай Богъ, какъ биться приходилось моей головушкѣ... Рѣшила пани Орликъ весной на родину уѣхать, она сама вольная была, по доброй волѣ за мужемъ пріѣхала, и за зиму все покончить требовалось. Вотъ я и бился... День-деньской не выхожу отъ нихъ, свою хату совсѣмъ закинулъ, только и сижу надъ разсчетами да счетами, бьюсь, какъ рыба объ ледъ, а дѣло тугонько подвигается. Одна утѣха, что Маруся!.. такъ и не отходитъ, бывало, отъ меня дѣвчурка, ей-Богу!.. „Дядя Ясь, милый дядя Ясь!“—другого

имени мнѣ у нея не было, вѣрно вамъ говорю. Пани Орликъ даже колдуномъ меня, смѣясь, назвала: „вы,—говоритъ,—всѣхъ причаровываете къ себѣ“,—это я-то, слышите!? И я, конечно, покраснѣлъ на это, и она тоже покраснѣла, а Маруся все свое: „дядя Ясь“, да „хорошій дядя Ясь!..“ Право, пане, даже теперь вспомнить сладко.

Ну хорошо... Тянулось это такъ, тянулось, когда разу одного, смотрю,—Іезусъ, Марія!—стоитъ предо мной опять мой Вильчинскій!—Откуда? что?—потому давно не слыхалъ о немъ, да и мало о комъ изъ нашихъ слыхалъ въ этой тайгѣ, развѣ Орликъ что-нибудь скажетъ, потому у него большая переписка была по торговлѣ... — Какъ Богъ принесъ?!

— Такъ и такъ,— отвѣчаетъ,— и тутъ, и тамъ, вездѣ околачивался, потому дѣла все, знаешь... Да по тебѣ,—говоритъ:—до смерти соскучился, не выдержалъ! Поѣду, думаю, въ тайгу, хоть къ чорту въ самую пасть, а погляжу, молъ, на него, моего милаго щербатаго, хоть разокъ еще!—Ну, сами посудите, пане, какъ обрадовался ему этотъ щербатый!.. Ге-ге!.. Господи Іисусе! Ногъ подъ собою не слышу, тайги не вижу, зимы не стало, только одно счастье въ глазахъ... Стою только да держу за руку друга...

— Да какъ ты узналъ, что я живъ?—спрашиваю.

— Въ N-скѣ,—отвѣчаетъ,—про смерть Орлика разсказывали, ну и тебя называли.

— Ахъ ты, умная голова,—говорю,—въ самую нужную пору пріѣхалъ!.. И какъ тебя это угораздило, славный ты человѣкъ? Видать, самъ Богъ надоумилъ, чтобы помочь намъ, потому мы тутъ безъ тебя и твоей головы разумной, какъ рыбы объ ледъ бьемся!,.

И разсказалъ я ему тутъ про дѣла наши съ ликвидаціей.

— Э, пустяки!—отвѣчаетъ:—я васъ всѣхъ тутъ выручу... Для меня это самое легкое дѣло!... Ужъ на счетъ чего другого, а на счетъ ликвидацій, всякихъ счетовъ да разсчетовъ я, можно сказать, собаку съѣлъ... Не тужи, милый...

— Ну, слава Богу, слава Богу!—говорю.

— Ничего,—отвѣчаетъ:—живо сварганимъ!..

И дѣйствительно, не пустилъ слова на вѣтеръ... Такъ дѣло у него закипѣло, что я даже диву дался, какъ онъ такъ ловко все смекаетъ. Добро бы купецъ, торговецъ, а то, на тебѣ, птица совсѣмъ другого полета, а такая сметка! И не только я, а и пани Орликъ отъ него въ восторгѣ, потому на всѣ руки мастеръ... И фокусъ показать—покажетъ, и разсказать что-нибудь—разскажетъ, только за бока держись, и шутки плести мастеръ; ну, и обращеніе настоящее знаетъ, какъ съ барынями себя держать... Однимъ словомъ сказать, малый не только дѣло подвинулъ, а и бѣдную

женщину въ ея неутѣшномъ горѣ развлекалъ. Одна Маруся все какъ-то побаивалась его да чуждалась; ну, да извѣстное дѣло, ребенокъ пугливый, что съ него и требовать!

Только разу одного, вечеромъ позднимъ, приходитъ онъ отъ пани Орликъ,—я еще за тисками стоялъ, курокъ къ ружью обтачивалъ,—приходитъ веселый, какъ всегда, ну, и давай шутки шутить... То да се, надъ тѣмъ да надъ другимъ посмѣялись,—вдругъ онъ и скажи:

— А знаешь, Ясю, безъ шутокъ говоря, прелакомая эта вдовушка, пани Орликъ... Ей-Богу, — говоритъ, — отличная штучка! И изъ себя еще ничего, съ сокомъ бабенка, знаетъ должно быть,—раки зимуютъ, ну и прилагательное, говоритъ, есть тоже не плохое... Ты какъ на этотъ счетъ полагаешь?!

— Никакъ!..—отрѣзалъ я, потому не любилъ такихъ рѣчей, пане, а онъ въ смѣхъ...

— Какъ это такъ никакъ?—смѣется, ну, и давай дразнить ни съ того, ни съ сего.—Геге!—говоритъ и пальцемъ еще показываетъ:—да ты покраснѣлъ, пріятель, и глазъ поднять не смѣешь... Знать совѣсть нечиста, признавайся!..

Ну, конечно, кого-жъ въ такомъ случаѣ въ краску не кинуло бы, скажите на милость...

— Не въ чемъ мнѣ признаваться!—говорю съ сердцемъ, а онъ еще пуще:

— Ой, не финти!—говоритъ:—все насквозь вижу... Неужто-жъ, думаешь, я такой дурень,

что не вижу, какъ ты на бабенку бѣлки свои пялишь... Да и она это отлично понимаетъ, шустрая!.. Что ни говори, а втюрился ты въ нее, какъ котъ въ сало... Признавайся ужъ лучше,—имѣешь виды?..

Вѣрите-ли, нѣтъ-ли, въ первый разъ въ жизни разсердился я на него, да вѣдь и было за что, сами подумайте... Даже кулакомъ хватилъ по верстаку.

— Не мели вздору;—говорю:—не пристало это тебѣ... Куда мнѣ, дураку, на такую красавицу и пани зариться съ моей рожей щербатой?... Что ты? ошалѣлъ, что-ли? Да она на меня, вахлака, и плюнуть не захотѣла бы, не то что...

И даже ушелъ изъ избы, такъ это все меня разстроило... Послѣ того и глазъ туда казать не рѣшался. Онъ ходитъ, по цѣлымъ днямъ сидитъ тамъ и меня каждый разъ, правда, зоветъ съ собой: „пойдемъ, говоритъ, вмѣстѣ“,—да я не иду, не рѣшаюсь, хоть и очень меня тянуло къ Марусѣ. „Некогда,—отвѣчаю:—дѣла много... заказъ, молъ, кончить нужно, иди одинъ!“ И сижу... Изрѣдка только забѣгу какъ-нибудь, чтобъ дѣвчуркѣ какую-нибудь самодѣльную игрушку принести, поболтаю да и опять къ себѣ. „Что это съ вами сталось?—спроситъ пани Орликъ:—отчего такъ не сидится вамъ и на видъ вы точно хворый?!“ Ну, а меня прямо въ жаръ отъ такихъ словъ ея кидаетъ, и слова найти не могу... Къ счастью, ужъ Стась выручалъ каждый разъ...

— Работы у него много,—отвѣчаетъ за меня,—заказовъ привалило... Устаетъ!—говоритъ...

Ну, тянулось такъ время, тянулось, только разу одного, какъ уходилъ отъ Маруси,—Вильчинскаго не было на ту пору, уѣзжалъ куда-то съ охотниками за шкуры разсчитываться,—догоняетъ меня пани Орликъ... Вижу, неспокойная какая-то, жмется, и въ лицѣ... того... какъ будто бы безпокойство какое...

— Постойте,—говоритъ:—и я съ вами пройдусь немного... Кстати,—говоритъ, мнѣ кой о чемъ и спросить васъ нужно...

— Что прикажете, милостивая пани?—отвѣчаю, да тутъ, какъ на зло, у меня удушье приключилось... Стою дуракъ, вздохнуть не могу, только за сердце схватился и бѣдную женщину еще больше встревожилъ.

— Что это?—кричитъ:—припадокъ!? О, Боже мой, Боже мой! Бѣдный вы!

— Ничего,—успокаиваю,— ничего, пани!.. не тревожьтесь, сейчасъ пройдетъ! Это у меня бываетъ...

Ну, и дѣйствительно, отпустило сейчасъ, не долго, слава Богу, душило. Вздохнулъ и оправился.

— Видите, и прошло уже...— говорю.—Что прикажете?..

Постояла она, успокоилась, какъ будто надумала что-то и говоритъ, наконецъ:

— Вотъ что мнѣ нужно знать, добрый, сердечный пане Оскерко. Скажите мнѣ по чистой

совѣсти,—говоритъ и глаза опускаетъ,— по самой чистой совѣсти, что за человѣкъ панъ Стась?.. Хорошо вы его знаете?.. Очень мнѣ это нужно...

Отлегло тутъ у меня совсѣмъ отъ сердца.

— Это вы на счетъ вашихъ дѣлъ, пани?— спрашиваю:—на счетъ ликвидаціи?

— Н-да!—какъ бы замялась она.—Хотя бы и на счетъ ликвидаціи.

— Ну, такъ вотъ что скажу я вамъ, милостивая пани!—отвѣчаю.—Одно солнце на небѣ, одинъ Стась на землѣ!.. Честнѣйшая душа,— говорю,—и вѣрнѣйшій другъ, всегда онъ только о другихъ заботится... А знаю я его съ самаго дѣтства, вмѣстѣ въ коники играли и на одной скамьѣ въ школѣ сидѣли.

— Такъ?—спрашиваетъ, и глаза у нея просвѣтлѣли...

— Такъ,—отвѣчаю:—все равно, какъ на исповѣди говорю.

— Ну, спасибо-жъ вамъ, добрый другъ!— говоритъ.

Стиснула мою руку, крѣпко стиснула, постояла минуточку, словно бы еще что сказать хотѣла да вдругъ повернулась и пошла.

— Прощайте!—говоритъ.—И еще разъ спасибо!..

Только и всего... Удивился я немного, по правдѣ сказать, думалъ, за деньги свои боится женщина, подозрѣваетъ, можетъ быть, что-нибудь,—анъ совсѣмъ не то оказалось...

Слушайте только. Дня черезъ два этакъ приходитъ ко мнѣ Вильчинскій веселѣе веселаго, да и говоритъ:

— Ну, поздравь меня, старый дружище!— и смѣется.

— Съ чѣмъ это?—спрашиваю.

— Съ перемѣной,—говоритъ. — Видно, довольно уже бобылемъ мыкаться по свѣту,—надоѣло!.. Женюсь!—говоритъ.

Я даже глаза вытаращилъ.

— Чего такъ смотришь?—смѣется.—Лучше порадуйся со мною, дурень, какъ другъ. И за меня, и за нее,—говоритъ,—порадуйся, за пани Орликъ. Что-жъ, развѣ мы дурная пара?!

Тутъ только, пане, и понялъ я, дурень, зачѣмъ это она меня давеча разспрашивала. Ге!—думаю,—такъ это-жъ я и сосваталъ моего Стася!... Удивился я, правду сказать, немного спервоначала, ну, да сейчасъ же и сообразилъ, что удивляться-то собственно нечему. Извѣстное дѣло, вдовье положеніе да еще и съ ребенкомъ!... Ге, горьше, поди, и на свѣтѣ не бываетъ!.. А тутъ еще и человѣкъ такой случился, умница, голова головой, всякое дѣло смекаетъ, изъ всякой бѣды выручитъ, ну, да и лихой малый изъ себя, заглядѣнье одно. И рѣчистъ, и веселъ, и уменъ, и красивъ, и роду хорошаго!.. Чего-жъ тутъ думать, ге!? И самая неприступная и разборчивая не устояла бы, думаю, не то что бѣдная пани Орликъ при ея бѣдѣ да вдовьемъ положеніи. Тужи не тужи

по покойникѣ, а о своемъ будущемъ да дѣтищѣ родномъ подумать нужно, и согласитесь... Ну, и о немъ также думаю... Мыкался, мыкался человѣкъ по свѣту, все только дѣла да дѣла, а самому себѣ ничего, даже друзей, окромѣ меня, себѣ не нажилъ,—какъ тутъ не наскучитъ бобылемъ оставаться?! Кому не хочется своего угла да теплой ласки, пане, ге!?—на то и человѣкъ! И женщина хорошая, красивая, умная, обходительная и добрая. Самая настоящая, думаю, пара!.. лучшей и искать не нужно!.. Поздравилъ я ихъ отъ чистаго сердца, осмѣлился тутъ даже, держу пани Орликъ за руку, да и говорю:

— Ге-ге! — говорю, — милостивая пани, да вѣдь это-жъ вы меня должны благодарить за такого славнаго женишка... Мой вѣдь, Стасьто!.. Смотрите-жъ, не забывайте меня въ счастьѣ.

— Ни въ счастьѣ, ни въ несчастьѣ,—говоритъ,—не забуду!.. вѣчно помнить будемъ васъ оба. Мой онъ, но и вашъ останется!..

Улыбнулась, бѣдная, посмотрѣла на своего Стася влюбленными глазами да и всплакнула. Знаете, женщина, нельзя у нихъ безъ этого... И въ горѣ, и въ радости, и въ счастьѣ — всегда у нихъ подъ глазами мокро... такъ ужъ ихъ Господь Богъ создалъ. Отъ доброты это: всегда имъ чего-нибудь или кого-нибудь жалко... Ну, однако, правду сказать, отъ всего этого и словъ ея добрыхъ, а

пуще всего отъ слезъ у меня самого глаза замигали... Ге-ге, что ужъ тутъ таить, славный денекъ выпалъ. И цѣловались мы, и выпивали, всего было!..

Ну, однако, тутъ я долженъ, еще кое-что сказать вамъ. Видите-ли, какъ пріѣхалъ Стась сюда, какъ только наговорились мы разныхъ: что, да какъ, да гдѣ,—онъ оглянулся, сдѣлалъ вдругъ серьезное лицо, да и говоритъ:

— А помнишь, Ясь, правила, которымъ тебя учили?

— Еще бы!—говорю;—и во снѣ скажу... „товарища не выдавать“, „языкъ за зубами держать“...

— Ну, довольно,—перебиваетъ,—хорошо помнишь... Такъ помни же ты,—говоритъ,—что здѣсь я не Вильчинскій, а Зборовскій... слышишь?

— Слышу...—отвѣчаю.—Дѣло требуетъ такъ?

— Дѣло!—говоритъ.

— Ну, такъ будь увѣренъ,— говорю,— что прежде языкъ себѣ откушу, чѣмъ назову тебя Вильчинскимъ...

— То-то!—отвѣчаетъ.—Даже забудь...

— И забуду!..

Не удивило меня это, конечно; частенько такъ бывало, когда кто самовольно въ другое мѣсто переѣзжалъ, привыкъ я. Даже не разспрашивалъ зачѣмъ и почему; самъ онъ мнѣ разсказалъ причину, такъ, пустякъ какой-то, не припомню теперь хорошо. Ну, и гулялъ

онъ тутъ вездѣ за Зборовскаго; сами вы знаете, пане, другимъ его и не зналъ никто, и пани Орликъ, конечно. Вотъ, какъ мы выпили на сговорѣ и пошли затѣмъ къ себѣ вдвоемъ, я и сболтни такъ, спьяна, самъ не знаю почему:

— Ты ужъ ей открылся, конечно, Стась?— спрашиваю.

Онъ остановился нахмуренный, да и смотритъ на меня съ укоромъ.

— Въ чемъ?—говоритъ сердито.

Понялъ я сразу, что не долженъ былъ спрашивать, что это языкъ у меня только зачесался, какъ у бабы, покраснѣлъ отъ стыда, а онъ и говоритъ:

— Это мое и ея дѣло только, а больше ничье. Она, можетъ быть, гораздо больше тебя знаетъ...—говоритъ.—Ты же долженъ держать свое слово... Помнишь?

— Помню, — говорю,—а ты прости меня пьянаго... Сболтнулъ лишнее, не въ свое дѣло носъ всунулъ, но больше этого не будетъ. Вотъ, клянусь тебѣ!.. Покачалъ онъ головой, покачалъ, и такъ мнѣ стыдно стало, такъ стыдно, пане, что я и ногъ подъ собой отъ стыда не слышу, хоть плачь. Конечно, съ той поры не только не заикался, а и вспоминать. не вспоминалъ. Сами согласитесь, не могло же оно быть иначе. Кабы мнѣ тутъ что дурное могло придти въ голову, ну, дѣло иное, конечно,—да откуда-жъ мнѣ было его наду-

мать!? Ужъ коли они слюбиться сумѣли незамѣтно и потихоньку, то ужъ, конечно, думаю, она больше моего знаетъ, хоть и другъ ему я... Что тамъ ни говори, а жена мужу всегда будетъ ближе всякаго друга, правда, пане?! Я... я...

Но больной не договорилъ и, вскочивъ, схватился за сердце, тяжело переводя дыханіе...

— Что, опять припадокъ?!—спросилъ я въ тревогѣ.—Вы очень волнуетесь, пане Оскерко, лучше не разсказывайте, подождите... Досказать всегда успѣете...

Но онъ вздохнулъ раза два, присѣлъ, немного успокоился и покачалъ головой...

— Нѣтъ, пане,—началъ, такъ и доскажу уже!—заговорилъ онъ глухо.—Не безпокойтесь, это такъ... прошло, слава Богу! Сказалъ вамъ, что не жилецъ я на этомъ свѣтѣ, и вѣрно сказалъ: чувствую, что протяну уже не долго... Вотъ, и нужно досказать, нужно!... Тяжело, пане, ложиться въ могилу не покаявшись, очень трудно... Тутъ, вотъ, камень...

Онъ показалъ рукой на грудь и, не взглянувъ, покачалъ низко опущенной головой... Какъ я ни уговаривалъ его, онъ не слушалъ и, отдохнувъ немного, продолжалъ:

„Ну, вотъ, и сложилось у нихъ такъ-то дѣло... Вѣнчаться было негдѣ и не у кого: ксендзъ, какъ вы знаете, живетъ только въ N-скѣ, за тридевять земель; ну, и отложили они это до полной ликвидаціи торговаго дѣла...

Долги нужно было собрать еще, шкуры тоже закупленныя получить съ кого слѣдуетъ, много всякой всячины оставалось... Какъ покончимъ все, думали, выберемся въ N., да и повѣнчаемся тамъ... Ладно... Первое время Стась у меня оставался по-прежнему, только ходилъ туда. Ну, да это не могло же такъ тянуться долго, сами понимаете... Не для того же люди любятся, чтобы врозь жить... Сначала онъ запаздывалъ, потомъ и сутки цѣлыя, бывало, не показывается, ну, а потомъ и совсѣмъ перебрался туда, одинъ я при своей кузнѣ остался... Ужъ очень она его любила, пане, такъ любила, такъ любила, что и любить больше нельзя... Чуть онъ отправится куда надолго или не возвратится въ назначенное время, ужъ она тревожится, то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, сама на себя непохожей станетъ... И выглядывать выбѣгаетъ, и плачетъ, и руки ломаетъ; извѣстное дѣло, всегда жена любящая такъ-то... Даже Марусей своей меньше заниматься стала, ей-Богу! Ну, конечно, въ первое время она стѣснялась немного, неловко ей было меня, да я же самъ и уговаривалъ ее махнуть рукой и жить, какъ Богъ велѣлъ...

— Ге,—говорю,—милая пани, чего-жъ тутъ!.. Что же дѣлать, если ксендза нѣтъ,—не ваша вина... Сами знаете, что у нищихъ по цѣлымъ годамъ дѣти некрещеные ростутъ, пока ксендзъ не доберется какъ-нибудь и гуртомъ не окрститъ всѣхъ!.. Что-жъ вамъ, говорю, и себя

мучить, и бѣднаго Стася моего, который для вашего же добра старается и сидитъ здѣсь!? Сами подумайте, милостивая пани... Ну, вотъ и послушалась она... Сжала крѣпко мою руку, сбняла даже и говоритъ:

— Ну, хорошо,—говоритъ,—я васъ послушаюсь, добрый панъ Оскерко... Вы мнѣ все равно, что старшій братъ,—дурного не посовѣтуете!.. Пусть такъ будетъ!..

И перебрался къ ней Стась, и зажили они, какъ слѣдуетъ, въ мирѣ и согласіи...

Ладно, пане... Все это скоро сказывается, да не такъ-то дѣлается; конечно, много времени ушло, ну, а дѣла все такъ-то шли... Миръ и благоволеніе, даже сердце радовалось... Ликвидація все затягивалась: то то... то другое... пани Орликъ перестала торопиться въ N., свыклась уже, да и хорошо ей было; Стась тоже видимо не спѣшилъ, а иной разъ, нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ, что не дурно бы, пожалуй, и совсѣмъ отсюда не выѣзжать, а вновь поставить прежнюю торговлю на ноги,—навострился онъ при ликвидаціи, принюхался. И такъ онъ меня этимъ радовалъ, такъ радовалъ, потому что я и представить себѣ не могъ, какъ это я безъ нихъ останусь...

— Ге,—говорю ему,—милый другъ, лучшаго тебѣ ничего и въ голову придти не могло, ей-Богу!.. Зачѣмъ отъ хорошаго лучшаго искать, еще на бѣду,—говорю,—какую-нибудь, не дай того Боже, наскочите оба... Оставайтесь-ка въ

самомъ дѣлѣ и меня радовать будете, а то я безъ васъ,—говорю,—все равно что рыба безъ воды буду...

Такъ или не такъ, а они упустили все-таки время для отъѣзда... Когда можно было тронуться въ путь, Стась что-то на грудь сталъ жаловаться, ну, а тамъ и распутица подошла: ни по рѣкамъ, ни черезъ рѣки,—сиди да и все... Ни конному не проѣхать, ни пѣшему не пройти... Отсюда до самой тайги еще кое-какъ, ну, а тайгой, сами знаете,—сядь да сиди, хоть волкомъ вой... Вотъ и остались... Радовался я, какъ дитя малое, да и пани Орликъ не очень-то досадовала... Даже и совсѣмъ ничего...

— Что-жъ,—говоритъ:—мнѣ здоровье Стася дороже всего... Я съ нимъ хоть весь вѣкъ готова, гдѣ угодно, оставаться, лишь бу ему было не дурно... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ: ѣхать въ распутицу, да и когда онъ еще къ тому же не совсѣмъ оправился, все еще жалуется на грудь...

— Ге,—говорю,—пани,ничего ему не станется, оправится малый!.. Взгляните только: косая сажень въ плечахъ... Что ему!.. А вотъ,—смѣюсь,—можетъ быть, вы мало его любите, ге!?

— Ну, ужъ,—отвѣчаетъ,—не знаю, какъ и любить больше... Даже грѣхъ, можетъ быть, любить еще сильнѣе...

Такъ вотъ оно и шло такъ, пане, пока рѣка не вскрылась и ледъ не угнало... Раз-

лило тогда, какъ вы помните, отъ одного края неба до другого, прилетъ начался, ружья потребовались... Лежало у меня ружье пана Хлюстова, засѣдателя, починилъ я его, да и повезъ водой, челнокъ у меня есть,—на этой сторонѣ только и есть, что у меня да у Хайтуна... Опасно оно ѣхать въ разливъ, да я, пане, вы сами знаете, умѣю съ весломъ управляться,—не такъ, какъ Хайтунъ, а все-таки не плохо... Вотъ и повезъ, да и въ лавкѣ нужно было прикупить того, другого, тоже и почту спросить... Хорошо... Пріѣзжаю, вхожу, ну, извѣстное дѣло, сидитъ панъ Хлюстовъ красный, а передъ нимъ рюмка налитая...

— А, — говоритъ, — панъ воевода! — знаете ужъ вы его манеру, пане!—Здравствуйте! За ваше здоровье!—и хлопъ...

— Будьте и вы здоровы, пане засѣдателю!—отвѣчаю.—Я вотъ вамъ ружье привезъ...

— Ну, спасибо,—говоритъ,—и потому еще разъ за ваше здоровье!—и снова хлопъ.—Хотите?—спрашиваетъ.

— Что-жъ,—говорю,—отчего-жъ... Одну, другую—можно...

Налилъ и говоритъ:

— Пейте, панъ воевода, потому что эта водка не хуже вашей польской „старки“ будетъ... Ни одинъ акцизникъ ее еще не нюхалъ... Тутъ у меня одинъ еврей поселенецъ есть, такъ онъ мнѣ ее изъ самодѣльнаго прибора гонитъ шельма... Самая настоящая, говоритъ, водка! - И хохочетъ...

Выпилъ я, поблагодарилъ, какъ водится, ну, и слово за слово, сами знаете, что онъ любитъ поговорить... Потомъ почту спросилъ, нѣтъ-ли, молъ, чего новаго...

— Нѣтъ,—говоритъ,—только мечтателю, — вы знаете, это вамъ значитъ, пане, — газеты,—говоритъ, — и письмо есть... Возьмите, передайте!.. Не любитъ онъ меня, даромъ, что я, ей-же-Богу, говоритъ,—лучше другихъ буду, вотъ, крестъ святой!—ну, знаете-жъ вы его, что лучше! А я люблю такихъ, какъ онъ, ей-Богу люблю!—говоритъ.—За его здоровье!—и хлопъ...

Ну, посмѣялся я, хотѣлъ было уже уходить, да онъ задержалъ.

— Постойте!—говоритъ:—можетъ еще что въ бумагахъ есть...—И сталъ рыться.

Рылся, перебиралъ, читалъ, а потомъ вдругъ и вскакиваетъ...

— Эхъ, ты, Боже мой!—говоритъ съ сердцемъ:—въ третій разъ пишутъ, точно на память не надѣются... Разыскиваютъ, да разыскиваютъ... Ну, и разыскивайте себѣ, а я гдѣ же найду имъ этого Вильчинскаго!?

Дрогнулъ я, пане.

— Кого?—спрашиваю.

— Вильчинскаго!—повторяетъ.—А вы что-жъ, можетъ быть, знали его, пане воевода?—спрашиваетъ и глаза на меня уставилъ.

— Въ школѣ, кажется, былъ такой... когда учился еще...—отвѣчаю, а у самого духъ зами-

раетъ.—Да нѣтъ... можетъ быть, и ошибаюсь...—говорю.—Давнее вѣдь дѣло...

— Ну, и хорошо, если ошибаетесь,—отвѣчаетъ:—потому не красивый былъ бы у васъ школьный товарищъ!.. Двоеженецъ, двухъ дуръ какихъ-то объегорилъ и обобралъ до нитки, да и въ мошенничествѣ обвиняется,—фальшивыя деньги въ N-скѣ сбывалъ!..

Господи Боже мой!.. Говоритъ онъ это а у меня кровь кинулась въ голову, духъ захватываетъ... вотъ-вотъ, кажется, грохнусь на полъ... Ну да все-таки совладалъ,—опамятовался. Ге,—думаю,—можетъ быть, это вовсе и не тотъ Вильчинскій, а однофамилецъ какой-нибудь, или же нарочно только въ бумагѣ такъ пишутъ, а разыскиваютъ совсѣмъ за другое... Однако, спрашиваю:

— А какъ имя того Вильчинскаго, пане засѣдатель?

Посмотрѣлъ онъ въ бумагу, да и читаетъ:

— Имя его,—говоритъ,—Станиславъ, а вотъ и примѣты...

И прочелъ онъ, пане, какъ есть примѣты Стася... Ростъ, грудь, лицо, лѣта, глаза, лобъ,—все его!..

— Знали,—спрашиваетъ,—такого?

— Нѣтъ,—говорю,—не зналъ! Однако, позвольте,—говорю,—пане засѣдатель... Мнѣ отъ вашей водки духъ захватило... голова кругомъ пошла...

Вышелъ, — туманъ у меня въ глазахъ, ноги не держатъ... Присѣлъ тутъ на бревнахъ, что на дворѣ валялись, думаю, а что думаю, и самъ не знаю... Вспомнилъ и про Олекму, что тогда люди говорили, какъ предостерегали меня, про письмо и деньги вспомнилъ,—вѣрно и не вѣрно: прямо сказать, боюсь вѣрить, а сердце дрожитъ и духъ занимается... Господи Іисусе!—думаю:—да неужто-жъ?! Неужто-жъ,—думаю,—я такой слѣпой дурень совсѣмъ, что никогда и разглядѣть его не могъ?! Пресвятая Матерь! смилуйся надо мной, грѣшнымъ... Разное бываетъ на свѣтѣ,—думаю,—могъ онъ, мой малый, въ дурную компанію попасть, могли запутать злые люди... Ну, да можетъ еще и недоразумѣніе какое тутъ, — тѣшу себя,—да вдругъ и вспомнилъ про пани Орликъ... Даже въ жаръ меня кинуло, пане!. Боже мой,—думаю:—а что если правда?! Двоеженецъ, ге, а что, думаю, если она третья... если и ее, бѣдную... да еще и моими руками, потому что самъ же его ей расписывалъ!.. И вспомнилъ я тутъ, какъ она меня братомъ старшимъ называла, какъ вѣрила...

Оскерко оборвалъ вдругъ, махнулъ рукой и долго качалъ своей сѣдой головой, какъ бы тихо укоряя кого-то...

— Вѣрите, пане, — продолжалъ онъ послѣ напряженнаго молчанія: — вѣрите, лучше-бъ меня кто убилъ тогда... Ну, да развѣ перескажешь все?.. Поѣхалъ я, а куда ѣду, и самъ

не знаю... И ничего не знаю, пане,—такъ ровно бы безъ головы человѣкъ сталъ, ни глазъ у него, ни ушей, ничего... И не вижу, и не слышу, и кажется такъ, будто забылъ все... Помню, однако, что зашелъ къ вамъ и письмо съ газетами оставилъ,—васъ не было: вы съ Хайтуномъ уѣхали на охоту,—ну, а какъ продѣлалъ это, хоть убейте, не помню... Помню еще, что и съ пани Орликъ встрѣтился... Увидѣла она меня и закричала сейчасъ:

— Уже и вернулись, пане Ясь? такъ скоро!? А я вотъ Стася встрѣчать вышла, ушелъ онъ и не возвращается... Іезусъ, Марія! но что это съ вами?—кричитъ:—больны вы!? На себя не похожи!..

— Боленъ...—говорю:—нездоровится...

Что-то она еще говорила, но я или не слышалъ, или не помню... Попалъ къ себѣ, повалился на эту вотъ постель, да такъ и лежалъ камнемъ... Думать не думаю, спать не сплю, а слушаю, кажется, только, какъ сердце стучитъ, и сдается мнѣ такъ, что это вовсе и не мое сердце стучитъ, а чужое, а мое гдѣ-то давно уже оторвалось и пропало... Потомъ какъ стало темнѣть, меня какъ бы страхъ разбирать сталъ Зажегъ огонь и, думается мнѣ, точно бы молиться сталъ Распятому... Только и помню хорошо, какъ заскрипѣли вдругъ шаги и вошелъ ко мнѣ Стась.

— Здравствуй!—говоритъ:—что это съ тобою? Женка мнѣ такого наговорила, что я

ужъ боялся и въ живыхъ тебя не застать, а ты на ногахъ!..—говоритъ.

А я стою противъ него да молчу... слово изъ горла не выходитъ.

— Ну же,—говоритъ удивленный:—разговорись... Новенькаго не слыхать-ли чего?

Тутъ я только и вымолвилъ:

— Есть,—говорю,—новенькое, Стась... Вильчинскаго Хлюстовъ ищетъ...

Дрогнулъ онъ, пане, перемѣнился въ лицѣ и переспрашиваетъ:

— Вильчинскаго?—говоритъ и посмотрѣлъ на меня пытливо искоса. Да и совладалъ сейчасъ съ собой и смѣется беззаботно, хотя и не весело какъ-то...

— Хе-хе-хе! — смѣется, — ну и пусть себѣ ищетъ его... Я, слава Богу, Зборовскій!..

— Именно, — говорю,—слава Богу!—и самъ не знаю, откуда у меня голосъ берется.—Именно! Потому что Вильчинскій,—говорю,—двоеженецъ...

Сразу выдалъ онъ себя, пане,—съ головой выдалъ: поблѣднѣлъ, какъ полотно, и опустилъ глаза, оробѣлъ какъ-то весь, а потомъ вспыхнулъ такъ, что совсѣмъ лицо потемнѣло.

— И не только двоеженецъ,—говорю дальше:—а и фальшивый монетчикъ...

Потъ у него выступилъ на лбу... Не ожидалъ онъ ничего такого. Съежился,— совсѣмъ не тотъ человѣкъ сталъ... Однако все еще пытается справиться съ собою...

— Кто это тебѣ накаркалъ?—спрашиваетъ,—да нѣтъ: совсѣмъ не прежній голосъ, хоть и бодрится, вижу.—Кто это?..

— Спроси у Хлюстова,—отвѣчаю:—у него бумага...

Засмѣялся онъ какъ-то криво,—не смѣется такъ правдивый человѣкъ, пане,—да и говоритъ:

— Ге! мало-ли что въ бумагахъ пишутъ... и нарочно... Или это другой какой Вильчинскій, можетъ быть...

— Зовутъ его Станиславомъ,—отвѣчаю,—а примѣты твои...

Ни слова онъ, и я ни слова... Стоимъ другъ противъ друга, я съ него глазъ свести не могу, ровно бы приросли къ нему, а онъ опустилъ свои, какъ бы надумываетъ что-то... Долго стояли такъ, да я не выдержалъ.

— Стась!—говорю:—слушай... только одно скажи мнѣ, молю тебя, только одно: знаетъ *она*... пани Орликъ?...

Онъ посмотрѣлъ изподлобья и спрашиваетъ не своимъ голосомъ:

— Что?

— Кто ты...—говорю, и чувствую какъ по лицу у меня слезы капъ-капъ...

Но онъ уже надумалъ все, лицо его потемнѣло, а глаза блеснули холоднымъ гнѣвомъ...

— Ты опять за старое!..—кричитъ, задыхаясь.—Наслушался всякаго карканья и мѣшаешься не въ свое дѣло!.. Какое право имѣешь ты вмѣшиваться между женой и мужемъ?!

— Я послѣ тебѣ отвѣчу,—говорю я,—а теперь ты мнѣ отвѣчай...

Оно постоялъ, подумалъ и отвѣтилъ, однако:

— Ну, конечно,—сказалъ,—она все знаетъ!.. Прощай, я не хочу оставаться съ человѣкомъ, который готовъ считать меня негодяемъ... Чортъ съ тобой... цѣлуйся съ своимъ Хлюстовымъ... Знать тебя не хочу!...

Но я загородилъ ему дорогу... Я чувствовалъ, что онъ лжетъ теперь.

— Нѣтъ, Стась,—говорю ему:—не пущу я тебя одного! Я хочу все знать, все... все, по святой правдѣ!—Говорю, а у самого слезы бѣгутъ и лихорадка бьетъ.—Я всегда тебѣ вѣрилъ, да что,—говорю,—вѣрилъ! я за тебя душу свою всегда бы отдалъ... Ты самъ знаешь, какъ я любилъ тебя и никогда не слушалъ, что про тебя ни говорили люди... Стась!—говорю:—смилуйся,—неужели ты... ты... обманулъ и погубилъ...

— Прочь,—кричитъ, — съ дороги щербатая дрянь!..

— Кричи, не кричи,—говорю,—но я не пущу тебя... идти къ *ней* такъ... пойдемъ вмѣстѣ, у тебя зло на душѣ, умыселъ есть ..

— Прочь, — кричитъ, — дуракъ набитый!... прочь!.. а не то!..

И онъ выхватилъ, пане, револьверъ!.. О, Іезусъ, Марія!.. Я остолбенѣлъ совсѣмъ, я не вѣрилъ себѣ, но рука у него дрожала и онъ

промахнулся... Пуля угодила вонъ туда, въ стѣну, но вѣрите, пане, я не слыхалъ выстрѣла отъ страшнаго шума въ ушахъ... И какъ вырвалъ я у него револьверъ, теперь не помню... Знаю только, что, весь охваченный внезапно подступившимъ бѣшенствомъ, я трясъ его за плечо и, задыхаясь, кричалъ:

— Говори... говори... все... все... говори, негодяй, обманщикъ...

Но онъ взмолился, помню, съ плачемъ...

— Прости меня, Ясь!.. Спаси! Перевези на ту сторону, я скроюсь!.. Пусть *она* такъ и думаетъ, что я Зборовскій... Пусть... Мнѣ самому ее жаль!..

Оскерко оборвалъ вдругъ и наступила тяжелая тишина... Только огонь трещалъ на камелькѣ да громко стучали два сердца . . .

. . . . . .

— Вы помните, что тогда за ночь была!— продолжалъ онъ послѣ перерыва другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ. — Сверху свѣтилъ мѣсяцъ, а внизу по рѣкѣ разстилалась бѣлая мгла... Когда мы плыли, Стась, блѣдный какъ полотно, держался за борта руками, потому что боялся воды и стучалъ зубами,—бѣднягу била лихорадка. Я ничего не понималъ, пане, ничего не думалъ и гребъ, какъ сонный... Только въ этой бѣлой мглѣ я очувствовался и понялъ, что нужно... Одно у меня стало ясно въ головѣ и это одно я выговорилъ:

— Стась! нужно умереть...

Онъ не отвѣтилъ и продолжалъ стучать зубами...

— Нужно умереть! — повторилъ я, и мнѣ стало еще яснѣе, что это нужно...

— Можетъ быть...—отвѣтилъ онъ не переставая лихорадить:— но я не могу, Ясь!..

— Не можешь?.. почему?!

Онъ отвѣтилъ не сразу, но все-таки отвѣтилъ, кажется:

— Силы нѣтъ, старый другъ...

Я смѣялся, смѣялся совсѣмъ, какъ безумный, весь охваченный одной мыслью о смерти...

— О, мой Стась коханый, мой другъ!—говорилъ я:— повѣрь, что это пустяки!... Что смерть?.. одна минута! Я помогу, я выручу тебя, мы умремъ вмѣстѣ... Вдвоемъ оно легче будетъ, увидишь!..—и поднялъ весло.

Онъ вздрогнулъ, потому что челнокъ качнулся...

— Ну, крестись же и читай молитву, другъ мой!—говорилъ я.—Намъ-ли съ тобою бояться смерти?

Но рука его не слушалась, губы продолжали лихорадить, а я чувствовалъ и сознавалъ одно, что жить уже нельзя... Нѣтъ-нѣтъ, ни за что!.. все равно, мой Стась для меня уже умеръ! Я перекрестилъ его самъ и прошепталъ „Отче нашъ“. Когда я дошелъ до „аминь“, онъ двинулся, точно бы хотѣлъ помѣшать мнѣ, но... было уже поздно...

— Господи, въ руки твои!—сказалъ я и опрокинулъ челнокъ... Бѣдняга вскрикнулъ и хотѣлъ ухватиться за бортъ, но я оттолкнулъ челнокъ и тотъ сейчасъ же унесло теченьемъ. Стась исчезъ, но черезъ мгновенье опять вскрикнулъ—о, Іезусъ, Марія!.. Какъ онъ вскрикнулъ! Потомъ... потомъ,—о, Господи,—вы знаете, пане, что было потомъ... Я не думалъ жить,—видитъ Богъ,—не думалъ! Меня закружило и нанесло на плывшее мимо бревно, а руки сами, безъ моей воли, ухватились за него, когда добрый Хайтунъ подалъ голосъ... И всѣ думали, что это несчастный случай... и похоронили его, какъ Зборовскаго... и пани Орликъ рыдала на моемъ же плечѣ!... О, Господи, за насъ распятый,—прости меня грѣшнаго!..

Оскерко умолкъ и взглянулъ на меня, точно ловилъ мой взглядъ или ждалъ слова... Въ ледяное оконце глядѣла холодная почти полярная ночь. Сѣверное небо безшумно играло мертвыми огнями. Безбрежная пустыня молчала и, только камелекъ нашъ трещалъ, озаряя багровымъ свѣтомъ крестъ и терновый вѣнокъ на стѣнѣ юрты, да снова громко стучали два сердца.

Я всталъ, подошелъ къ нему, взялъ его холодныя, дрожавшія руки и сказалъ... что сказалъ бы на моемъ мѣстѣ каждый,—и лучшій, чѣмъ я, и такой же, какъ я...

НОВЫЙ ДОКТОРЪ.

(Этюдъ) *.

Это было давно, — но я живо помню всю картину.

Наша тройка бѣжала мѣрной и ровной рысью... Сине-зеленые кедры, распластавъ свои могучія вѣтви, уплывали мимо, какъ тѣни, безшумно и плавно... Тайгу уже сковала мечтательная дрёма.... Она застыла въ мягкомъ, остывшемъ отъ зноя, сумракѣ надвигавшейся ночи, насквозь пропитанной бальзамическимъ запахомъ хвои и рѣзкое дребезжанье колокольчика тонуло безъ звука въ непроницаемой чащѣ. Въ верху, на голубомъ еще небѣ, сверкали уже первыя блѣдноватыя звѣздочки...

Говорилъ я одинъ съ ямщикомъ... Изъ моихъ спутниковъ одинъ храпѣлъ, сидя на

---

*) Первоначально появился въ печати подъ заглавіемъ „По пути“.

козлахъ, и то и дѣло, кивалъ головой при всякомъ толчкѣ, на моментъ открывая заспанные, изумленные глаза; другой—старшій, рядомъ со мной, весь ушелъ въ разсчеты своихъ суточныхъ и поверстныхъ. Когда храпѣвшій Кузьмичевъ, теряя равновѣсіе при сильныхъ толчкахъ, падалъ и толкалъ его въ грудь головой, онъ брезгливо тыкалъ его кулакомъ, презрительно кричалъ ему:—эй, ты, тетеря,—смирно!—и затѣмъ непремѣнно придирался къ словоохотливому ямщику Ермолаичу. Но тотъ за отвѣтомъ въ карманъ не лѣзъ, какъ всѣ сибиряки, и нервный унтеръ, получивъ сдачу, опять принимался за свои итоги.

— А ты, не бойся, братанъ, здѣшней стороны!—говорилъ Ермолаичъ какъ бы въ отвѣтъ на свои собственныя думы.—Не бойся... Хар-р-ошая у насъ сторона... Народъ оно, конечно, темный, потому училищевъ мало,—одначе тоже слыхивали какъ, что... Опять же умственныхъ людей у насъ любятъ. Ты вонъ только по душѣ живи,—а уважить умственнаго человѣка всегда уважимъ.

— Ну-ну, — ты за пристяжной смотри!— окрикнулъ нервный унтеръ, потревоженный храпѣвшимъ сотоварищемъ, который въ толчкѣ грохнулся ему на грудь съ размаха.—А ты, тетеря, чего храпишь?.. развѣ такъ полагается?! — За пристяжной, говорю, смотри, ямщикъ!

— Что-жъ смотрѣть то?—Бѣжитъ какъ слѣдоваетъ!—огрызнулся Ермолаичъ и, тронувъ возжей пристяжную, продолжалъ, обращаясь снова ко мнѣ:

— Мы тутка вольно живемъ... Ты какъ объ насъ полагаешь? Засѣдателю соберемъ, исправнику соберемъ,—и живемъ... На, молъ,—возьми по положенію,—только не обижай!... Мы—вольный народъ...

— Пристяжную, говорю, держи!—снова окрикнулъ унтеръ на ухабѣ.—Вольный народъ!—презрительно повторилъ онъ.—Смотри, какъ бы тебѣ вольному въ зашей не влетѣло!..

— Будьте спокойны... Еще отродясь не влетало...

— Ты кому говоришь?!—обидчиво вскипѣлъ унтеръ.

— Извѣстно кому,—тебѣ говорю!—спокойно отпарировалъ Ермолаичъ и подмигнулъ мнѣ бровью.

Нервный унтеръ насупился, и брезгливо пробормоталъ самое обидное для сибиряка прозвище:

— Чалдонъ желторотый!..

— Вѣстимо не варнакъ! *)—огрызнулся Ермолаичъ и снова подмигнулъ.

— Дурррачье безмозглое!..

— А коли дурачье,—такъ ты учи, а не въ зашей... Въ зашей мы и сами можемъ!

---

*) Варнаками зовутъ сибиряки поселенцевъ.

Ермолаичъ гикнулъ и привычная тройка подхватила съ мѣста. Храпѣвшій Кузьмичъ пластомъ грохнулся на старшо̀го и очнулся отъ здоровой трепки. Потерявшій престижъ унтеръ возстановлялъ его на бокахъ „тетери“ и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ... Когда тройка опять пошла ровной рысью, онъ сталъ язвить Ермолаича косвенно, обращаясь съ рѣчью ко мнѣ:

— Повѣрьте слову,—самый безмозглый, можно сказать, народъ здѣсь... Ты, вѣдь, столбухинскій будешь? а?—спросилъ онъ вскользь Ермолаича.—Ну, вотъ,—самое дурачье-съ! За первѣйшій сортъ—дурачье, и за границей такого не найти а село громадное и богаты и все .. Умственныхъ, говоритъ, любитъ!—А намеднись доктора живьемъ спалить хотѣли!... Ей Богу-съ! Ха, ха, ха!

— Было!—подхватилъ задѣтый Ермолаичъ. — Что грѣха таить,—было!... А ты послушай, какъ было то!.. Сразу-то нешто разглядишь человѣка?... Непривычны мы были къ такимъ людямъ.

И повернувшись ко мнѣ, подобравъ возжи, онъ сталъ разсказывать.

— Отъ дохтуровъ, милъ человѣкъ,—вѣришь, не вѣришь,—намъ никогда житья не было... Больше всего обижали,—такіе ужъ дохтура по нашимъ мѣстамъ были... Исправнику соберешь, засѣдателю соберешь—извѣстно, какъ срокъ положенъ,—и живи не тужи,—а дохтуру

все собирай... То, слышь, оспу щепить наѣдетъ и фершалъ съ имъ при всей амуниціи и съ ножищами,—откупайся, значитъ,—то, говоритъ, бабъ смотрѣть ему нужно, нѣтъ ли хворости,—опять еще что надумаетъ... Пуще огня его боялись,—не дай Господи,—особливо бабы... Ревмя-ревутъ, какъ наѣдетъ,—что хошь съ ими дѣлай... Ну, и откупались міромъ, — кажинный разъ собирали и угощенье міромъ ставили:—селяночку, вина штофъ, другой, — потому люты были они съ фершаломъ на вино, здорово лакали... А ужъ какъ мертвое тѣло поблизости окажется, или Господь кому скорую смерть пошлетъ,—такъ тутъ, братанъ, не то что бабы, а и міръ зареветъ у него, у дохтура... Не приведи Господи! Тащишь ему, тащишь, и деньги, и холстъ, и нитку, и масло,—все беретъ,—не брезгаетъ и все ему мало... Такъ-то, вотъ, оно было, милъ человѣкъ... сказалъ: пуще огня боялись,—и вѣрно!... Самый лютый начальникъ былъ!..

— Ну-ну, — ты не очень, братъ, на счетъ начальниковъ-то! — разсердился нервный унтеръ.

— А что такое? рази я неправду говорю?...

— Правду ты свою про себя береги,—знаешь?!

— Можетъ, оно тебѣ, унтеру, такъ и полагается,—подмигивалъ Ермолаичъ лѣвой бровью и самымъ ехиднымъ образомъ: — а мы люди Божьи: намъ правду хоронить не гоже...

Унтеръ былъ великолѣпенъ въ своемъ презрѣньи. Онъ сплюнулъ, выругался, и торжественно замолчалъ, пригрозивъ кому-то донести... Но Ермолаичъ, очевидно, былъ не изъ трусливыхъ,—свернувъ цыгарку, сплюнувъ разъ пять, онъ продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало...

— Съ Крещенья у насъ, слышь, бѣда пошла,—на ребятъ болѣсть приключилася,—горлышко захватывало... Извѣстно,—Божья воля:—что тутъ подѣлаешь,—сильно мерли... Хоронилися мы съ бѣдой нашей,—одначе въ городу какъ-ни-какъ прознали... Ну, и наѣхали,—засѣдатель и дохтуръ съ фершаломъ... Ахъ, ты Господи! И такъ бѣда,—въ каждой избѣ, поди, мать, отецъ убиваются,—а тутъ еще и другую Господь наслалъ!.. Сходъ это созвали: „такъ и такъ, молъ,—ребята у васъ мрутъ? отвѣчайте!“—„Мрутъ!“—„Съ горлышка?“—„Съ горлышка!“—„Ну, вотъ, говорятъ, мы и пріѣхали... Первымъ дѣломъ больныхъ отдѣлить и отобрать, а вторымъ дѣломъ,—чтобъ, какъ помрутъ, извесгкой присыпать... Опять чтобъ касательства никакого!—Поняли?—Приказъ такой есть...“

Ну, извѣстное дѣло,—бабы завыли. Что грѣха таить, — перво-на-перво мы думали въ колья... да старики, слышь, образумили.—Откупимся, парни,—такъ оно лучше будетъ! И,—вѣришь, не вѣришь,—насилу откупились. По сотнѣ дохтуру и засѣдателю и полсотни фершалу... Вотъ оно какъ влетѣло!..

— Такъ вамъ, чалдонамъ, и нужно!—съ язвительной улыбкой вмѣшался унтеръ.—Вамъ только помирволь,—вы и начальства признавать не станете!..

Онъ говорилъ, очевидно, pro domo sua, но Ермолаичъ и ухомъ не повелъ,—ровно бы не разслышалъ.

— Ну, отъѣхали,—выручилъ Господь!—а думаешь надолго?..—продолжалъ онъ съ нескрываемой горечью въ тонѣ.—Какъ же!.. ужъ какъ повадится мышь въ овесъ,—не вышибешь?.. Такъ-то оно, братанъ. Къ лѣту, слышь, животомъ народъ хворать сталъ окрестъ... Насъ Богъ миловалъ,—а по округѣ шибко хворость шла... Вотъ только стали мы рожь косить,—глядь!—засѣдатель на тройкѣ,—и ведро приемъ, и машинка... Согнали съ поля на сходъ,—онъ и говоритъ:

— Есть у васъ Епидемъ?—спрашиваетъ.

— Никакого Епидема не знаемъ...—говоримъ.

— Хворость такая,—говоритъ,—на счетъ живота,—холерой зовутъ?...

— Нѣтъ, Богъ миловалъ!—отвѣчаемъ.—По другимъ мѣстамъ слыхивали,—болѣетъ народъ,—а насъ Господь милуетъ...

— Ну,—говоритъ:—все равно... Мнѣ, говоритъ, дворы ваши осмотрѣть приказано и въ порядокъ привести,—чтобъ ни сучка, ни соломенки не было,—одна чистота... Опять,—говоритъ,—вотъ этимъ вездѣ поливать приказано и въ избахъ чтобы брызгать... Поняли?—И держитъ самъ

машинку въ рукахъ и на ведро свое показываетъ...

Ну, опять міромъ сотнягу выложили,—уходи только по добру, по здорову, дай съ хлѣбомъ справиться, и не пачкай насъ... Уломали,—отъѣхалъ. Ровно бы, вотъ, горе съ тебя свалилось,—такого страху нагналъ... Такъ ужъ радовались, можно сказать, такая радость пошла... да недолго-то... Съ того часу и промежъ насъ болѣсть пошла,—Господь попустилъ... Вотъ, и смекнулъ народъ, что болѣсть на насъ напущена,—можетъ онъ и привозилъ то ее въ посудинѣ своей,—и порѣшили сходомъ никого въ село не пускать—ни дохтура, ни засѣдателя...

— Ишь, самовольники!—снова вставилъ нервный унтеръ, но Ермолаичъ только искоса поглядѣлъ на него и продолжалъ:

— Спервоначалу-то болѣзнь эта самая, какъ бы и ничего, ну, а тамъ, лютовать стала... И все лютѣй, все лютѣй,—то и глядишь,—люди мрутъ... Такъ одинъ за другимъ и валятся... И обробѣли мы, слышь,—опять и лютость подошла,—зло разбирать стало,—какъ и помочь не знаешь... Что ужъ ни дѣлали: и дѣвки село кругомъ сохой опахивали, и въ четыре конца костры клали, и воду съ креста пили,—ничего тебѣ!... Такъ и мретъ народъ! Ну, а *онъ* и подъѣхалъ на ту самую пору...

— Кто, *онъ?*—спросилъ я...

— Александръ Петровичъ, молодой дохтуръ...

— Котораго они живьемъ спалить хотѣли!— язвительно вставилъ унтеръ и расхохотался...

У Ермолаича блеснули зрачки.

— Вѣрно!—подхватилъ онъ горячо.—Хотѣли! Да развѣ это *мы?* Обида наша вѣчная— вотъ кто хотѣлъ! Развѣ мы знали, что есть такіе человѣки?! Царствіе ему небесное, Александру Петровичу,—Господь упокой его душу!

Ермолаичъ набожно перекрестился, снявъ шапку, и въ тонѣ его голоса звучали искренняя скорбь и горечь, когда онъ сказалъ хохотавшему унтеру:

— Тебѣ смѣхъ, кавалеръ, а у меня душа болитъ... Что-жъ смѣяться-то, — рази ты не знаешь нашей обиды?—Эхъ, народъ... т-тоже!...

Онъ гикнулъ и тройка долго неслась бѣшенымъ, чисто сибирскимъ галопомъ, точно убѣгая отъ этого „т-тоже!“, которое звучало такимъ больнымъ упрекомъ.

— Ну, пріѣхалъ,—продолжалъ онъ, когда тройка снова пошла прежней рысью:—видимъ,— совсѣмъ молодой,—и чемоданъ у него и ящики всякіе.—Такъ и такъ, говоритъ, лѣчить васъ пріѣхалъ,—вотъ и бумага, говоритъ, отъ начальства!—Что такое,—думаемъ,—новая напасть какая!—Убирайся, молъ, по добру по здорову,—сами и безъ тебя помремъ,—зачѣмъ намъ твои снадобья!..—Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я не могу уѣхать, мнѣ лѣчить васъ поручено,— вотъ, и лѣкарства отпущены!—Собрали денегъ

міромъ,—не беретъ! Мало, думаемъ: прибавили къ сотнягѣ четвертной билетъ,—и этого не беретъ!—Мнѣ, говоритъ, вашихъ денегъ не нужно, а вамъ откупаться незачѣмъ... Я, говоритъ, не воръ и не грабитель, а дохтуръ и присланъ не для зла, а чтобы помочь вамъ!—Тутъ-то и оторопѣли люди,—въ лютость вошли... Извѣстно,—никто вѣрить не вѣритъ,—не къ тому пріучены были...

Ермолаичъ оборвалъ вдругъ и хлестко стегнулъ коренника, точно бы и тотъ виноватъ былъ въ этомъ...

— Царство ему небесное!.. святая душа была!—продолжалъ онъ съ неподдѣльной грустью:—а мы его за злодѣя почитали... Вотъ какъ, милъ человѣкъ! Не знавали мы такихъ то изъ господъ, не видывали,—въ сумленіе вошли.—Убьемъ!—галдятъ: — уходи откелева пришелъ!—Такъ что-жъ ты думаешь,—не боится!.. Побѣлѣлъ этакъ слегка и говоритъ:—Что-жъ,—говоритъ,—убить вы меня, конечно, можете: васъ много, а я одинъ, — только за что убивать?!—Вотъ, какой былъ, человѣкъ...

— Напрасно,—не выдержалъ раздраженный унтеръ:—совсѣмъ занапрасно!.. На его мѣстѣ, д-да я бы въ з-з-зубы рразъ!.. дрругой! да въ морр...

— Ты бы?!—скосивъ глаза, спросилъ Ермолаичъ.

— Я бы!..

— Съ міромъ-то?!

— Плевать мнѣ на вашъ міръ...

— Го-го-го-го!—залился Ермолаичъ:—да тебя бы, унтеръ, какъ мыша зипуномъ накрыли бы... Го-го-го!...

Самолюбивый унтеръ вскипѣлъ.

— Какъ?! ежели-бъ, я, примѣрно, при ливорверѣ?!

— Го-го-го-го!—не унимался Ермолаичъ.—Да съ тебя бы только пухъ полетѣлъ съ ливарверомъ твоимъ!..

— Какъ!? Шесть патроновъ и... пухъ!?..

— Самый настоящій пухъ, за первый сортъ, унтеръ...

— Даже при шашкѣ!?..

Но Ермолаичъ продолжалъ гоготать и его го-го-го-го!—долго будило замиравшую въ дрёмѣ темную тайгу. Унтеръ выругался въ бѣшенствѣ и, замолчавъ, презрительно сжалъ губы,—стоило ли спорить съ неумытымъ мужичьемъ!? Тьма становилась все гуще,—надъ зубчатой тайгой блисталъ уже молодой мѣсяцъ...

— Ну, приперли его къ съѣзжей избѣ,—продолжалъ Ермолаичъ послѣ долгаго перерыва:—сиди тамъ, коли хочешь, а насъ не замай! Думаемъ,—посидитъ, подумаетъ, съ голоду-то форсъ свой скинетъ,—возьметъ отступное, удеретъ... Одначе, не то выходитъ, сидитъ... Полдня сидитъ, больше сидитъ, а ужъ и къ вечеру дѣло подходитъ... Глядимъ,—выходитъ... Извѣстное дѣло,—мальченки, которые на улицѣ

были,—въ утекъ... Постоялъ, слышь, оглянулся, да къ сосѣдней избѣ,—стучитъ въ окно,—хлѣба проситъ... Въ одной не дали, въ другой,—да тутъ Авдотья нищенка подошла,—сталъ у нея просить... Вынула та изъ сумы, яичекъ приложила,—а онъ ей рупь цалковый въ руку: спасибо, молъ, бабушка...

Отъ того, отъ самаго, слышь, народъ еще пуще разлютѣлъ, — думаютъ, — подкупаетъ, молъ, дуру, чтобъ черезъ ее какую бѣду натворить. Потрепали Авдотью, зачѣмъ дала,—и рупь отняли,—тутъ же въ клочья его!.. Совсѣмъ въ лютость вошли, а тутъ еще Митрій вышелъ,—жена у него и сынъ померли... Глаза красные, на свѣтъ не глядятъ, — трясется весь...—Чего, паря, смотрите!—говоритъ:—не хочетъ добромъ уѣхать, дуру подкупалъ,—спалимъ его въ съѣзжей избѣ!.. Чего смотрѣть-то!..—Не для добра налетѣлъ...

— Извѣстно, не для добра... Какое отъ нихъ добро?—отвѣчаютъ.

— Чего ужъ смотрѣть... Вали, говоритъ, паря!..

И сталъ народъ толпиться, сталъ подходить,—избу что кольцомъ окружилъ... Такъ и такъ,—галдятъ... Заглянулъ Митрій въ оконце: видитъ,—сидитъ и книжку читаетъ... Постучалъ и спрашиваетъ:

— Возьмешь-атъ отъ міра откупное, господинъ?

Отворилъ Александръ Петровичъ окно, сталъ и говоритъ:

— Не за что мнѣ брать съ васъ, люди добрые,—сказывалъ вамъ... И права даже не имѣю...

— Да мы, слышь, честью просимъ?..

Улыбнулся.

— Чудные вы!— говоритъ:— какъ васъ къ взяткамъ пріучили...

А людямъ только задоръ его смѣхъ.

— Такъ не уѣдешь добромъ?—спрашиваютъ.

— Не уѣду,—говоритъ:—меня лѣчить прислали... И плохо вы дѣлаете, что меня къ больнымъ не пускаете... Обдумайте-сь, говоритъ,— а завтра я съ утра самъ по избамъ пойду,— сотскаго потребую...

Тутъ и разошелся народъ.

— По избамъ пойдешь?—Ну, господинъ,— загалдѣли,—не бывать этому... Хочешь насъ пожалѣть,—бери деньги, уѣзжай,—нѣтъ,—мы тебя живьемъ спалимъ со снадобьями твоими! Эй, робя!.. забивай ставни-то,—пропадай онъ тутъ съ холерой своей!.. Что на нихъ смотрѣть-то!.. Знаемъ мы ихъ,—дохтуровъ этакихъ!..

И ошалѣлъ народъ, совсѣмъ ошалѣлъ,— да покойникъ-то плохъ не былъ,—не сдался,— хоть и повело его... Протянулъ руки и кричитъ людямъ:

— Что вы,—говоритъ,—православные!.. какъ не грѣхъ вамъ!.. Я, говоритъ, для добра вашего пріѣхалъ, жену кинулъ, домъ,—а вы мнѣ зломъ платить хотите... За что?!..—Народъ свое, а онъ тоже свое кричитъ... Такой шумъ пошелъ, что слова не разберешь! Да онъ не

унялся,—къ старикамъ рѣчь повелъ.—Старики!—говоритъ:—люди вы умные,—подумайте! Убить то меня вы всегда успѣете,—а вы лучше поглядите,—можетъ я вамъ и добро сдѣлаю,—въ бѣдѣ помогу!—Ну, и внялъ народъ,—слушать стали...

— Вы думаете, у меня не вѣсть что въ ящикѣ,—глядите,—вотъ онъ!—говоритъ:—одни лѣкарства!

Взялъ ящикъ, — шарахнулся народъ въ сторону—одначе смотритъ...

— Вотъ, говоритъ, порошокъ,—это отъ лихорадки, когда жаръ... вотъ, когда мутитъ и опять животъ болитъ—капли. Вотъ, еще говоритъ... Глядятъ люди, молчатъ,—не знаютъ,—вѣрить не вѣрить,—а сотскій Демьянъ и спрашиваетъ:

— Ладно, молъ,—да съ чего только, скажи, ты насъ лѣчить хочешь... Что мы тебѣ,—сваты будемъ, что-ль?.. родня какая?

Засмѣялись люди, головами качаютъ...

— Вѣстимо,—галдятъ:—какое тебѣ до насъ дѣло?

— А такое дѣло, что какъ пошла кругомъ болѣзнь, и стали сзывать докторовъ съ разныхъ мѣстъ,—я, говоритъ, и пріѣхалъ... Мнѣ за это жалованье идетъ... Нужно-же спасать людей...

А на ту пору какъ разъ Демьянова дочка бѣжитъ.— Тятька!— кричитъ:— иди скорѣй,—маменьку, кричитъ, схватило и на полу бьется,—опять и Машутку мутитъ!— Обробѣлъ Демьянъ,

а дохтуръ и говоритъ ему:—не робѣй,—говоритъ,—пойдемъ вмѣстѣ: ты самъ ничего не подѣлаешь, а я можетъ вылѣчу!—Взялъ свой струментъ и пошелъ,—никто и тронуть не тронулъ,—притихли всѣ, смотрятъ только:—Веди!—говоритъ Демьяну и пошелъ съ имъ... И какъ пришелъ,—сейчасъ это спинжакъ долой,—лѣкарства всякія вынулъ и давай надъ бабой биться,—тоже и надъ дѣвочкой... Всю ночь напролетъ ровно бы братъ родной бился,—чего-чего ни дѣлалъ: и растиралъ самъ, и пить давалъ,—двухъ бабъ себѣ въ помощь выпросилъ,—такъ и тѣ съ имъ... Извѣстно,—воду грѣютъ, ну и все прочее... И выходилъ, покойникъ,—царствіе ему небесное!—и бабу и дѣвчонку выходилъ...

Ермолаичъ перекрестился и добавилъ глухо:

— А какъ на утро вернулся, такъ на съѣзжей ему самоваръ кипѣлъ и прикуска всякая была...

— Обдумались, дурачье!—расхохотался унтеръ.—А вечоръ жечь хотѣли!.. Ха, ха, ха!..

— Ахъ, унтеръ, унтеръ!—покачалъ укоризненно головой Ермолаичъ:—веселый ты человѣкъ, какъ я погляжу, а того и не смекаешь, что намъ самимъ горько стало... По всѣмъ избамъ ходилъ,—и въ день, и въ ночь надъ каждымъ больнымъ, словно надъ отцомъ роднымъ, бился... И мать такъ убиваться не будетъ, какъ онъ убивался,—спаси его Господи! И выхаживалъ,—много народу выходилъ... Въ

первые-то дни насъ все еще сумлѣніе брало,—чего человѣкъ старается,—ну, а тамъ поняли, что для-ради души своей... И народомъ пришли къ ему,—покаялись.—Прости насъ темныхъ, Александръ Петровичъ,—говоримъ,—обидѣли мы тебя тогды, не вѣрили!..—А покойникъ всталъ и отвѣчаетъ намъ:—не вы меня обидѣли, люди добрые, не вы не вѣрили,—а вѣковѣчная обида ваша...—Такъ и сказалъ,—святая душа,—слышишь, унтеръ?!

Но унтеръ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ...

— И всему училъ насъ, покойникъ,—мы, ровно дѣти, слушались... Сами известкой, гдѣ слѣдъ, поливали,—поняли за чѣмъ,—гдѣ ожигать нужно было, жгли... Не неволилъ,—а такъ скажетъ:—вотъ, братцы, нужно что, потому такъ и такъ... Хотите,—дѣлайте, хотите,—нѣтъ,—а мой совѣтъ такой будетъ... Ну, и дѣлаемъ,—потому вѣримъ... Въ огонь сказалъ бы иди,—и въ огонь пошли бы... Святая душа была... Есть же, знать, такіе люди на свѣтѣ, что и къ намъ душу имѣютъ... Спаси ихъ Господи!..

Наступила пауза... Ермолаичъ истово крестился за тѣхъ, что имѣютъ душу. Какое-то благодатное тепло прокрадывалось въ грудь, вытѣсняя всѣ сомнѣнія, всѣ тревоги этого длиннаго пути въ холодную страну изгнанья и снова хотѣлось и любить, и вѣрить... Даже унтеръ потерялъ значительную долю своего великолѣпія и глядѣлъ не то растерянно, не

то сконфуженно. Мягкая ночь окутала таинственную, молчаливую тайгу, но дорога на взгорьѣ сверкала въ молочно бѣломъ сіяньи мѣсяца. А сверху, съ лазоревой выси, на землю слетали звѣзды одна за другою...

— Енаралы, знать родятся!—объяснилъ унтеръ, которому тяжела была эта пауза, и сконфузился еще сильнѣе.

Ермолаичъ глянулъ на небо, подумалъ, а потомъ повернулся къ унтеру.

— Енаралы, говоришь? А не много ли будетъ, унтеръ?..—и гикнулъ на тройку...

— Эй вы, соколики... Ну-кось, лохматые!.. Шевели!..

Тройка понеслась бѣшено съ трескомъ, стукомъ и звономъ... Вспугнутая птица поднялась съ кедровъ и въ сонномъ смятеньи хлопала крыльями, описывая небольшіе круги... Вороны каркали,— гдѣ-то отозвался кобчикъ... Унтеръ не любилъ такой ѣзды и схватился за облучекъ...

— Стой, лѣшій!—чего гонишь, сломя голову?... стой!..

— То-то „стой“!—отвѣтилъ Ермолаичъ, сдерживая коренного:—а то „енаралы“... Ишь, что выдумалъ!.. Тпрр... ты, анафема! Тпрр!.. У Бога-то, унтеръ, всѣ души одинаковы.

Унтеръ хотѣлъ возражать, но я перебилъ его своимъ вопросомъ:

— Отчего-жъ умеръ докторъ? Неужели заразился холерой?..

— Ни-ни, милъ человѣкъ, ни-ни,—не заразился!—отвѣчалъ Ермолаичъ... — Перетрудилъ себя, сказывали... силу надорвалъ... Къ ему фершалъ пріѣзжалъ изъ городу,—горячка,—говоритъ,—отъ перетруды все!.. И маялся недолго,—померъ сердешный,—и въ память не приходилъ. Для-ради насъ померъ,—царствіе ему небесное!—можетъ и теперь за насъ Бога молитъ, душа спасенная!.. Какъ въ жару маялся,—все насъ поминалъ... Кто его знаетъ, чего душа его хотѣла,—и только все народъ звалъ... Вѣришь,—слезу прошибало, на него глядючи, на маяту его... Наклонишься надъ имъ, спросишь:—попить не хочешь ли, другъ, Александръ Петровичъ?—А онъ глядитъ на тебя и видѣть не видитъ... Ни кого не признавалъ и все только:—народъ! Все народъ звалъ... Ну, и жалѣли мы, какъ померъ-то!.. вѣришь—и ребята-то по селу ревѣли,—игривалъ онъ съ ими, съ ребятами-то.. Такой ревъ шелъ, такой ревъ... потому друга родного міръ похоронилъ,—вотъ какъ! Не лопатой землю кидали,—нѣтъ,—всю ее до послѣдняго міръ горстями накидывалъ.—Почивай, молъ, другъ сердешный, заступникъ мірской, и пусть тебѣ наша земля легка будетъ!..

Его голосъ дрогнулъ, онъ оборвалъ и, помолчавъ немного, продолжалъ глухо и сумрачно:

— Потомъ вдова пріѣзжала,—да худощавенькая, и смотрѣть-то жалко... Сильно убивалася

сердешная на могилѣ, какъ панихиду правили,—не дай Богъ... И бабы съ ей всѣ,—потому всѣмъ жалко... А потомъ старички погуторили и съ міру больше два ста рублей собрали охотою... Съ поклономъ поднесли ей, всѣмъ міромъ поднесли...

— Не хотѣлъ съ насъ твой покойничекъ брать,—царствіе ему небесное!—такъ ты возьми для-ради сиротской доли, вдовица бѣдная... Возьми, слышь,—отъ души міръ даетъ, своей охотою, молъ...

— Взяла?—спросилъ унтеръ.

— Чего взяла? Нѣтъ, не взяла!.. Поклонилася міру да и говоритъ:—спасибо, люди добрые, пошли вамъ Богъ всего хорошаго, что пожалѣли,—а только не нужно мнѣ... И такъ проживу... А ужъ если вы хотите, говоритъ, покойника добромъ помянуть,—такъ, вотъ, для ребятъ школу поставьте... Пусть и пойдутъ эти деньги на школу...

— Ну, и что-жъ?

— Поставили,—уже крышу настилаемъ...

Ермолаичъ вздохнулъ и задумался...

— Чего, Ермолаичъ?..

— А, вотъ, чего: есть ли еще на свѣтѣ такіе люди праведные?

Но въ самомъ тонѣ этого вопроса звучала вѣра, что гдѣ нибудь да есть же они на громадной Руси...

ХРИСТОВА НОЧЬ.

Стоялъ жестокій морозъ, зато въ воздухѣ было тихо и безмолвно... Угрюмая тайга стояла неподвижно, бѣлая пелена снѣга сверкала, облитая матовымъ луннымъ сіяньемъ; отъ снѣжныхъ холмовъ и сугробовъ ложились причудливыя тѣни, то синеватыя, то темно-сѣрыя, а вверху, на громадномъ темномъ куполѣ неба, неисчислимыя звѣзды горѣли такъ ярко, какъ онѣ горятъ только на далекомъ сѣверѣ.

Въ эту ночь мнѣ было особенно жутко... Я былъ молодъ, я не свыкся еще съ своей юртой, одиночествомъ и безлюдьемъ... Мысль какъ-то невольно рвалась туда,—за безконечное море снѣга, гдѣ сегодня горятъ елки, звучитъ дѣтскій смѣхъ, царятъ веселье и радость... Безмолвіе прямо давило... Мнѣ страстно хотѣлось и людей, и людского слова... Въ углу, свернувшись, тяжело дышала собака, на камелькѣ трещалъ огонь; угрюмо уставившись въ багровое пламя, одинъ, совершенно одинъ, лихорадочными глазами я ловилъ въ фантасти-

ческихъ сочетаніяхъ огня и дыма неясные силуэты дорогихъ лицъ, которые рисовала страстно напряженная память... Мой другъ Хайтунъ только-что уѣхалъ, и съ его отъѣздомъ мнѣ стало еще тоскливѣе... Правда, онъ просидѣлъ у меня съ часъ совершенно безмолвно и только икалъ время отъ времени, чтобы убѣдить меня, что онъ вполнѣ сытъ и что богъ его, котораго онъ недавно жестоко побилъ за разныя свои жизненныя неудачи, не желая подвергнуться подобной экзекуціи вторично, послалъ ему, наконецъ, и удачу, и хорошую охоту... Но, не смотря на молчаливость, Хайтунъ все-таки былъ живой человѣкъ, съ теплой душой, съ отзывчивымъ, наивно-ласковымъ сердцемъ, и потому въ его присутствіи страшное сознаніе: „одинъ“—теряло значительную долю своей остроты.

— Ой, пабэй своя богъ!—говорилъ онъ на прощанье, указывая на фотографическую карточку, которую принималъ за моего бога:—пабэй, слюшай!... Сама лючше дѣло... Сичасъ тибэ все будетъ... Карррашо пабэй...

И въ тонѣ его голоса, въ покачиваніи головой сквозило самое теплое, самое человѣческое участіе...

Сонъ не приходилъ,—тоска сжимала грудь прямо до боли. Цѣлые часы просидѣлъ я уже у горѣвшаго камелька, и въ возбужденной памяти, цѣпляясь другъ за друга, лихорадочно проносились какъ видѣнья, одно за другимъ,

какіе-то смутные обрывки представленій, воспоминаній и пережитаго, и прочитаннаго, еще болѣе разстраивая нервы... Огонь трещалъ, собака тяжело дышала и порою взвизгивала во снѣ; часы мои стучали явственно и громко...

Вдругъ, помню, собака подняла голову, потянула носомъ воздухъ, заворчала, на дворѣ заскрипѣлъ внезапно снѣгъ, и, прежде чѣмъ я поднялся на ноги, вмѣстѣ съ густымъ облакомъ холоднаго воздуха ко мнѣ ввалился кто-то закутанный въ мѣхъ.

— Здравствуйте, пане москалю! Будемъ справлять вмѣстѣ Христову ночь!..

Я прямо ошалѣлъ отъ радости и удивленія. Вмѣсто Хайтуна предо мною стоялъ нелюдимый пустынникъ, слесарь Жмурко, мой сосѣдъ, вѣчно угрюмый и молчаливый до того, что Хайтунъ звалъ его нѣмымъ. Онъ жилъ отъ меня верстахъ въ семи, мы встрѣчались часто, здоровались,—и только... Полякъ никогда ничего не разспрашивалъ и самъ ничего не разсказывалъ,—о немъ знали одно, что, освобожденный по манифесту, онъ уѣхалъ на родину, но затѣмъ самъ же добровольно вернулся въ тайгу и зажилъ анахоретомъ, всѣхъ чуждаясь, избѣгая всякихъ сношеній съ людьми кромѣ чисто дѣловыхъ. Чѣмъ все это было вызвано, что̀ двигало имъ,—не зналъ никто... Но желтое худое лицо, сдвинутыя брови, впалые, угрюмо глядѣвшіе глаза ясно говорили, что старику пришлось пережить очень немало.

— Скучно, вѣдь, въ такую ночь одному, пане!— пояснилъ онъ своимъ угрюмымъ голосомъ, отогрѣвая у огня руки, пока я возился съ чайникомъ. — Нѣтъ, не предлагайте, — не курю!.. Скучно, самъ знаю,—тоже былъ молодъ, какъ вы... Ну, вотъ и надумалъ,—дай зайду, провѣдаю!

— И спасибо-жъ вамъ, добрый сосѣдъ, за это! — говорилъ я радостный и совсѣмъ ожившій. —Садитесь къ огню поближе... Вмѣстѣ чокнемся въ полночь горячимъ чаемъ.

Черезъ полчаса мы, какъ самые близкіе друзья, пили чай у камелька, и угрюмый старикъ разговорился, Богъ его знаетъ чѣмъ на это вызванный.

— Вы знаете, пане, какъ я попалъ сюда въ первый разъ?—говорилъ онъ.—Давненько это было,—ну, и, что̀ говорить,—не напрасно, не задаромъ... Я такъ и генералу сказалъ, когда другіе виляли открещивались и увѣряли, шутъ ихъ возьми, что попали напрасно, безъ вины всякой... Нѣтъ, я прямо сказалъ: за дѣло! Что-жъ тутъ вертѣться? зачѣмъ? Въ двухъ бандахъ былъ, пять стычекъ выстоялъ и патроновъ, говорю, не жалѣлъ, въ томъ не грѣшенъ,—такъ и сказалъ! И генералъ, пане, на это улыбнулся и даже по плечу потрепалъ меня за такой отвѣтъ. „Это,—сказалъ:—настоящая рѣчь! Виноватъ, такъ виноватъ,—что-жъ хвостомъ вилять! Мужская это, говоритъ, рѣчь, — какъ и слѣдуетъ мужчинѣ! Право! И даже

противъ другихъ, что виляли, мнѣ кое-какія облегченія приказалъ сдѣлать... „Это, говоритъ, прямой человѣкъ, хоть и преступникъ!“ Хорошо! Ну, и какъ отбылъ я положенный срокъ,— сейчасъ меня на вольное поселеніе... Вотъ и сталъ я своимъ ремесломъ хлѣбъ добывать... Инструментъ завелъ, хорошую избу поставилъ и, правду сказать, полюбился мнѣ здѣшній народъ, хоть и чужой онъ. Горько приходилось мнѣ, ну, а вотъ же, ни одна душа человѣчья не подбавила мнѣ здѣсь ничѣмъ этой горечи. Совсѣмъ даже напротивъ,—всякъ чѣмъ могъ выручалъ... Хорошій народъ! Но все-же, какъ стало намъ вольно домой вернуться, такъ и потянуло сейчасъ... И такъ потянуло, пане, такъ потянуло—ровно бы тебѣ вотъ сердце сосетъ да и все... Днемъ, и ночью дума одна,— какъ бы свою сторону повидать, небо свое, людей своихъ... Ну, и рѣчь родную услышать хотѣлось.

Онъ замолчалъ вдругъ и еще угрюмѣе сдвинулъ брови.

— Ну, и что-жъ?.. вѣдь вы отправились туда?

— Да!—отвѣтилъ онъ глухо:—пошелъ... Все распродалъ и побрелъ,—у меня тамъ и родня оставалась, братъ старшій и дядя, а у нихъ свои семьи... Была и зазноба, панна Камилла,— ге! давнее это время! Какъ попалъ сюда,—въ первое время письма писали, когда бывало и грошей пришлютъ,—ну, а потомъ перестали мало-по-малу... Забыли, что ли,—а только я о

нихъ и слыхомъ не слыхалъ ничего долгіе годы! Извѣстно, своя рубашка къ тѣлу ближе,— стоитъ ли помнить тамъ какого-нибудь стараго дурня! Хе! Ну, а я помнилъ и побрелъ... Гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ и подвозили добрые люди,— всего натерпѣлся! Ну, да это ничего,—вѣдь охотой шелъ... Объ одномъ только и думалъ,— какъ бы въ живыхъ застать всѣхъ!..

— И застали?

— Всѣхъ засталъ!—угрюмо отвѣтилъ старикъ.—Торгашами стали! Одинъ бѣднотѣ въ ростъ деньги давалъ, другой у прилавка сидѣлъ. Объ лишней копѣйкѣ только и дума вся. Такъ-то, пане! Извѣстно, все мѣняется съ годами, ну, а при копѣйкѣ всегда хочется новой копѣйки!..

Онъ разсмѣялся вдругъ сухимъ, холоднымъ смѣхомъ, такимъ болѣзненнымъ смѣхомъ, точно онъ вырывался у него прямо изъ разбитаго сердца. Темные глаза вспыхнули, по лицу пробѣжала судорога... Казалось, старикъ хотѣлъ еще что-то вставить, но вдругъ оборвалъ и замолкъ.

— Отчего же вы вернулись сюда?—настаивалъ я.

Старикъ отвѣтилъ не сразу.

— Отчего вернулся?—спросилъ онъ съ ѣдкой дрожью въ тонѣ.

— Да...

— Оттого вернулся, пане, что старый дуракъ не ко двору имъ всѣмъ пришелся. Какъ же было ему, дураку, оставаться съ трезвыми го-

ловами, когда онъ никакой пользы въ ихъ умныхъ дѣлахъ увидѣть не могъ... Ге, пане, трезвые люди ловятъ не журавля, а синицу!.. Хе, хе, хе!... Тѣсно пришлось намъ вмѣстѣ,—и я имъ глаза колю, и они мнѣ колютъ...

— А Камилла?!

— Камилла? Лучше бы мнѣ было и совсѣмъ не застать Камиллы. Была когда-то прачкой,—ну, а теперь... Ге, пане!—махнулъ онъ рукой:—какъ не вскружить голову бѣдной прачкѣ шелками да золотомъ!? Была бы только кому охота!..

Онъ замолчалъ, молчалъ и я... Блѣдныя губы старика были плотно сжаты, брови сдвинуты, глаза угрюмо уставились въ огонь, точно они читали что-то въ причудливыхъ сочетаніяхъ пламени и дыма. Кругомъ стояло глухое безмолвіе, только пламя трещало, да громко стучали два сердца...

— Эхъ!—вырвалось у старика внезапно.

Онъ поднялся, выпрямился и, гнѣвный, сверкая вспыхнувшими глазами, продолжалъ, какъ бы разсуждая съ собою:

— Крикнулъ я имъ разъ, этимъ людямъ: ладно, пусть будетъ ваша правда,—такъ отдайте-жъ мнѣ молодые годы, отдайте мои истраченныя силы, отдайте жизнь... Ге, да что имъ! Только плечами пожимаютъ да смѣются надъ старымъ дурнемъ... Такъ ему и надо!..

И старикъ долго смѣялся опять своимъ прежнимъ холоднымъ смѣхомъ. Потомъ продолжалъ такъ же гнѣвно:

— Ну, вотъ и проклялъ я ихъ всѣхъ, и ушелъ опять сюда въ глухую тайгу, и живу здѣсь, какъ нелюдимый черный воронъ живетъ... Ни до кого мнѣ теперь нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, никого я знать не хочу и не люблю никого... Никого, никого, никого!

— Не можетъ этого быть, пане Жмурко!— сказалъ я, и взялъ его за руку.

— Вѣрно, говорю вамъ!..

— А я повторяю, что этого быть не можетъ... Посмотрите мнѣ въ глаза...

— Зачѣмъ я буду смотрѣть вамъ въ глаза?— хмуро отвѣтилъ онъ, отводя глаза въ сторону, при чемъ его блѣдныя щеки слегка зарумянились.—Никого, говорю вамъ!

— Ой, неправда!..

Старикъ зарумянился гуще... Онъ притихъ и опустилъ глаза.

— Сегодня Христова ночь, пане...—продолжалъ я.—Вспомните-ка кого-нибудь и давайте чокнемся!..

— Мнѣ некого вспоминать!—хмуро отрѣзалъ онъ, но голосъ его уже дрожалъ, а щеки совсѣмъ потемнѣли.—Некого! Вотъ развѣ...

— Ну, кого?—говорите же!

Старикъ сгорбился, опустилъ низко голову и вдругъ заговорилъ совсѣмъ другимъ, какимъ-то и робкимъ, и нѣжнымъ, и дрожащимъ тономъ:

— Когда я уходилъ, пане,—когда я уходилъ... маленькій Людвигъ, мой племяшъ,—это, знаете,

славный мальчуганъ, право!.. Онъ выбѣжалъ, рыдая, на дорогу, этотъ мальчуганъ, обнялъ мои ноги и... и... говоритъ... говоритъ мнѣ... что онъ меня, когда выростетъ...

Но тутъ старику помѣшали крупныя слезы... Всхлипывая какъ маленькій Людвигъ, онъ протягивалъ мнѣ дрожавшей старческой рукой свой стаканъ, чтобы чокнуться въ Христову ночь...

ВЪ ТУНДРѢ И ВЪ ТАЙГѢ.

(Повѣсть изъ сибирскаго быта).

I.

Скучно въ сѣверной тундрѣ.

Куда ни погляди, на сѣверъ, на востокъ и западъ, въ какую хочешь повернись сторону,—все одно и то же. Въ долгую зиму, когда иныя лунныя ночи бываютъ чуть ли не свѣтлѣе короткаго сумрачнаго дня,—кругомъ одно безбрежное, безпросвѣтное море снѣжнаго наста, по которому шибкою рысью бѣгутъ, не проваливаясь, тонконогіе олени, да вихремъ мчатся на лыжахъ люди. Въ осень—одни непроглядные туманы да сѣро-свинцовыя, душныя тучи... И только въ короткую весну-лѣто оживаетъ быстро и на мигъ тундра, пестрѣетъ яркими красками, горитъ синевато-зеленымъ травянымъ блескомъ, небо блещетъ яркою и глубокою лазурью, а все окрестъ полно гама, визга и стрекота несмѣтнаго птичьяго слёта, нѣжащагося подъ горячими лучами почти неподвиж-

наго солнца. Но и тогда передъ глазами, подавляющее и мозгъ, и душу непривычнаго человѣка, однообразіе: сине-зеленая кочка, кочка и кочка... тысячи... милліоны кочекъ, сливающихся на горизонтѣ въ безпредѣльное сине-зеленое море... Томительно скучно!... Недаромъ старые, много слышавшіе люди говорятъ, что тундра—дѣло рукъ нечистаго, который задумалъ было овладѣть этимъ кускомъ Божьей земли.

— А Осподь многомилостивый не попустилъ ёму овладѣть совсѣмъ!—говорятъ старые люди.—Кажинный годъ приказалъ красну солнцу и туда заглядывать, чтобы, которые тамъ человѣки есть, благодать Осподню понимали.

Но и тамъ, въ тундрѣ, есть люди, для которыхъ она милѣй и дороже всякаго другого уголка на землѣ, какъ и каждому человѣку его родное мѣсто. Ни на что не промѣняетъ инородецъ, оленеводъ и охотникъ, свою болотную, томительно-скучную пустыню съ ея холодомъ и мракомъ, лѣтнимъ бичомъ—комарами, тучи которыхъ могутъ заживо съѣсть человѣка. Что ему самый богатый городъ, самый роскошный садъ, о которыхъ разсказываютъ бывалые люди?... Есть у него въ безбрежномъ снѣжномъ морѣ изъ оленьихъ шкуръ юрта, есть оленье стадо, пять-шесть привычныхъ къ стаду мелкихъ, остроносыхъ, умныхъ собакъ, есть въ озерахъ и рѣкахъ рыба, а въ пустынѣ—горностай, песецъ и выдра,—и ничего ему

больше не надо. Тутъ онъ живетъ и умираетъ, страдаетъ и любитъ, тутъ поетъ свои монотонныя, какъ вой сѣвернаго вѣтра, какъ сама пустынная тундра, безконечно длинныя пѣсни... Ни о чемъ больше онъ и знать не хочетъ.

Не одинъ, впрочемъ, инородецъ населяетъ тундру,— есть тутъ и пришлый народъ. Изъ далекихъ городовъ и селъ гонятъ сюда человѣка и нужда, и нажива. Идутъ сюда за „пушниной“ и рыбой, которую такъ легко вымѣнивать у наивнаго и довѣрчиваго сына пустыни на разбавленную водою водку, дешевый табакъ и всякую иную дрянь, съ чѣмъ давно уже ознакомили дикаря добрые люди. Пришлые люди у большихъ рѣкъ, на хорошихъ съѣзжихъ мѣстахъ поставили свои крошечные поселки,— не то городки, не то деревушки,—и живутъ только мѣной да рыбною ловлей. Сжились они съ тундрой, свыклись и стала мила она многимъ изъ нихъ, пожалуй, какъ самому инородцу. Поколѣнія ихъ смѣнялись поколѣніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и крѣпла привязанность къ тундрѣ, какъ къ родному мѣсту.

— Благодать здѣся!—говорятъ теперь обитатели такихъ пустынныхъ городковъ, до самыхъ крышъ заносимыхъ снѣгомъ.—Всего вдосталь: рыбы, пушнины всякой... Сущая благодать!...— И ничего другого они тоже какъ будто знать не хотятъ. Избы теплы, ѣды довольно, любить, богатѣть, родиться и умирать— и здѣсь можно...

Но и тамъ выпадаетъ порою такое, что̀ и разсказать, и послушать интересно. А охотники тамъ до разсказовъ добрые люди,—была бы только охота слушать,—многое поразскажутъ. Забылъ я многое изъ того, что̀ доводилось слышать, но одинъ разсказъ хорошо помню. Передамъ его тѣмъ же складомъ, какъ самъ слышалъ, насколько хватитъ памяти,—ну, а гдѣ измѣнитъ она, не взыщите, своимъ складомъ рѣчь поведу.

Сильно всполохнулся одинъ изъ такихъ городковъ, когда на единственной его улицѣ новый человѣкъ объявился, которому не было никакого дѣла ни до рыбы, ни до пушнины. Было это какъ разъ въ самомъ исходѣ сороковыхъ годовъ. Каждому хотѣлось получше присмотрѣться къ этому худощавому, сутулому человѣку съ глубоко впавшими темными глазами и съ легкою просѣдью въ длинныхъ черныхъ волосахъ, да и разузнать доподлинно, что̀ занесло его къ нимъ? Разное говорили по этому поводу, а никто не зналъ доподлинно. Одни говорили—полякъ, другіе—другое, а третьи несли такую околесицу, что и слушать не хотѣлось. Говорили, смекали, спорили, а дѣло такъ и осталось навсегда темнымъ,—самъ новичокъ, съ виду угрюмый и молчаливый, не обмолвился о своемъ прошломъ ни словомъ. Одно только стало скоро ясно всѣмъ и каждому, что Вадимъ Павловичъ человѣкъ головной *) и душевный.

*) „Головной“—мѣстное: то же, что умственный.

День-деньской возился онъ съ своими книжицами, которыхъ у него было много, за все платилъ деньгами, жилъ тихо и скромно, со всѣми былъ простъ и ласковъ. И помочь радъ былъ каждому, чѣмъ только могъ, по мѣрѣ силъ: тому напишетъ, тому подсчитаетъ, того, глядишь, грамотѣ учитъ, а другого и отъ болѣзни вылѣчитъ. Доктора не было кругомъ верстъ на тысячу, такъ что безъ Вадима Павловича иной разъ и круто прихсдилось, не смотря на знахарей и дошлыхъ старухъ, да шамановъ, къ которымъ тоже прибѣгали. Вадимъ Павловичъ, говорятъ, первый и картофель сажать научилъ въ тѣхъ мѣстахъ. Сначала опасались и сторонились его, думали: нарочно подосланъ человѣкъ подсмотрѣть, какъ живутъ люди, чтобы послѣ обложить ихъ новымъ ясакомъ, а не то насчетъ солдатчины. Послѣдняго больше всего опасался инородецъ. Но прошло время, и страхи эти разсѣялись, а люди обжились, свыклись и полюбили пришельца. Въ Сибири вообще крѣпко цѣнятъ головныхъ людей, а для городка Вадимъ Павловичъ явился настоящимъ кладомъ. Большой ему былъ почетъ кругомъ.

Жилъ на ту пору въ городкѣ большой богатѣй, Сидоръ Карпычъ Русановъ. На тысячи верстъ первымъ человѣкомъ считался, всю почти рыбу и пушнину скупалъ, лавку въ городкѣ имѣлъ, гдѣ всякаго товара было вдосталь припасено, и не было человѣка, кто бы у него въ

долгу не былъ. Одинъ за товаръ должалъ, другой деньги бралъ подъ будущій ловъ или шкуры, третій—за снасть всякую, да за соль для рыбьей солки закабаливался, и всякъ такимъ образомъ на Сидора Карпыча ровно бы на хозяина старался. Большую силу вялъ онъ,—всякъ ему кланялся да шапку ломалъ, иной и заговорить съ нимъ не осмѣливался... И загордился купецъ,—такъ загордился, что и подступу къ нему не стало, каждаго человѣка ни въ грошъ не ставилъ... И сердитъ сталъ, немилостивъ къ людямъ, а прежде, говорили, какъ помоложе былъ, да побѣднѣй, совсѣмъ иной былъ: и простъ былъ, и душа у него была мягкая, да жалостливая, и обиды отъ него никакой никому не было. Сильно измѣнился,—чуть кто чего въ срокъ не представитъ ему иль не выполнитъ,—безъ всякой жалости въ раззоръ введетъ и на вѣтеръ пуститъ. Крутой сталъ человѣкъ,—говорили люди.

Кто больше его зналъ и лучше прошлое помнилъ, тотъ утверждалъ, что не богатство сдѣлало такимъ Сидора Карпыча. Грѣхъ у него въ домѣ приключился, большой грѣхъ,—съ того грѣха, говорили, и перемѣнился человѣкъ, озлобился. Такъ ли оно было, или не такъ, но грѣхъ у него въ домѣ дѣйствительно былъ. Много лѣтъ назадъ Сидоръ Карпычъ, тогда еще только богатѣвшій, женился на туруханской богачкѣ и взялъ за нею много добра. Жили супруги мирно да ладно,—объ одномъ

только убивались: Господь дѣтокъ не давалъ. Годъ шелъ, другой, третій, много годовъ, а дѣтей все нѣтъ. Грустилъ Сидоръ Карпычъ, ну, а Маланья Семеновна, супруга его, та совсѣмъ убивалась,—шибко ей матерью-то быть хотѣлось. Извѣстное дѣло—баба: безъ дѣтей и жизнь не въ жизнь. И по церквамъ она давала, и въ монастыри ѣздила, колдуновъ да шамановъ даже всякихъ призывала,—все дѣтей не было. Ужъ и ждать они перестали, анъ тутъ-то и случился грѣхъ.

Какъ и что̀ такое вышло, никто не могъ сказать точно, а только вотъ что случилось. Былъ у нихъ молодой подручный, въ родѣ какъ бы приказчикъ по пушной части, молодецъ-молодцомъ изъ себя, настоящій, можно сказать, богатырь былъ. Росту громаднаго, въ плечахъ сажень, почитай, цѣлая, силища непомѣрная, голова темная, кудрявая, съ лица красавецъ писаный. Пригожъ парень былъ, да и нравомъ ничего, смиренный. Какъ тутъ у нихъ ужъ это вышло, кто его знаетъ,—дѣло ихнее,—только и слюбись онъ съ хозяйкой. Застукалъ ли ихъ Сидоръ Карпычъ, иначе ли оно было,—разно говорили,—только парень-то кинулся на него съ ножомъ, а сама въ бѣга пошла. Извѣстное дѣло—парня скрутили, въ острогъ повезли, а черезъ сколько-то тамъ годовъ подъ кнутъ да въ каторгу засудили. Маланья Семеновна какъ кинулась изъ дому, такъ и не́ ворочалась,—въ юртѣ у знакомаго остяка притаилась. Слезно,

говорили, каялась, много разъ прощеніе просить подсылала, да не прощалъ супругъ, не миловалъ. Ну, и родила она въ юртѣ остяцкой дочку, Машутку, а родивши, Богу душу отдала на судъ Его праведный... И случилось тутъ непонятное диво: какъ только дали знать Сидору Карпычу, что жена его въ родахъ мучается,—а промаялась она долго, сердешная,—тотъ ровно ошпаренный къ ней поскакалъ. Что тамъ промежъ нихъ было, простилъ онъ ее или не простилъ, никто сказать не можетъ; остякъ только божился, что видалъ, какъ купецъ ровно ребенокъ плакалъ... Похоронилъ онъ ее честь-честью, а Машутку къ себѣ взялъ и полюбилъ онъ ее,—свою или не свою, какъ тутъ знать?—такъ, что люди только диву дались.

Вотъ съ того-то онъ, говорили лучше его знавшіе, и озлобился.

Такъ этотъ-то Сидоръ Карпычъ одинъ только и не жаловалъ какъ будто Вадима Павловича въ городкѣ. Завидно ли было почетъ съ нимъ дѣлить, обижался ли, что тотъ съ нимъ запросто, какъ и со всякимъ другимъ обходился,—кто его знаетъ?—но видно было, что не по душѣ тотъ ему. Такъ, въ обхожденіи, при встрѣчѣ, ничего точно, разговоры разговаривали, кланялись, а за глазами не то совсѣмъ. Можетъ, не мало значило тутъ и то, что Вадимъ Павловичъ безъ обиняковъ выкладывалъ всякія свои думушки,—такая ужъ

душа у него была. Не разъ и корилъ онъ людей за инородцевъ, за лихву поносилъ, не разъ и Сидору Карпычу глаза промывалъ, ну, а не всякъ это любитъ, извѣстно ужъ... Кто его разберетъ, что тутъ на самомъ дѣлѣ было,—можетъ быть, и первое, и второе, и третье,—а только вышла у нихъ ссора.

Въ Машуткины именины позвалъ Сидоръ Карпычъ гостей, позвалъ и Вадима Павловича. Тотъ пришелъ, хоть и не гостинный былъ человѣкъ, въ ротъ не бралъ хмельного,—зарокъ, говорили, далъ,—но на люди любилъ ходить. Пошло тутъ разливанное море. Въ такой праздникъ хозяинъ не скупился. Ѣли тутъ и пили, пили и ѣли, а все-таки пили больше и хорошо угостились всѣ. И Сидоръ Карпычъ не пивалъ, почитай, совсѣмъ, но въ этотъ день давалъ себѣ полное разрѣшеніе, угощался хорошо тоже. Хватилъ ли онъ въ тотъ вечеръ лишнее, на душѣ-ль у него такъ ужъ было, только сталъ онъ какъ будто придираться къ гостямъ, да своимъ богатствомъ хвалиться.

— Никто супротивъ мошны не выстоитъ... Все купить могу!—кричитъ, а самъ искоса на Вадима Павловича поглядываетъ.—Все на цѣлковый идетъ.

Молчалъ тотъ, молчалъ, да и не вытерпѣлъ, отрѣзалъ:

— Нѣтъ, говоритъ, Сидоръ Карпычъ, ошибаешься, не все...

Того словно бы въ радость кинуло, что Вадимъ Павловичъ отозвался. Поднялъ голову да и спрашиваетъ таково насмѣшливо:

— Какъ не все?—и глаза щуритъ.

— Такъ, не все...

— Чего-жъ это я, къ примѣру, купить не могу?

— Совѣсти,—говоритъ Вадимъ Павловичъ:—купить не можешь...

Повело хозяина отъ этихъ словъ, только онъ справился съ собою, да и повернулъ на смѣхъ.

— Ха, ха, ха!—смѣется, а смѣхъ такъ и дрожитъ у него:—какъ это я ее не куплю, когда она продажная?... Разная есть совѣсть на свѣтѣ и цѣна ей разная... Есть совѣсть дорогая, купецкая, есть дешевая, посельщицкая.

Повело и Вадима Павловича, только онъ не перемѣнилъ голоса.

— Нѣтъ, Сидоръ Карпычъ, не о разной совѣсти, не о такой говорю я...—сказалъ онъ:—есть одна совѣсть на свѣтѣ,—человѣческая,—и той ты не купишь.

— Не куплю, такъ подкуплю!—огрызнулся тотъ.

— И не подкупишь.

— Ой ли, баринъ?

— Такъ-съ, господинъ купецъ!

— Все цѣлковикомъ подмажу, что хошь подкуплю!—разсердился Сидоръ Карпычъ, даже брови сдвинулъ.

Посмотрѣлъ на него Вадимъ Павловичъ, посмотрѣлъ, да и скажи:

— А ну-ка, Сидоръ Карпычъ, подмажь да подкупи свою совѣсть...

Остолбенѣлъ купецъ. Какъ сидѣлъ, такъ и руки опустилъ. Въ жаръ его бросило, багровый сталъ, сидитъ и только смотритъ на гостя.

— А зачѣмъ бы мнѣ ее самому подкупать?— спрашиваетъ, наконецъ, глухимъ голосомъ.

— Чтобы не щемила!—говоритъ.

Задрожалъ Сидоръ Карпычъ, зубы скрипнули, но крѣпится еще.

— А ты почемъ знаешь, что она щемитъ у меня?—спрашиваетъ.

— Вижу и понимаю...

— Такъ!... А отчего-жъ бы ей и щемить?

— Ну, это тебѣ лучше знать!—говоритъ гость.

Вскочилъ тутъ Сидоръ Карпычъ, да и хлопъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ, баринъ, стой, не лиси, не гоже увертываться!—кричитъ, еле духъ переводя, такъ трясло его:—выкладывай!... Началъ, такъ и кончай,—выкладывай все передъ честнымъ народомъ! Говори, ничего... Говори, что такое за мной знаешь, отчего у меня совѣсть щемитъ...

Стали тутъ его уговаривать, да успокаивать, а онъ только пуще рвется:

— Говори!—кричитъ.—Корилъ, такъ и скажи, за что коришь,—не увертывайся! Меня на

тысячи верстъ вокругъ знаютъ и почитаютъ, а корить никто не смѣлъ... Ну-ка, баринъ любезный, разскажи, а мы послушаемъ... Не бойся!

Всталъ Вадимъ Павловичъ супротивъ него, да и говоритъ:

— Многаго я, конечно, не знаю, а что знаю и вижу, то и скажу.

И началъ онъ ему тутъ выкладывать да отсчитывать. И—Боже ты мой!—такъ прямо въ глаза и рѣжетъ! И про инородцевъ говорилъ, какъ у нихъ обманомъ и пушнину, и рыбу мѣняютъ, и про лихву, и про сиротъ, которыхъ Сидоръ Карпычъ по міру пустилъ за долги родителей, и про наемную кабалу, и про товаръ гнилой,—про все. Даже страшно стало глядѣть на Сидора Карпыча,—такой онъ отъ этихъ словъ сдѣлался! Какъ платокъ стоялъ бѣлый, губы у него свело на сторону, ни живъ, ни мертвъ, только грудь ходенемъ ходитъ.

— Такъ-съ!—поддакиваетъ, а у самого духъ отнимается.

— Именно такъ-съ!—говоритъ Вадимъ Павловичъ.—Душа у тебя человѣчья, а живешь ты по-волчьи... Вотъ и щемитъ у тебя совѣсть.

Тутъ ужъ не выдержалъ Сидоръ Карпычъ.

— Ну-съ,—говоритъ, а самъ ровно мѣломъ вымазанный и улыбается эдакъ злобно:—коли ежели, говоритъ, мы волки лютые, такъ тебѣ,

баринъ, съ нами и знаться зазорно... Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ.

Усмѣхнулся Вадимъ Павловичъ.

— Спасибо, говоритъ, на угощеньи, да на добромъ словѣ... Прощай, Сидоръ Карпычъ...

Повернулся и пошелъ, ровно бы и обиды ему никакой не было. Ну, и задѣло-жъ Сидора Карпыча,—пошло тутъ ужъ совсѣмъ неподобное. Купецъ изъ себя вышелъ, ногами топаетъ, кричитъ, вдогонку лается, самъ трясется весь, на губахъ словно пѣна отъ злости. „Вонъ!—кричитъ:—вонъ изъ моего дома!... Собакъ спущу, собаками затравлю!“ Людей свохъ скликать сталъ, насилу-то прочіе гости удержали его, кое-какъ успокоили. „Пустите!—оралъ:—я его какъ пса убью и ничего мнѣ за это не будетъ... Потому,—смутьянщикъ онъ! Вотъ, кто онъ... такой будетъ, православные... Такъ и знайте напередъ!“ Силенъ былъ, удерживать трудно было.

И крутенько стало послѣ того Вадиму Павловичу въ городкѣ жить, очень круто. Изъ Русановской лавки ему отпускать перестали, никакихъ денегъ брать не хотѣли,—даже иголку купить не могъ, а лавка-то одна на весь городокъ была. Опять люди обѣгать его стали, боясь Русановскаго гнѣва,—поди, и жить негдѣ было бы, не будь у него своей избы, которую онъ у одной старухи-вдовы купилъ. Всякій харчъ, съ трудомъ, за большія деньги доставалъ, потому съ опаской и тайкомъ продавали

ему сосѣди. Трудно было ему, да только не долго шло такъ.

Захворалъ Русановъ; отъ злости ли у него что приключилось, или съ чего-нибудь другого, но съ вечера того все недомогалось ему, а тамъ и слегъ. Всѣ бабы дошлыя лѣчили его, знахарей звали, шаманъ пріѣзжалъ и въ бубенъ свой билъ, и плясалъ, и конскій волосъ жегъ, чтобы нечистаго выгнать, а ничего не легчало. Тридцать три кипарисныхъ креста у изголовья сожгли и тоже ничего. Все ему хуже да хуже. Самъ на себя не похожъ сталъ, жаромъ горѣлъ и заговариваться началъ.

Дѣлать нечего,—кинулись тогда къ Вадиму Павловичу. Такъ и такъ, молъ, любезный человѣкъ: прости, зла не помни, ни за чѣмъ не постоимъ,—выручай только. И выручилъ Вадимъ Павловичъ,—головной былъ человѣкъ, дошлый. Ровно бы и обиды ему никакой не было, пошелъ сейчасъ и сталъ лѣчить,—лѣкарства у него разныя въ баночкахъ съ собой припасены были. И порошки давалъ, и воду на голову лилъ, и горчицей палилъ,—разное продѣлывалъ и привелъ-таки въ себя человѣка.

Опамятовался Сидоръ Карпычъ, глядитъ, видитъ: врагъ надъ нимъ бьется и хлопочетъ, ровно бы и другъ ему. Диву-ли онъ дался, защемило-ль его, только молчалъ онъ, молчалъ, да вдругъ и спрашиваетъ слабымъ такимъ, больнымъ голосомъ:

— Ты-ль это, Вадимъ Павловичъ, будешь?

— Я...—отвѣчаетъ тотъ.

Помолчалъ, помолчалъ больной и опять спрашиваетъ:

— Что-жъ это ты надъ волкомъ лютымъ стараешься?... Зачѣмъ тебѣ?

— Не волкъ ты теперь,—говоритъ Вадимъ Павловичъ:—а больной человѣкъ... Отчего же мнѣ не стараться?

— Такъ...—протянулъ больной и не сказалъ больше ничего. Повернулся къ стѣнкѣ, ровно бы спать собрался. А только крѣпко запали ему эти слова въ душу. Многое онъ передумалъ.

Было это къ вечеру, а на другой день больному сильно ужъ полегчало. Дождался вечера и какъ пришелъ снова Вадимъ Павловичъ, долго глядѣлъ онъ на него молча. Глядѣлъ, глядѣлъ, да и спрашиваетъ его опять, только робкій у него какъ-то, вдругъ, голосъ сдѣлался!

— Скажи ты мнѣ, головной человѣкъ,—говоритъ,—можно-ль такъ на свѣтѣ человѣку прожить, чтобъ другимъ обиды не было?

Помолчалъ гость, подумалъ, брови сдвинулъ даже и отвѣтилъ, наконецъ:

— Вотъ, что я скажу тебѣ, Сидоръ Карпычъ: трудно оно, очень трудно,—ну, а все же каждый долженъ оглядываться, чтобы поменьше зла дѣлать.

Опять замолчалъ больной, не проронилъ больше ни слова, а какъ давеча—повернулся

къ стѣнкѣ. Съ виду бы и спитъ, а на самомъ дѣлѣ не до сна ему было: въ головѣ и душѣ у него горячая работа шла. Многое вспоминалъ купецъ и во многомъ каялся, такая ужъ полоса ему подошла, — сильно растревожилъ его Вадимъ Павловичъ. Понялъ тотъ, что у него душа какъ бы сама съ собою борется, все понялъ, а и виду не подалъ. Такъ безъ словъ и ушелъ къ себѣ. Но какъ пришелъ на третій вечеръ, больной поднялся на локоть, посмотрѣлъ ему въ глаза пристально и спросилъ:

— Крѣпко ты на меня обидѣлся, Вадимъ Павловичъ?

— Нѣтъ, Сидоръ Карпычъ,—отвѣтилъ гость:— ты на себя больше...

— Вѣрно твое слово, правду сказалъ... Сильно зло разобрало меня, что я такъ обидѣлъ тебя, потому давно я видѣлъ, каковъ ты человѣкъ есть... Зависть у меня къ тебѣ, что-ль, какая была, и самъ не разберу... А какъ обидѣлъ тебя, то и сказать не могу, что сталось со мной... И донять тебя, кажется, хочется, и на душѣ камень, только злость пуще разбираетъ...

— Понимаю...—сказалъ Вадимъ Павловичъ.

— Прозорливый ты человѣкъ, потому и понимаешь...—говоритъ больной.—А ты прости меня, золотая твоя душа!—кругомъ вина моя передъ тобою... Обозлился я, что ты облаялъ меня, и на то пуще, что во всемъ твоя правда была,—чувствовалъ я это... Никто не лаялъ

меня, всякій правду про себя таилъ, одинъ ты осмѣлился... И полюбилъ я тебя за это, вотъ какъ полюбилъ! И вѣрно сказалъ ты, спасенная твоя душа: щемитъ у меня... вправду щемитъ...

И сталъ онъ тутъ выкладывать все, ровно бы на духу. Выкладываетъ, а самъ слезами обливается,—прорвалась у него душа на свѣтъ Божій. Все, что болѣло у него, что всегда таилъ отъ чужого глаза, о чемъ онъ намекомъ не обмолвился, все выложилъ. И жену помянулъ, какъ она каялась и прощенье просила, а онъ отъ гордости простить не хотѣлъ, какъ захирѣла она оттого въ юртѣ остяцкой, какъ защемившую затѣмъ душу онъ хотѣлъ злобой къ людямъ заглушить, алчностью да наживой, какія дѣла нехорошія дѣлалъ, — все разсказалъ.

— Правдивое твое слово было... по-волчьи жилъ я!—сказалъ Сидоръ Карпычъ.

И стали они съ того самаго вечера такими друзьями-пріятелями, какихъ и не бывало въ городкѣ. Круто повернулъ Сидоръ Карпычъ, перемѣнился, прежнимъ сталъ, какимъ нѣкогда до грѣха былъ, а, можетъ, и еще лучше. Много всякаго добра людямъ дѣлалъ; кого обидѣлъ, тому не тѣмъ, такъ другимъ помогъ; сиротъ надѣлялъ, на пріюты и училища давалъ. И пошла про него на тысячу верстъ кругомъ еще бо̀льшая слава,—только ужъ совсѣмъ иная. Въ тундру къ нему купцы свои

споры разбирать пріѣзжали, совѣстнымъ судьей выбирали,—такую славу взялъ человѣкъ.

Упросилъ онъ своего друга-пріятеля къ нему въ домъ переѣхать, чтобы Машутку его тотъ разнымъ наукамъ обучалъ. „Пусть она, сироточка, — сказалъ:—свѣтъ увидитъ, а не такъ, какъ мы, темные!... Опять и лай меня, Вадимъ Павловичъ, ругай и правду рѣжь,—на пользу это мнѣ!“ И фортепіано завелъ издалека выписалъ, чтобы Вадимъ Павловичъ его Машутку, ровно барышню, играть научилъ,—ничего не жалѣлъ для нея. И доволенъ былъ купецъ, когда его любимая дочка ему наигрывала или изъ наукъ, что выучила, разсказывала,—страхъ счастливъ! Погладитъ ея русую головку, задумается, въ глазахъ какъ бы слеза блеснетъ, вздохнетъ глубоко, да и скажетъ:

— Учись, Машуточка, учись, дѣвонька,—свѣтъ оно, ученье-то... Въ темной долѣ родились мы на свѣтъ, грѣшные,—вынеси тебя Господь изъ нея!

Такъ разсказывали въ тундрѣ добрые люди.

II.

Росла Машутка и училась; всему обучалъ ее Вадимъ Павловичъ: какія на свѣтѣ страны есть узнала, какъ въ нихъ люди живутъ, языкамъ научилъ ее, музыкѣ,—словомъ, дай Богъ

всякому знать все то, что знала она еще подросточкомъ. Способная была, на-лету все хватала, и нравомъ хорошее дитя было,—ласковая, жалостливая ко всѣмъ, тихая такая да смирная. Можетъ-быть, даже и слишкомъ доброе да податливое сердечко было у нея, тяжело съ такимъ сердечкомъ бываетъ подчасъ жить на свѣтѣ,—ухъ какъ тяжело! Частенько подумывалъ объ этомъ Сидоръ Карпычъ, глядя на свою любимицу, да загадывая о ея будущемъ, и жутко становилось ему. Что-то ждетъ ее впереди? На какого человѣка попадетъ она?—тревожно загадывалъ онъ:—будетъ ли тотъ ее стоить, полюбитъ ли и оцѣнитъ ли, какъ она того стоитъ? И съ Вадимомъ Павловичемъ часто заговаривалъ купецъ объ этомъ, много толковали они, но тотъ успокаивалъ его всегда.

— Конечно,—говорилъ тотъ:—не дай Богъ никому на дурного человѣка наскочить, что̀ и говорить... А все же съ такимъ сердцемъ, какъ у Машутки, поручиться можно, что всегда она останется и доброю, и чистою.

— Такъ-то оно такъ,—крякнетъ Сидоръ Карпычъ:—да будетъ ли она счастлива?

— Какъ тебѣ сказать?—отвѣчаетъ Вадимъ Павловичъ: — счастье-то, вѣдь, разное бываетъ,—смотря потому, въ чемъ человѣкъ его видитъ! Извѣстное дѣло, что для иного — счастье, то для другого можетъ быть горе, и наоборотъ... Ну, а есть на свѣтѣ и такія

мягкія души, что для нихъ и самая ихъ любовь уже счастье, что̀ бы она ни принесла имъ съ собою.

Соглашался Сидоръ Карпычъ, а въ душѣ, все-таки, не унималась тревога. Извѣстное дѣло—родительское сердце.

Носится и ревмя-реветъ по тундрѣ злая пурга, насыпаетъ снѣжныя горы, застилаетъ бѣлою пылью свѣтъ Божій и тоскливо-жалобно плачетъ въ трубѣ, а у Сидора Карпыча все одна думушка. Хорошо думается въ долгія ночи подъ такое завыванье бури-метели, только думушки-то были тревожныя...

Жили они такъ, поживали, и стряслась вдругъ нежданная бѣда: Вадимъ Павловичъ занемогъ, а черезъ нѣсколько сутокъ и приказалъ долго жить. Грудью все хворалъ покойникъ; зиму перенесъ, а какъ пошло дѣло къ теплу,—не выстоялъ. Каждый разъ къ теплу онъ прихварывалъ; знали всѣ, что для него это самое тяжелое время,—сырое, парное оно въ тундрѣ. Сильно затужилъ Сидоръ Карпычъ, ровно бы по родномъ, а Машутка цѣлые дни ручьями слезы лила,—любила покойника, привыкла къ нему...

Похоронилъ его Сидоръ Карпычъ, поминки богатыя справилъ, да не долго послѣ того и въ городѣ оставался. И скучно ему стало безъ друга-пріятеля, и дѣла свои надоѣло уже вести, и Машутку учить теперь было некому, а тянуло ее къ этому, да и свѣтъ ей тоже уви-

дать хотѣлось. Боялся тоже отецъ, чтобы тутъ про материнскій грѣхъ не разсказалъ ей кто-нибудь,—скрывалъ онъ отъ нея. Посадилъ онъ вмѣсто себя приказчиковъ, а самъ перебрался съ семьей за многое множество верстъ, въ Красноярскъ, гдѣ сталъ вести только оптовое дѣло. Открыто жилъ теперь Сидоръ Карпычъ, въ знакомство вошелъ, людей принималъ, а все для дочки, чтобы не дикаркой росла, съ людьми обходиться научилась, и учителей хорошихъ пригласилъ для нея. Домомъ завѣдывать и хозяйство вести онъ взялъ сестру свою, Анну Карповну, старую дѣву, а та тоже души не чаяла въ Машуткѣ. Не надышатся, бывало, оба на свою Машутку. Частенько приходилось Сидору Карпычу выѣзжать по дѣламъ на большія ярмарки: въ Ишимъ, на Никольскую, въ Ирбитъ, къ Макарью въ Нижній ѣзжалъ, и рѣдко-рѣдко выпадало такъ, чтобы онъ съ собой свою любимицу не бралъ. Научилась она, насмотрѣлась, многое увидала, многое узнала, и выросла она умною, сердечною и доброю красавицей. Стройная была, сильная, здоровая, коса длинная русая, лицо—кровь съ молокомъ, только глаза—ни въ отца, ни въ мать, словно ночь темные, да рѣсницы и брови тоже черныя были. Заглядывались на нее и молодые, и старые. Подниметъ она свои черныя длинныя рѣсницы, взглянетъ на человѣка большими темными глазами и даже жутко станетъ,—не то обожжетъ, не то ласъ-

кой обдастъ. Чудные глаза были и доброты же таилось въ нихъ,—столько доброты, что для одного человѣка, можетъ-быть, и слишкомъ даже.

За женихами, извѣстная вещь, дѣло не стало. Кто-жъ бы не радъ былъ сосватать такую красавицу, да еще и съ деньгами? Знали, вѣдь, всѣ, что для нея Сидоръ Карпычъ не поскупится. Много сваталось къ ней людей разнаго званія: и купцовъ, и промысловыхъ людей, и чиновниковъ,—только не шла за нихъ Марья Сидоровна. Не хочу замужъ, да и только, а Сидоръ Карпычъ не неволилъ, даже радъ былъ, что она при немъ останется. „Пусть, молъ, натѣшится дѣвичьею долей. Успѣетъ еще!“ И годъ за годомъ уходилъ такъ,—что ни женихъ, то отказъ. Даже сердились на нее, привередницей звать стали, а подъ конецъ и перезрѣлою невѣстой.

— Королевича поджидаетъ!—язвили обиженные ея отказами.—Поджидала яблонька солнышка, а вѣтеръ цвѣтъ разметалъ... Того и она дождется!

Того, да не того...

Ясны думы дѣвичьи, много въ нихъ и свѣта, и правды бываетъ, да не всегда сбываются—вотъ бѣда! Свѣтло въ молодомъ довѣрчивомъ сердцѣ, полно оно любовью и жизнерадостью, да за своимъ свѣтомъ, ослѣпленное, часто не видитъ тѣней, не вѣритъ въ мрачное и злое, и жестоко платится, бѣдное...

Поплатилась и Машутка за свое сердце, не сбылись и ея думушки завѣтныя, свѣтлыя и правдивыя... Не о такихъ женихахъ шептали ей золотыя думы, не такихъ звало молодое сердце. Хорошіе эти женихи были, слова сказать нельзя,—да не по ней. Не подкупало ее и то, что были они люди степенные и денежные, всякое дѣло вести умѣли или по службѣ хорошо шли, ордена и большіе чины получали. Что̀ было ей до пушнины и рыбы, заводовъ и промысловъ, орденовъ и чиновъ? Дѣвочкой читала она сказки о смѣлыхъ рыцаряхъ, что безстрашно рубились съ великанами и змѣями, спасая людъ Божій; затѣмъ слышала разсказы Вадима Павловича о смѣлыхъ, умныхъ людяхъ, — читала потомъ въ книгахъ, которыя говорили ей, вмѣстѣ съ тѣмъ, о другой, болѣе полной и широкой жизни, о другихъ интересахъ. Чутко прислушивалась она къ толкамъ и слухамъ, что долетали тогда изъ многошумныхъ столицъ и до сибирской глуши, жадно ловила она лихорадочно-возбужденнымъ взоромъ намеки на эту другую жизнь въ тѣхъ городахъ, куда завозилъ ее отецъ. Что̀ была это за жизнь на самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключались и состояли эти другіе интересы,—дѣвушка въ точности не знала, сама себѣ не отвѣтила бы она, неясны и смутны были представленія о нихъ,—одно только понимала она и скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, что не было въ

нихъ мѣста вопросамъ о пушнинѣ и рыбѣ, о добычливыхъ промыслахъ и успѣхахъ.

И завѣтныя думы рисовали ей заманчивый образъ сильнаго и умнаго человѣка, который одинъ сумѣлъ бы уяснить ей все это неопредѣленное и смутное, и ясно намѣтилъ бы и путь, и задачи, которымъ посвятила бы она свое доброе сердце. Съ такимъ бы пошла она, всю себя отдала бы ему безповоротно и всецѣло, можетъ быть, покорилась бы ему, но дышала бы легко и вольно... На все бы пошла она съ нимъ, не испугалась бы никакихъ лишеній, не смутила бы она его никогда ни хмурымъ видомъ, ни жалобой, ни упрекомъ,— такова ужъ была природа дѣвушки.

Но этотъ образъ сильнаго человѣка былъ тоже неясенъ и смутенъ, какъ и всякая мечта. Реаленъ онъ былъ только съ отрицательной стороны, не имѣя ничего общаго съ тѣми женихами, отъ которыхъ Машутка не знала отбоя. Въ общемъ, это была понятная смѣсь различныхъ, воспринятыхъ съ дѣтства впечатлѣній, — смѣсь сказочнаго рыцаря, героя хорошихъ романовъ, покойнаго друга Вадима Павловича, эффектно загримированнаго перваго любовника видѣнныхъ на ярмаркахъ драмъ и оперъ, а, можетъ-быть, и блестящаго кавалериста съ немного наглымъ взглядомъ, такъ легко принимаемымъ наивнымъ сердцемъ за душевную смѣлость. Дѣвичья душа надѣляла этотъ смѣшанный, неяс-

ный образъ физическою красотой, силой и блескомъ, и съ этой именно одной стороны онъ могъ быть хоть отчасти и живъ, и ясенъ.

Понятно, что, при извѣстной долѣ довѣрчивости, неопытности, и наивности, такой неопредѣленный образъ дѣвичье сердце могло уложить въ любую рамку, разъ онъ подкупалъ это сердце своимъ чарующимъ внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ. И чѣмъ больше проходило годовъ, чѣмъ дольше не являлся избранникъ думы, чѣмъ сильнѣе разгорались ожиданіе и нетерпѣніе и сильнѣе досаждалъ контрастъ надоѣдавшихъ сватовствомъ мѣстныхъ жениховъ, тѣмъ легче было это сдѣлать, такъ какъ сердце становилось опрометчивѣе, все больше теряло способность анализа и критики. Такимъ-то образомъ и уложила Машутка свой завѣтный образъ въ обольстительную фигуру красавца Юрія Николаевича.

Темно было его прошлое,—разное говорили о немъ люди, но все больше нехорошее, лишь только онъ объявился въ Сибири искать счастья и удачи, какъ всѣ зауральскіе искатели, которыхъ судьба выкинула изъ родного мѣста. Темные слухи тянулись за нимъ черною лентой. Говорили, что этотъ черноусый, стройный красавецъ, съ блестящими глазами, рѣчистый и смѣлый,— этотъ обольстительный гитаристъ и пѣвецъ, съ такимъ чарующимъ бархатнымъ голосомъ, былъ наглый злодѣй,

жестокій и холодный, за многія темныя преступленія оставленный судомъ, какъ тогда было въ обычаѣ, въ сильномъ подозрѣніи. Бумаги его, правда, были въ порядкѣ, но этимъ бумагамъ не вѣрили: по опыту знали люди, какъ легко поддѣлываютъ разные искатели приключеній свои бумаги. Разсказывали, что на родинѣ его исключили изъ полка за шулерство, что хотя по бумагамъ онъ числился вдовымъ, но жена его жива и сбѣжала только отъ насилій и оскорбленій, что служилъ онъ затѣмъ на многихъ должностяхъ, но всегда его исключали за разные проступки, признавая, однако, способнымъ человѣкомъ. Въ послѣднемъ ему никто ни отказывалъ: „ловчакъ, ловкая башка!“ — называли его и тѣ, что бранили. Многое еще разсказывали, а все-таки онъ сумѣлъ и перезнакомиться со всѣми, и стать во многихъ домахъ пріятнымъ гостемъ, и даже причислиться къ секретному столу одного изъ управленій, войти тамъ въ довѣріе и прослыть докой и дѣльнымъ человѣкомъ... Дѣйствительно, ловкій былъ малый.

Этимъ слухамъ и толкамъ, конечно, не вѣрила Машутка. Въ ея глазахъ все это были сплетни, судаченье и захолустные пересуды шипящей зависти и безсильной злобы, которые только сильнѣе поднимали и выдѣляли его. Захолустье всегда преслѣдуетъ все необычное, блестящее, выдающееся, —объясняла себѣ дѣвушка, —а обиженныя самолюбія не

прощаютъ ему предпочтенія, явно оказываемаго ею предъ другими, а, можетъ-быть, и его вниманія къ ней... Послѣднее такъ пріятно щекотало ея молодое тщеславіе! Мало ли людей было заѣдено захолустною клеветой?—думала про себя дѣвушка и все сильнѣе покорялась и вѣрила ему одному. Онъ овладѣлъ ею, лишь только она увидала эту стройную красивую фигуру, эти блестящіе огнемъ глаза, такъ и говорившіе, казалось, о душевной мощи, услышала этотъ мягкій и нѣжный теноръ, полный неотразимой ласки, услышала живую, остроумную рѣчь. Ловкость, манеры, умѣнье держать себя и добродушно-снисходительное, нѣсколько свысока, отношеніе къ мѣстнымъ „простякамъ“ совсѣмъ околдовали ее.

Труднѣе было обойти ему подозрительнаго, много видѣвшаго на своемъ вѣку Сидора Карпыча, но и того обошелъ ловкій малый... Обошелъ, точно довѣрчиваго, наивнаго ребенка. Ужъ очень открыто и ясно глядѣли у него глаза, и этотъ открытый взоръ, который могъ быть и выраженіемъ душевной чистоты, и верхомъ наглаго безстыдства, больше всего подкупалъ Сидора Карпыча. Сестру его, добродушную и немного слезливую Анну Карповну, Юрій Николаевичъ поймалъ сразу. Со слезами на глазахъ разсказалъ онъ ей какую-то трагическую выдумку о себѣ,—та пожалѣла, всплакнула и дѣло было сдѣлано. Одинъ очень умный человѣкъ сказалъ, какъ извѣстно, что

самые великіе артисты бываютъ не на сценѣ, а въ жизни... Великій артистъ былъ Юрій Николаевичъ!

Но, все-таки, крѣпко призадумался Сидоръ Карпычъ, прежде чѣмъ снялъ со стѣны въ золоченомъ окладѣ образъ и благословилъ имъ Машутку. Свѣсилъ онъ посѣдѣвшую голову въ раздумьи, въ душѣ закопошились черныя мысли и злое предчувствіе какъ будто смутило на мигъ старика.

— А что, Машутка, коли ежели онъ только прикидывается такимъ? — сказалъ онъ и голосъ его дрогнулъ.—Что, если правду говорятъ люди?

— Пусть онъ будетъ вдвое худшій злодѣй, чѣмъ говорятъ о немъ,—вызывающе отвѣтила Машутка:—мнѣ все равно. Я все-таки люблю его и безъ него жить не хочу.

— А что, если ему и вправду нужны только твои деньги?

Машутка вспыхнула.

— Пусть! — смѣло сказала она. — Лишь бы меня взялъ съ ними!

Ну, и сыграли свадьбу. Шумная свадьба была,—не поскупился отецъ для любимой дочки,—почти весь городъ пьянъ былъ, дряхлые старики и старухи въ плясъ пускались. По улицамъ на связняхъ *) съ музыкой, почитай,

---

*) Сибирскій свадебный обычай зимой: связываются вмѣстѣ нѣсколько дровней, которыя устилаются коврами, въ дровни запрягаютъ до 20 лошадей, и моло-

весь день кружили... А послѣ пира молодой, получивъ большую сумму, увезъ жену къ себѣ на родину. Хотѣлось красавицѣ молодой посмотрѣть столичную жизнь, очень хотѣлось...

И хорошо сдѣлали, что уѣхали. По крайней мѣрѣ, не видѣлъ старикъ, какъ очень скоро послѣ свадьбы убивалась его любимица дочка и, обливаясь слезами, шептала, точно безумная: „Гдѣ были мои глаза? Что я надѣлала?“ Не видѣлъ, какъ она проводила время въ номерѣ гостиницы среди окурковъ и недопитыхъ бутылокъ подъ пьяный храпъ мужа,— не видѣлъ его пьяныхъ кутежей, картежной игры, поглощавшей приданое его дочери, и многое другое,—пожалуй, еще худшее... Хорошо, что не видѣлъ, а то, пожалуй, разбилось бы отцовское сердце, изошло бы кровью. Уже отъ однихъ слуховъ, что доносились порою, побѣлѣла его старая голова, и хотя Машутка не писала ему ни слова о своей бѣдѣ, онъ читалъ ее между строкъ. Не поднималась у Машутки рука написать отцу правду,—жалко было ей старика, да мѣшала и та стыдливая не то щепетильность, не то гордость, что такъ часто побуждаетъ женщину скрывать отъ всѣхъ пороки любимаго человѣка, въ которомъ она обманулась, но все-таки, любитъ и порвать съ

дые вмѣстѣ со всѣми гостями подъ музыку, помѣщающуюся тутъ же, „кружатъ“ по городу. На богатыхъ свадьбахъ такихъ поѣздовъ бываетъ нѣсколько. При этомъ пьютъ вино и поютъ пѣсни.

которымъ у нея нѣтъ ни силъ, ни характера, ни воли... А природа ея была именно такова.

— Зачѣмъ писать? — думала бѣдная женщина:—все равно не поможешь... Бросить его я не могу, да и жалко... Раба я уже...

Ну, а тамъ родилась у нея дочка, Саша.

Много ушло времени, и въ одно морозное утро, въ тощей шубенкѣ, она появилась съ дочкой на отцовскомъ порогѣ. Ахнулъ старикъ, когда въ этой блѣдной, исхудалой и постарѣвшей женщинѣ, одѣтой почти въ отрепья, узналъ свою красивую любимицу, и навзрыдъ зарыдалъ... И она зарыдала... Ни онъ ее не разспрашивалъ, ни она ему много не разсказывала,—все было само собой ясно. Сказала она ему только, что они съ мужемъ въ конецъ прожились, что тотъ опять вернулся искать должности, а пока послалъ ее къ отцу просить денегъ. Долго рыдалъ Сидоръ Карпычъ.

— Не возвращайся, Машутка!—сказалъ онъ, наконецъ:—оставайся опять у меня, какъ прежде, съ внучкой.

— Поздно, батюшка... Не разглядѣла дѣвушкой, не послушалась добрыхъ людей,—теперь поздно...—отвѣтила она печально.

— Любишь такъ, что ли?

— Любить—не люблю уже, а жалѣю... жалко мнѣ его, да опять и дочка... Отниметъ онъ ее у меня... Страшно, отецъ!..

— Не отниметъ!.. Я къ губернатору пойду, до министровъ доберусь!

Но Машутка покачала головой.

— Пока дойдешь, батюшка, пока доберешься, онъ что-нибудь и выкинетъ... Не такой онъ человѣкъ!

Всталъ Сидоръ Карпычъ, заходилъ по горницѣ большими шагами, долго ходилъ, сильно работала его старая голова, пока тихо текли по щекамъ горячія отцовскія слезы, наконецъ, надумалъ,—послалъ за зятемъ въ гостиницу. Пришелъ тотъ смирнѣе ягненка, плачетъ, кается, руки у тестя и жены цѣлуетъ, прощенья проситъ.

— Прости меня, родной!—кланяется тестю.— Виноватъ передъ тобою и женой... Закружился, нравъ шальной у меня... Ну, да теперь будетъ, одумался... И ты меня прости, Машутка...—просилъ онъ, цѣлуя и руки ея, и платье.

И повѣрили ему,—сильно рыдалъ и каялся. Утопающій, говорятъ, за соломенку хватается,—такъ и сердце женино и родительское. Авось, и въ самомъ дѣлѣ исправится человѣкъ,—думали оба. Всплакнули еще, перецѣловались,—снялъ Сидоръ Карпычъ со стѣны образъ и сказалъ зятю присягнуть предъ Распятіемъ. Присягнулъ Юрій Николаевичъ, святой ликъ поцѣловалъ и страшную клятву на себя положилъ. Отвалилъ старикъ хорошую кучу денегъ еще разъ и даже должность выхлопоталъ для него видную,— дорого ему и это стоило. Уѣхали опять супруги и въ первое время ничего какъ будто: служилъ Юрій Ни-

колаевичъ, письма Машутки веселѣй стали и слуховъ нехорошихъ до старика не доходило. Уже и ликовать тотъ про себя началъ, Бога благодарилъ. Да не долго шло такъ,—рано было радоваться,—скверное дѣло вышло.

Пронеслись сначала темные слухи о какомъ-то крупномъ мошенничествѣ, соединенномъ чуть ли не съ разбоемъ въ томъ округѣ *), гдѣ служилъ Юрій Николаевичъ. Затѣмъ дальше и больше,—стали говорить чуть не о прикосновенности его самого или попустительствѣ въ этомъ дѣлѣ. Ну, а тамъ уже пришло точное извѣстіе, что зять отрѣшенъ отъ должности, отданъ подъ судъ и что на него, кромѣ того, сдѣланъ начетъ за растрату какихъ-то суммъ. Слегъ Сидоръ Карпычъ отъ такого удара, но оправился,—богатырь былъ человѣкъ. Растрату онъ покрылъ, а дочери написалъ, чтобы та теперь безотлагательно переѣзжала съ внучкой къ нему. Но не получилъ онъ на это письмо отвѣта и долго отъ Машутки не было ни слуху, ни духу.

Письмо, конечно, было перехвачено Юріемъ Николаевичемъ, а ему не хотѣлось отпускать отъ себя жену. Не то, чтобы онъ любилъ ее,—о любви и помину быть не могло,—какая ужъ тутъ любовь? Иногда въ его головѣ шевелилась даже такая мысль, что жена стоитъ ему поперекъ пути, что не живи она, онъ еще

---

*) Въ Сибири уѣзды называются округами.

разъ подцѣпилъ бы „богачиху“. Находилась даже такая богачиха, купеческая вдова, которая стрѣляла въ него глазами. Не разъ, замѣтивъ слезы изводившейся жены, онъ корилъ ее этимъ и говорилъ ей съ нескрываемою злобой:

— Чего киснешь? Створожиться хочешь, красавица? И такъ ужъ все добро свое спустила,— однѣ кости да кожу оставила!.. Камень ты у меня на шеѣ!... Кабы не ты, не ушла бы отъ меня вдова Селиванова,—загребъ бы я ея денежки... Эхъ, ты, бѣда моя лютая!

Слушала жена и только слезы утирать спѣшила. Обтерпѣлась она, привыкла ко всему и давно уже похоронила свою личную жизнь, махнувъ на все рукой. Не смущали ее ни поведеніе мужа, ни постоянныя оскорбленія ни наглость его любовницъ, ни ужасъ обстановки,—со всѣмъ этимъ она уже давно примирилась. Жила она только своей дочкой Сашуркой и для нея. Мать заслонила въ ней собою жену. И пользовался же этимъ Юрій Николаевичъ,—веревки вилъ изъ нея, какъ говорится: чуть что̀, онъ сейчасъ припугнетъ Сашуркой: то отдастъ ее на воспитаніе какимъ-то знакомымъ, то въ пансіонъ опредѣлитъ, то еще что-нибудь,—ну, Марья Сидоровна на все готова, хоть жги ее...

Не отпускалъ онъ жену потому, что была она для него золотымъ кладомъ. Хотя Сидоръ Карпычъ и побожился, что не дастъ больше

денегъ, и требовалъ, чтобы Машутка его бросила, онъ, все-таки, не терялъ надежды, что любимица дочь сумѣетъ заставить того раскошеливаться,—стоитъ лишь принажать ее все тою же Сашуркой. Съ другой стороны, такая послушная и покорная рабыня, какою стала она, еще и нужна ему была въ его новомъ дѣлѣ. Отданный подъ судъ, Юрій Николаевичъ, конечно, не смущался этимъ,—зналъ онъ, какъ при тогдашнихъ сибирскихъ порядкахъ слѣдствія десятками лѣтъ тянулись, да и не въ первой приходилось ему уже подъ судомъ состоять,—привыкъ. Потеря должности была неизмѣримо больнѣе и чувствительнѣе, такъ какъ тесть, покрывшій крупную растрату, скоро не раскошелится, какъ бы ни нажимать жену,—понималъ онъ это. Нужно было, значитъ, промышлять какъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что нажитыя на службѣ темными дѣлами деньги таяли въ кутежахъ и на зеленыхъ столикахъ. Да и красивая, дебелая Маланья, его новая страсть, выигранная имъ въ карты у засѣдателя экономка, стоила ему много... Ругалъ онъ жену „камнемъ“ и „колодой“, ругалъ тестя за скаредность, клялъ свою судьбу горькую, но, все-таки, шнырялъ, высматривалъ и прислушивался, къ чему бы примазаться. Наконецъ, надумалъ, нашелъ...

Въ ту пору какъ разъ слухъ прошелъ, что въ южной части тайги довольно золота объявилось. Отъ „бродяжекъ“ этотъ слухъ по-

шелъ,—они-жъ разсказывали, что тамъ въ иныхъ мѣстахъ уже и вольная промывка идетъ*). Захватило духъ у Юрія Николаевича при этомъ извѣстіи, и сталъ онъ искать среди бродяжекъ такихъ, что ему золотое бы мѣсто указали. Искалъ, искалъ и нашелъ... Переговорилъ какъ слѣдуетъ съ чиновникомъ, которому поручено было слѣдствіе, да и шасть къ женѣ:

— Укладывайся, красавица безплотная!—сказалъ:—въ тайгу ѣдемъ!

Чуть не обомлѣла жена.

— Зачѣмъ въ тайгу?

— Какъ зачѣмъ? Золото рыть! Только, слышь: ни гу-гу...

Посмотрѣла на дочку она, сама бѣлая вся стала, да и говоритъ:

— А Сашурка какъ же?... Нельзя мнѣ ѣхать!

— А нельзя—оставайся... Я дочь съ собой возьму.

Зарыдала она, заломила руки, но не могла перечить,—стала укладываться. Не видала она никогда тайги, только разсказы страшные про нее слышала, да про бродяжекъ, что бороздятъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Ужасъ овладѣлъ ею за дочку, хотѣла бы она сбѣжать съ нею къ отцу теперь, да далеко было и не сумѣла бы она: сильно пришибъ уже ее Юрій Николаевичъ.

А тому и на руку было въ тайгѣ укрыться. Узналъ онъ сторонкой отъ друзей-пріятелей,

*) Тайные пріиски.

что прежніе, старые грѣхи его, за Ураломъ еще, теперь на свѣтъ выплываютъ и что о немъ по этому поводу разныя извѣстія собираются. Денегъ у него еще малость оставалось, накупилъ что было нужно, платья и бродней набралъ, спирту, припасу всякаго и пустилъ среди бродяжекъ слово, что на пріискъ къ себѣ „вольныхъ людей“ *) за хорошую цѣну принимать будетъ. Для разсчета съ ними, правда, денегъ у него не было, за то была надежда добыть, принажавъ жену.

„Ну, а не дастъ, скаредъ, я же ему и удружу!—думалъ-грозилъ про себя Юрій Николаевичъ.—Лишь бы золота намыть, а ужъ изъ рукъ его не выпустимъ!“

И нужно ему было золото, очень нужно... Красивая Маланья совсѣмъ его къ рукамъ прибрала, почитай такъ, какъ онъ жену прибралъ. И жадная была она! Чувствовала она свою власть надъ нимъ и то и дѣло тащила деньги, играя въ равнодушіе, будя его ревность и грозя уйти къ засѣдателю.

— Эхъ, ты, мой старенькій!—какъ-то вызывающе вздохнетъ эта дебелая, здоровая дѣвка.—Волосъ-то ужъ у тебя сѣденькій!—протянетъ она печально, и Юрія Николаевича всего поведетъ, въ жаръ кинетъ и отъ этихъ словъ, и отъ ихъ тона.

Сильно измѣнился человѣкъ: обрюзгъ, опустился,—прежняго лоска давнымъ-давно уже

*) Безпаспортные.

и слѣда не оставалось; лицо поблекло, былой красоты и намека не было. Понималъ онъ это, видѣлъ, потому и боялся,—совсѣмъ она его опутала.

Труднѣе всего было уговорить ему Маланью ѣхать съ нимъ въ тайгу, а безъ нея онъ, кажется, и дышать уже не могъ. Крѣпко ломалась дѣвка, да и боялась она тайги, не любила глухой жизни, вся она сама была веселье, смѣхъ, задоръ... Посулилъ ей Юрій Николаевичъ золотыя горы.

— Каблучки золотые,—сказалъ,—къ башмакамъ сдѣлаю!—Сдалась на золото.

— Ну, а что, старенькій мой, баринъ милый, коли барыня твоя меня погонитъ,—куда я дѣнусь тогды?.. Какъ же мнѣ, сиротѣ горемычной, ѣхать-то?—поломалась она для форсу, отлично зная, что барыня ее не погонитъ, что давно знаетъ она про эту связь и махнула на нее рукой.—Пропадетъ моя головушка!..

Юрій Николаевичъ только улыбнулся, довольный этимъ ломаньемъ. Понялъ онъ, что Маланья сдалась. Взялъ гитару, тряхнулъ по старой привычкѣ порѣдѣвшими и посѣдѣвшими уже кудрями и запѣлъ съ большимъ чувствомъ:

„Ла-бба-зай мен-ня! Тв-о-и лаб-бзанья
Мнѣ сал-ллаще мирры и вина!..“

Славно пѣлъ, хоть и хрипѣлъ его теноръ уже. Не тотъ голосъ сталъ, ну, а, все-таки,

чаровалъ... Такъ и застылъ у Маланьи на зубахъ нерасколотымъ кедровый орѣшекъ.

III.

Широко раскинулась тайга и нѣтъ ей, кажется, ни конца, ни начала.

Высокіе кедры, лиственницы, сосны, да стройныя ели уходятъ почти что въ самое небо. Зимой, когда снѣжитъ сверху, то такъ и кажется, что лѣснымъ великанамъ рости уже некуда, что зелеными верхами они уперлись въ сѣро-свинцовую снѣжную тучу...

Только въ ясное, морозное ночное вёдро, когда такъ чудно искрятся звѣзды, исчезаетъ эта тяжелая и гнетущая иллюзія. Тяжело, право, и какъ-то болѣзненно-душно чувствовать надъ собой нависшій свинцовый сводъ, исключающій всякое представленіе о просторѣ.

Въ лѣтнія, да и морозныя ночи иное: тогда ясно видишь, что какъ ни тянутся вѣковые кедры, а до звѣздъ имъ далеко. Между мрачною тайгой и звѣздами стоитъ тогда голубой просторъ, такой необъятный, что сорвавшаяся съ неба звѣздочка тухнетъ раньше, чѣмъ коснется самаго высокаго кедра. И ясно на душѣ дѣлается, и дышется легче, и манитъ тебя куда-то, и какая-то нѣжная грусть охватитъ,—Богъ ее знаетъ, о чемъ эта нѣга грусти: о звѣздахъ или далекихъ людяхъ,—а

сердце бьется иначе, почти въ благоговѣйной тревогѣ, точно стоишь ты въ торжественномъ храмѣ или передъ какою-то вѣковѣчною, неразрѣшимою загадкой.

И тихо въ тайгѣ,—такъ тихо, что привычное ухо ловитъ движеніе бѣлки, хотя она скользитъ по вѣтвямъ почти неслышною тѣнью. Далеко раздается стукъ копытъ лося, рѣзко доносится лязгъ вѣтвистыхъ роговъ и стукъ оленьихъ ногъ, добирающихся зимой сквозь снѣжный настъ до вкуснаго сѣро-зеленаго мха; даже неуклюжее топтаніе медвѣдя, недоумѣвающаго, зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вынесло его изъ берлоги, раздается ясно издали. Прошмыгнетъ заяцъ, и тотъ нашумитъ вдоволь. Оттого-то и зовутъ тайгу гулкой.

— Гулка она, братанъ (братъ),—говорятъ сибиряки:—стоголосая... Все равно, что баба... Ты слово, а она тебѣ десять, а то и поболѣе.

Звонкое въ тайгѣ эхо!...

И чудесъ же бываетъ въ тайгѣ, не приведи Богъ сколько,—и какихъ чудесъ!.. Зимой тайга большею частью угрюмо молчитъ и дремлетъ, окутанная снѣгомъ. Но чуть потянетъ тепломъ, звонкое эхо подхватываетъ и предсмертные хрипы „бродяжекъ“, за которыми ради обуви и похмотьевъ охотится зоркій и хищный бурятъ, и вольныя пѣсни „бѣглыхъ“, и рѣшенія самосуда „золотниковъ“ надъ товарищемъ-обидчикомъ, стянувшимъ у другого „песочекъ“, и страстныя молитвы бѣжавшихъ

мірской скверны подвижниковъ „древляго благочестія“, и многое, многое еще подхватываетъ оно, что̀ такъ и остается навсегда вѣковѣчною тайной.

Крѣпко хранитъ тайга свои тайны. Угрюмые лѣсные великаны молчаливы и нѣмы, а если высокія вершины и шепчутъ о чемъ-то другъ другу, то никому непонятенъ этотъ шепотъ, даже ворону, самой умной птицѣ на свѣтѣ.

Не хорошо, говорятъ, и не слѣдуетъ любопытствовать и проникать въ таёжныя тайны. Не добромъ это кончается, а лихомъ. Разъ какой-то засѣдатель, до чуткаго слуха котораго звонкое эхо донесло что-то похожее на звуки станка, на какихъ лихіе таёжные люди работаютъ подчасъ царскія бумажки и старопечатныя книги, полюбопытствовалъ... Золото, говорятъ, такіе звуки засѣдательскому уху! Пошелъ онъ, да и не вернулся. Годъ прошелъ, два, засѣдательша и убиваться перестала, и другого засѣдателя полюбила, а его такъ и не было. На подоконникѣ, говорятъ, разъ нашла она только мужскіе усы, завернутые въ бумажку. Кто принесъ ихъ, такъ и не узналъ никто. Какъ водится, клепали на бродяжекъ...

Все на бродяжекъ!.. Какая ни выдастся бѣда или напасть,—все на нихъ. И никто не обмолвится даже словомъ, что не все отъ нихъ только одно злое бываетъ, что безъ нихъ, пожалуй, въ тайгѣ и похуже было бы,—ни полсловомъ даже. А вотъ хоть бы и тутъ взять,—

сильно проклинала засѣдательша бродяжекъ, а все же только по этимъ самымъ усамъ разводъ получила, да за другого засѣдателя вышла. Не будь бродяжекъ, стояла бы тайга лѣсною пустыней, безъ души христіанской, съ однимъ звѣрьемъ лѣснымъ. Бродяжка и скиты пополняетъ, и „станокъ“ *) оснуетъ, о которомъ, конечно, ни одинъ даже засѣдатель на свѣтѣ не знаетъ, не то что географія, ну, а про пріисковое дѣло и говорить нечего... Двухъ третей пріисковъ не существовало бы безъ нихъ, это ужъ навѣрное. Кто первый работникъ?—бродяжка. Кто за полъ, а то и за четверть цѣны работать станетъ?—онъ же. Кого легче обидѣть, обсчитать, а то и прямо „справить“ **)?—ужъ, конечно, его. Ни жаловаться не пойдетъ, ни за него никто не заступится, потому никакого вида при немъ нѣтъ: все равно, что и не человѣкъ... „Безвѣстнаго званія“—только всего ему и кличка.

Сколько лѣтъ Демьянъ бродяжилъ уже, онъ и самъ хорошо не помнилъ. Много,—еще смолоду,—а теперь у него кое-гдѣ и сѣдинка пробиваться стала. По всѣмъ острогамъ сидѣлъ, все, поди, тюремное начальство наперечетъ зналъ, а ужъ видовъ видалъ, такъ, пожалуй, не всякой сотнѣ людей вмѣстѣ столько выпадаетъ перевидѣть... Гдѣ ужъ! Весь, поди, бродячій міръ Демьяна зналъ и относился къ

*) „Станокъ“—поселокъ.
**) „Справить“—убить.

нему съ уваженіемъ и глубокимъ почтеніемъ. Такой ужъ мужикъ былъ!—говорили люди. Росту богатырскаго, въ плечахъ косая сажень, силища—чисто медвѣжья, а „золотое“ дѣло зналъ, какъ никто. Чутьемъ жилу угадывалъ, за то же и дорожили имъ пріисковые люди... Побаивались, потому что ни себя, ни другихъ Демьянъ никогда въ обиду не дастъ, ничего не побоится, на все пойдетъ, а до обиды не допуститъ, и, все-таки, крѣпко дорожили. „Буйный человѣкъ,—говорили про него управляющіе,—а необходимъ: золотой работникъ“. На какой пріискъ ни придетъ,—вездѣ ему рады, вездѣ почетъ и первое мѣсто, даромъ что бродяга безъ рода и племени, Демьянъ Гони-Вѣтеръ!.. Хотя бродяжій міръ и говорилъ, что сердце у него незлобное и отходчивое, но видъ у него былъ такой сердитый и мрачный, что самый страшный душегубъ показался бы передъ нимъ младенцемъ безвиннымъ. Барыни на пріискахъ, что при мужьяхъ живали, пуще огня его боялись, и только завидятъ,—сейчасъ прячутся, а если некуда прятаться и встрѣчи не миновать, блѣднѣли и за сердце хватались. Даже ребятъ имъ пугивали: „Шш... шш!.. замолчи, а то Демьянъ придетъ! Знаешь Демьяна?.. страшный такой, большой, черный?“ Зналъ про этотъ страхъ Демьянъ и только ухмылялся... Кажется, нравилось ему это.

Тайгу Демьянъ любилъ, какъ родную мать, зналъ ее и вдоль, и поперекъ, какъ свою гро-

мадную, шершавую ладонь, а то и получше. Всю ее перебродилъ онъ своими дюжими, немного искривленными ногами, всѣ яры и прогалины, всѣ ложбины и скалы, горы и болотные долы зналъ. И звѣря всякаго зналъ, и траву зналъ. Зналъ, какая трава отъ чего и гдѣ найти ее, почитай, не хуже всякой бабы-вѣдуньи. Находилъ и „жень-корень“ *), за который на китайской сторонѣ пригоршнями зозото даютъ. Головной человѣкъ былъ, что и говорить... Изъ всякой бѣды вывернется. На что ни наскочитъ, голова всегда выручитъ. Оттого и уважали его. Ну, опять-таки, и сильный человѣкъ былъ, зналъ себѣ цѣну. Наѣзжать на себя никому не позволитъ. Вотъ какой съ нимъ разъ случай былъ, разсказывали люди. Работалъ,—говорили,—Демьянъ на таежномъ пріискѣ; промывка добычлива была, золото важно шло и пріутаивать песочекъ не трудно было **). Пріутаилъ онъ его-таки достаточно,—мастеръ былъ дошлый на этотъ счетъ, и говорить нечего. Всѣ, конечно, это знали, да и начальство пріисковое догадывалось, но, какъ водится, виду не показывало, чтобы не злобить. Такъ ужъ часто ведется, что, пока добыча идетъ, людей не трогаютъ, а Демьяна и особенно трогать не хотѣли изъ боязни, чтобы не намутилъ. Знали его вліяніе на бродяжекъ, которыми только и

*) Жень-шень—корень, обладающій цѣлительною и возвращающею будто бы молодость силой.

**) Утайка золота не считается грѣхомъ пріисковымъ людомъ.

держалась работа,—ну, и боялись, терпѣли. Прикапливай, молъ, прикапливай, братъ, а тамъ, какъ станетъ работа, да будутъ послѣ разсчета расходиться тайгой золотники, козаки-то *) объѣздчики и обыщутъ намѣченныхъ. Извѣстная это вещь... И было на томъ пріискѣ два козака, молодецъ молодцомъ, Иванъ да Семка, смѣлый народъ. Знали они всѣ золотницкіе фортели, знали, какъ и куда золото прячутъ, и давно уже ходила про нихъ грозная слава, что отъ нихъ ни одинъ золотоноша али хотя бы и спиртоносъ **) не улизнетъ. Не любили ихъ обоихъ бродяжки и побаивались,—дошлый былъ народъ, налетный ***). Не побоялись они и Демьяна, пообѣщались начальству и его обыскать, и прикопленный песочекъ у него отнять. Ничего не боялись. Ну, да и Демьянъ не плохъ былъ.

Работалъ на пріискѣ тоже, такъ себѣ, лядащенькій человѣкъ, Яшка Мятый, изъ бродяжекъ. Хворый человѣкъ былъ, слабый, неудачливый, къ работѣ совсѣмъ, поди, негожій. И умомъ тоже плоховатъ былъ, и нравомъ не казистъ, завистливъ и брехливъ; всѣ его сторонились, недолюбливали, а вотъ же полюбился онъ Демьяну. Какъ, за что,—никто не понималъ,

---

*) Козаками называются вольнонаемные стражники, служащіе на жалованіи пріисковаго управленія.

**) Корчемникъ, тайный торговецъ водкой, торговля которой составляетъ привилегію пріисковаго управленія. Самыми ловкими спиртоносами считаются орочены, небольшое инородческое племя.

***) Дерзкій или наглый.

а думалось только, что за эту за самую свою слабость. Жалостливъ, говорили, Демьянъ и всегда у него такъ, что самый лядащенькій и плевый человѣчишко милѣй ему всякаго другого,—даже верховодить имъ можетъ. Такъ и Яшка Мятый: самый, кажись, непутевый былъ малый, а власть надъ нимъ имѣлъ большую. И заступится за него Демьянъ, и сработаетъ, глядишь, за него, а порой даже и не по-своему сдѣлаетъ, а какъ Яшка скажетъ. Диву только давались люди!

Такъ вотъ этотъ самый Яшка такъ и не отходитъ отъ Демьяна, сталъ предостерегать его отъ объѣздчиковъ. „Гляди, слышь,—на пріискахъ баютъ, что похваляются они и тебѣ на дорогу смотръ сдѣлать". Но Демьянъ и ухомъ не велъ. „Ладно!—говоритъ:—пускай смотръ дѣлаютъ, мы тоже посмотримъ!" Только и всего,—головной человѣкъ былъ: придумалъ уже, какъ быть ему. Вотъ, зашабашали, разсчетъ сдѣлали, въ путь-дороженьку золотнички пошли и Демьянъ съ Яшкой пошелъ своею тропой. Дрожитъ Яшка, ровно заяцъ насторживается,—боязливый былъ человѣкъ,—а Демьянъ все молчитъ про себя, точно и страху на него никакого нѣтъ. У Яшки животъ подводитъ, зубы стучатъ, а тотъ, знай, нѣтъ-нѣтъ, да и ухмыльнется, ровно бы и любо ему глядѣть, какъ того страхомъ бьетъ. Передъ самымъ отходомъ далъ онъ ему только бутылку водки спрятать. „На!—сказалъ:—спрячь, да

береги, а не то пропадемъ, малый... Да—сохрани тебя Богъ!—не то что потянуть ее, а и лизнуть... Берегись, паря!..“ Только и сказалъ всего, какъ ни припугивалъ его Яшка козаками. Ну, вотъ, идутъ они, да идутъ, уже и приставать немного стали. Яшку все страхъ бьетъ, а Демьянъ все молчитъ. Идутъ... Только вдругъ Демьянъ говоритъ: „Стой!“ Стали. Постоялъ Демьянъ, послушалъ, наклонился, приложилъ ухо къ землѣ, потомъ поднялся и сталъ зорко кругомъ оглядываться, словно примѣту искалъ на стволахъ. Приглядѣлся къ одному кедру, пошелъ къ нему, отмѣрилъ по землѣ три четверти отъ ствола и сталъ рыть ножомъ яму.

— Сыпь!—говоритъ Яшкѣ.

А тотъ стоитъ да зубами постукиваетъ.

— Сыпь, говорю... Полно зубачить, а не то весь духъ у тебя страхомъ изойдетъ... Сыпь песочекъ!

Тутъ только догадался Яшка, положилъ свою утайку, Демьянъ положилъ сверху свою, засыпалъ и мохомъ прикрылъ.

— Ну, теперь ладно, братанъ... Пойдемъ!

Демьянъ отломилъ еще вѣтку, поглядѣлъ на солнце, оглянулся кругомъ разокъ-другой и пошелъ, а за нимъ Яшка еле-еле живой отъ страха. Стало у него уже и глаза пучить, видитъ, бѣдняга, что напасть какъ будто недалеко, недаромъ же Демьянъ все это продѣлалъ, а что и какъ—невдомекъ, только пуще боится. Идутъ... Прошли это они шаговъ такъ

сотню, не болѣе, глядь,—анъ и трескъ по тайгѣ пошелъ, вершниковъ *) слыхать стало, кони фыркаютъ. Занялся духъ у Яшки, оглянуться хорошо не успѣлъ паря, а вершники-то, Иванъ да Семка, при полной амуниціи, тутъ какъ тутъ.

— Здорово!

— И вамъ!—отвѣчаетъ Демьянъ.

А съ Яшки холодный потъ идетъ.

— Куда путь держите?

— Въ свою сторону...

— А которая ваша сторона?

— Ни восходъ, ни заходъ, съ полдня направо, съ полночи налѣво **).

— Такъ...—отвѣчаетъ Семка.—Ну, и намъ, братанъ, туда же... Вмѣстѣ, значитъ...

Усмѣхнулись промежъ себя козаки, а у Яшки съ души сперло, икать сталъ, гдѣ ужъ тутъ слово вымолвить,—не до словъ. Демьянъ еще сильнѣе омрачился.

— А слыхалъ ты, паря,—говоритъ,—что̀ бывалые люди баютъ?

— Что такое?—усмѣхается Семка,—шустрый парень былъ.

— А то, паря, что козлы на дорожкѣ обиваютъ рожки... Слыхалъ?

Захохотали козаки.

— Ахъ, язви те, паря!... Ловокъ на слова-то. Да намъ не до твоихъ словъ, братанъ... У

*) Верховой.

**) Поговорка бродяжекъ.

насъ свои припасены, хорошія, — въ каждой стволинѣ по одному... глянь-кось!

И козаки взяли на руки свои винтовки. Яшка такъ и присѣлъ, снопомъ упалъ, а Демьянъ точно и не видитъ ничего, не пугается.

— Хорошіе,—говоритъ,—припасы, слова сказать нельзя... Ну, и берегите ихъ про себя, люди добрые.

Опять хохочутъ казаки.

— Пятнай же тебя, паря!—говоритъ, смѣясь, Семка:—какой ты словорѣзъ!... Безъ мыла языкомъ броишь *)... Л-ловко! Ну, а песочекъ, Демьянъ, все-таки, подай,—безъ того не отпустимъ... Самъ знаешь, наше дѣло служебное... Не серчай!

— Чего серчать-то? — говоритъ Демьянъ.— Бери его, коли есть.

— То-то!— осердился уже Семка.—Подавай, слышь, добромъ!.. много утаилъ,—вѣдь весь пріискъ говорилъ... Поди, полные бродни **) несешь...

— Коли несу, то и бери..—отвѣчаетъ Демьянъ. —Твое счастье!

— Подавай добромъ, а то шарить будемъ, паря!—совсѣмъ грозно уже сказали козаки.

— Шарь!

Нацѣлилъ козакъ Иванъ свою винтовку прямо на лобъ Демьяну, чтобы, значитъ, съ мѣста не сошелъ, а Семка соскочилъ съ коня,

---

*) Таежное: брѣешь.
**) Обувь.

да и сталъ перво-на-перво вязать руки Яшки, а потомъ Демьяну. Наплакался тутъ Яшка, намолился да набожился, отцомъ-матерью заклинался, что никакого песочка и въ глаза не видалъ, а Демьянъ молчитъ, точно и не ему руки вяжутъ.

Слѣзъ тутъ и Иванъ съ коня, да и стали они оба съ Семкой шарить. Шарили, шарили, все общупали, перестукали, перемяли, даже въ потъ ихъ кинуло, а ничего, конечно, кромѣ бутылки съ водкой, что Демьянъ далъ Яшкѣ, не нашли. Осерчали.

— Ну, паря,—говорятъ:—спряталъ ты ловко, а мы, все-таки, добудемъ. Не таковскіе мы... Коли на то пошло, и языкъ, братанъ, развязать сумѣемъ... Лучше по добру скажи, куда песочекъ-то дѣвалъ?

— Нѣту у меня песочку...—сумрачно отвѣтилъ Демьянъ, а Яшка голоситъ, да клятвами заклинается.

— Твоя воля!—говорятъ козаки:—только чуръ не прогнѣвайся, ежели не по нраву придется... А пока что, мы вонъ энту самую водку себѣ, значитъ, за труды беремъ... Такъ, что-ль, Иванъ?—спросилъ весело Семка.

— Такъ!—поддакнулъ Иванъ, ухмыляясь. Охочи были оба до водки,—такъ охочи, ровно младенцы до соски.

Отошли они шаговъ на пять отъ связанныхъ золотоношей, да и стали о чемъ-то промежъ себя шептаться. Шепчутся, шепчутся, а

все на водку искоса поглядываютъ, извѣстно — охота разбирать стала. Пошептались, да и говорятъ Демьяну:

— Ну, вотъ что, паря: мы тутотка позакусимъ маленько, а ты, пока-что, надумывайся,— можетъ, и вспомнишь, куда дѣвалъ утайку-то... А чтобъ лучше тебѣ на умъ шло, мы тебя приподнимемъ,—дальше видѣть будешь.

Высмотрѣли козаки здоровый сукъ, да и повѣсили Демьяна за связанныя руки,—на аршинъ отъ земли подняли. Захрустѣли у него кости въ суставахъ, голова въ плечи ушла, духъ заняло, а и слова даже не вырвалось у него, только глаза отъ крови красные стали... Охъ, и мука-жъ была ему на дыбѣ-то висѣть, страшенная мука, но такой ужъ онъ силовой *) человѣкъ былъ, слова не сказалъ, только крякнулъ... Взяли потомъ козаки Яшку, разложили на землѣ около себя, сами сѣли, да и стращать его стали.

— Мы тебя, говорятъ, птенчикъ голосистый, подвѣшивать не станемъ, — голосомъ изойдешь... Для тебя мы другое надумаемъ. Полежи пока, надумайся, да струментъ нашъ погляди.

Хитрые были: видятъ, что человѣкъ страшливый, что страхомъ съ него скорѣе возьмешь,—ну, и стали стращать. Нагайки положили, пистоли вынули, шашки сняли, такъ что со страху Яшка-то и кричать пересталъ,—стонетъ только. Вынули затѣмъ свой провіантъ,

*) „Силовой"—мѣстное: сильный волею, духомъ.

откупорили Демьянову бутылку, отпили по глотку каждый, похвалили, да и стали шутить:

— Хороша, язви ее, золотоношская водка!... духу въ ней много! Спасибо, братцы... Вѣчно мы васъ за нее поминать будемъ,—ну, и вы насъ не позабудете, чай!—говоритъ Семка.

Захохотали оба, да и стали закусывать. Ѣдятъ, изъ бутылки потягиваютъ, да нѣтъ-нѣтъ и пошутятъ съ Демьяномъ, а то Яшкѣ страху нагонятъ.

— Ну, что, Демьянушка, пріисковый богатырь?—налетаетъ все больше шустрый Семка:—чай-атъ вспомнилъ, куда песочекъ дѣвалъ?

Виситъ Демьянъ, кости хрустятъ, жилы болятъ,—молчитъ, а тѣ хохочутъ.

— А мы боимся тебя, Демьянушка,—вставилъ Иванъ:—оченно боимся, потому всѣмъ ты страшливый... Такъ ты ужъ не очень-то стращай насъ, Демьянушка!

Схватились тутъ оба за животы отъ смѣха, такъ и катаются,—своей удали радехоньки, а Демьянъ виситъ да молчитъ. Похохотали, поѣли, глотнули изъ бутылки, и опять Семка шутитъ:

— Ахъ, Демьянушка, сколь ты много свѣта, чай, со своего сука видишь... Поди, и песочекъ свой ужъ разглядѣлъ? а?

Виситъ Демьянъ да молчитъ... Только пуще кости заныли да ноги каменными глыбами кажутся. Такъ и тянутъ, вотъ-вотъ разорвутъ тебя, а молчитъ...

— Знать, языкъ-то у тебя затекъ,—говоритъ Семка: — не ворочается, поди, бѣдняжечка... Что-жъ, Демьянушка, не наша воля, самъ знаешь—служба!... Ну, мы теперь за твоего дружка примемся, за скворца голосистаго... Споетъ онъ намъ всю пѣсенку про песочекъ, какъ мы его поджаримъ маленько... А?.. какъ думаешь, Ванька?

— Что-жъ? — первый сортъ! — отвѣчаетъ Иванъ.—Всякъ припекъ въ прибыль... Давай угольковъ-то...

Даже повело Яшку отъ такой шутки и не выдержалъ парень, сробѣлъ... Сталъ молить да причитывать, а слово за слово и повинился, выболталъ все. Такъ и такъ, молъ, не я,—говоритъ,—а Демьянъ на три четверти отъ ствола ямку вырылъ, песочекъ въ нее ссыпалъ, а сверху мхомъ прикрылъ.

— Только дерево-то запамятовалъ, — говоритъ:—непримѣтное оно для меня, указать не могу... Пусть самъ Демьянъ укажетъ.

Крякнулъ тутъ Демьянъ съ дерева, да Яшкѣ-то уже не до него,—ему своя шкура дорога была. „Крякай, не крякай,—подумалъ Яшка: — а мнѣ за тебя терпѣть не приходится... Чортъ съ нимъ, и съ песочкомъ-то самимъ!“

Похвалили его козаки и стращать перестали, за то на Демьяна накинулись.

— Ну, Демьянушка!—говорятъ:—не прогнѣвайся теперь... Указывай лучше, братанъ, мѣсто

по добру-здорову, не то худо будетъ... Нечего теперь запираться... Указывай!

Крякнулъ Демьянъ, да и захрипѣлъ съ дерева: совсѣмъ не человѣческій голосъ сталъ у него,—не то хрипъ свистящій, не то шепотъ.

— Скорѣе, — говоритъ, — воронъ свиснетъ, чѣмъ я вамъ, псамъ лютымъ, указывать буду... Не видать вамъ, псамъ, песочку...

Озлобились козаки.

— Ну, — говорятъ, — посмотримъ!.. ты еще, паря, угольковъ не пробовалъ... Небось, самъ псомъ залаешь, какъ съ пятокъ-то у тебя сало потечетъ... Вотъ, погоди, мы сейчасъ кострикъ разложимъ... дай срокъ!...

Стали они закуску спѣшно кончать, торопятся, бутылку глотокъ за глоткомъ по очереди кончили совсѣмъ, крестятся уже... Бѣда приходитъ Демьяну, — Семка уже и сучья сгребать сталъ.

Только и вышло здѣсь дивное дѣло,—помутились вдругъ у нихъ ни съ того ни съ сего головы... Языки не ворочаются, ноги не держатъ, руки не слушаютъ, тайга кругомъ завертѣлась въ глазахъ, одурь-дремота клонить ст ла совсѣмъ. Ровно бы, молъ, они оба по ведру однимъ духомъ хватили. Повертѣлись, помотали головами, пробурлыкали про себя что-то дивное, непонятное, да и хвать на-земь, въ повалку... Полазили по землѣ, ровно шальные, да и въ растяжку, храпѣть...

— Ну,—захрипѣлъ тогда Демьянъ съ дерева:—живо, Яшка, бери ножъ, да неси сюда. Будутъ они теперь храпѣть до полуночи, а то и дольше...

А Яшка и себѣ не вѣритъ, и Демьяну не вѣритъ. Лежитъ и глаза вытаращилъ, словно бы спятилъ.

— Тебѣ-ль говорю, Іуда?—осерчалъ Демьянъ:—айда, живо, песъ брехливый!

Схватился тутъ Яшка, добрался ползкомъ до ножа козацкаго, взялъ его связанными назадъ руками и поползъ къ Демьяну.

— Ой, Демьянъ, прости меня, братъ! Вина моя предъ тобою... сробѣлъ!

— Ну-ну! — хрипитъ Демьянъ: — что лясы точишь? Суй мнѣ рукоять въ ноги, невтерпежъ уже... Скорѣе!

Повернулся къ нему Яшка спиной, вложилъ рукоять Демьяну межъ сапогъ и сталъ тотъ пилить ему ножомъ веревки сзади.

Теперь ослобоняй скорѣе меня!—хрипитъ, когда Яшка расправилъ руки.—Скорѣе, паря!

— А ты простишь?—боится Яшка.

— Пили, Іуда!—заскрежеталъ зубами Демьянъ:—не то самъ сорвусь какъ-ни-какъ, худо, Яшка, будетъ... Пили!

— Не убьешь?—плачетъ Яшка.

— Не душегубъ я, пили!

Отпилилъ тотъ веревку, грохнулся Демьянъ на-земь, сталъ ему Яшка освобождать руки, а самъ все плачетъ: „Такъ и такъ, молъ,

Демьянушка, прости, не гнѣйвайся... Сробѣлъ я,—плачетъ,—думалъ, пропали совсѣмъ... ну, и устрашился".

Демьянъ лежитъ, въ себя приходитъ, ноги, руки расправляетъ, да и говоритъ ему погодя:

— Эхъ, Яшка, Яшка!.. слабый ты человѣкъ... Говорилъ я тебѣ, какъ въ дорогу шли: не бойся, околпачимъ козаковъ! Говорилъ?

— Говорилъ!—плачетъ Яшка.

— Ну, вотъ то-то, паря... А ты не послушалъ, сробѣлъ, да чуть было не подвелъ совсѣмъ... Что̀, кабы не разо̀брало, язви ихъ, такъ скоро,—пришлось бы мнѣ лютыхъ мукъ натерпѣться!..

— Прости ужо̀, Демьянушка,—плачетъ Яшка.—Прости меня, слабаго!

— Осподь тебя проститъ!—отвѣчаетъ Демьянъ.—А только знай, паря, что нѣтъ у Господа грѣха бо̀льшаго, какъ товарища подвести, али въ бѣдѣ оставить... Смертный это грѣхъ, Яшка, все равно, что отца-мать загубить... Самъ Осподь сказалъ, что за друга животъ класть надо... Кто своихъ подводитъ, али отъ своихъ отрекается,—тотъ Іудѣ проклятому братомъ становится. Такъ-то... Ну, да Осподь тебѣ прости,—слабъ ты...

Всталъ Демьянъ, кряхтитъ, ноетъ тѣло-то у него, не то морозомъ по немъ бѣжитъ, не то мурашки кусаютъ, ноги зудятъ и огнемъ горятъ, плохо держится, а крѣпится парень.

Оглянулся кругомъ, да и говоритъ снова Яшкѣ:

— Ну, братанъ, будетъ слезы точить, не дѣвка ты... Не слезьми, паря, грѣхи-то смываются... Поворачивайся!

— Что прикажешь, Демьянушка? — лиситъ Яшка.

— Какъ, что прикажу?... Самому-то невдомекъ, что ли? Стаскивай съ нихъ сапоги-то,— вишь, новенькіе,—намъ, бродяжкамъ, пригодятся... Онучи бери, сумочки то-жъ кожаныя, хорошія и провіантъ въ нихъ... Заработали мы ихъ лютою мукой, заслужили... На коней, да и айда!

Стащили они съ козаковъ сапоги да онучи, а тѣ и не шелохнутся, ровно мертвые спятъ, даже и глазъ не открыли, съ боку на бокъ не повернулись. Взяли козацкія сумочки, нагайки прихватили и повеселѣлъ совсѣмъ Яшка, смѣяться даже сталъ.

— Ну, и закатилъ ты имъ, Демьянушка, плепорцію!—говоритъ.—Какой-такой секретъ въ водку подпустилъ?... Головной ты человѣкъ, одно слово!

— Трава такая есть, сонъ-трава...—отвѣчаетъ Демьянъ.—На болотинахъ таёжныхъ ростетъ, клубень у нея есть, а въ клубнѣ томъ и сила вся. Опять, и ягода такая есть... Ну, паря, садись вершни *) и айда, съ Богомъ!

Сталъ Демьянъ на коня лѣзть, а Яшка и кричитъ ему:

---

*) На коня, верхомъ.

— Стой Демьянушка, а муниція-то что-жъ?.. кафтаны опять и все прочее?... Жалко бросать!

— Муниція казенная,—отвѣчаетъ Демьянъ:— намъ не къ лицу будетъ, не пристала... Куда намъ ее... Садись!

Вскочилъ Яшка соколомъ, повернули они коней назадъ, гдѣ Демьянъ золото зарылъ; чуть отъѣхали, а Яшка спохватился и говоритъ Демьяну:

— Ой, Демьянушка! не гоже мы съ тобой, братанъ, сдѣлали!

— Что такое?—спрашиваетъ Демьянъ.

— Какъ что? аль не разумѣешь? Очувствуются козаки, доберутся до пріиска и наскажутъ на насъ...

— И пусть наскажутъ, намъ-то что-жъ?... Надъ ними-жъ и посмѣются... Собрались богатыри бродяжекъ ловить, а сами и коней, и сапоги потеряли... Вотъ тебѣ и песочекъ, молъ,—не льстись на водку! И клясть же будутъ, паря, какъ опамятуются... То-то буркалы таращить будутъ.

Ухмыльнулся тутъ Демьянъ,—рѣдко онъ ухмылялся, а тутъ не выдержалъ. Любилъ онъ, правду сказать, такою злою шуткой врагу насолить, первое для него было дѣло—въ дуракахъ оставить... Смѣется,—ну, а Яшкѣ не до смѣху, не таковскій былъ.

— Такъ-то оно такъ,—говоритъ,—а все-жъ на насъ бѣда найдетъ... искать станутъ.

— Ну, и ищи!—смѣется Демьянъ.—Ищи-поискивай... Тутъ не Рассея... Въ Сибири-ма-

тушкѣ вольно вѣтеръ ходитъ... Опять тайга Божья! Ищи!... Пусть говорятъ, а ты, Яшка, свое, чуръ, помни бродяжье: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Такъ и стой на томъ!

Вздохнулъ Яшка.

— А все же, думается мнѣ,—говоритъ:—для вѣрности лучше бы справить козаковъ... Пра, слышь, лучше бы прикончить съ ими... Давай, слышь, порѣшимъ!

Остановилъ тутъ коня Демьянъ, оглянулся на Яшку, смотритъ на него, а лицо еще сильнѣе омрачилось, ровно бы пожелтѣлъ отъ хмурости.

— Ахъ, ты, Яшка, непутевый!—говоритъ, наконецъ:—слабый ты человѣкъ, а душа у тебя лютая, ровно бы у звѣря... Не зналъ я этого, не сдружился бы... Звѣрь ты, вотъ что, душегубъ! Развѣ воленъ кто жисти человѣка рѣшать, когда отъ Оспода она ему дадена?... Грѣхъ съ тобой! Осердилъ ты меня...

И тронулъ коня. Струсилъ Яшка, боится Демьянова гнѣва, раскраснѣлся весь и сталъ подъѣзжать лестью.

— Не серчай, Демьянушка!—говоритъ.—Я съ сердцовъ сбрехнулъ, слышь, за муки за ихнія... Поднимали-жъ они тебя на дыбу-то...

— Поднимали,—говоритъ Демьянъ:—это ихъ грѣхъ, за него и отвѣтъ дадутъ на судѣ Осподнемъ... Опять служба ихъ такая, на то и присягу брали. За все дадутъ отвѣтъ Осподу... Ну, а намъ съ тобой развѣ можно жисти рѣ-

шать ихъ? Въ оборонѣ оно не грѣхъ, потому каждому положено жизнь свою соблюдать, что дадена ему Осподомъ, а такъ, да еще сонаго,—страшный грѣхъ, Яшка... Не приведи Богъ, какой грѣхъ! Пташку,—да что пташку!—жука безвиннаго и то грѣхъ зря убить, потому все Осподне, всему Осподомъ жисть дадена. Всякая муха, трава всякая для-ради Оспода живутъ и Его хвалятъ. Какой же ты бродяжка будешь, ежели этого не понимаешь? Бродяжка—не душегубъ: онъ Оспода помнитъ, всякую тварь Осподню почитаетъ,—тайга-ль тамъ, али степь, али горы,—все Осподне, и все Ему мило *).

Поддакивалъ Яшка Демьяну, а самъ другое на умѣ держалъ. „Что ни говори,—ду-

*) Среди нѣкоторыхъ разновидностей бродяжьяго типа въ Сибири особенно выдѣляются двѣ: „лётные“ и „шатуны“. Первые бѣгутъ изъ каторжныхъ тюремъ или мѣстъ поселеній всегда въ опредѣленное заранѣе мѣсто, большею частью на родину, за Уралъ, и съ опредѣленною цѣлью: свиданія съ родными, мести врагамъ, воровского промысла и т. д. Вторые—бродяги по призванію, бродяги поэты... Съ началомъ весны ихъ манятъ воля и живая природа, тянутъ къ себѣ степь и тайга. Пробродивъ лѣто, они, обыкновенно, къ зимѣ сами возвращаются въ тѣ мѣста, откуда бѣжали. „Шатунъ“ всегда немножко поэтъ, по міровоззрѣнію преимущественно представитель своеобразнаго пантеизма, добродушенъ и мягокъ по природѣ. Въ жизни его большею частью играетъ роль какой-нибудь „случай“ или „несчастье“ которое и приводитъ его на каторгу, а не то среда, вліяніе болѣе энергичныхъ характеровъ, потому что „шатунъ“ податливъ и замѣчательно вѣрный товарищъ. Къ нимъ по преимуществу приложимъ эпитетъ „несчастный“, которымъ народъ русскій называетъ всѣхъ вообще арестантовъ и ссыльныхъ.

малъ, – а все-жъ лучше было бы, кабы порѣшили... спокойнѣе". Да и амуниціи жалко было,—жаденъ былъ Яшка. Вотъ подъѣхали они къ тому мѣсту, гдѣ Демьянъ золото зарылъ, сразу Демьянъ дерево узналъ,—глазъ у него былъ примѣтливый, бродяжій,—слѣзъ съ коня, вырылъ золото; Яшкино Яшкѣ отдалъ, себѣ свое взялъ, да и говоритъ:

— Ослабъ я,—говоритъ,—на дыбѣ висѣвши. Тѣло болитъ... Поотдохнемъ, Яшка, полягемъ часочекъ... На вершни-то опосля мы много уйдемъ.

— А ежели козаки очувствуются, да сюда набредутъ?—говоритъ Яшка.—Хорошо-бъ поотдохнуть, только боязно...

— Сказалъ тебѣ: раньше полуночи не очувствуются, чего-жъ еще? Часикъ можно... Поѣдимъ.

Стреножили коней, поѣли ребята и свое, и козацкій провіантъ—и полегли, захрапѣли. Сладко спится Демьяну, только чутокъ бродяжій сонъ. Почудился ему не то шумъ, не то шелестъ какой, проснулся, открылъ глаза, оглянулся,—шасть, анъ Яшки-то и слѣдъ простылъ. Удивился сначала Демьянъ,—со сна-то и не разберешь сразу,—сѣлъ, смотритъ, оба коня на-лицо, а Яшки нѣтъ. И сразу ему въ башку ударило, смекнулъ парень, ровно бы шепнулъ ему кто. Такой ужъ догадливый человѣкъ былъ. Поднялся и бѣгомъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ козаки спали. Добѣжалъ,

раздвинулъ сучья, глянулъ—анъ, Яшка-то тутъ, къ козакамъ тянется, а у самого ножъ въ рукѣ.

— Стой!—крикнулъ Демьянъ:—стой, непутевый ты человѣкъ! Что задумалъ?!

Вздрогнулъ Яшка, такъ и окаменѣлъ съ испугу.

— Что, звѣрь лютый, надумалъ, а? Душегубъ лѣсной!.. Что дѣлаешь?

— Ничего...—говоритъ Яшка, а самъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, лицо бѣлое, что полотно, стало, и глаза таково злобно на Демьяна глядятъ.—Я такъ... ничего.

— Ничего?—кричитъ Демьянъ.—А ножъ-атъ у тебя въ рукѣ зачѣмъ, разбойникъ?

— Ножъ-атъ? — переспрашиваетъ Яшка. — Ножъ?...

Глянулъ злобно на Демьяна, глянулъ на ружья козацкія, что у дерева стояли, дрожитъ, не то кинуться хочетъ, не то не вѣсть что, только и Демьянъ не будь плохъ: сиганулъ впередъ, схватилъ ружье козацкое, наставилъ въ Яшку и кричитъ ему:

— Убирайся, душегубъ, куда глаза глядятъ, не то убью тебя, какъ пса, на мѣстѣ... Не товарищъ ты мнѣ теперь, Іуда!... Пожалѣлъ я тебя, какъ ты со страху предалъ меня, висячаго... Жалко было кинуть: слабъ, думалъ, человѣкъ, опять же грѣхъ товарища въ пути кидать... Ну, а теперь не товарищъ ты мнѣ, а душегубъ лютый. Крови тебѣ, псу, надо человѣческой...

Стоитъ Яшка ни живъ, ни мертвъ, голову опустилъ, словъ не находитъ, а Демьянъ опустилъ ружье и говоритъ снова:

— Иди-жъ, душегубъ, куда хочешь, на полночь, на полдень, въ какую хошь сторону, только не моимъ слѣдомъ... Да не попадайся ты мнѣ, окаянный, береги тебя дьяволъ, а не то худо будетъ... Пропади, чтобъ и слыхомъ о тебѣ не слыхано было... не то разславлю тебя... Вонъ твоя сторона, вонъ моя!

И пошли они въ разныя стороны.

Ушелъ Яшка, да не долго и мотыжилъ съ тѣхъ поръ по Божьему свѣту. Не любилъ его бродяжій міръ, а тутъ еще новый грѣхъ попуталъ: на бродяжей тропѣ *) бабу обидѣлъ,— охочъ и ласъ былъ до бабъ. Обидѣлись мужики на бродяжекъ, грозились ловить и не пускать болѣе, насилу-то бродяжки и отмолились за Яшкино злодѣйство... А ему не сошло: бродяжьимъ судомъ судили Яшку, а извѣстно ужъ, какой это судъ бываетъ: застукали Яшку въ тайгѣ, связали его, раздѣли до-нага, набили въ ротъ травушки, да и положили плашмя на муравейникъ...

---

*) Такъ называется путь, которымъ бродяжки и бѣглые пробираются на западъ къ Уралу. Извѣстна высоко-гуманная черта сибирскаго народа, оставляющаго всегда на ночь на заваленкѣ избы квасъ или молоко и хлѣбъ для „божьяго путника“. За то и отъ бродяжекъ никогда не бываетъ „грѣха“ для окрестнаго населенія, а если и выдастся какое-нибудь рѣдкое озорство со стороны кого-нибудь изъ нихъ, то всегда оно строго наказывается самими же бродяжками. Судъ въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ скорый и жестокій.

Только косточки бѣлѣютъ теперь на томъ мѣстѣ.

Такъ вотъ каковъ былъ Демьянъ Гони-Вѣтеръ. Бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто, всѣ вольныя промывки *) перебродилъ и занесло его на пріискъ къ Юрію Николаевичу. Слабый пріискъ былъ, мѣсто низкое, болотное, добыча малая, невѣрная, да и народъ собрался все плохой больше, неумѣлый,—почитай, одинъ „хлюстъ“ **),—такъ что весь „ходъ“ на одномъ Демьянѣ, поди, и держался только. И житье плохое было, припасу еле-еле хватало; въ землянкахъ, гдѣ золотники жили, отъ низкаго мѣста вода стояла, только два сруба и поставлено было: подъ хозяйское жилье, да кладовую. Невесело работа шла, хоть и лисилъ Юрій Николаевичъ передъ всѣми и никому отъ него пока ни обидъ, ни прижимокъ не было.

А больше всего лисилъ онъ съ Демьяномъ,—нужный ему человѣкъ былъ, первый мастеръ,—да и побаивался онъ его, правду сказать. Сметливъ былъ,—сразу понялъ, съ кѣмъ дѣло имѣетъ. Подчасъ ему казалось даже, что изъ-подъ своихъ вѣчно опущенныхъ угрюмо рѣсницъ тотъ всегда упорно вглядывается въ него и точно прозрѣваетъ насквозь. Не любилъ такихъ людей Юрій Николаевичъ, крѣпко не жаловалъ, и всегда, бывало, чуть встрѣтитъ

*) Тайные пріиски.

**) Презрительная кличка новичковъ въ пріисковомъ дѣлѣ.

его, сейчасъ и закуситъ свой черный усъ, брови сдвинетъ, глаза въ раскосъ пуститъ и залиситъ съ нимъ тутъ же сладенькимъ голоскомъ: „Демьянушка“ да „молодецъ-богатырь“,—иначе и не звалъ его.

— Любитъ онъ тебя, Демьянушка, отличаетъ!—не разъ говорили золотники, принимавшіе эту ласковость за чистую монету.

Хмурый, молчаливый Демьянъ только крякалъ на такія рѣчи, но разъ не выдержалъ:

— Любитъ, братаны, любитъ!—загадочно и полу-насмѣшливо подтвердилъ онъ.—Чай, лиса тоже зайчика любитъ! Ну, да насъ за хвостъ не поймаешь!

Засмѣялись золотники на такое слово.

— Оно, конешно, Демьянушка: хозяйская любовь отъ своей же выгоды... Что и говорить, братанъ! А все же, кажись, паря, хозяинъ-то какъ будто и ничего... Ласковый!...

Но Демьянъ не сказалъ больше ни слова, не хотѣлъ зря смущать народъ, хотя и чуялось ему, бывалому человѣку, крѣпко чуялось, что какъ будто не добромъ дѣло кончится.

„Тертый! — думалъ про Юрія Николаевича:—прожженный! Видать звѣря по слѣду... И лиситъ больно, ровно бы ходъ хвостомъ заметаетъ!... Не ладно что-й-то!“...

А дѣло, дѣйствительно, было не ладно. Пока золотники денегъ не брали, забирали все имъ нужное въ счетъ изъ кладовой: харчъ, платье, обувь, разбавленный спиртъ,— но запа

совъ становилось все меньше, время разсчета близилось съ каждымъ днемъ, а денегъ не было. Круто приходилось Юрію Николаевичу,— зналъ онъ, что золотники не потерпятъ обиды и жестоко расплачиваются за нее съ обидчикомъ. Таково уже исконное правило вольныхъ пріисковъ: никогда не тронутъ золотники хозяйскаго добра, страшно досталось бы отъ своихъ же вору, судили бы его своимъ „кругомъ", судомъ жестокимъ и скорымъ, но за то и свою обиду хозяину не простятъ они,— расправа была бы та же. Правда, на рукахъ было намытое золото, но Юрій Николаевичъ разстался бы съ нимъ только вмѣстѣ съ жизнью, а дорожилъ онъ ею крѣпко.

Оставалась одна надежда на тестя, и приналегъ Юрій Николаевичъ на жену, пригрозилъ ей бѣдой всѣмъ, и Сашуркѣ, конечно, если денегъ для разсчета не будетъ. Оторопѣла отъ ужаса несчастная и написала отцу, прося денегъ уже не для мужа, а для спасенія себя и дочки, — знала, что въ такомъ случаѣ отецъ не откажетъ: изъ-подъ земли достанетъ, а выручитъ. Весь ужасъ свой описала, все свое злосчастье въ таежной глуши среди страшнаго бродячаго люда и звѣря лѣсного, откуда цѣлыхъ шесть сутокъ ѣзды до ближайшаго почтоваго пункта было,—все написала. Не мѣшалъ, не перечилъ теперь Юрій Николаевичъ, самъ бы еще всякихъ страховъ подбавилъ, лишь бы заставить тестя раскошелиться. Улы-

бался про себя даже: „Завертится, молъ, старый скаредъ, мигомъ пришлетъ!“ Повеселѣлъ.

— Будетъ намъ, дѣвка, на орѣшки!—сказалъ онъ повеселѣвшей тоже Маланьѣ, ущипнувъ ея пухлую руку.—Припугнулъ дуру,—она и написала своему скареду страховъ... Ужъ такъ расписала!...

Оба захохотали, но въ сердцѣ Маланьи, все-таки, защемила жалость. Въ глубинѣ души она жалѣла „дуру“,—иначе она не называла Марью Сидоровну,—хотя и презрительно жалѣла, какъ всякая незлая, счастливая соперница. А злобы не было у этой дебелой хохотуньи

IV.

Жутко приходилось Марьѣ Сидоровнѣ на пріискѣ, такъ жутко, какъ никогда еще. По цѣлымъ днямъ убивалась и слезы лила втихомолку, боясь, въ то же время, попасться на глаза мужу, который не выносилъ этихъ слезъ, кричалъ на нее, топалъ ногами, ругался. Къ счастью, встрѣчи съ нимъ были рѣдки, къ ней онъ и не навѣдывался даже, проводя все время на работахъ или на охотѣ, а затѣмъ на своей половинѣ съ Маланьей. Срубъ ихъ былъ шестистѣнный, на двѣ половины; въ одной жила она съ дочерью, въ другой, черезъ узкія сѣни,—Юрій Николаевичъ съ Маланьей.

Извелась она въ конецъ такъ, что и узнать ее было трудно отъ вѣчныхъ слезъ, тревожныхъ, безсонныхъ ночей и постояннаго страха. Всего боялась она на пріискѣ, всего дрожала. И звѣря лѣсного, что бродилъ порой у самаго сруба, и страшнаго на видъ бродяжьяго люда, буйнаго, грубаго, жившаго,—такъ казалось ей,—одною лютою жаждой крови и презиравшаго, ненавидѣвшаго ея мужа, постоянно твердившаго ей, что она стоитъ на его пути тяжелымъ камнемъ, смотрѣвшаго на нее злыми, холодными глазами. Иногда, въ безсонныя ночи, среди царившей кругомъ непробудной тишины, ей болѣзненно чудился за стѣной тревожный шепотъ, въ которомъ подозрительно настроенный умъ угадывалъ непремѣнно сговоръ соперницы съ мужемъ извести ее вмѣстѣ съ дочерью. Въ ужасѣ вскакивала она и бросалась къ образу съ жаркою молитвой, молясь до изнеможенія, до полнаго упадка силъ, пока не падала въ какомъ-то полу-обморочномъ снѣ. Нервы ея расшатались совсѣмъ, порой она сама себя спрашивала: не помѣшалась ли?... Такое состояніе обострялось еще больнымъ сознаніемъ собственной вины, позднимъ, безсильнымъ и потому невыразимо жгучимъ раскаяніемъ въ томъ, что во всемъ виновата она же сама.

— Если что случится съ Сашуркой, — то и дѣло повторяла она про себя: — я виновата, я подвела ее... Отчего не осталась у

отца, отчего не убѣжала?... О, глупая, глупая, глупая!

И, съ трудомъ подавляя, чтобы не пугать дѣвочку, готовый разразиться истерическій припадокъ, она и проклинала себя, и клялась, что останется у отца, если Богъ спасетъ ее съ дочкой отсюда. Не будь у нея Сашурки, она, навѣрное, наложила бы на себя руки. По крайней мѣрѣ, мысль о самоубійствѣ приходила ей въ голову часто, но, вспомнивъ о дочкѣ, она съ ужасомъ открещивалась. Разъ Сашурка проболѣла нѣсколько дней и въ одну изъ особенно тревожныхъ ночей, когда дѣвочка металась въ безпамятствѣ и жизнь ея, казалось, уступала въ борьбѣ со смертью, Марья Сидоровна впилась сухими, блестѣвшими неподвижно глазами въ желѣзный крюкъ, вбитый въ стѣну, котораго она какъ-то совсѣмъ не замѣчала раньше. Этотъ крюкъ манилъ ее и тащилъ къ себѣ какою-то почти сверхъестественною силой. Она не могла отвести отъ него обезумѣвшихъ глазъ и, въ то же время, холодныя руки ея безсознательно, сами собой какъ-то или повинуясь чьему-то неотразимому внушенію, теребили, свивали и спутывали поясъ. Еще немного и она, можетъ быть, не устояла бы. Что спасло и удержало ее, она сама не знала и не понимала. „Одинъ Богъ!“—говорила Марья Сидоровна. Она помнила только, что въ ночной тишинѣ раздался внезапно рѣзкій протяжный окрикъ пріисковаго сторожа и

съ этимъ окрикомъ свалился съ нея тяжелый кошмаръ, смѣнившись истерическимъ припадкомъ. Съ тѣхъ поръ этотъ крюкъ наводилъ на нее ужасъ, отъ взгляда на него у нея пробѣгалъ морозъ по спинѣ. Ей чудилась въ немъ какая-то скрытая влекущая сила и она успокоилась только послѣ того, какъ его вытащили. Но и самое мѣсто, гдѣ былъ онъ вбитъ, его темный слѣдъ бросалъ ее въ дрожь,—она всегда боялась поднять туда свои глаза.

— Не уйти мнѣ отъ грѣха... Охъ, не уйти! Господи, спаси меня!—молилась она съ ужасомъ, когда что-нибудь нагоняло на нее особенно мрачное настроеніе.—Нѣтъ уже у меня силъ, вся извелась!..

Она хватала тогда свою Сашурку, плача, осыпала ее поцѣлуями и тутъ понемногу успокаивалась. Близость ребенка, ощущеніе теплоты его тѣла точно согрѣвали ея застывшую душу.

Говорятъ, человѣкъ не можетъ *всего* бояться, расплыться, такъ сказать, въ безпредметномъ страхѣ: запуганный, онъ непремѣнно на чемъ-нибудь одномъ сосредоточиваетъ эту свою запуганность и свою боязнь. Такъ, говорятъ, и новичокъ въ перестрѣлкѣ выберетъ себѣ какую-нибудь точку, показавшуюся ему почему-либо страшнѣе другихъ, уставится на нее испуганными глазами и непремѣнно оттуда именно ждетъ себѣ бѣды, хотя огонь идетъ по всей линіи и пули свистятъ со всѣхъ сторонъ. Марья Сидоровна, по крайней мѣрѣ,

свела свою боязнь всего на пріискѣ, свой вѣчный трепетъ на два ужаса: одинъ былъ закравшееся подозрѣніе, что мужъ съ Маланьей готовы ее извести, которое преслѣдовало ее больше по ночамъ, другой—высокій, хмурый Демьянъ, преслѣдовавшій ее вездѣ и всегда. Она сама не могла отдать себѣ отчета, что собственно въ Демьянѣ приводило ее въ такой трепетъ, но видъ его наводилъ на нее положительный ужасъ. Ей вѣчно чудилось, что у него кровавыя руки, что онъ таитъ въ себѣ какое-то страшное, задуманное зло, собирается поджечь или, самое главное, сдѣлать что-нибудь ея Сашуркѣ. Это была какая-то странная, нелѣпая галлюцинація, перешедшая чуть ли не въ убѣжденіе,—тѣмъ болѣе странная, что на пріискѣ были люди съ болѣе мрачными лицами, чѣмъ у Демьяна. Что̀ тутъ была за причина, трудно сказать; можетъ-быть, Марья Сидоровна подмѣтила робость, съ какой относился къ нему даже безстрашный, на все готовый Юрій Николаевичъ, и это на нее такъ подѣйствовало, а, можетъ, и случайный испугъ. Передъ тѣмъ какъ писать Сидору Карпычу, напуганная до-нельзя ужасами, нарисованными ей мужемъ, обезсиленная, она усѣлась у открытаго окна и разрыдалась. Она не сдерживалась и рыдала навзрыдъ. Былъ уже поздній вечеръ, мужъ ушелъ на охоту, кругомъ не было никого, кромѣ мирно спавшей Сашурки, и стѣсняться было нечего и некого. Судорожныя рыданія ея

какъ бы отдѣльными отрывистыми взрывами, то слабѣвшими, то усиливавшимися, будили глухое безмолвіе неподвижной тайги. Наконецъ, она успокоилась немного, вытерла слезы, подняла склоненную на руки голову и, отчаянно вскрикнувъ, отшатнулась въ ужасѣ. Прямо передъ собою, въ нѣсколькихъ шагахъ, она разглядѣла высокую фигуру Демьяна и устремленный на нее неподвижно взглядъ его темныхъ, какъ будто блестѣвшихъ глазъ.

Съ тѣхъ поръ она не только боялась его, она задыхалась, замѣтивъ его издали. При встрѣчахъ, не рѣшаясь сама поднять на него свои глаза, она чувствовала, что тотъ смотритъ на нее, и, казалось, видѣла, ловила закрытыми глазами его неподвижный взглядъ... Что̀ было въ этомъ взглядѣ: угроза-ль, злоба, жалость, сожалѣніе,—она не могла бы отвѣтить; что̀ ее страшило—она тоже не знала. Но онъ страшилъ ее не меньше, если не больше, чѣмъ холодный, стальной взглядъ способнаго извести ее Юрія Николаевича.

И нужно-жъ было такъ, чтобъ именно Демьянъ оказалъ ей неоцѣнимую услугу.

Всѣ хозяйственныя хлопоты, инвентарь, кладовую мужъ, конечно, взвалилъ на ея плечи, потому что веселая Маланья бѣгала всякаго труда и менѣе всего годилась вести хозяйство. Марья Сидоровна была экономна, бережлива, аккуратна, любила порядокъ и съ этой стороны, конечно, была очень нужна Юрію Нико-

лаевичу. Такую вѣрную рабыню-хозяйку за деньги нельзя найти; въ душѣ онъ не разъ сознавался себѣ въ этомъ, хотя такое сознаніе ничуть не поднимало ее въ его глазахъ. Все это онъ принималъ какъ должное, свыкся съ нимъ такъ, что оно нисколько не мѣшало ему третировать и обижать ее, тѣмъ болѣе, что она сама какъ будто пріучала его къ такому обращенію своею кротостью и безропотностью. Кротость, безропотность, податливость далеко были не такія свойства, которыя уважалъ бы этотъ безшабашный жуиръ, свалившій ихъ въ одно общее презрительное понятіе: „слезливость“. Маланья, которая всегда сама могла дать сдачи, которую вѣчно приходилось ловить и держать, вѣчно будившая ревность и подозрительность, въ его глазахъ, конечно, была и неизмѣримо выше, и привлекательнѣе, и интереснѣе. Она была „женщина“, „огонь-дѣвка“, а не „выжатая мокрая тряпка“ или „простокваша“, какъ по-своему образно выражался, сравнивая жену съ любовницей, Юрій Николаевичъ, находя въ такомъ сравненіи нѣчто въ родѣ оправданія себѣ.

Хлопотъ у Марьи Сидоровны было много,—вся мелочная хозяйственная работа лежала, такимъ образомъ, на ней одной. По цѣлымъ часамъ приходилось возиться въ кладовой, отпускать, отмѣривать, отвѣшивать и,—что было, конечно, самымъ тяжелымъ для нея,—сталкиваться съ страшнымъ для нея бродяжьимъ

людомъ. Демьянъ былъ артельнымъ старостой и чаще всего поэтому ей приходилось имѣть дѣло съ нимъ. И, странное дѣло: ни его молчаливость, ни видимая робость и что-то въ родѣ застѣнчивости, проглядывавшія въ его обращеніи съ нею, ни покорность, съ какою онъ принималъ все, не покушаясь даже на протесты и пререканія, столь обычныя у старостъ съ „кладовщиками",—ничто не могло разсѣять подозрѣній и предубѣжденій Марьи Сидоровны. Напротивъ, все это скорѣе укрѣпляло ея недружелюбіе, наводя на мысль, что тотъ маскируетъ такимъ образомъ свои злые замыслы, поддѣлывается съ какими-то сквернымъ цѣлями. Всѣ на пріискѣ ясно видѣли, что Демьянъ какъ-то особенно мягко относится къ „барынѣ", всегда первымъ спѣшитъ оказать услугу, жалостливъ къ ней, изъ-за нея же, пожалуй, не взлюбилъ бойкую Маланью, которой отъ него доставалось-таки порядкомъ при всякомъ удобномъ случаѣ,—не видѣла этого только сама „барыня". Такъ она уже запугалась, такъ измаялась, что и въ голову не могло придти ей, чтобы кто-нибудь могъ пожалѣть ее или относиться мягко здѣсь, въ этомъ страшномъ пріискѣ.

За возней въ кладовой разъ Марья Сидоровна и не замѣтила, какъ Сашурка исчезла съ того мѣста, гдѣ играла у сруба. Когда она хватилась ея, дѣвочки и слѣдъ простылъ. Захватило у нея дыханіе, покачнулась она, за-

дрожала, но мигомъ какъ-то овладѣла собой и сразу измѣнилась. Совсѣмъ не та женщина стала. И страхъ, и робость, и забитость,— все это куда-то провалилось, исчезло, точно и не было вовсе, и передъ всѣми явился нежданно совсѣмъ новый человѣкъ,—смѣлый, рѣшительный, энергичный, съ лихорадочно блестѣвшимъ взглядомъ, властно распоряжавшійся и быстро отдававшій приказанія. Юрій Николаевичъ, попробовавшій было выругаться и что-то закричавшій по поводу поднятой ею суеты, сейчасъ же стушевался. Она только взглянула на него—и онъ оторопѣлъ и замолчалъ отъ этого страннаго, совсѣмъ незнакомаго ему взгляда. Послѣ, придя въ себя, онъ даже сплюнулъ съ досады, пробормотавъ про себя: „Ишь, взбѣленилась какъ!.. точно волчица!“ И, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она походила теперь на волчицу, для спасенія щенятъ смѣло бросающуюся на огонь стрѣлка. Забывъ всякій страхъ, она прямо кинулась на пріискъ, остановила работы и послала людей въ поиски за дѣвочкой. Неподдѣльное участіе, встрѣченное ею тутъ, переполохъ этихъ страшныхъ прежде, мрачныхъ людей, ихъ готовность помочь, сожалѣнія и соболѣзнованія, высказанныя ими такъ искренно, что даже ея ухо не могло усомниться,—все это нисколько ее не удивило: иначе, казалось ей, и быть не могло. Она не отдавала себѣ отчета, гдѣ она, кто даритъ ее такимъ участіемъ, ей не было вре-

мени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ одной Сашурки. Только значительно позже, придя въ себя, успокоившись, она вспомнила все, удивилась своей храбрости и этой странной мягкости и душевности жестокихъ и злыхъ, какъ она думала, людей, проявившихъ вдругъ столько участія и ласки,—удивилась и невольно задумалась. „Вотъ, подите же,—подумала она тогда впервые: — и у нихъ, значитъ, есть сердце!“

— Идите, идите!— громко кричала она столпившемуся люду.—Бросайте работу, ищите Сашурку!.. О, Господи!.. можетъ быть, ее медвѣди разорвали!

— Что ты, матушка-барыня!—успокаивали ее страшные люди, взволнованные и встревоженные:—что ты, Богъ милостивъ!...

Они окружили ее гурьбой, успокаивали, усаживали на свои кафтаны, увѣряли, что найдутъ дѣвочку.

— Найдемъ, найдемъ!—говорили они въ перебой:—Осподь милостивецъ не попуститъ зла младенцу... Найдемъ, будь покойна, барыня...

— Найдите, добрые люди,—я за васъ Бога молить буду... я... я...—Но тутъ ей помѣшали слезы. Онѣ хлынули, наконецъ, сами собою, безъ удержу. Повалившись на чей-то изорванный кафтанъ среди брошенныхъ мотыгъ и заступовъ, она плакала, закрывъ лицо руками, пока ея слуха не коснулся шумъ приближавшейся толпы и радостные возгласы. Она за-

дрожала вся, подняла голову и, радостно вскрикнувъ: „Сашурка"!—кинулась впередъ стрѣлою.

Впереди приближавшейся бродяжьей толпы на чьихъ-то дюжихъ рукахъ спокойно сидѣла, улыбаясь, ея любимица-дочка. Несъ ее Демьянъ.

— Нашли, нашли!.. Вотъ она, здоровехонька!— галдѣли кругомъ, но Марья Сидоровна ничего не слыхала, ничего не видала, кромѣ своей Сашурки и ея улыбки. Не помнила она даже, какъ бросилась въ ноги Демьяну и лихорадочными устами говорила ему: „Спаси тебя Богъ!"— на что тотъ неуклюже топтался на мѣстѣ и, поблѣднѣвъ, сталъ какъ будто задыхаться немного,—ничего она не помнила. Схватила съ рукъ Сашурку, осыпала ее поцѣлуями, унесла къ себѣ на рукахъ и долго затѣмъ не могла еще придти въ себя, опомниться. Въ груди все что-то схватывало и плакать хотѣлось...

Съ тѣхъ поръ характеръ ея отношенія къ Демьяну измѣнился. Къ неумиравшему страху примѣшалось чувство признательности, смягчившее отчасти первое, сдѣлавшее его не такимъ острымъ и болѣзненнымъ. Все-таки, ей дѣлалось жутко, когда Сашурка съ того дня безбоязненно ласкалась къ этому мрачному, дюжему гиганту, и онъ поднималъ ее своими сильными руками, улыбаясь и заигрывая съ ребенкомъ. Даже когда онъ приносилъ ей свои самодѣльныя игрушки,—телѣжки, бочки,—иногда очень хитро собранныя, Марьѣ Сидоровнѣ становилось жутко, хотя она и силилась улыбнуться,

привѣтливо и ласково благодарила. Странное было это чувство, неестественное: и страхъ, и признательность. Иногда, впрочемъ, вспоминая участіе, съ какимъ встрѣтили ея бѣду всѣ эти страшные люди, ей дѣлалось какъ-то неловко за свой страхъ: точно виноватой передъ ними чувствовала она себя, но совладать съ боязнью, все-таки, не могла.

Такъ прошло у нея лѣто. Осень наступала быстро, слякотная, промозглая, съ холодными туманами, и наложила на дремучую тайгу еще болѣе грустныя и мрачныя краски. Все стало мрачнѣе—и природа, и люди. Работы близились къ концу, приближался часъ „разсчета". Юрій Николаевичъ хмурился больше и больше, а отъ Сидора Карпыча все еще не было ни слуху, ни духу. Два раза ѣздилъ онъ уже за сотни верстъ на почту, но возвращался оба раза ни съ чѣмъ,—только сильнѣе озабоченный. Жгучая тревога охватила и Марью Сидоровну: знала она, что отецъ никогда не замедлитъ явиться ей на помощь, лишь получитъ письмо. „Не боленъ ли? живъ ли?"—то и дѣло тревожно недоумѣвала она и отъ одного представленія, что онъ боленъ или что она осталась одна, у нея отъ ужаса подкашивались ноги.

— Нѣтъ, Богъ милостивъ!.. не допуститъ...—крестилась Марья Сидоровна:—не попуститъ насъ на гибель!

И она успокаивалась на мгновенье, чтобы черезъ минуту снова задрожать отъ этихъ

страшныхъ вопросовъ. И въ голову не приходило ей, что Сидоръ Карпычъ могъ уѣхать, что ея письмо лежало въ пустомъ домѣ нераспечатаннымъ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Передъ самымъ разсчетомъ, дня за два, Юрій Николаевичъ въ третій разъ вернулся съ почты. Только взглянула на него Марья Сидоровна, такъ и обмерла: сразу поняла, что вернулся онъ снова съ пустыми руками, что какой-то страшной бѣды не миновать. Жаръ разлился по ней и, въ то же время, всѣ члены окоченѣли, точно мертвые,—только сердце застучало часто и сильно. А тотъ не сказалъ ей ни слова, прямо прошелъ къ себѣ на половину, пошептался о чемъ-то съ Маланьей, выпилъ и совсѣмъ почти пьяный ввалился къ ней только передъ вечеромъ. Бросилась къ нему Марья Сидоровна съ забившимся въ страхѣ сердцемъ, съ окоченѣвшими устами, которыми такъ и не могла выговорить рокового вопроса, и остановилась, какъ вкопанная,—такъ холодно глядѣли его пьяные глаза.

Потоптался онъ пьяный, покачался, скривилъ губы злою улыбкой, оглядѣлся кругомъ, точно соображая или припоминая что-то, и сказалъ, наконецъ, заплетающимся языкомъ:

— Ну-съ, госпожа, второй гильдіи купеческая дочка, наслѣдница тысячная,—теперь ужъ сами изворачивайтесь... Пожалѣлъ, видно, тятенька, купецъ-тысячникъ, родной дочкѣ копѣечку!

Не разслышала и не поняла Марья Сидоровна,—такой шумъ стоялъ у нея въ ушахъ.

— Да, пожалѣлъ!—продолжалъ мужъ плохо служившимъ языкомъ, все такъ же язвительно улыбаясь и качаясь на мѣстѣ.—Ну, и чортъ съ нимъ! Сами изворачивайтесь за то, а ужъ на меня не надѣйтесь... не надѣйтесь, чортъ побери!...

Онъ хотѣлъ хлопнуть кулакомъ по столу, но промахнулся, потерялъ равновѣсіе, закачался и чуть не грохнулся на-земь.

— Да что съ отцомъ?—вырвалось у нея, наконецъ, крикомъ.

Онъ потоптался, все такъ же улыбаясь, точно соображая, какъ всѣ пьяные, когда имъ задаютъ въ упоръ вопросы.

— А чортъ его знаетъ, что съ нимъ!... Только на меня не надѣйтесь... Слышите? Не надѣйтесь!.. Нѣтъ, дудки!... Не надѣйтесь!—И, бормоча все одно и то же, онъ вывалился изъ горенки. У Марьи Сидоровны захватило дыханіе, подкашивались ноги, но ее привелъ въ себя окрикъ проснувшейся Сашурки.

Нужно было думать, напрягать всѣ свои силы, чтобъ извернуться отъ грозившей бѣды. Какая это была бѣда, чѣмъ она грозила, что таила въ себѣ,—Марья Сидоровна не знала, не подозрѣвала даже. Но бѣда придетъ,—объ этомъ говорило ей все вокругъ, это подтвердилъ ей и пьяный лепетъ мужа. Она не могла ни молиться, ни плакать, ни думать, и всю

ночь прометалась точно въ бреду... Что-то должно случиться, что-то ужасное, жестокое, злое, — только одно это и сознавала она, ясно и широко открытыми глазами всматриваясь въ мирно спавшую дѣвочку, какъ бы надѣясь провидѣть это грозившее зло. Голова ошеломленная совсѣмъ отказывалась работать. За стѣной она слышала долгій сдержанный шепотъ, какую-то возню, точно бы укладывали вещи, но все это теперь ускользало какъ-то отъ ея вниманія, не тревожа, не будя подозрѣній,—до того она была разбита и подавлена. Значитъ, такъ и нужно... Къ бѣдѣ это, которой не миновать!—только и могла бы она сказать себѣ. Это былъ тотъ жестокій столбнякъ страха, та безъисходная подавленность, что, парализуя и волю, и энергію, и сознаніе жертвы, дѣлаетъ ее неподвижной передъ самою страшною катастрофой и заставляетъ овцу, напримѣръ, неподвижно и медленно сгорать въ объятомъ пламенемъ сараѣ.

Даже утромъ, проснувшись отъ короткаго лихорадочнаго сна, похожаго скорѣе на забытье, и узнавъ, что Маланья уѣхала съ пріиска, она не встревожилась, не придала этому особаго значенія,—ну, значитъ, такъ нужно, и легко повѣрила мужу, что тотъ послалъ ее куда-то за деньгами, необходимыми для разсчета, который онъ отложилъ на нѣсколько дней, до пріѣзда Маланьи. Даже то, что мужъ, лгавшій обыкновенно нагло, съ открытыми гла-

зами, смѣло, теперь какъ-то путался, запинался, объясняя ей внезапный отъѣздъ Маланьи,—почти робѣлъ и конфузился,— даже это ускользнуло отъ нея...

Только къ ночи спохватилась она, опомнилась. Ночь была лунная и въ неясномъ лунномъ свѣтѣ она, все-таки, хорошо разглядѣла, какъ Юрій Николаевичъ крался тихо къ конюшнѣ, сѣдлалъ послѣдняго коня, приворачивалъ къ сѣдлу мѣшокъ съ провизіей. Сердце ея застучало сильно... Она точно проснулась, все незамѣченное ею до сихъ поръ вспомнилось какъ-то сразу и вылилось въ опредѣленное страшное подозрѣніе; она ожила и задрожала отъ ужаса, но было уже поздно... Кинувшись въ сѣни, Марья Сидоровна столкнулась съ выходившимъ мужемъ, тепло одѣтымъ, какъ одѣваются въ дальній путь, и схватила его за руку.

— Ты куда?—зашептала она, дрожа какъ въ лихорадкѣ, — говорить она не могла. — Ты куда?—И ея слабыя руки съ неестественною силой сжимали и тянули его руку.

Юрій Николаевичъ растерялся сначала и молча старался только вырвать свою руку, но пальцы жены впились въ нее какъ желѣзные.

Въ головѣ у нея вспыхнуло вдругъ ужасное подозрѣніе.

— Ты хочешь насъ кинуть?!—шептала она запекшимися губами.—Ну, скажи же, скажи!.. да?!

Шла борьба. Такъ же молча мужъ старался освободиться и задыхался въ своей шубѣ, а жена, напрягая всѣ силы въ этой борьбѣ, шептала все одно и то же, какъ бы вѣря и не вѣря себѣ. Она хотѣла крикнуть, но не могла: изъ горла выходилъ одинъ тихій шепотъ.

— Неужели ты насъ кинешь, Юрій?!—взмолилась она тѣмъ же шепотомъ, слабѣя, наконецъ, въ этой борьбѣ.—Да скажи же хоть слово... Юрій! Неужели?...

Онъ вырвался, наконецъ, и, вмѣсто отвѣта, сильно толкнувъ ее назадъ, быстро выбѣжалъ изъ сѣней, захлопнувъ за собою дверь. У него тоже, кажется, не двигались уста,—тяжело же въ самомъ дѣлѣ причинять зло.

— Кинулъ... — прошептала только Марья Сидоровна, какъ бы увѣряя себя въ этомъ: — кинулъ!—Она не въ силахъ была подняться отъ стѣны, о которую тотъ ее толкнулъ, и полунагнувшись, заломивъ руки, шептала одно слово: „Кинулъ!“ Казалось, она не понимала и даже не слышала своего шепота. Наконецъ, она поднялась и, сама не зная зачѣмъ, вошла въ комнату мужа. Тамъ было все пусто, тихо и непотушенная второпяхъ свѣча освѣщала безпорядокъ, какой остается всегда послѣ спѣшныхъ сборовъ. Марья Сидоровна разглядѣла оставленныя письма на столѣ и жадно стала читать ихъ. Въ письмѣ какой-то пріятель извѣщалъ Юрія Николаевича, что ему нужно на время скрыться, такъ какъ дѣло прини-

маетъ дурной оборотъ,—нужно переждать, пока оно застрянетъ въ какомъ-нибудь столѣ канцеляріи. Марья Сидоровна читала, перечитывала и ничего не понимала: и буквы, и слова, и строчки, и смыслъ—все сплеталось у нея въ безъисходный хаосъ. Она пошла назадъ, къ себѣ, машинально задувъ свѣчу, машинально задвинувъ по пути запоръ наружной двери, и остановилась посреди комнаты, все еще шепча про себя одно и то же слово: „Кинулъ!“ Глаза ея безсмысленно блуждали, пока не наткнулись на спавшую Сашурку. Тутъ она опомнилась и зарыдала...

Наступила ночь,—та страшная ночь, отъ которой у нея къ утру побѣлѣли волосы. Спать она, конечно, не спала. Весь ужасъ ея положенія стоялъ передъ нею ясно и опредѣленно; она понимала и видѣла теперь все. Покинутая, одинокая, она знала, чѣмъ ей грозило утро. Съ первыми лучами, можетъ быть, свѣтлаго, яснаго, безмятежно проснувшагося дня буйная бродяжья толпа узнаетъ о побѣгѣ мужа и весь страшный гнѣвъ за обманъ обрушитъ, конечно, на нее. Этого момента она ждала съ бо̀льшимъ трепетомъ, чѣмъ ждетъ его приговоренный: тотъ ждетъ только для *себя*,—она ждала и для безмятежно спавшей пока дѣвочки. Приговоръ падалъ своею страшною тяжестью и на ребенка.

Сначала въ ней шевельнулась жестокая мысль—самой предупредить катастрофу. Мож-

но было зажечь избу и сгорѣть или задохнуться въ дыму и пламени вмѣстѣ съ дочкой, безъ мукъ ожиданія, безъ особенныхъ пытокъ, безъ надруганія, котораго она больше всего боялась. Мысль, что буйная толпа, прежде чѣмъ убить, надругается надъ ними, была страшнѣе мысли о смерти. Затѣмъ, конечно, можно было разжечь уголья и незамѣтно угорѣть безъ всякихъ мукъ, безъ боли. Эта мысль ей особенно улыбалась: уголья были близко, Сашурка спала безмятежно, ничего не зная, не подозрѣвая никакой бѣды, и такъ же безмятежно и тихо заснула бы на-вѣки. Несчастная даже двинулась было къ угольямъ, но оглянулась на дочь, засмотрѣлась и вдругъ ей стало невыразимо жаль ее,—такъ жаль, что злой умыселъ какъ-то сразу исчезъ. „Пусть будетъ, что Богъ дастъ... что Богъ дастъ!“— прошептала она и кинулась къ образу.

Тутъ, за молитвой, она какъ будто успокоилась или одеревенѣла. Сашурка проснулась, попросила пить и мать напоила ее и стала баюкать. „Спи, спи, моя козочка!—шептала она ей:— спи... до утра еще долго!“ И сама какъ будто вздохнула легко оттого, что ночи еще осталось много. До бѣды у нея было еще нѣсколько спокойныхъ, безмятежныхъ часовъ, и сначала сознаніе этого казалось даже пріятнымъ. Гдѣ-то зашевелилась даже мысль, что, можетъ быть, Господь и спасетъ отъ бѣды. Но мало-по-малу эти спокойные часы

перешли въ настоящую пытку. Чѣмъ больше близилось время къ разсвѣту, тѣмъ яснѣе вырисовывалась грядущая гроза, тѣмъ неотвратимѣе она казалась, тѣмъ труднѣе было ее ждать и тѣмъ медленнѣе тянулось время ожиданія. Ждать становилось невыносимо...

Пламя свѣчи въ избѣ стало блѣднѣе и зіявшая въ крошечное оконце ночная мгла растаяла какъ-то совсѣмъ незамѣтно, смѣнившись чуть брезжущимъ пепельно-сѣрымъ, туманнымъ свѣтомъ. Шло утро. Несчастная уже дрожала съ ногъ до головы и, ничего, казалось, не представляя, ни о чемъ не думая, чувствуя одинъ мучительный холодъ внутри, вся жила однимъ острымъ, невыразимо больнымъ ожиданіемъ. „Скорѣй, скорѣй!... о, Господи, скорѣй бы только!“—шепталъ въ ней чей-то глухой голосъ невидимыми устами. Возбужденное, настороженное ухо страстно прислушивалось, ловя кругомъ хоть намекъ на какое-нибудь движеніе, шумъ, угрозу. Но все было еще тихо, только утренникъ пронесся тихимъ шепотомъ въ густой таежной чащѣ, да гдѣ-то каркнула проснувшаяся съ утренникомъ ворона.

— Не могу, не могу больше!—взмолилась вдругъ Марья Сидоровна откуда-то взявшимся истеричнымъ голосомъ и заломила руки.— Господи, пощади же меня!

Она сорвалась съ мѣста, ей хотѣлось пойти, крикнуть, разбудить спавшихъ, раз-

сказать все. Пусть будетъ, что будетъ, лишь бы скорѣй, сейчасъ! Въ ней проснулась, вдругъ, откуда-то взявшаяся смѣлость, энергія,—она окрѣпла, силы возвратились, прежняго изнеможенія какъ ни бывало. Глаза ея лихорадочно заблестѣли, въ головѣ зашевелилась мысль, складывалось что-то такое, что она могла бы сказать этимъ страшнымъ людямъ, и сказать такъ, что они, пожалуй, и пощадили бы ее съ дочкой. Но все это продолжалось одно мгновеніе, только мгновеніе. Возбужденіе потухло такъ же быстро, какъ и вспыхнуло. Душу охватилъ прежній холодъ, кругомъ царили тѣ же полу-мракъ и тишина, часы ожиданія все еще тянулись... И несчастная, кажется, совсѣмъ уже окоченѣла, она не думала ничего и даже не ждала уже. Даже страха она не ощущала. Это было счастье покоя, безмятежность оцѣпенѣнія, безстрастіе полнаго упадка силъ, съ которымъ жертва ложится подъ ножъ.

А веселое, румяное утро играло уже золотыми блестками на оконныхъ стеклахъ, румянило воздухъ и сине-зеленые кедры. Золотыя волны свѣта врывались въ избу и ложились пятнами на полъ и стѣны. Въ тайгѣ уже слышалось движеніе, звучали голоса проснувшихся людей, мѣрно стучалъ издали топоръ. Марья Сидоровна этого не видѣла и не слышала: можно было подумать, что она спитъ съ широко-открытыми глазами. Изъ оцѣпенѣнія ее вывели только приближавшіеся топотъ

большой толпы и ея громкій говоръ, смутившіе прежній миръ какъ будто внезапно. Несчастная вздрогнула, похолодѣла еще больше и сразу вдругъ все поняла, замѣтила и вспомнила, точно проснувшись.

— Вотъ оно! Идутъ!—прошептали ея сухія губы. Она хотѣла подняться и не могла, хотѣла, крикнуть и тоже не могла,—голоса не стало.

Шумъ и говоръ усиливались, росли, приближались и, казалось, властно тянули ее къ себѣ. Точно повинуясь этой влекущей неодолимо власти, она напрягла всѣ свои силы и, зашатавшись, все-таки, поднялась съ мѣста. Тутъ она опять почувствовала какъ бы притокъ оживленія и подъемъ силъ,—нужно было стать грудью между толпой и спавшимъ ребенкомъ. Дрожа, шатаясь, блѣдная, какъ ея косынка на шеѣ, съ распущенными волосами, сама не понимая зачѣмъ и куда собственно, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, она бросилась къ выходу. Лихорадочно спѣшившими, дрожавшими руками она долго не могла отодвинуть задвижку двери, за которой шелъ уже громкій, многоголосый и грозный говоръ. Наконецъ, задвижка подалась и дверь распахнулась.

Грозно бушевавшая за дверью толпа увѣренная въ томъ, что въ избѣ никого нѣтъ, что бѣжали всѣ, моментально смолкла. На всѣхъ этихъ грозныхъ лицахъ легло глубокое изумленіе, близко граничившее съ испугомъ.

Вся облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ на порогѣ стояла блѣдная, какъ полотно, Марья Сидоровна, похожая скорѣе на привидѣніе, чѣмъ на живого человѣка, и, ничего не видя, ничего не слыша, что-то беззвучно шептала губами. Изъ груди ея не выходило ни звука, ни даже хрипа, губы шевелились какъ у тѣни или привидѣнія. Наконецъ, она справилась съ собою и крикнула: „Кинулъ!... бѣжалъ!“—или что-то въ этомъ родѣ,—она не помнила,—и тутъ же грохнулась на-земь.

V.

Когда Марья Сидоровна очнулась, солнце было уже высоко. Она лежала на своей постели раздѣтая, въ тишинѣ и полу-мракѣ, такъ какъ оконце было тщательно завѣшено чьею-то заботливою рукой. Какая-то баба суетилась надъ нею и, наклонившись, смачивала ей голову и виски холодною водой. Долго водила больная широко-открытыми, изумленными глазами, стараясь понять или припомнить что-нибудь, но голова работала плохо, память не приходила, мысли путались. Мѣшала слабость, похожая на сонливость, и какой-то странный туманъ, въ которомъ тонули мысль и память, застилавшій, казалось, самое зрѣніе. Наконецъ, послѣ долгаго напряженія, она разглядѣла Акульку вар-

начку *). Бойкая, здоровая Акулька, единственная баба въ бродяжьей средѣ, исправляла обязанности стряпухи на пріискѣ и, не смотря на свои 40 съ хвостикомъ лѣтъ, одолѣвала еще не одно бродяжье сердце.

— Это ты, Акулька?—прошептала, наконецъ, Марья Сидоровна, сомнѣваясь и тщетно стараясь что-нибудь сообразить.

Сильно обрадовалась Акулька.

— Я, я, ро́дная!—зачастила она своимъ громкимъ, полу-мужицкимъ голосомъ.—Я самая... Аль опамятовалась?

Она забыла и былыя распри съ хозяйкой изъ-за „харча", и мастерскую ругань съ невообразимыми проклятіями, которыя такъ часто расточала на головы „господъ", и ворчанье, и даже то забыла, что, вслѣдъ за распространившимся на пріискѣ слухомъ о побѣгѣ, кричала громче всѣхъ, подстрекая мужиковъ ловить бѣглецовъ и требовала самой лютой мести всѣмъ, „всему отродью". Теперь это была самая заботливая сидѣлка: размякла она при видѣ горя.

— Опамятовалась? — радостно допрашивала она, не переводя духу. — Ну, слава Осподу, слава!—тараторила Акулька, крестясь.—А я-то ужъ въ страхѣ намаялась!.. Ужъ и намаялась! Померла, думаю... Лежитъ бѣлехонькая, словно бы душа изъ тѣла вышла, какъ сорочка бѣлая... Лью это я воду-то, что̀ ни дѣлаю, — все лежишь

*) Варнакъ, варначка — мѣстная обидная кличка ссыльныхъ, синонимъ злодѣя.

совсѣмъ бездыханная... Ужъ и намаялась я,—душенька вся изболѣла... Какъ увидала-то, что твой-атъ, окаянный, кинулъ тебя, такъ у меня всю злость рукой сняло, жаль стало! Извѣстно, какая наша доля бабья!—причитала, всхлипывая, Акулька, какъ она всегда всхлипывала, говоря о бабьей долѣ, даже послѣ побѣдной драки, съѣздивъ кого-нибудь ухватомъ.— Кто нашу сестру не изобидитъ?.. Какъ свалилась ты, сердешная, такъ меня словно бы по сердцу рѣзануло...

Акулька совсѣмъ расхныкалась,—не могла она безъ этого. Пока она, хныча, вытирала глаза фартукомъ, Марья Сидоровна пришла въ себя, опамятовалась. Голосъ Акульки, ея разсказъ и хныканье вернули ей память.

— Сашурка?!—схватилась она озабоченно.

— Здѣся, здѣся!—затараторила опять Акулька, быстро вытирая глаза и сморкаясь.—Здѣся, милая,—не сумлѣвайся, здоровехонька. Съ Демьяномъ, слышь,—у него она, сироточка...—захныкала опять Акулька жалостно: —съ Жучкой играетъ... Кликнуть, что-ль?

Марья Сидоровна отрицательно закачала головой. Слово „сироточка“ и упоминанье о Демьянѣ, котораго она теперь какъ будто не боялась уже, привели ее совсѣмъ въ себя. Смѣшанное чувство, въ которомъ таились и боль воспоминанія, и тихая радость сознанія жизни, и мягкая, глубокая благодарность ко всѣмъ этимъ страшнымъ людямъ, которые не истерзали, не замучили, а окружили нежданно

попеченіемъ и лаской, потрясло ее всю. Она хотѣла обнять Акульку, но силъ не хватило... И вдругъ изъ ея сухихъ, воспаленныхъ глазъ брызнули живительныя слезы. Рыдали онѣ обѣ: Марья Сидоровна тихо, не пытаясь даже удержать этого потока вырвавшихся слезъ, разжалобленная Акулька съ проклятіями по адресу всѣхъ мужей на свѣтѣ, обижающихъ „нашу глупую сестру“. Наконецъ, она спохватилась и съ катящимися по щекамъ слезами стала уговаривать больную.

— Не плачь, барыня!.. не убивайся, сердешная! — говорила она, насколько могла, ласково.—Ничего тебѣ не будетъ, не бойся, не тронутъ тебя мужики... Всѣмъ тебя жалко, горемычную... Не звѣри, чать, лѣсные,—сердце-то не каменное у нихъ... не то, что у твоего злодѣя окаяннаго, чтобъ ему и на этомъ, и на томъ свѣтѣ!—кляла Акулька, глубоко увѣренная, что эти проклятія живительно дѣйствуютъ на истерзанное сердце.—Не плачь, усни, милая!

И Марья Сидоровна, дѣйствительно, незамѣтно заснула.

Пока она спала, на дворѣ шелъ дѣлежъ. Обиженная толпа, уже успокоившаяся, хотя все еще сулившая всякія бѣды вѣроломному хозяину, грозившая самыми лютыми муками ему при встрѣчѣ,—„эхъ, попадись онъ только!“—вздыхали менѣе сдержанные,—мрачно дѣлила остатки всякихъ запасовъ и харча. Эти скудные остатки и крупицы утаеннаго при промывкѣ

золота являлись теперь единственнымъ ея заработкомъ. Озлобленіе, конечно, было сильное, но вспыхнувшая было буря, все-таки, улеглась съ неожиданнымъ появленіемъ Марьи Сидоровны на порогѣ и послѣдовавшимъ затѣмъ обморокомъ ея. Поразило бродягъ злодѣяніе мужа, кинувшаго въ дремучей тайгѣ жену съ ребенкомъ, ужасъ положенія несчастной уменьшалъ, казалось, представленіе о собственной бѣдѣ. Порою вырывалась даже шутка какого-нибудь безшабашнаго молодца, иронически восклицавшаго: „вотъ такъ зарѣбилъ, язви его!“— когда при дѣлежѣ на его долю приходилось что-нибудь совсѣмъ неподходящее, въ родѣ сковородки, напримѣръ, или бубенцовъ. Не смотря на раздраженіе, толпа, все-таки, искренно хохотала при такихъ восклицаніяхъ. Когда завѣдомо скупому и алчному Тришкѣ, такъ и прозванному за это „засѣдателемъ“, досталась совсѣмъ ненужная старая дуга, въ хохотѣ слышалось даже удовольствіе и веселье. Скудный пай выпалъ на долю каждаго, но о грабежѣ „барынинаго“ добра никто и не заикался, кромѣ Тришки, которому тутъ же и влетѣло за это. Обозвавши его жадною вороной, ненасытною глоткой, вся толпа ворчала на него.

— Не замай!—угрюмо возражали ему:—Только попробуй!... Ей, поди, горше нашего будетъ!

Ни одна нога не покусилась переступить порогъ избы. Но барынино добро само появилось на порогѣ. Съ мокрымъ отъ слезъ ли-

цомъ Акулька вытащила сундукъ съ запасомъ бѣлья и платья и, таща его, громко кричала, что барыня сама велѣла ей это сдѣлать, не смотря на ея сопротивленіе.

— Самой тебѣ, говорю, сиротѣ, нужно, а она и слухать не хотѣла... Тащи, говоритъ...

Замялась толпа нерѣшительно, молчитъ, одинъ Демьянъ голосъ подалъ.

— Не нужно намъ! — проворчалъ. — Тащи назадъ!

— Такъ, такъ, Демьянушка!—поддакнули другіе.—Что ужъ сиротъ обижать!.. Такъ!

— И я то же говорила,—продолжала Акулька:—такъ не слухаетъ! Не нужно мнѣ, говоритъ, куда оно мнѣ?... Мнѣ бы только къ отцу, говоритъ, какъ добраться,—хоть вѣсточку бы, говоритъ, ему дать въ Красноярскъ...

— Ишь ты, горемычная!—загудѣлъ мрачный басъ старика Софрона:—экую даль... въ Красноярскъ!

— Ужъ какъ не горемычная! Извѣстно, какъ нашей сестрѣ отъмужьевъ-то бываетъ!—захныкала сейчасъ же разжалобленная Акулька.—Только свяжись съ какимъ чортомъ!..—и она метнула глазами въ своего „аспида“ Мишку.

— Ну, и ваша сестра тоже!..—хотѣлъ было огрызнуться сердцеѣдъ Мишка, но его перебилъ Демьянъ:

— Стой! Чтò лясы точить? Развѣ сговоришь съ бабой? — по обычаю угрюмо проворчалъ онъ.— На то и баба, чтобъ языкомъ трещать!..

А ты бы, сорока,—угрюмо обратился онъ къ Акулькѣ, поднявъ на нее свои темные глаза:—замѣсто, чтсбы добро тащить, какъ-ни-какъ успокоила бы барыню: не оставятъ, молъ, мужики тебя...

— Сказывала, Демьянушка,—ласково подхватила Акулька, побаивавшаяся-таки мрачнаго старосту: — сказывала... только вздохнула бѣдная... „Добрые вы!“—говоритъ...

— Ишь какъ,—варнаковъ добрыми называетъ!—проворчалъ прежній басъ.

— Что-жъ? —обидѣлся кто-то въ толпѣ:—нешто у варнаковъ души нѣтъ?

Но Софронъ не сдавался.

— Есть, да варнацкая... — пессимистически вставилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Про то Осподь одинъ знаетъ, какая душа у кого!—угрюмо возразилъ Демьянъ:—Осподь и разбойниковъ миловалъ, и разбойницкую душу въ рай посылалъ.

Обрадовались всѣ такому слову Демьяна.

— Вотъ ужъ Демьянушка правду сказалъ, такъ правду! — загалдѣли кругомъ: — Золотая твоя голова! Осподу всѣ отвѣтъ дадимъ, — милосердный Онъ и нашу, можетъ, душу помилуетъ... На комъ грѣха нѣтъ?—Всѣ грѣшны.

— Грѣшны-то грѣшны, да не варнацкимъ грѣхомъ!—не унимался мрачный, ворчливый старикъ, вѣчно донимавшій всѣхъ страшными угрозами грядущихъ адскихъ мукъ.—Грѣхъ-атъ

разный бываетъ, ребята... Иной грѣхъ прощеный, а иной смертный бываетъ.

Жутко становилось отъ мрачнаго ворчанья Софрона; чуялась за этимъ ворчаньемъ какая-то невыразимо-больная, сверлящая и страшная рана, которую отъ всѣхъ таилъ въ себѣ этотъ грозный старикъ... У каждаго начинало всегда сверлить свое больное отъ его словъ, а у кого оно не таилось? И какъ затянетъ, бывало, Софронъ, такъ не скоро угомонится,—долго ворчитъ. Но теперь выручила Акулька,—крѣпко хотѣлось бабѣ въ сундукъ заглянуть и обновками попользоваться,—любила она наряды.

— Какъ же съ вещами-то быть, люди добрые?—перебила она нетерпѣливо Софроново ворчанье.—Не нужны, слышь, ей,—куды мнѣ, говоритъ, тащить за собой?... Такъ пропадать имъ, что-ль?

— Зачѣмъ пропадать?—подхватилъ радостно алчный Тришка.—Пусть лучше на конъ идетъ...

— Ты стой,—перебилъ Тришку староста Демьянъ:—подожди на конъ-то брать, больно прытокъ... Съ вещами во какъ надлежитъ, робя... Пусть наперво барыня отберетъ, что ей въ путь нужно, а тамъ и на конъ пустимъ, коли ей въ самомъ дѣлѣ тащить съ собой нельзя... Такъ, что ль?

— Такъ!—согласились всѣ.

— Ну, и такъ, значитъ... А теперь, вотъ, еще, робя... Кто охочъ брести нонече, бреди,—пошли Осподь путь-дорогу... Ну, а только Акулькѣ до

завтра посидѣть нужно,—нельзя барыню-то ей пока кинуть... Значитъ, и Мишкѣ не рука нонече идти. Сиди, Мишка, сторожи!

Хоть и сказалъ это Демьянъ своимъ обычно-суровымъ тономъ, однако, сердцеѣдъ Мишка, все-таки сконфузился. Хотѣлъ-было онъ запротестовать, ссылаясь и на время позднее, и на то, что брести ему далеко, но этого не далъ ему договорить общій хохотъ. Такъ и посыпались шутки.

— Вѣрное слово!.. Мишка, сиди!—кричали ему со всѣхъ сторонъ. — Сиди, братъ, сторожи! Связался съ бабой, такъ и колысать нужно. Самъ виноватъ! А ты привяжи его, Акулька, для вѣрности, не пущай парня-то,—того и гляди сбѣжитъ!—съ хохотомъ обращались изъ толпы къ Акулькѣ, которой это очень нравилось, хотя она и пыталась скрыть веселую улыбку подъ нахмуреннымъ, недовольнымъ видомъ.

— Что-й мнѣ его привязывать, аспида?—жеманилась она въ отвѣтъ:—Вотъ невидаль!... Мало, что-ль, такихъ-то?... Пусть бредетъ, куда хочетъ, а я ужъ, извѣстное дѣло, барыню не кину,—посижу до завтрева... Горемычная она... Только какъ же быть-то съ ней, люди добрые?

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ быть съ нею?—точно спохватились люди.

— Вотъ какъ быть,—глухо заговорилъ Демьянъ:—ты посиди, баба, съ ею хоть до пол-

дня завтрева, а я вернусь къ вечеру... Пойду сейчасъ на Маймыновскій пріискъ, тамъ, чать не разъѣхались хозяева,—подвезутъ ее въ какое село на трахту,—ну, а тамъ видно будетъ... Только бы изъ тайги какъ вызволить...

И сталъ Демьянъ сейчасъ въ путь собираться,—верстъ 40 считалось до другого вольнаго пріиска, Маймыновскаго, тоже плохенькаго. Снялъ онъ шапку, кинулъ ее о земь и поклонился всѣмъ на стороны. И какъ увидѣли люди, что Демьянъ „старосту сдаетъ“ *), сейчасъ же сняли, по обычаю завѣтному, свои шапки и кинули ихъ въ кучу къ тому мѣсту, гдѣ его лежала.

— Спасибо, Демьянушка!—загалдѣлъ народъ:—правдой артель велъ...

Поклонился Демьянъ.

— Можетъ на комъ зло лежитъ?—спросилъ по обычаю.

— Ни на комъ, Демьянушка,—отвѣчалъ въ голосъ народъ:—чистъ ты передъ нами!

Опять поклонился Демьянъ.

— Добромъ ли отпускаете?

— И пускаемъ добромъ, и помянемъ добромъ!—отвѣтили ему.

Поднялъ Демьянъ тогда свою шапку, надѣлъ ее, поклонился и сказалъ:

— Легкій путь, братаны!

— И тебѣ путь!...

---

*) Сдаетъ должность старосты.

Стали всѣ разбирать свои шапки и каждый затѣмъ подходилъ къ Демьяну, кланялся ему, благодарилъ и сулилъ хорошаго. Зашагалъ Демьянъ тайгой, распростившись, и все въ головѣ у него одна дума стояла. Шагалъ низинами, шагалъ прогалинами, на кручи взбирался, чудными мѣстами шагалъ,—такими чудными, что и его привычные глаза залюбовались бы,—но ничего не видѣлъ онъ за своею думой теперь. Пріостановится на минуту, подниметъ голову, да и опять впередъ. Хруститъ подъ ногами сухой валежникъ, разсыпаются столбомъ пыли давнымъ-давно перегнившіе стволы „падуна“, цѣпляется за ноги „ползунка“, блестятъ ему на встрѣчу таёжныя озерки съ берегами, похожими на края большой чаши, а онъ все только спѣшитъ, да думаетъ одно: какъ бы не опоздать, упаси Господи, какъ бы застать еще господъ на пріискѣ... Такъ и стоитъ передъ нимъ образъ горемычной барыни.

Что дѣлать, какъ быть, если,—не дай Господи!—и съ Маймына уѣхали?

Уже и звѣзды заглѣли въ высокомъ небѣ, въ которое точно совсѣмъ воткнулись недосягаемые таёжные великаны, а онъ все шагалъ еще... Но вотъ непроглядно-глубокій мракъ сталъ окутывать долъ и, разстилаясь сначала по корнямъ, становясь тутъ все гуще и гуще, неудержимо ползъ по громаднымъ стволамъ вверхъ, окутывая постепенно и выдѣлявшіяся еще въ

бѣлесоватой вечерней мглѣ вершины. Ночь, казалось, выходила изъ нѣдръ земли, которая дышала вверхъ на звѣзды все сгущавшимся мракомъ... И, точно споря, точно борясь съ этимъ надвигавшимся снизу мракомъ, небо разгоралось все ярче и ярче. Звѣзды не тлѣли уже, онѣ казались каплями расплавленнаго ярко блестящаго золота или блестками разсыпавшагося солнца. Тогда ночь сдалась,—она не потянулась выше, врѣзалась въ море звѣзднаго свѣта прихотливыми зубцами темныхъ вершинъ вѣковыхъ лиственницъ и кедровъ и налегла всею массой своего мрака на безотвѣтный долъ... И долъ совсѣмъ потонулъ въ этомъ мракѣ...

Демьянъ давно сидѣлъ у костра, ярко багровое пламя котораго рѣзко прорѣзало ночную мглу и посылало въ нее клубы то красноватаго, то пепельно-золотистаго дыма. Поужиналъ онъ хлѣбомъ, спать бы пора, да не давала ему сна его дума. Жалко было ему эту вдову не вдову, сироту не сироту,—горемычную барыню съ ея дочкой. Давно жалѣлъ онъ ее, безотвѣтную, тихую, скромную, давно, какъ только разглядѣлъ и понялъ ея горькую долю, да увидѣлъ слезы въ тотъ самый вечеръ, когда напугалъ ее своимъ видомъ... Вотъ и теперь, уставившись въ догоравшій костеръ, онъ различаетъ ее въ перебѣгающемъ то красными, то синими змѣйками огнѣ, такою же точно, какъ сидѣла она тогда у окна рыдая... Видитъ

и блѣдное лицо, и сложенныя безсильно руки, и вздрагивающія плечи,—видитъ и чувствуетъ, какъ тянутся къ нему лучи отъ его костра и разливаются внутри, точно бы въ душѣ, какимъ-то мягкимъ, нѣжащимъ тепломъ... И никогда и нигдѣ не оставляли его ни ея лицо, ни улыбка, что бы онъ ни дѣлалъ, гдѣ бы онъ ни былъ... Такъ и тянуло его къ нимъ, тянуло поглядѣть еще разъ, и съ каждымъ разомъ сильнѣе, лишь онъ увидѣлъ ихъ, и, увидя, вздрогнулъ... А отчего-жъ онъ вздрогнулъ тогда? О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе!—вздохнулъ бы онъ только, и самъ себѣ, можетъ быть, не отвѣтилъ бы сразу... Такъ!—сказалъ бы, хотя и чувствуетъ Демьянъ, что не *такъ*. Помнитъ онъ, такъ хорошо помнитъ, что, уставившись теперь въ пламя костра, насквозь, кажется чувствуетъ, какъ зашевелилось тогда въ его одряхлѣвшей уже груди что-то давнее, былое, знакомое, близкое, что-то погребенное во мракѣ многолѣтнихъ скитаній, но такое острое и жгучее, что и въ этомъ мракѣ оно не могло потонуть безслѣдно, не могло найти забвенія... И знаетъ Демьянъ, что это такое... Оно встаетъ передъ нимъ въ клубахъ сѣраго дыма, въ перебѣгающихъ разноцвѣтныхъ змѣйкахъ огня, смѣняясь картина за картиной, отчего ему и дѣлается то жутко, то сладко, то невыразимо больно... Десятки лѣтъ прошли, горя сколько пришлось пережить, сколько гнета, скорби и муки ложи-

лось на человѣка, а вотъ же встаютъ они передъ нимъ... это самое лицо,—развѣ не такое, можетъ быть, блѣдное,—эта самая, кажется, добрая, ласковая улыбка, точно воскресшія въ чужой ему горемычной барынѣ...

— Глаза не тѣ,—шепчетъ про себя Демьянъ:—не тѣ глаза лишь, а схожа, совсѣмъ схожа, ровно бы сама она!

И у догоравшаго костра въ эту сырую осеннюю ночную мглу, пробужденныя вдругъ воспоминанія, цѣлая цѣпь видѣній когда-то пережитаго и перечувствованнаго, наполнили закаленную грудь стараго бродяги особою нѣгой, въ которой было столько же грустной скорби, сколько и счастья.

Марья Сидоровна проснулась только къ вечеру. Сонъ укрѣпилъ ее, вернулъ силы, а разсказанное Акулькой, которая, обрадовавшись, наконецъ, возможности передать все происшедшее съ утра на пріискѣ, затараторила сразу во весь духъ, оживило и ободрило. Мягко стало и радостно послѣ испытаннаго ужаса, при сознаніи, что ее не оставятъ, не покинутъ, что она выберется отсюда съ дочкой цѣла и невредима. „Не бойся, барыня,—затараторила Акулька:—не такой человѣкъ Демьянъ, чтобы въ обиду дать. Головной онъ,—ужъ коли взялся выручать тебя, то и выручитъ... Жалостливый, даромъ что звѣремъ лѣснымъ смотритъ, а душа у него добрая... На Маймынъ для тебя побрелъ:—тамъ, слышь, какъ бы не расходи-

лись еще,—подвезутъ тебя!"—безъ умолку трещала Акулька, и чѣмъ болѣе трещала, тѣмъ веселѣе становилось на душѣ Марьи Сидоровны, тѣмъ сильнѣе поднималось и росло теплое, мягкое чувство признательности ко всѣмъ этимъ, прежде пугавшимъ ее, людямъ за ихъ участіе и ласку. „Могли они убить и надругаться,—думала она, какъ бы недоумѣвая:—все могли сдѣлать, а вотъ же не только не сдѣлали никакого зла, а и вещей ея трогать не хотѣли, хотя она сама выслала имъ эти вещи, и еще, къ тому же, заботятся о ней, ухаживаютъ, берегутъ, точно бы родной имъ была она... Что́ же удерживало ихъ отъ зла, что̀ двигало на добро этихъ отщепенцевъ, бродягъ, озлобленныхъ, голодныхъ, преступившихъ законы,—что̀, какъ не та же душа, то же сердце, что удерживаютъ и двигаютъ всѣхъ? И такіе же они люди, какъ и всѣ на землѣ, эти страшные бродяги,—шепталъ ей внутренній, мягкій голосъ какъ бы просыпающагося сознанія,—и та же искра Божія горитъ въ нихъ и свѣтитъ, только несчастнѣе они другихъ, обездоленнѣе, бѣднѣе, несчастнѣе тебя, несчастнѣе кого-нибудь, несчастнѣе всѣхъ!..." Такъ шепталъ ей этотъ невѣдомый доселѣ голосъ, и мягкое тепло любви и жалости разливалось отъ него въ груди, смягчало собственное горе, щемило позднимъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ, что всего этого не видѣла, не понимала она раньше.

— Добрые вы, добрые!—говорила она въ отвѣтъ Акулькѣ, смотря на нее влажными глазами.—Не знала я васъ раньше...

— Какіе мы добрые, барыня!—просто удивлялась Акулька.—Развѣ на свѣтѣ такіе добрые?... Грѣшные мы, барыня!...

— Не предо мной, Акулька!... Всѣ мы грѣшные... Чѣмъ я только отблагодарю васъ?

— Не нужно намъ, барыня, ничего не нужно!—затараторила снова Акулька.—Мы и такъ твоею милостью довольны. Сколько обновъ-то выслала намъ... Вотъ платокъ, рубаха...

Акулька успѣла уже надѣть доставшіяся на ея долю обновы и была несказанно счастлива. Но Марья Сидоровна не могла успокоиться. Она подумала, порылась въ шкатулкѣ и вытащила изъ нея на тоненькой золотой цѣпочкѣ коралловый золотой крестикъ, послѣдній остатокъ ея приданаго.

— Вотъ тебѣ, Акулька, на память... Возьми!—сказала она подавая крестикъ.—Ничего нѣтъ у меня больше.

Акулька вспыхнула и брать не рѣшалась. Что-то удерживало ее взять эту, казалось ей, невиданно-прелестную вещь и сначала она сконфуженно шептала только:

— Зачѣмъ, барыня? Тебѣ самой понадобится!

Тогда Марья Сидоровна сама надѣла ей не шею крестикъ и Акулька сейчасъ же заморгала глазами, залилась слезами и, точно позабывъ о крестикѣ, стала причитать о горь-

кой женской долѣ. Марья Сидоровна обняла ее, поцѣловала и это еще больше усилило ея слезы. Акулька разрыдалась такъ сильно, что и у Марьи Сидоровны вызвала слезы, и вдругъ, точно повинуясь какому-то инстинкту или потребности, стала передавать ей свою скорбную, казалось ей самэй, давно позабытую повѣсть.

Сашурка уже спала; сальная свѣча тускло мерцала, слабо освѣщая горницу, по которой тянулись длинныя сѣрыя тѣни отъ стола и скамеекъ; сверчокъ трещалъ въ углу свою монотонную пѣсню объ очагѣ и домовитости. Затаивъ дыханіе, не сводя глазъ съ разсказчицы, Марья Сидоровна жадно слушала эту повѣсть о загубленной жизни, какъ слушаетъ больной разсказы о чужихъ болѣзняхъ, и, казалось, топила въ ней свое горѣ. Видъ чужого страданія всегда уменьшаетъ для насъ интенсивность собственнаго. Поблѣднѣвшая Акулька, давно переставшая плакать, взволнованная, но просто разсказывала грѣхъ своихъ юныхъ дѣвическихъ лѣтъ, за который платилась теперь бродяжьей старостью.

Была она „отецкая дочь“ изъ хорошей, строгой мѣщанской семьи въ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ отецъ ея торговалъ рыбой,—разсказывала Акулька.—Строгіе были родители, строго вели ее, хоть и была она у нихъ одна-одинешенька, и любили они ее безъ памяти. Никуда, бывало, мать отъ себя ее не отпу-

ститъ, все при себѣ держитъ. Такъ прошло ея дѣтство въ холѣ и довольствѣ, а какъ подростать стала, къ мастерицѣ ее отдали шитью и всякому рукодѣлью обучать. „И училась я,— вспоминала Акулька,—впереди всѣхъ товарокъ шла: бывало, что́ самое трудное шить, такъ мнѣ даютъ". Такъ и говорили ей: золотыя у тебя руки, на радость отцу-матери. Гордились и радовались родители, да не долго пришлось и радоваться: осрамила ихъ родная дочка... Охъ, кабы не глупа была, кабы знала все, не сдалась бы на льстивыя рѣчи, не повѣрила бы клятвамъ, не бѣгала бы на зорькѣ въ темный садъ, не была бы теперь бродягою!.. Уходи отъ меня злодѣй!—сказала бы полюбившемуся судейскому чиновнику, прокляла бы и его кудри русыя, и очи ясныя, заткнула бы уши на его рѣчи сладкія... Да вотъ бѣда: глупа была, довѣрчива, молода, ну, а сердце молодое само на ласку рвется. Вотъ и вышелъ грѣхъ, обманулъ чиновничекъ и ей одной, молодой, про все и за все пришлось отвѣтъ нести: точно бы и такъ мало выплакала она слезъ отъ обмана милаго. Ему смѣхъ только, да прихоть, а ей стыдъ да каторга. „Не равно подѣлили людей, ой не равно!—качала головой Акулька.—Понесла я, и что страха набралась, и теперь вспомнить, такъ страшно!.. Отъ зари до зари только въ дрожь кидало, какъ бы отецъ съ матерью не провѣдали, какъ бы срамъ свой отъ людей скрыть. И скрыла, милая, ни-

кто не прозналъ, пока часъ мой не насталъ... А случилось это ночью, въ самую студеную пору къ Рождеству... Схватилась я, болѣзная, съ постели, кинулась въ сарай и какъ ужъ тутъ я металася на холоду, какъ все случилось, не помню теперь... Вотъ только одно: руку всю искусала, чтобы крикъ унять, людей не перебудить. Да еще одно помню, — охъ, помню, окаянная: какъ закричалъ-атъ ребенокъ, меня такой страхъ объялъ, слышь, что и разумъ помутился... Только и думка одна, какъ бы люди не разслышали, отецъ съ матерью не прознали, и откуда сила взялась на злое дѣло, сама не знаю, знать дьяволъ помогалъ... Пластомъ, слышь, лежала, а тутъ схватилась я, подлая, да и зажала ему, ангелу невинному, ротокъ. Сижу это я, жму ему ротокъ, а сама молитву шепчу отъ страху-то, и невдомекъ мнѣ, что̀ я за грѣхъ творю,—помутилъ, знать, дьяволъ. И сколь долго сидѣла-я такъ, какъ назадъ добрела, какъ въ постель легла, ничего не помню. Только на утро меня въ острогъ повели, за то, что сына родного, окаянная, заморила. Тутъ я вотъ и поняла, какой грѣхъ на мнѣ!...“

Замолчала Акулька и долго всматривалась въ темный уголъ сухими, неподвижными глазами, словно бы видѣла она тамъ и эту студеную ночь, и сарай, и весь свой грѣхъ, и какъ затѣмъ въ острогъ шла. Смотрѣла,— строгое лицо стало у нея,—покачала головой

и, не отводя глазъ, не обращаясь ни къ кому, какъ бы про себя только, вздохнула и сказала:

— Такъ вотъ и пропала я, окаянная!... Мать въ гробъ ввела, отца—въ запой, сына убила, а сама въ Сибирь ушла... Доля ужъ, видно, такая мнѣ была написана. За все сама отвѣтъ дала, да родители,—царство имъ небесное!— а тотъ, кто меня навелъ на грѣхъ, можетъ, апосля такихъ же, какъ и я, грѣшная, судилъ. Вотъ она,—правда-то земная... Ну, да Богъ милосердный разсудитъ... Можетъ, и помилуетъ на томъ свѣтѣ окаянную. Знаетъ, чай, вѣдаетъ долю нашу!

И долго еще просидѣла, такъ же мрачно уставившись въ уголъ, разбитая, никогда, казалось, не знавшая горя и бѣды Акулька. Сумрачно стало ея поблѣднѣвшее лицо и неудержимо катились по этому лицу крупныя, рѣдкія, но за то горячія слезы. Плакала съ ней и Марья Сидоровна. Ея горе потускнѣло предъ скорбною повѣстью бездомной бродяги Акульки.

VI.

Лихорадочно провела весь слѣдующій день Марья Сидоровна въ ожиданіи Демьяна. Акулька ее не оставляла, какъ ни тащилъ ее самоё нетерпѣливый Мишка, намѣтившій себѣ какой-то зимній промыселъ, на который боялся опоздать. Тщетно напоминалъ онъ, что уговоръ

былъ сторожить только до полдня, что Демьянъ непремѣнно хотѣлъ вернуться къ вечеру, Акулька не сдавалась,—варила, пекла, суетилась, тараторила и нетерпѣливо ждала извѣстій съ Маймына.

— Не пойду, хоть самъ уходи!—категорически заявляла она своему „аспиду“.—Не кину я ее тута одну-одинёшеньку!... Пусть ужо Демьянъ вернется!... Какъ ей одной быть, когда весь народъ разбрелся, пустой пріискъ остался? Варнакъ ты, Мишка!

Мишка сердился, ворчалъ, но мало-по-малу поддался-таки и успокоился. Обидное оно, въ самомъ дѣлѣ, и больное слово — „варнакъ“, кому пріятно быть варнакомъ!

Демьянъ вернулся поздно вечеромъ. Пришелъ онъ хмурый, угрюмый, какъ бы сильно усталый, и сейчасъ же спать улегся. Акулька увидѣла его еще издали, побѣжала на встрѣчу и, какъ ни приставала къ нему съ разспросами, не многое выпытала.

— Ладно все, Акулька!—по обыкновенію, хмуро встрѣтилъ онъ ея разспросы:—такъ и барынѣ скажи: пусть спитъ, не тревожится.

— Такъ намъ съ Мишкой на утрѣ брести, что-ль?—допытывала она хоть косвенно этого „молчуна“.

— Бреди, бреди... Богъ съ тобой... А какъ барыня?—спросилъ онъ немного помолчавъ.

— Ничего,—барыня въ себя пришла; ужъ такъ тебя ждала, Демьянушка, такъ ждала, болѣз-

ная!... Ну, и добрая-жъ душа у нея!—тараторила любопытная баба, въ надеждѣ разузнать все доподлинно, но какъ ни вертѣлась, какъ ни забрасывала словечки, Демьянъ не раскрылъ больше рта.

— Ишь, молчунъ проклятый!—выругалась она про себя, раздосадованная, и пошла успокаивать Марью Сидоровну.

— Ну, спи, болѣзная, спокойно... Богъ съ тобой!—говорила она ей.—Все, слышь, ладно. Завтра кони будутъ, пріѣдутъ за тобой, а ужъ я пойду съ солнцемъ... Прости, не поминай лихомъ!

Акулька и побожилась бы, что Демьянъ самъ говорилъ ей о коняхъ, которые пріѣдутъ завтра. Не было у нея, конечно, недостатка въ воображеніи, которое частенько-таки одерживало побѣду надъ слухомъ и дополняло его. Отъ доброй души было это, и крѣпко заснула успокоенная Марья Сидоровна.

За то утромъ, когда хмурый Демьянъ сказалъ ей робкимъ голосомъ правду, что на Маймынѣ онъ никого не засталъ, что оттуда уѣхали уже всѣ, пояснивъ тутъ же, что не сказалъ этого вчера, чтобы не тревожить ее передъ сномъ,—она чуть снова не свалилась въ обморокъ. Побѣлѣла вся, вздрогнула отъ испуга, въ головѣ зашевелились мрачные подозрѣнія и, готовая сейчасъ же разрыдаться, она безмолвно уставилась на страшнаго бродягу широко-открытыми глазами. Тотъ стоялъ

передъ нею еще болѣе хмурый, мрачный и, какъ будто подавленный чѣмъ-то, нерѣшительно скребъ затылокъ.

— Не пужайся, барыня...—сказалъ онъ, наконецъ, точно рѣшившись. — Богъ милостивъ, выберешься отсюдова.

— Какъ?—вырвалось у нея болѣзненнымъ хрипомъ.

— Брести нужно...

— Брести?—повторила она машинально.

— Идтить! —пояснилъ бродяга.—Идтить, говорю, нужно будетъ... Трудно оно тебѣ, конешно, да Богъ милостивъ... Дѣвчонку-то твою я на рукахъ снесу!

Отлегло у нея на сердцѣ и она свободно вздохнула, наконецъ. Идти, такъ идти! Она ничего не боялась, ни передъ чѣмъ, кажется, не остановилась бы, лишь бы выбраться отсюда съ дочкой.

— Ну, что-жъ, пойдемъ! — сказала она живо.— Вотъ жаль только, Акулька ушла... Вмѣстѣ бы.

Опять зачесалъ хмурый Демьянъ затылокъ.

— Не съ руки намъ, барышня, была-бъ Акулька. Оттого и пустилъ я ее...—протянулъ онъ.

— Отчего не съ руки?

— А оттого не съ руки, что путь разный.

Еще болѣе замялся бродяга, нахмурился, скребъ свой затылокъ и, наконецъ, сказалъ:

— Не дойтить тебѣ, барыня, до трахту, не выстоишь: пути много... Кабы конь, ну, оно,

конешно, а брести — не добредешь, — далеко. Коня, слышь, нужно.

— Гдѣ же его взять?—перебила Марья Сидоровна, которую опять стала охватывать тревога. Видимое колебаніе бродяги и загадочная нерѣшительность его пугали ее. — Гдѣ же его взять? Ты самъ сказалъ, что нужно идти.

— То-то вотъ! — подхватилъ онъ угрюмо, какъ бы сердясь даже и не зная, какъ сказать яснѣе. — Да, не дойдешь ты до трахту.

— Дойду... Богъ милостивъ!

— Не дойдешь, барыня! — угрюмо и рѣшительно закачалъ головой бродяга. — Не на трахтъ идтить нужно.

— А куда же?

Этотъ прямо поставленный вопросъ вывелъ, наконецъ, бродягу изъ его нерѣшительности. Онъ крякнулъ, подумалъ и, какъ бы набравшись смѣлости или рѣшительности, заговорилъ:

— Вотъ что скажу я тебѣ, барыня... Есть тутъ мѣсто одно, только скрытное оно и не всякъ то мѣсто знаетъ... Мало оно кому вѣдомо будетъ. Не далече отсюдова, дня три всего брести-то, коли брести нашимъ ходомъ. Люди тамъ, слышь, по-своему спасаются, отъ міра ушли, — извѣстно, ихъ души это дѣло, всякъ по-своему Оспода славитъ,— а только то мѣсто мнѣ вѣдомо и меня тамъ знаютъ... Доведу я тебя, ну, а тамъ видно будетъ...

Хотѣлъ еще продолжать Демьянъ, но его перебила Марья Сидоровна. И жутко ей было, и понимала еще она плохо, и недовѣріе шевелилось.

— Кто же тамъ?—спросила она, недовѣрчиво и пугливо всматриваясь въ мрачные глаза бродяги.

— Спасаются, слышь... Скитъ тамъ у нихъ, въ скитѣ живутъ...—повторилъ Демьянъ и, подмѣтивъ ея недовѣріе, продолжалъ насколько могъ мягче:—Не сумлѣвайся, барыня, не поведу я тебя на зло. Ты думаешь—бродяга... Ну, оно, конешно, много бываетъ грѣха отъ бродягъ, а только ты не бойся... Кабы я на тебя зло мыслилъ, зачѣмъ бы мнѣ и вести тебя не вѣсть куда? Все равно и здѣсь тайга... Не бойся, барыня...

Покраснѣла Марья Сидоровна и опустила глаза. Тронули ее слова и мягкій тонъ бродяги и неловко стало ей, что онъ уловилъ ея боязнь и недовѣріе.

— Ты прости меня, Демьянъ,—отвѣтила она ему искренно:—добры вы всѣ ко мнѣ были и не забуду я вашего добра. А только напугана я,—всего ужъ боюсь, всего страшно мнѣ!... Ты не сердись, прости меня!— И она тихо заплакала.

— Какъ тебѣ да не бояться! — успокаивая, подхватилъ Демьянъ, лицо котораго еще сильнѣе омрачилось отъ этихъ словъ. — Мало, что-ль, лихого человѣка на свѣтѣ? Какъ же

не бояться? А ты не плачь, барыня,—выведу, я тебя, вѣрное слово я тебѣ говорю. Коли Богъ попуститъ, доставлю я тебя въ твое мѣсто изъ тайги... И не сумлѣвайся, что я въ скитъ поведу,—не будетъ тамъ зла, оправишься и выбраться оттудова споръе будетъ... Не всякаго и допускаютъ скитники, ну, а насъ допустятъ, потому вѣдомъ я имъ... Только одинъ уговоръ, барыня, есть,—твердымъ уже голосомъ сказалъ Демьянъ, въ упоръ смотря на нее,—чтобы никто отъ тебя про то мѣсто не слыхалъ, не провѣдалъ. Вотъ какой уговоръ, потому—мѣсто скрытное... Клятвенный уговоръ, крестный...

Подошла Марья Сидоровна на эти слова къ образу, перекрестилась и поклялась.

— Вотъ, Демьянъ, передъ святымъ образомъ клянусь!—говорила она ему.—Гляди! Всѣмъ поклянусь, только спаси меня, Демьянъ!—обернулась она къ нему, рыдая.—Спаси, если у тебя душа есть... Не за себя прошу,—что мнѣ?—и жизнь не въ жизнь уже,—за ребенка прошу... дочку спасай безвинную!

Низко опустилась голова бродяги на эти слова и слезы, шибко заходила его широкая грудь, многое, кажется, готово было сорваться съ его сжатыхъ устъ, да не умѣлъ онъ говорить, словъ не нашлось,—недаромъ, слылъ „молчуномъ“. Повернулся онъ только къ востоку, поднялъ два перста, перекрестился и поклялся въ свою очередь, что выручитъ.

И сдержалъ онъ свое бродяжье слово... На другой день, чуть проснулось солнце, разбудилъ онъ ее и они двинулись въ путь. Барыню, одѣвшуюся въ простое платье, Демьянъ пустилъ налегкѣ, а самъ несъ въ мѣшкѣ дорожный харчъ, котелокъ, безъ котораго не ходитъ бродяга, узелъ съ кошмой для ночлега, да „плетунку“ изъ лыка за плечами, въ которой, беззаботно смѣясь, сидѣла Сашурка. Силенъ былъ старый бродяга,—много несъ на себѣ, а легко шелъ, ровною бродяжьей поступью какъ всегда, слегка насѣдая на колѣни. На первыхъ порахъ легко шла и Марья Сидоровна; къ счастью, день былъ сухой и солнечный, идти было не трудно. За нервнымъ возбужденіемъ, полная радости, что выбрались, наконецъ, она не чувствовала устали. Но въ полдень, на первомъ же привалѣ, у нея онѣмѣли ноги, заныло все тѣло, ощущеніе тяжести было такъ сильно, что, казалось, она, не поднимется, а если и поднимется, то не сдѣлаетъ и шага. Впрочемъ, отдохнувъ, пообѣдавъ похлебкой, которую сварилъ бродяга на кострѣ, она оправилась немного. Все-таки, поднялась она и зашагала сначала съ большимъ трудомъ, но затѣмъ мало-по-малу разошлась и опять пошла бодро и весело, какъ утромъ,—усталость, казалось, исчезла совсѣмъ. За то къ вечеру она уже еле-еле брела за Демьяномъ.

— Что, аль приставать стала?— обернулся

онъ къ ней озабоченно, замѣтивъ, какъ она трудно дышетъ и спотыкается на каждомъ шагу.

— Да, Демьянъ,—отвѣтила она задыхаясь:— силъ моихъ нѣтъ больше... Ослабла я!

— То-то вотъ!—покачалъ головой бродяга.— Ну, да ничего, оно и вправду, пора пристать,— ночь идетъ... Дай только мѣсто выбрать; повыше бы подняться, слышь, надо...

Они шли доломъ, а бродяга хорошо зналъ, какъ опасенъ долъ для тѣхъ, кто ночуетъ въ тайгѣ. Самый сильный человѣкъ можетъ свалиться за одну ночь, проведенную въ этихъ нездоровыхъ, сырыхъ мѣстахъ, даже въ самыя теплыя и сухія ночи заволакивающихся молочно-бѣлымъ густымъ туманомъ, котораго и звѣрь бѣжитъ *). Непривычному путнику и на высокихъ мѣстахъ опасно спать на землѣ даже у самаго большого костра въ осень, ну, а тамъ, гдѣ „бѣль“ стоитъ, и самый привычный человѣкъ, бывало, просыпается,—хорошо, если въ бреду да въ жару только, а то часто и совсѣмъ безъ ногъ и рукъ. Ляжетъ человѣкъ здоровымъ, а проснется калѣкой, съ неподвижными конечностями, которыя злая бѣль отнимаетъ, и умретъ такъ на томъ же мѣстѣ съ голоду да холоду, заѣденный комарами, если звѣрь не загрызетъ. Нерѣдко, говорятъ

*) Таежники увѣряютъ, что всѣ звѣри уходятъ съ мѣстъ, которыя окутываетъ „бѣль“,—такъ зовутъ въ тайгѣ этотъ туманъ.

люди, выпадаетъ такая страшная доля пьянымъ „золотничкамъ“, если они отъ гурьбы отобьются и бредутъ пьяные тайгой въ-одиночку. Зналъ это Демьянъ и потому какъ ни изнемогала Марья Сидоровна, а, все-таки, потащилъ ее за собой на ближайшую кручу.

— Ну, вотъ тута, дастъ Богъ, ладно будетъ...—сказалъ онъ, оглянувшись на долъ, который съ кручи казался уже молочнымъ.— Тута ничего... Заночуемъ...

Онъ очистилъ ногами мѣсто на югъ отъ ствола громаднаго кедра, сгребъ сучья, набралъ мху и устроилъ изъ него ложе. Затѣмъ наломалъ молодыхъ вѣточекъ кедровъ и елей, душистыхъ, смолистыхъ, мягкихъ, и густо усыпалъ ими мшистое ложе на четверть, такъ что мохъ совершенно исчезъ подъ густою зеленью молодыхъ вѣтокъ *). Сверху онъ постлалъ кошму половиной ея, чтобы другою половиной можно было прикрыться, завернувшись въ нее, и сказалъ довольнымъ голосомъ, который страшно какъ-то шелъ къ его мрачной, хмурой фигурѣ:

— Ну, барыня, садись, отдохни, пока я котелокъ заварю... Ничего, не бойся, постелюшка славная... Брели мы съ тобой ладно, еще дай Богъ денекъ такъ, а тамъ ужъ недалече будетъ.

*) По увѣренію таежниковъ, такимъ образомъ хорошо устроенное ложе предохраняетъ отчасти спящихъ отъ простуды, которой вообще легко подвергаются непривычные путники, въ особенности въ туманныя ночи.

Сейчасъ же и заснула Марья Сидоровна съ дочкой, только и успѣла пробормотать: „спасибо"! А бродяга пошелъ костеръ собирать, да „ночь пытать". Посмотрѣлъ на долъ и нахмурился,—„бѣль" молочнымъ пластомъ лежала, не клубясь, не волнуясь, — почти явный признакъ, что ночь будетъ сырая, мглистая, нехорошая ночь. На небо посмотрѣлъ—и еще того хуже нахмурился: не разгорались звѣзды, чуть теплились въ вышинѣ красноватымъ свѣтомъ. Разложилъ онъ большой костеръ и дымъ отъ костра пошелъ низомъ, такъ и стлался по корнямъ. Совсѣмъ жутко стало Демьяну и хмуро сидѣлъ онъ за весело кипѣвшимъ котелкомъ. Зналъ онъ, какъ опасны для непривычныхъ такія мглистыя ночи, предвѣстники дождливой погоды,— того и гляди „огнецъ" *) схватитъ, хотя и хорошо, кажется, устроилъ онъ ложе. А если

*) Огнецъ, жаровникъ,—такъ зовутъ таежники особую болѣзнь, характеризующуюся большимъ жаромъ, нестерпимою головною болью, часто бредомъ и безпамятствомъ. Люди заболѣваютъ ею только ночуя въ тайгѣ подъ открытымъ небомъ. Огнецъ почти всегда проходитъ самъ собою при переходѣ больного подъ крышу въ избу, въ которой настланъ полъ, или съ выходомъ изъ тайги. Предвѣстниками его служатъ, говорятъ, необычайная бодрость и возбужденіе, быстро смѣняющіяся полнымъ упадкомъ силъ. Суевѣрные люди,—а кто же въ тайгѣ не суевѣренъ?—приписываютъ огнецъ гнѣву „тайгана" (нѣчто посильнѣе и пострашнѣе нашего „лѣшаго"), котораго и стараются умилостивить разными способами, перенятыми отъ бурятъ и иныхъ инородцевъ. Говорятъ, что огнецъ не поражаетъ будто бы дѣтей, потому что тайгану не дано надъ ними власти.

и помилуетъ Богъ отъ болѣзни, то не миновать, можетъ быть, въ пути дождя,—все на дождь показывало... А дождь въ пути—самое послѣднее дѣло.

Поднялся онъ, хмурый и озабоченный, и сталъ смолистую кору драть съ громадныхъ стволовъ, чтобы тайгана умилостивить по обычаю. Надралъ цѣлый пукъ, перевязалъ его ползункой, воткнулъ въ середину пука зеленую вѣточку, перекрестился и кинулъ въ середину костра. Зашипѣла, затрещала смолистая жертва, затянулась густымъ синимъ дымкомъ и сейчасъ же вспыхнула яркимъ факеломъ. А все-таки не сходила тревога съ сердца бродяги.

На утро еще сильнѣе растревожился онъ. День выдался сѣрый, мглистый, небо заволокло облаками, и хотя барыня шла, повидимому, легко и бодро,—эта бодрость, послѣ вчерашняго утомленія, и тревожила особенно Демьяна. Много разъ случалось уже наблюдать ему такую обманчивую бодрость, смѣняющуюся затѣмъ потерей силъ у тѣхъ, на кого злой тайганъ насылаетъ свой огнецъ. Зорко всматривался онъ въ лицо своей спутницы, чтобы уловить на немъ тревожные признаки, страшно дѣлалось ему при этомъ, но каждый разъ страхъ его оказывался напраснымъ и бродяга благодарилъ Господа. Безкровныя губы оставались такими же, какъ всегда, за то блѣдное лицо даже румянилось слегка отъ ходьбы и свѣ-

жаго воздуха. Радоваться сталъ Демьянъ, повеселѣлъ даже, преобразился совсѣмъ, какъ будто и не хмурый сталъ. Ни дождя не было, ни болѣзни,—бо́льшая часть пути была пройдена къ вечеру, оставалось уже немного и, радуясь, Демьянъ сталъ даже похваливать свою спутницу.

— Ишь, ты какая проворная, барыня!—весело говорилъ бродяга, сидя у разложеннаго костра и мѣшая въ котелкѣ похлебку. Онъ устроилъ уже такое же ложе, какъ вчера, но Марьѣ Сидоровнѣ сегодня спать не хотѣлось, не чувствовала она такого утомленія, была весела и говорила.—Совсѣмъ проворная!—говорилъ Демьянъ.—Сколько пути пройдено, а ты и ничего, ровно бы бродяга старый! Жутко, знать, на чужой сторонушкѣ, тянетъ въ свою... Ну, да, слава Осподу, недалече до скита-то, оттудова выберешься скоро...

— Спасибо тебѣ, Демьянушка! — ласково и тепло отвѣтила ему барыня. На душѣ у нея было какъ-то особенно легко и хорошо теперь, точно бы опьянѣла она слегка отъ сознанія близости людского жилья.—Какъ и благодарить-то тебя, не знаю...— продолжала она такъ же ласково.—Ровно бы родной отецъ ты мнѣ, столько ты для меня сдѣлалъ... Вотъ далъ бы Богъ только добраться...

— Доберешься, милостивъ Осподь! — хмуро подхватилъ бродяга, какъ бы желая прервать эти ласковыя слова теплой благодарности.—

Доберешься! Только не велика моя заслуга передъ тобой,—какая христіанская душа не поможетъ въ тайгѣ путнику? А сильно, чай, барыня, хочется тебѣ въ свою сторону?—улыбнулся онъ снова весело.

— А кому же не хочется, Демьянъ?—съ тихою грустью отвѣтила она ему.—Развѣ тебѣ не хочется?

Нахмурился бродяга.

— Не у всякаго есть она, своя сторона!—отвѣтилъ онъ.

— У тебя нѣтъ?—спросила она живо и сейчасъ же пожалѣла, понявъ, что затронула больную рану,—такъ мрачно сталолицо Демьяна. Помолчалъ онъ и сурово покачалъ головой, наконецъ.

— Нѣтъ у меня сторонушки, барыня!—такъ скорбно отвѣтилъ бродяга, что у той сжалось сердце.—Была она, да нѣтъ ея!..

— Ну, а теперь опять будетъ. Будетъ, Демьянъ! Не отпущу я тебя, какъ доберусь къ отцу!—страстно говорила Марья Сидоровна.—Будешь жить ты у насъ на покоѣ.

Разгладилось лицо стараго бродяги, улыбнулся онъ и покачалъ головой.

— Спасибо тебѣ, барыня,—сказалъ онъ.—А только быть этого не можетъ.

— Почему не можетъ?

— Потому не можетъ, барыня, что не усидѣть мнѣ у тебя... Нѣтъ, не усидѣть!.. Ничего, думаешь, столь годовъ бродяжить?—Много оно

значитъ-то!... Забродяжилъ я уже, духъ во мнѣ такой сталъ, старый я бродяга... А бродягѣ только и житья, что тайга-матушка, да степь вольная... Такъ оно, барыня ласковая, спаси тебя Осподь!—мягко говорилъ Демьянъ, глядя на нее ласковымъ взглядомъ:—бродяга все равно, что вотъ звѣрь, али птица: перебьется кое-какъ зимушку,—все равно гдѣ,—ну, а чуть тепло дохнетъ—съ первой травкой онъ и въ путь бредетъ... Ровно бы птица въ лётъ... Тянетъ его волюшка, тайга манитъ, степь, сказываютъ, кличетъ... Такъ и люди баютъ: птичій стрекотъ—бродяжій зовъ... Вотъ, развѣ, помирать къ тебѣ приду, коли пустишь!

Поспѣла похлебка, похлебали они, да обоимъ не до сна было. Много думушекъ забродило въ головѣ стараго бродяги, разбуженнаго лаской, размякъ онъ какъ-то, точно бы разнѣжился, и само собой стало вспоминаться многое, связанное съ бывшею когда-то и у него „своею сторонушкой". А Марьѣ Сидоровнѣ его жаль было, и такъ жаль, что эта жалость, казалось, сонъ прогнала. Давно уже спала Сашурка, завернутая въ теплую кошму, а она все сидѣла у костра, жалѣя и какъ бы раздумывая, чѣмъ приласкать и отблагодарить этого добраго скитальца. Жаръ разливался по ней отъ костра, душно какъ-то становилось, особая слабость, похожая на сонную истому, охватывала ее, а сна, все-таки, не было.

— А знаешь, Демьянъ,—какъ бы каясь, ска-

зала она:—знаешь, я прежде боялась тебя... страшно боялась...

— Знаю, что боялась! А ты не спишь еще?— удивился тотъ, разбуженный отъ думушекъ.

— Не спится...—отвѣтила она.—Все, вотъ, о тебѣ думаю... Жалко мнѣ тебя... И какъ подумаю, что я боялась, такъ...

Тронули эти слова Демьяна, но онъ не выдалъ себя и отвѣтилъ спокойно:

— Всякъ, барыня, бродягъ боится, потому грѣха отъ нашего брата много бываетъ... Иной разъ бродягѣ-то и идти некуда, какъ только на грѣхъ... Каторжная жизнь, ну, и озвѣрится человѣкъ... Опять и видъ страшливый...

— А ты давно бродяжишь?

— Давно, барыня хорошая,—скоро и счетъ забудешь.

— Отчего-жъ ты сталъ бродягою?

Помолчалъ Демьянъ и отвѣтилъ глухо:

— Отъ грѣха своего... Вотъ отъ чего, а ты жалѣешь.

— Жалѣю, Демьянъ, всѣмъ сердцемъ жалѣю, какой бы грѣхъ ни былъ на тебѣ... Не вѣрю я, чтобы ты могъ на зло пойти когда-нибудь.

— Не вѣришь, а вотъ же ходилъ я на зло...— такъ же глухо отвѣтилъ бродяга.—И на самое лютое зло.

— На какое же?

— Долго разсказывать, добрая барыня.

— Разскажи, Демьянъ,—почти взмолилась она:—все равно мнѣ не спится. Ты мнѣ те-

перь что родной сталъ и все я знать хочу... И тебѣ легче станетъ самому.

Екнуло что-то отъ этихъ словъ и тона ихъ въ сердцѣ бродяги и разлилось въ немъ небывалымъ тепломъ. Какъ бы чудесное что-то крылось для него въ этой ласковой просьбѣ жалѣвшей его женщины, и онъ не могъ противостоять ей. Сами собой какъ-то раскрылись уста вѣчно хмураго, молчаливаго бродяги, оживленнаго теплою, любовною лаской. Онъ помолчалъ, нерѣшительно крякнулъ, поправилъ въ кострѣ сучья и началъ:

— На лютый грѣхъ пошелъ... Давно это было... Годовъ тридцать!—сказалъ онъ, подумавъ.

— Это, значитъ, меня на свѣтѣ еще не было...—вставила Марья Сидоровна.

— А тебѣ кой будетъ?

— Двадцать девять, Демьянъ. Стара я...

— Ну, за годъ, значитъ... Было мнѣ въ тѣ поры годовъ 23, а то и 24,—плохъ на счетъ я памятью... Ражимъ, говорили люди, парнемъ былъ, видный изъ себя, да на грѣхъ только... Есть, знать, барыня, люди такіе, что на грѣхъ только и родятся на свѣтъ... Осподня воля, знать!—грустно вздохнулъ бродяга.—Какъ въ Писаніи сказано на счетъ этого, знаешь ты, чай?—спросилъ онъ пытливо.

— Въ Писаніи сказано, что мы всѣ въ грѣхѣ родимся и что каждому дана воля творить или не творить зло...—отвѣтила Марья Сидоровна.—А только и еще сказано тамъ, Демьянъ,

что грѣхи свои человѣкъ искупить можетъ раскаяніемъ.

— Такъ оно!—задумчиво и хмуро сказалъ бродяга.—Осподь милостивецъ, можетъ, и помилуетъ на томъ свѣтѣ... Можетъ, и простится на томъ свѣтѣ грѣшнику... Ну, а только пока живъ человѣкъ, нѣтъ ему на землѣ прощенія... Такъ я полагаю, барыня?

— Отчего же?.. Развѣ люди не прощаютъ?

— Люди-то простятъ, да душа не проститъ, вотъ что! Богъ не попускаетъ... Такъ ужъ человѣку, знать, дадено, чтобъ онъ всегда свое зло помнилъ на землѣ... Вотъ, хоша бы я, къ примѣру... сколь перебродилъ свѣту, а все свое зло помню... Въ тайгѣ-ль, вотъ, въ степи ли—все душа его поминаетъ и нигдѣ съ нимъ не укрыться... Нигдѣ, до самой смерти!—вздохнулъ бродяга, и глубокая скорбь почуялась въ его вздохѣ.

— Это и есть раскаяніе, Демьянъ!—сказала растроганная Марья Сидоровна.—Какое-жъ зло сдѣлалъ ты?

— Какое зло, спрашиваешь? Самое лютое, барыня: на благодѣтеля свово руку поднялъ, загубить хотѣлъ. Вотъ какое зло!—мрачно отвѣтилъ бродяга.

— Но не загубилъ?—съ тревогой спросила Марья Сидоровна.

— Нѣтъ, не загубилъ, — Осподь милостивецъ не попустилъ злодѣйства, руку окаянную удержалъ.

— За что же ты убить хотѣлъ?

— А вотъ слушай, коли на то пошло...—сказалъ Демьянъ, помолчавъ немного.—Можетъ, и жалѣть меня тогда не станешь. Сиротой росъ я, безъ отца, безъ матери... хлѣбомъ побирался... Одна тетка, слышь, у меня была, да и та побиралась. И пожалѣй меня, мальчонка, купецъ одинъ,—доброй души человѣкъ былъ, первѣющій богачъ на всю округу, и слава про него хорошая межъ людей далеко ходила. Видитъ, что будто не плохъ мальчонка, и пожалѣлъ меня, благодѣтель мой: къ себѣ взялъ и къ дѣлу приставилъ. Перво-на-перво къ приказчику своему отдалъ, чтобъ обучилъ меня по торговой части, ну, а черезъ сколько лѣтъ, когда обучился я у приказчика, къ себѣ взялъ въ подручные. Полюбился я, слышь, ему за вѣрность да за расторопность свою, и надумалъ онъ, благодѣтель мой, меня человѣкомъ сдѣлать... Да лучше бы не надумывалъ... Съ того и грѣхъ пошелъ, что купецъ меня къ себѣ взялъ... Отплатилъ я тутъ благодѣтелю!

Съ сердцемъ сказалъ это бродяга; больная горечь звучала въ его голосѣ, нахмурился онъ и замолчалъ, точно вспоминая.

— Какъ пріѣхалъ къ нему въ домъ отъ приказчика, съ того и грѣхъ пошелъ...—повторилъ онъ глухо, послѣ раздумья.—Была, слышь, хозяйка у него, изъ хорошей семьи взялъ онъ ее, изъ купецкой, и добрая была, ласковая, смирная, съ лица пригожая, ровно бы краса-

вица писанная... Съ тобой, вотъ, слышь, схожа была, барыня, — говорилъ бродяга, всматриваясь въ лицо слушательницы:—больно схожа по облику-то, только вотъ глаза у тебя темные, не тѣ глаза, да виднѣй она была съ тѣла, дебелѣй и ростомъ словно повыше тебя... ну, извѣстное дѣло, житье привольное, купецкое, въ холѣ жила... За схожесть-то эту самую и полюбилась ты мнѣ теперь. Инда въ страхъ меня кинуло, какъ увидалъ я тебя впервой, глазъ, слышь, отвести не могъ... Все покойница, — царство ей небесное! — вспоминалась. Такъ думаю, что Осподь, знать, наказать хотѣлъ меня, схожество наслалъ... А, можетъ, и перстъ тутъ Осподень былъ, чтобы, значитъ, въ бѣдѣ твоей не кинулъ я тебя...—въ раздумьи сказалъ бродяга.

Поняла теперь Марья Сидоровна, почему такъ упорно слѣдилъ за ней Демьянъ, пугая ее своимъ загадочнымъ взглядомъ. Жаръ становился все сильнѣе, такъ и разливался по ней пламенемъ, дышалось ей тяжело, голова точно бы кружилась, но, возбужденная, она жадно вслушивалась въ разсказъ, вся превратившись въ одно напряженное вниманіе,

— И попутай меня страшный грѣхъ,—продолжалъ какъ бы про себя, въ раздумьи, Демьянъ:—полюбись мнѣ хозяйка-то!... Чуяла душа моя, что великій грѣхъ мужнюю жену любить, понималъ-атъ я, что не ровня ей, купецкой женѣ,—самъ себя дуракомъ зову, да надъ собой

издѣваюсь: зарится, молъ, ворона на лебедя!— а ничего съ собой подѣлать не могу,—силъ моихъ нѣту... Умъ помутился... Пройдетъ, слышь, она,—меня, окаяннаго, въ дрожь кинетъ, воровскихъ своихъ глазъ отвести не могу, такъ бы и кинулся за ней волкомъ... Голоса ея слышать не могъ, разумъ терялъ, самъ не свой дѣлался, живъ ли, не живъ—не знаю. Вотъ какъ попуталъ меня, злодѣя, дьяволъ... И Бога забывать сталъ. Одна только дума на сердцѣ была,—какъ бы ее увидать... Ночей не сплю, съ лица спалъ, дѣло свое запустилъ: купецъ въ тѣ поры въ разъѣздахъ былъ, по торгамъ ѣзжалъ, такъ на мнѣ-то много дѣла стояло...

— Таилъ я свой грѣхъ про себя,—говорилъ дальше бродяга, послѣ недолгаго молчанія:— таилъ, да только, знать, не утаишь грѣха,— вижу я, что хозяйка ровно бы примѣчать стала... Жили они вдвоемъ ладно,—ужъ такъ жили, точно бы голуби,—жалѣлъ онъ ее и она его уважала; какъ слѣдовало, хорошо жили... Объ одномъ, слышь, убивались, что Осподь дѣтокъ не давалъ, и купецъ тужилъ, а сама и того пуще... Извѣстное дѣло, какъ дѣтей не хотѣть: птица—и та ради птенцовъ гнѣздо вьетъ... Такъ вижу я, что хозяйка ровно бы запримѣтила грѣхъ мой, разглядѣла, что я, окаянный, на красоту ея зарюсь... Ласковая была, привѣтливая, а тутъ какъ рукой сняло, разсердилася, слова не кинетъ, хмурится, гнѣвная стала... И все ей не такъ, что ни сдѣлаю, что

ни скажу, на все хмурится, обѣгаетъ меня, глазъ поднять не хочетъ, — зачуяла, знать, грѣхъ мой... И что-жъ ты думаешь? Замѣсто, чтобы грѣхъ свой унять, передъ Богомъ покаяться,—какъ увидалъ я, что запримѣтила она, еще сильнѣй распалилъ меня дьяволъ, совсѣмъ умъ помутилъ... Жисти не радъ былъ, сколько разъ руки на себя наложить хотѣлъ, да только откладывалъ все, чтобъ на нее поглядѣть,—дай, думаю все, еще разокъ погляжу... Только и думка такая была, тѣмъ и спасся...

Онъ замолчалъ вдругъ и, уставившись въ пылавшій костеръ, машинально сгребалъ горѣвшіе сучья. Трудно доставались ему эти воспоминанія и за ними онъ, казалось, совсѣмъ забылъ о слушательницѣ.

— Что же, Демьянъ?—потревожила нетерпѣливо его думы Марья Сидоровна.

Онъ не поднялъ головы, не шевельнулся и, все такъ же всматриваясь неподвижно въ костеръ, продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Ну, вотъ, разу одново,—хозяинъ на ту пору въ отъѣздѣ былъ,—заходитъ она въ лавку товаръ для дома взять. Набрала что нужно было, да и стала въ дверяхъ на улицу, а тамъ купчиха одна съ приказчикомъ какъ разъ съ гостинъ шли... Смотритъ она, да и зоветъ Митюшку,—мальчикъ у насъ въ лавкѣ былъ, къ дѣлу пріучался. „Гляди, говоритъ, Митюшка, виданое ли дѣло, чтобы купецкая жена да съ наёмнымъ своимъ по гостинамъ ходила? Срамъ

одинъ, говоритъ, какой нонѣ свѣтъ сталъ... Всякій наёмникъ—безъ роду, безъ племени—не вѣсть что въ голову забираетъ!" Какъ услыхалъ я это слово, такъ меня ровно ножомъ полыснулъ кто: —понялъ я, что не къ Митюшкѣ, значитъ, ея рѣчь, а ко мнѣ была... Стою это я, ровно зарѣзанный, а она взглянула искоса, увидала, что на мнѣ, знать, лица не было, зарумянилась, сдвинула брови гнѣвно и прочь пошла. И что со мной было тутъ, я и сказать тебѣ не могу. И думалъ—не думалъ, и глядѣлъ—не видалъ, и слыхомъ—не слыхалъ, ровно бы живой и мертвый былъ... И сколь я такъ стоялъ, тоже не знаю... Помню, слышь, что заперъ лавку, отнесъ ключи какъ слѣдовало, да и самъ подъ ея окнами въ амбаръ пошелъ, ровно бы кто меня силой толкалъ туда... Какъ попалъ, зачѣмъ,—ничего не знаю, а только, пришедши, скорѣй поясъ снялъ, на перекладину закинулъ, да петлю вязать сталъ... И сдавалось мнѣ такъ, что не самъ я, а кто другой за меня все дѣлаетъ... Пробую это я петлю рукой, вотъ, ужъ и голову просуну,—анъ, тутъ скрипнула дверь и заявись она передо мною. Смекнула, слышь, что не на добро человѣкъ въ амбаръ пошелъ, прибѣжала... „Что надумалъ, говоритъ, оглашенный?"—да хвать меня за руку, а сама бѣлая вся, трясется да глазами поводитъ... Рвусь это я къ петлѣ-то, умъ помутилъ дьяволъ, а она не пущаетъ, слышь, тянетъ меня да все кричитъ... Ужъ

что тутъ было... что говорилъ я, что она... а только съ той поры промежъ насъ и грѣхъ пошелъ...

Осѣкся голосъ у бродяги и послѣднія слова онъ произнесъ такимъ глухимъ шепотомъ, что Марья Сидоровна скорѣе, казалось, угадала ихъ, чѣмъ разслышала. Озаренный огнемъ костра, его скорбный образъ, съ низко опущенною головой, судорожно сжатыми на колѣняхъ руками, ясно выступалъ изъ нависшаго кругомъ ночного мрака, тая въ себѣ столько горя, что невольно, само собою, сжималось сердце. Долго просидѣлъ онъ такъ молча, ничего не видя, не двигаясь, точно истуканъ, весь уйдя въ свои скорбныя думы. Марья Сидоровна смахнула скатившуюся слезу и тоже задумалась... Плохо она чувствовала себя, а не могла не слушать,— слишкомъ занялъ ее разсказъ Демьяна.

— Вотъ какъ любилъ ты, Демьянъ!— вздохнула она въ раздумьи, какъ бы завидуя инстинктомъ такой сильной любви, не выпавшей на ея, тоже скорбную, долю. Чего бы не дала она за такую любовь, которая одна, казалось, могла уже все оправдать собою!—Вотъ, какъ любилъ!—повторила она, снова вздохнувъ, но бродяга врядъ ли слушалъ ее.—Что же дальше было, Демьянъ?—спросила Марья Сидоровна, горя нетерпѣніемъ и тяготясь молчаніемъ.

— Дальше?—онъ поднялъ въ раздумьи голову:—а дальше вотъ что, барыня,—продолжалъ бродяга совсѣмъ глухимъ голосомъ:—понесла

она, а только не въ радость себѣ... Купцу-то радость была, шибко веселый сталъ,—ну, а ей только больше слезъ отъ того веселья его было... Все, сердешная, спаси ее Осподь, слезы лила, обо всемъ убивалась... И за срамъ свой, и за грѣхъ, и за то, что мужа въ обманъ ввела, а меня, окаяннаго на глаза не пускала: какъ понесла она, такъ и видѣть не могла... И жалко мнѣ ее было, и зло разбирать стало, потому сильно ужъ затянулъ меня грѣхъ, и жисть безъ нея была не въ жисть... Коритъ она меня,—уйди, молитъ, чтобъ и слыхомъ о тебѣ не слыхала, и видомъ не видала, грѣхъ свой забыла,—а меня только пуще дьяволъ мутитъ, да на зло толкаетъ... И въ день, и въ ночи, и во всякъ часъ мутитъ меня окаянный: „Твоя она,—въ уши свиститъ:—и дитё твое, а мужъ-атъ одна вамъ помѣха!“ И все только одно это на умъ идетъ, другой думы нѣтъ,—знать, совсѣмъ помутилъ меня нечистый, душу мою сгрёбъ окаянную... Въ такую злость вогналъ меня супротивъ благодѣтеля мово, что не знаю, слышь, какъ меня земля носила... Тутъ вотъ и надумалъ я лютое дѣло... На благодѣтеля своно надумалъ руку поднять...

Ужъ и не знаю, въ какой-то разъ пришла она—царствіе ей небесное!—молить меня, окаяннаго, чтобъ ушелъ я отъ нихъ, а только пообѣщалъ я въ тотъ разъ, поуспокоилъ... „Ладно, говорю, на утресь разсчетъ возьму, уйду съ глазъ твоихъ!“—а у самого другое уже на умѣ стоитъ,

такъ и переливается злость-то по жиламъ... Былъ у насъ въ лавкѣ ножъ большой. Навострилъ я его да и спряталъ до ночи... Какъ полегли всѣ, я, молъ, самъ не самъ, взялъ ножъ, да и побрелъ на хозяйскую половину... И дивно мнѣ было, что и знаю я ровно, куда и зачѣмъ бреду, и ровно бы не знаю, и страшно мнѣ, и не страшно... Такъ, ровно бы самъ другъ съ кѣмъ шелъ,—я и другой-атъ у меня въ нутрѣ сидѣлъ... Я-то иду и ничего не знаю, а тотъ знаетъ, мнѣ-атъ страху нѣтъ, а ему страхъ... И холодъ такой меня пронялъ, ровно бы я ледяной сталъ, и въ головѣ холодъ, и въ нутрѣ холодъ, зубъ на зубъ не попадешь... Вступилъ это я въ горницу, вижу—дверь въ опочивальню открыта, свѣтъ отъ кіота идетъ, немного пройти... а только заслышала она шагъ мой, схватилась, какъ была, и выбѣжала на встрѣчу... Глянула, сердешная, и все какъ есть поняла. Схватила это она меня, руки цѣлуетъ, ласковыя слова говоритъ, молитъ, чтобъ оставилъ зло, а я, слышь, ровно бы каменный, ничего не слышу, ничего знать не хочу, все толкаю ее, чтобъ пустила меня... И сталъ тутъ меня какой-то смѣхъ разбирать, — дьяволъ, знать, смѣялся во мнѣ. Смѣюсь это я и со смѣхомъ говорю ей: „Пусти, глупая, говорю, не будетъ намъ помѣхи... Наше дитё будетъ!“— да тутъ ужъ самъ Осподь вступился . Проснулся мужъ, выбѣжалъ, смотритъ со сна, а у меня ножъ-атъ въ рукѣ блеститъ, да только

рука не поднимается, ровно плеть виситъ... Осподь, знать, руку на тотъ часъ отнялъ, чтобы грѣха не допустить... Стоитъ онъ и я стою, трясетъ меня, зубы стучатъ, съ мѣста ступить не могу, а хозяйка промежду насъ на колѣняхъ кается и прощенья проситъ... Закричалъ онъ тута, кинулся ножъ вырывать, да какъ хватитъ меня въ грудь... Я словно бы снопъ соломенный свалился. Такъ и лежалъ, пока руки вязали... Ну, а тамъ, извѣстно, въ острогъ повели...

Замолчалъ бродяга, точно бы голосъ пропалъ у него, и понурилъ низко голову.

— Вотъ мой грѣхъ!—прошепталъ только.

— А съ нею-то что?... Съ нею что сталось?—лихорадочно спросила Марья Сидоровна, задыхаясь отъ волненія.

— Съ нею?... А вотъ что съ нею было, барыня,—въ острогѣ опосля слыхалъ. Съ нею было, что не простилъ купецъ, отъ себя прогналъ и укрылась она, горемычная, въ юртѣ остяцкой, у остяка знакомаго... Тамъ и дочку родила, и померла тамъ, родимши, царство ей небесное! Сказывали, шибко купецъ убивался, полетѣлъ, слышь, къ ней, какъ прослышалъ, что въ хворости мается, и прощенье далъ, а дитё къ себѣ замѣсто своего взялъ,—шибко ему тоже дѣтей хотѣлось... Съ той поры и не видалъ я того мѣста, не стало у меня своей стороны...

Снова угрюмо замолчалъ бродяга,—щемящая боль засверлила въ его закаленномъ, ка-

залось, сердцѣ, картина за картиной вставала ярко въ возбужденной разсказомъ памяти, ниже и ниже склонялась его сѣдѣвшая голова... Видѣлъ онъ и роковую петлю, чуялъ горячія ласки и любовныя рѣчи, видѣлъ, какъ сверкалъ ножъ при трепетномъ свѣтѣ кіотной лампады, какъ молила она и каялась, видѣлъ, казалось, и одинокую юрту, гдѣ навѣкъ застыли дорогія ему черты... И что-то закипѣло въ его богатырской груди, что-то горячее и острое поднимало ему грудь, сжимало сердце и, неудержимо поднимаясь выше, рвалось наружу. Но силенъ былъ человѣкъ, не поддался, ничто не прорвалось, только еле слышный вздохъ разжалъ эти плотно сжатыя губы и потонулъ безслѣдно въ тихомъ шепотѣ горѣвшаго костра... А у Марьи Сидоровны давно уже текли по щекамъ слезы, еще больше стало ей жаль этого горемычнаго скитальца, искупившаго такою крупною цѣною свой грѣхъ, въ которомъ многое прощало ея доброе сердце... Голова у нея кружилась все сильнѣе, въ вискахъ стучало, жаръ смѣнился легкимъ ознобомъ. Она завернулась въ кошму и, заворачиваясь, почувствовала вдругъ необычайную слабость, но при этомъ, все-таки, спросила еще:

— Ты не былъ тамъ?.. Развѣ не тянуло тебя, Демьянъ?

— Зачѣмъ, барыня?

— А дочь?

— Нешто есть дочь у бродяги?—глухо отвѣтилъ Демьянъ дрогнувшимъ голосомъ.—Не признала бы меня: купецкая она теперь дочка, богачиха, поди, на весь край остяцкій...

— Край остяцкій...—въ раздумьи проговорила Марья Сидоровна, слабѣя все больше и больше,—она не спала, но отъ озноба, что ли, соображала, казалось ей, хуже.—Край остяцкій... А, вѣдь, Демьянъ, и я оттуда родомъ... Тамъ и матушка схоронена... Оставила она меня сиротой, родивши...

— Красноярская, слышь, сказывала?—въ удивленіи схватился бродяга.

— Въ Красноярскѣ отецъ торгъ повелъ, какъ подростать стала,—говорила Марья Сидоровна, кутаясь вся больше.—А родилась я въ ...скомъ посадѣ. Тамъ отецъ пушнину скупалъ.

Закутавшись, не видала Марья Сидоровна, какъ вскочилъ Демьянъ, словно ужаленный,—не видала, какъ поблѣднѣлъ онъ и ровно мертвецъ стоялъ надъ костромъ... Да если-бъ и видѣла, не разглядѣла бы,—все у нея спуталось въ глазахъ отъ одолѣвшей слабости. Таяла она, казалось, совсѣмъ въ какой-то болѣзненной истомѣ.

— Пушнину скупалъ!... — долетѣлъ до нея вдругъ чей-то глухой, точно изъ подземелья, совсѣмъ, казалось, незнакомый голосъ.—Пушнину!... А какъ звать отца-то?!

— Русановъ звать... — чуть прошептала она совсѣмъ ослабѣвшими устами.

— Сидоръ Карпычъ?!

— Да... Ты зналъ его?...

Она не договорила. Невыразимая слабость одолѣла ее всю, затуманила память, сковала уста... Налетѣлъ, казалось, сонъ, но какой-то странный, болѣзненный сонъ, оставлявшій почему-то нетронутымъ одинъ слухъ. Чей-то крикъ, похожій на хриплый стонъ, прорѣзалъ воздухъ и она ясно разслышала его, но не могла уже шевельнуться. За то она разслышала, какъ на этотъ стонъ отозвалось все окрестъ, какъ заскрежетали, казалось, столѣтніе кедры, застонала въ отвѣтъ глухая тайга, какъ, ниспадая съ высокаго неба, съ тихимъ шумомъ закружились надъ ней плавно сѣрыя тучи... Ей почудилось, наконецъ, что гдѣ-то совсѣмъ близко лѣсной звѣрь зарыдалъ надъ ней человѣческимъ рыданіемъ... Затѣмъ, все слабѣя и слабѣя, она медленно и безслѣдно растаяла, казалось, въ этомъ скрежетѣ, стонѣ и рыданіи, какъ таетъ синяя даль въ дымчато-сѣрыхъ волнахъ заклубившагося тумана...

А вверху блестѣлъ клочокъ синяго неба... Въ черной рамкѣ, очерченной темными силуэтами кедровъ, съ полу-сіявшей ночной синевы сверкали въ таёжную мглу звѣзды и тихо дрожали точно бы отъ подувшаго сиверка, разорвавшаго тучи и морозившаго тайгу. Эти дрожавшія звѣзды точно шептали что-то сердцу бродяги, все еще охваченному ужасомъ; эта

полу-сіявшая синева тоже какъ будто таила въ себѣ что-то для него роковое... Чье-то незримое дыханіе, казалось, слѣдило за нимъ оттуда и, властное, таинственное, неподкупное, неотступно ставило ему все одинъ и тотъ же страшный вопросъ, заданный ослабѣвшими устами... И ночная мгла, и пламя костра, и молчаливые кедры, и вся тайга, сливаясь въ общій хоръ, точно повторяли ему все одно и то же страшное: „Ты зналъ его?“

Зналъ ли онъ?... Что же другое вырвало бы изъ его груди этотъ больной стонъ, похожій на вопль раненаго звѣря, и эти страстныя слезы?... Тридцать лѣтъ скитаясь, развѣ забылъ онъ, какъ поднялъ на него руку, какъ блестѣлъ его ножъ при трепетномъ свѣтѣ кіотной лампады? Развѣ забылъ онъ свой грѣхъ предъ нимъ и предъ тою, что валялась на колѣняхъ въ ту страшную ночь, моля и каясь? Нѣтъ, онъ никогда и нигдѣ не забывалъ!

Зналъ ли?—спросила она... А что же, какъ не то, что онъ зналъ, такъ влекло его къ ней, воплотившей въ себѣ дорогія, любимыя черты?... Развѣ охватилъ бы его такой ужасъ, не знай онъ? Да, онъ зналъ, окаянный!... Онъ знаетъ теперь тоже и кто она сама, и чьи это у нея черныя, „совсѣмъ не тѣ“ очи... Нѣтъ, грѣшно ему,—онъ не можетъ знать, не долженъ,—хотя его сердце стучитъ ему немолчно, хотя онъ съ трепетомъ чуетъ здѣсь

невидимый Божій перстъ!... Онъ не стоитъ, чтобы знать, а ей?... Ей не нужно! Зачѣмъ ей бродяга?

Теплыя слезы оросили лицо бродяги; онъ овладѣлъ собой, наконецъ, и, не отводя глазъ отъ полу-сіявшей ночной синевы неба, широко и размашисто перекрестился.

— Не стою, Осподи!—прошепталъ онъ впервые.—А ей зачѣмъ?... Не нужно ей, горемычной... Не нужно, незачѣмъ!

Онъ упалъ на сырую, холодную землю и, припавъ къ ней горѣвшею головой, плакалъ, какъ ребенокъ, можетъ-быть, впервые послѣ той страшной ночи. О чемъ онъ плакалъ: о разбитой ли жизни, объ этихъ ли очахъ, которыя онъ имѣлъ и не могъ назвать своими, не долженъ былъ,—какъ ни рвалось его сердце,—о томъ ли, что бродяга никому не нуженъ и что нѣтъ у него права даже на то, что имѣютъ и каждый звѣрь, и птица,—обо всемъ ли вмѣстѣ,—онъ и самъ бы себѣ не отвѣтилъ... Слезы текли сами собою, пока его слуха не коснулся знакомый лепетъ... Тогда онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Блѣдное, какъ полотно, дорогое лицо ясно выдѣлялось при мерцавшемъ огнѣ догоравшаго костра и синими, совсѣмъ темными устами давно шептало какія-то безсвязныя рѣчи.

— Христосъ съ тобою! Спишь, что ли, барыня?—въ испугѣ прошепталъ бродяга, склонившись и ощупывая пылавшую жаромъ руку.—

Спишь?—повторилъ онъ громче, дрожа отъ возраставшаго испуга.

Она открыла глаза и посмотрѣла куда-то вдаль невидящимъ, безумнымъ, огнемъ горѣвшимъ взглядомъ, продолжая шептать тѣ же безсвязныя рѣчи. Демьянъ понялъ, наконецъ, и задрожалъ, какъ осиновый листъ: владыка тайганъ дышалъ на нее и зажигалъ въ ней свой страшный огнецъ...

А вверху блѣднѣли уже звѣзды и полусіявшая синева принимала сѣроватые тоны зарождающагося утра.

И чуть засіяло оно, морозное, румяное утро, чуть задрожали въ розовыхъ тонахъ таёжныя тѣни, бродяга бережно взвалилъ ее на дюжія плечи и, тяжело ступая, побрелъ своимъ ровнымъ, бродяжьимъ ходомъ. Дѣвочка плелась рядомъ, и, когда уставала, онъ подсаживалъ ее въ плетунку и несъ обѣихъ—безпамятную мать и уставшую дочь. Бѣднякъ, найдя золотой кладъ, бѣжитъ съ нимъ, не зная ни тяжести, ни устали. Не зналъ ихъ и Демьянъ. Его кладъ, посланный ему, казалось, непосредственно самимъ Провидѣніемъ, былъ цѣннѣе всѣхъ золотыхъ кладовъ на свѣтѣ...

И онъ несъ его, точно исполняя святой завѣтъ, почти благоговѣйно, по прежнему, боясь даже признаться себѣ, кого несутъ его сильныя плечи, кого такъ нѣжно сжимаютъ

крѣпкія руки... Несъ таёжными долами, несъ прогалинами, карабкался на кряжи, переходилъ въ бродъ болотныя мокрины... Лепетъ ребенка разгонялъ хмурыя думы, каждый стонъ больной придавалъ, казалось, новыя силы...

„Добраться бы помогъ Осподь!—только и думалъ бродяга.—Живо въ скиту очувствуется!—успокаивалъ онъ самъ себя.—И доставятъ куда слѣдуетъ,—упрошу ужъ скитниковъ!... Ну, а самъ... самъ далече побреду, чтобы и слыхомъ обо мнѣ не слыхала... Зачѣмъ ей бродяга? Стыдъ одинъ!... Спасибо, Осподи, что хоть открылъ мнѣ ее, поглядѣть довелось, какова она, сердешная... И въ томъ Твоя милость великая! Покаюсь дѣду въ скиту, да и на Олекшу, а не то и на Шилку... Не долго, чай, Осподи, бродить-то осталось...“

Онъ взобрался на высокую скалистую кручу и передъ нимъ раскинулось внизу необъятное таежное море, надъ которымъ весело всплывало утреннее солнце, золотя и румяня сине-зеленыя вершины, похожія сверху на застывшія волны.

Далеко на горизонтѣ, выдѣляясь изъ бѣлесоватой мглы, синею дымкой тянулась цѣпь островерхихъ холмовъ, пестрѣя уже кое-гдѣ пятнами солнечнаго свѣта, отливавшими то серебромъ, то золотомъ, то багрянцемъ. Таёжная птица поздняго отлета купалась въ воздухѣ, перелетая внизу съ вершины на вершину, рѣя и описывая красивыя, своеобразно-

прихотливыя дуги, оживляя собою этотъ дивный, широкій пейзажъ, и живой, и мертвый... Бродяжье сердце затрепетало бы отъ счастья, не мѣшай ему тревожная забота. Но Демьянъ видѣлъ только одну синѣвшую на горизонтѣ дымку зубчатыхъ холмовъ.

— Только, вонъ, туда денеси, Осподи!—взмолился онъ, осѣняя себя широкимъ крестомъ, когда зоркій глазъ уловилъ знакомыя примѣты.—Недалече будетъ уже... Не оставь меня, грѣшнаго!...

А синѣвшая дымка, все ярче заливаемая свѣтомъ поднимавшагося солнца, сама, казалось, двигалась ему на встрѣчу, съ каждою секундой выступая яснѣе изъ бѣлесоватой утренней мглы...

VII.

Довольно лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Совсѣмъ постарѣлъ и осунулся Сидоръ Карпычъ, не мало годковъ налетѣло и Марьѣ Сидоровнѣ. Сашутка ея, поди, совсѣмъ подросткомъ стала, но хорошо выглядѣла она теперь, живя въ покоѣ и довольствѣ подъ отцовскою кровлей. Юрій Николаевичъ давно погибъ гдѣ-то жертвой бродяжьей мести, какъ ходили слухи, и скверное прошлое, таившее въ себѣ столько больного, и тяжелаго вспоминалось ею точно въ туманѣ. Все подернуло дымкой быстро летящее время, все казалось,

залѣчило,—одного только не тронуло, и это одно вѣчно сверлило, вѣчно сжимало болью и грустью ея доброе сердце. Никогда не умирала въ ней память о Демьянѣ, который, дотащивъ ее въ скитъ и сдавъ на руки старухамъ, упросилъ скитниковъ доставить ее по выздоровленіи до ближайшаго села, а самъ безслѣдно исчезъ затѣмъ. Куда онъ исчезъ, что сталось съ нимъ, жилъ ли, не жилъ ли на свѣтѣ,— никто не зналъ. „Ушелъ, милая! — только и сказали ей скитскія старухи, когда она очнулась: — твово отца, слышь, оповѣстить хотѣлъ!“ —и ничего не могла она узнать о немъ съ тѣхъ поръ, ровно бы онъ въ воду канулъ. Но часто вспоминалось ей хмурое лицо съ его скорбнымъ взглядомъ, воскресая, точно живое, вызывая на глаза слезы. Часто слышала она, казалось, глухой голосъ, передававшій ей въ сырую таёжную ночь, у ярко пылавшаго костра, страшную повѣсть. А когда молодая весна будила къ жизни спавшую природу и, сгоняя ручьями снѣгъ, вызывала зеленую травку, а птичій слетъ наполнялъ все окрестъ стрекотомъ и гамомъ, ей всегда чудилась мрачная тайга и высокая фигура хмураго бродяги, одиноко бредущая никому невѣдомыми тропами.

Страшная повѣсть подняла въ ея душѣ цѣлый рядъ сомнѣній, лишь только она очнулась въ скиту, и смутная догадка точно бы и тогда уже зашевелилась въ ней тревожно. По крайней мѣрѣ, она какъ-то особенно старалась

тогда припоминать ранніе дѣтскіе годы и все, что ей доводилось о нихъ слышать. За то въ первый же день свиданія, когда отецъ, оповѣщенный о ея судьбѣ чьимъ-то письмомъ, прискакалъ къ ней въ село, куда доставили ее добрые скитскіе люди, и, жадно слушая разсказъ о пережитомъ, такъ сильно вздрогнулъ, такъ измѣнился въ лицѣ, узнавъ повѣсть бродяги,—ея сомнѣнія и догадки перешли для нея сразу въ непреложный фактъ. Поблѣднѣла она тогда, что-то больное почувствовала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей невыразимо стало жаль,—какъ будто не отца, а бродягу, или обоихъ вмѣстѣ. И нисколько не удивилась она уже, когда долго крѣпившійся старикъ подошелъ къ ней темною ночью и дрожавшимъ голосомъ, сильно волнуясь, разсказалъ ей всю правду о себѣ и о Демьянѣ. „Долго берегъ я отъ тебя, Машутка,—говорилъ, точно исповѣдуясь, Сидоръ Карпычъ:—что, можетъ, и не дочь ты мнѣ. Для того изъ тундры выбрался, чтобъ не сказалъ кто... Зачѣмъ, думалъ, грѣхъ тебѣ родительскій знать? Да, видно, Господь иначе судилъ, — нельзя мнѣ скрывать, грѣшно, какъ будто!...“ Крѣпко обняла она тогда старика, называла отцомъ, говорила, что другого отца у нея и быть не можетъ, всплакнула, успокоила его, но съ того часу точно бы еще больше стало ей жаль хмураго, безпріютнаго Демьяна. Какъ ни любила она отца, а все-таки ныло ея сердце.

Ныло оно и у Сидора Карпыча. Никогда не заживала тамъ рана, связанная съ памятью о покойной женѣ, больно было сердцу точно за то, что не сумѣло простить оно, а теперь и новое прибавилось. Часто являлся передъ нимъ въ старческія безсонныя ночи образъ хмураго, нищаго человѣка, котораго точно само Провидѣніе послало нести на плечахъ любимую Машутку, покинутую и больную, и слышалъ онъ, казалось, какъ этотъ нищій-бродяга самъ разсказывалъ ему свою покаянную повѣсть. Десятки лѣтъ смыли все, что стояло когда-то между нимъ и этимъ нищимъ, а далекое прошлое, въ которомъ время самыя больныя черты затянуло тусклымъ туманомъ, все-таки связывало ихъ другъ съ другомъ. Связывало ихъ и недавнее: эта глухая тайга, гдѣ металась больная дочь, и эта покаянная повѣсть, смягчавшая, казалось, его старый грѣхъ. И старику тоже становилось жаль нищаго безпріютнаго бродягу, не посмѣвшаго даже признаться той, кого послалъ ему какой-то святой случай, кого спасалъ, изнемогая, десятки лѣтъ искупавшаго свой юный грѣхъ невозможно-тяжелою долей. А съ этою долей, такъ или иначе, опять-таки связывало его то, что въ глухую ночь онъ крутилъ ему безсильно висѣвшія руки.

— Прости, Господи!.. всѣ мы грѣшны! — набожно крестился старикъ, вспоминая эту давнюю-давнюю, полузабытую глухую ночь.— На комъ грѣха нѣтъ?

Онъ вставалъ, зажигалъ свѣчу, надѣвалъ очки и бралъ какую-нибудь работу или книгу, потому что иначе, на поставленный такъ прямо вопросъ, никогда не заживавшая рана начинала ныть особенно больно.

Пріютили бы, пригрѣли у себя стараго бродягу и отецъ, и дочь; но довольно лѣтъ прошло, а Демьяновъ и слѣдъ простылъ. Ничто не говорило о немъ, кромѣ памяти, а память говоритъ и о мертвыхъ, и давно уже крестились и отецъ, и дочь, вспоминая бродягу. Но въ одну холодную октябрьскую ночь кто-то сильно постучалъ въ ворота Русановскаго дома. Кинулись на стукъ собаки, вышелъ встревоженный сторожъ и доложилъ затѣмъ хозяину, который только что было спать собрался, что какой-то странникъ его спрашиваетъ. Екнуло сердце у Сидора Карпыча, велѣлъ онъ впустить странника и самъ къ нему вышелъ.

— Что скажешь, человѣкъ Божій?—спросилъ онъ.

Поклонился въ поясъ странникъ,—молодой, здоровый парень былъ,—и отвѣтилъ ему тихо:

— Бродяжка я, твое степенство, и другого съ собой веду, старика хвораго... Шибко спѣшили сюда, издалеча бредемъ и совсѣмъ занедужилъ старикъ въ пути,—помретъ, видно... Меня къ тебѣ послалъ, — покаянное дѣло, слышь, говоритъ, къ тебѣ есть... Пустишь, что-ль?

— Какъ звать старика?—спросилъ Сидоръ Карпычъ, и губы его дрогнули.

— Демьяномъ звать... Дочку твою несъ изъ тайги,—отвѣтилъ бродяжка. — Недалече тута я оставилъ его...

Застучало сердце у Сидора Карпыча. Полѣзъ въ карманъ, сунулъ деньги, не глядя, въ руку бродяжки, приказалъ лошадь запречь и засуетился.

— Бери лошадь... Вези скорѣй!

Спала уже Марья Сидоровна и не слышала, какъ подъѣхалъ Демьянъ,—не будилъ ее пока отецъ. Ввели его подъ руки,— самъ не шелъ уже,— и никто, поди, не призналъ бы въ немъ теперь прежняго мощнаго бродягу. Посѣдѣлъ, какъ лунь, исхудалъ, однѣ кости да кожа остались и совсѣмъ посинѣло худое лицо, ровно бы у мертвеца стало... Долго хрипѣла старческая грудь, долго не могъ онъ отдышаться.

Выслалъ всѣхъ изъ горницы Сидоръ Карпычъ и остался самъ-на-самъ съ умиравшимъ.

— Ты ли Демьянъ будешь?— спросилъ онъ, всматриваясь въ искаженныя болѣзнью черты, и сердце его застучало особенно сильно.

— Я самый... я, благодѣтель мой!—прохрипѣлъ тотъ и остановился. — Не признаешь, что ли?

Сидя, онъ старался поднять голову, но голова плохо держалась.

— Трудно признать!... И меня, поди, не призналъ бы ты сразу,—много, чай, времени-то

ушло...—говорилъ Сидоръ Карпычъ, стараясь казаться бодрымъ, хотя что-то больное уже сжимало ему горло.—Что же съ тобой, Демьянушка?

— Часъ мой пришелъ...—прохрипѣлъ опять Демьянъ. Трудно было ему говорить.

— Богъ милостивъ...

Какъ безсильная висѣла его голова, и тихо покачалъ ею бродяга.

— Пришелъ часъ, благодѣтель...— хрипѣлъ онъ. — Бродяга, какъ и звѣрь лѣсной, часъ свой чуетъ... Оттого и прибрелъ я... Съ покаяннымъ дѣломъ прибрелъ къ тебѣ, благодѣтель... Сними съ меня грѣхъ мой!

И, хватаясь безсильными руками за край сидѣнья, онъ силился согнуть свои слабыя колѣни. Полу-дѣтскій плачъ вырвался изъ его хрипѣвшей груди и судорожными всхлипами громко раздавался въ царившей тишинѣ... Сидоръ Карпычъ не сдерживалъ уже слезъ и, обнявъ его плечи дрожавшими руками, старался успокоить.

— Пусть Господь тебя прощаетъ,—говорилъ онъ:—а мнѣ нечего прощать тебя,—всѣ мы грѣшны, Демьянушка, всѣ!... Много несъ ты, много терпѣлъ,—зачтетъ тебѣ Господь...

Новымъ усиліемъ Демьянъ двинулся съ мѣста и упалъ безсильнымъ пластомъ ницъ на землю. Слабыми руками онъ хваталъ его ноги, а безсильными отъ хрипа и плача устами старался вымолить прощенье. Эти уста гово-

рили что-то неясное о мукѣ, о чьей-то жизни, загубленной въ остяцкой юртѣ.

— И ее загубилъ... Не загибла-бъ, кабы не я!—несвязно вырывалось у него вмѣстѣ съ хрипомъ.

Но Сидоръ Карпычъ понялъ. Блѣдный, какъ его рубашка, онъ склонился низко къ рыдавшему бродягѣ и, судорожно схвативъ его за руку, почти крикнулъ ему голосомъ, въ которомъ слышалась невыразимо-больная мука:

— Не ты ее загубилъ, Демьянъ, а я... я... я... Слышишь? — Я за-гу-билъ ее, окаянный! Гордость моя!..

Но Демьянъ уже не слышалъ: онъ лежалъ неподвижнымъ пластомъ въ полу-обморочномъ состояніи. Сидоръ Карпычъ съ людьми бережно перенесъ его на свою постель и послалъ за лѣкаремъ. Полу-пьяный лѣкарь нашелъ его въ томъ же состояніи. Онъ пощупалъ пульсъ и объявилъ, что „поздно".

— Кабы раньше, можно-бъ еще поправить было... Ну, а теперь поздно,—до утра не доживетъ!

Но лѣкарь ошибся или не принялъ въ разсчетъ бродяжьей живучести. Къ утру Демьяну полегчало; онъ какъ будто пришелъ въ себя. Большими темными глазами бродяга уставился въ Марью Сидоровну, не отходившую отъ него весь остатокъ ночи, и, казалось, узналъ ее. Когда она прикоснулась губами къ его жесткой, морщинистой, безсиль-

ной теперь рукѣ, эта рука дрогнула, а изъ глазъ потекли слезы.

— Благослови ее, Демьянъ.... И внучку благослови,—прошепталъ ему сквозь душившія его слезы Сидоръ Карпычъ, подвигая Сашурку.— Благослови внучку-то!...

Безсильная рука дрогнула еще разъ, что-то неуловимое пробѣжало по губамъ, глаза вспыхнули и потухли навѣки.

Вотъ что бываетъ въ глухой тайгѣ и пустынной тундрѣ!—говорятъ добрые люди.

ВТОРАЯ ПРАВДА.

Разсказъ.

Если вы думаете, что на свѣтѣ всего одна „правда“, вы рискуете, по увѣренію Кожина, понести разочарованіе и впасть въ большія ошибки въ жизни. Онъ думаетъ, что ихъ двѣ и, что самое главное, онѣ находятся будто бы въ вѣчномъ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Правъ онъ или не правъ,—это не мое дѣло: я простой разсказчикъ и не намѣренъ говорить ни pro, ни contra. Во-первыхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко, а я инстинктивно, по свойственной всѣмъ обывателямъ привычкѣ, боюсь всякой „дали“; во вторыхъ, я и не адептъ „двухъ правдъ“. Что бы я ни приводилъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, Кожинъ будетъ стоять на своемъ и на всѣ мои аргументы будетъ совать мнѣ „свой личный опытъ“.

Вотъ объ этомъ-то „опытѣ“ я и хочу разсказать вамъ.

Понятно, было время, когда Кожинъ, какъ и всѣ, имѣлъ только „одну“ правду въ своемъ распоряженіи. Онъ былъ тогда веселъ, смѣялся, волосы его вились, глаза метали искры, такъ что дамы только складывали ручки въ сладкой истомѣ при одномъ его приближеніи. Этотъ періодъ обнималъ всю его университетскую жизнь и первые мѣсяцы службы городовымъ врачомъ въ N-скомъ округѣ, куда его послали „отбывать“ университетскую стипендію. „Правда“, единственная „правда“, заключалась для него тогда въ наукѣ и въ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ зналъ, что у насъ въ Сибири царилъ произволъ, и горѣлъ жаждой все „обличить“, все „раскрыть“, вездѣ дать возможность „добру“ всплыть на верхъ, какъ масло. Его честное, правдивое сердце билось въ груди для всѣхъ и меньше всего для него самого, потому что о себѣ собственно онъ никогда не думалъ.

— О-б-о-тре-тся! По-хо-ло-дѣетъ! Дайте срокъ!—говорили болѣе опытные, глядя, какъ сломя голову летѣлъ онъ, въ распутицу, „на вскрытіе“ какого-нибудь „скоропостижнаго“, или торопился къ какой-нибудь бабѣ, которой „подкатило“, забывая и ужинъ, и дамъ, и начатый разговоръ.—Обот-ррр-ет-ся, надоѣстъ!

И онъ, дѣйствительно, обтерся, похолодѣлъ, но только не отъ того, что „надоѣло“: его сломила обрѣтенная имъ „вторая“ правда. Если и съ одною правдой, говорятъ, жить иног-

да туго и во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ безъ всякой, то отсюда отнюдь не рискованно заключить, что съ двумя, пожалуй, и еще туже. Да къ тому же, если обѣ онѣ еще находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ, такъ вѣдь положеніе человѣка сильно смахиваетъ уже на то, въ какомъ долженъ находиться двоеженецъ въ моментъ встрѣчи обѣихъ женъ. По крайней мѣрѣ, не удивительно, что съ обрѣтеніемъ второй правды Кожинъ поблѣднѣлъ, осунулся, сталъ мраченъ и золъ, волосы его вылѣзли, глаза потухли, а дамы перестали находить его интереснымъ. Онъ отъ всѣхъ заперся; захандрилъ, а иные увѣряли, что даже „запилъ“. Но это оказалось вздоромъ, пущеннымъ старымъ аптекаремъ въ отместку за штрафъ, которымъ поплатился этотъ милѣйшій партнеръ „въ винтъ“, по настоянію Кожина, за черезчуръ высокую оцѣнку медикаментовъ. Жена начальника мѣстнаго баталіона, танцовавшая въ молодости кадриль съ губернскимъ психіатромъ и считавшая себя поэтому компетентною нѣкоторымъ образомъ въ психіатріи, таинственно увѣряла, что у Кожина неладно „тутъ“. Она тыкала бѣленькими, пухлыми пальчиками въ свой крошечный, съ двумя красивыми „коками“, лобикъ. Боже меня избави возставать противъ „авторитетовъ“, но я думаю, что сердце у Кожина осталось прежнее: онъ по прежнему готовъ былъ лѣчить всѣхъ безвозмездно и что, не наткнись онъ только на эту проклятую

„вторую“ правду, то не было бы ни его насмѣшливости, ни раздражительности, ни хандры, ни нелюдимости, и онъ, по прежнему, оставался бы въ глазахъ всего нашего избраннаго N-скаго общества „весьма пріятнымъ человѣкомъ“.

Исторія этой „второй“ правды начинается съ темнаго зимняго вечера. Зима была лютая, снѣжная; недѣлю дулъ уже, не уставая, „сиверко“ и на дворѣ все стояло 40° по спиртовому термометру Реомюра. Кожинъ сидѣлъ въ своемъ скромномъ кабинетѣ и внимательно перечитывалъ засѣдательскій рапортъ о „найденномъ, несомнѣнно, замерзшемъ тѣлѣ“, на вскрытіе котораго онъ собирался завтра утромъ. Окружный врачъ, пользуясь „рьяностью“ Кожина, часто отлынивалъ по болѣзни, и тотъ съ жаромъ, нисколько не тяготясь, исполнялъ его обязанности по округу.

— Что за чортъ! Отчего онъ такъ категорически утверждаетъ: „несомнѣнно, замерзшемъ“?— подумалъ Кожинъ и недовѣрчиво покачалъ головой.

Онъ пожилъ уже достаточно въ Сибири, чтобы понимать тайный смыслъ всѣхъ этихъ „бумагъ“, „рапортовъ“, „отношеній“ и т. д., иногда не совсѣмъ согласныхъ съ истиной. Личный опытъ и разныя „столкновенія“ точно нашептывали ему, что всѣ эти продукты канцелярской риторики нужно понимать всегда

наоборотъ, чтобы не попасть впросакъ. Онъ перечиталъ еще разъ, собралъ затѣмъ свой „секціонный“ наборъ, осмотрѣлъ его, уложилъ въ крохотный чемоданчикъ и принялся пить чай.

Въ дверь постучали.

— Не помѣшаю-съ?—спросилъ чей-то вкрадчивый, сильный голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—войдите!

Вошелъ осторожно, какъ-то крадучись по-кошачьи, засѣдатель, пріятно улыбаясь всею своею хитрою, лисьей физіономіей.

— Чай пьете-съ?...

— Пьемъ... И вамъ стаканчикъ?

— Съ благодарностью!—Засѣдатель по-офицерски щелкнулъ каблуками.

Докторъ налилъ.

— Такъ завтра рано думаете отправляться?—освѣдомился гость, точно такъ себѣ, „для разговору“, мѣшая ложечкой чай.

— Чуть свѣтъ... А что?

— Да такъ, собственно, зашелъ справиться, не вмѣстѣ ли поѣхать? Я вѣдь тоже ч-у-у-ть свѣтъ...

— Ладно! Конечно, вмѣстѣ лучше!—согласился докторъ:—далеко это?

— Н-ѣ-ѣтъ! Верстъ такъ сорокъ, не больше.

— Часовъ въ шесть доѣдешь?

— До-ѣ-дешь!

— То-то, какъ бы засвѣтло, а то вѣдь дни короткіе, —вскрытіе трудно производить...—сказалъ докторъ.

Засѣдатель какъ-то успокаивающе улыбнулся и махнулъ рукой.

— Эхъ, да что и вскрывать-то тамъ! Напрасный трудъ, право-съ! Вы и такъ работой убиваетесь, даже жалко васъ,—засѣдатель выразилъ на лицѣ сожалѣніе:—право жалко! Дѣло тамъ чистое: замерзъ! Шелъ—и замерзъ! Видите, какая стужа!—онъ ткнулъ въ термометръ.

„Взялъ, покрываетъ, стянулъ!“ — мелькнуло въ головѣ Кожина и онъ чуть даже вслухъ не высказалъ своей догадки.

— Одна формальность!—продолжалъ между тѣмъ гость:—для формы! Посельщикъ, знаете, воръ! Сколько про него дѣлъ у меня перебывало, покою не было просто! Въ тюрьмѣ сколько разъ сидѣлъ, да за недостаткомъ уликъ...— Засѣдатель сдѣлалъ выразительную гримасу и щелкнулъ пальцемъ.—Знаменитый воръ! Смирновъ!..

— Въ больницѣ тюремной былъ у меня какой-то Смирновъ...—вспомнилъ докторъ.

— Ну-ну, вотъ-вотъ!.. Черный такой, высокій. Первый разбойникъ!—Чуть попадетъ въ тюрьму, сейчасъ: охъ, охъ, въ больницу! А тамъ, за недостаткомъ уликъ, и на волюшку. Знаете наши суды?—подмигнулъ засѣдатель доктору.

— Неужто такъ ловко концы пряталъ?

— А-а-ррр-тистъ! Одно слово, артистъ, ей Богу! Изъ рукъ лошадей уводилъ,—и чистъ выходилъ... Зам-мѣ-ча-тельный артистъ!

Докторъ легъ спать въ убѣжденіи, что вскрытіе произвести нужно весьма тщательно.

Трупъ замерзшаго „артиста“ былъ найденъ въ глухомъ лѣсу, на небольшой, круглой полянкѣ; но его заранѣе еще, по распоряженію засѣдателя, перенесли въ деревню, отстоявшую на добрую версту отъ того мѣста, и помѣстили въ пустой избушкѣ. Когда пріѣхали докторъ съ засѣдателемъ, день клонился уже къ концу; хотя былъ всего второй часъ пополудни, наступили густые, сѣрые, зимніе сумерки. Кожинъ всю дорогу мысленно проклиналъ засѣдателя, который сначала долго собирался, такъ что они, вмѣсто пяти часовъ утра, какъ было условлено, выѣхали только въ половинѣ восьмого, а затѣмъ при каждой „перепряжкѣ“ подолгу бесѣдовалъ, точно нарочно, о какихъ-то „дѣлахъ“ съ мужиками. Къ тому же и верстъ оказалось не сорокъ, какъ увѣрялъ засѣдатель, а пятьдесятъ слишкомъ.

— Трудно, знаете, сказать навѣрное,—оправдывался засѣдатель:—не почтовая вѣдь дорога—проселокъ! Кто его мѣрилъ? Одни такъ считаютъ, другіе иначе.

Но такое объясненіе мало дѣйствовало на подозрительнаго Кожина, все болѣе убѣждавшагося, что засѣдатель хитритъ и нарочно подгоняетъ дѣло къ сумеркамъ, когда легче ошибиться. Въ ожиданіи, пока засѣдатель собиралъ

„понятыхъ“, докторъ нервно прохаживался изъ угла въ уголъ по чистой, свѣтлой горницѣ избы, въ которой они вмѣстѣ остановились. Въ горницѣ, кромѣ Кожина, сидѣлъ еще, мрачно насупившись, самъ хозяинъ, бодрый, крѣпкій старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ чрезвычайно умнымъ, энергическимъ лицомъ.

— Твое это ружье, дѣдушка? — спросилъ вдругъ докторъ, самъ не зная почему останавливаясь передъ стоявшимъ въ углу ружьемъ.

— Мое...—глухо отвѣтилъ старикъ, и доктору показалось, будто онъ вздрогнулъ и перемѣнился немного въ лицѣ.

— А далеко бьетъ?

— Хватаетъ...—неохотно отвѣтилъ старикъ, нахмурясь и подозрительно оглядывая доктора.

Тотъ, впрочемъ, не придалъ этому ни малѣйшаго значенія и даже совсѣмъ забылъ этотъ короткій разговоръ. Прійдя въ „покойницкую“, онъ засталъ тамъ уже фельдшера и понятыхъ, занятыхъ раздѣваніемъ покойника, въ которомъ онъ сразу призналъ лежавшаго нѣкогда въ тюремной больницѣ Смирнова.

— Тотъ самый,—сказалъ онъ засѣдателю:— узнаю! Былъ у меня въ больницѣ...

— Какъ же, какъ же!—какъ-то убѣждающе подхватилъ засѣдатель.—Извѣ-ѣ-ѣстный воръ! Сколько разъ сидѣлъ...

— Грѣха отъ него что было!—точно про себя, произнесъ кто-то изъ понятыхъ.

— Шибко обижалъ!—вздохнувъ, поддержалъ другой.

Докторъ внимательно слѣдилъ за процедурой раздѣванья.

— Есть на тѣлѣ что-нибудь... знаки?—спросилъ онъ фельдшера.

— Ничего-съ, чисто!—отчеканилъ тотъ.

— Пам-милуйте, какіе знаки! Очевидно, замерзъ!—точно обидѣлся засѣдатель:—на промыселъ, поди, шелъ,—ну, а Богъ-то стужей пристукалъ,—не земнымъ судомъ, такъ небеснымъ.

Понятые перекрестились.

— И ничего подозрительнаго на мѣстѣ не было, никакихъ слѣдовъ?—обратился докторъ къ засѣдателю, начиная колебаться въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Какіе слѣды!... Ничего, ни пятнышка! Лежитъ на снѣгу и только...

Покойника раздѣли, наконецъ. Засѣдатель сѣлъ у окна писать протоколъ.

— „Лѣта"?—диктовалъ докторъ, внимательно разсматривая трупъ.—По наружному виду?... За тридцать, а?—обратился онъ къ понятымъ.

— Будетъ, будетъ, въ самый разъ!—согласились тѣ.

— „Ростъ"?

Фельдшеръ прикинулъ тесемку,

— „Два семь вершковъ"!—продолжалъ диктовать докторъ.

Засѣдатель записалъ.

— Знаковъ насилія „нѣтъ"?— поспѣшилъ онъ уже самъ, готовясь записать „нѣтъ".

— Постойте!—Докторъ окинулъ трупъ взглядомъ и провелъ рукой отъ ногъ до головы.

— Кажись, нѣтъ... Поверните!—сказалъ онъ фельдшеру.

Фельдшеръ стоялъ противъ доктора, по другую сторону стола. Онъ приподнялъ отъ себя трупъ съ натугой, точно подымая не вѣсть какую тяжесть, и, оглядѣвъ, крикнулъ: „нѣтъ".

Засѣдатель быстро, но четко написалъ: „нѣтъ".

Подозрѣнія Кожина разсѣялись; онъ самъ думалъ, что Смирновъ замерзъ, и потому только слегка приподнялъ трупъ съ своей стороны и оглядѣлъ часть спины; тамъ, дѣйствительно, какъ говорилъ фельдшеръ, ничего не было. Онъ ощупалъ голову и затылокъ,—голова цѣла.

— Ну, вотъ видите, несомнѣнно замерзъ!— весело вскочилъ засѣдатель.—Что тутъ возиться за вскрытіемъ! Поѣдемъ-ка лучше! Одна пустая формальность!

— Что тормошить покойника понапрасну!— степенно перекрестились понятые.

— Дѣло чистое-съ!—равнодушно, какъ-то зѣвая, поддержалъ фельдшеръ.

Кожинъ колебался; дѣйствительно, одна пустая формальность. Въ протоколѣ можно написать, что вскрывали,—это часто практикуется.

— Поздно, вѣдь... Когда въ городъ вернемся?! — убѣждалъ засѣдатель.

— Какъ же такъ?—нерѣшительно спросилъ докторъ.

— Пустяки!—Засѣдатель махнулъ рукой.

Но въ докторѣ почему-то шевельнулись прежнія подозрѣнія. Онъ снова подошелъ къ трупу: пощупалъ ребра, — цѣлы, осмотрѣлъ шею,—все какъ слѣдуетъ. Дѣйствительно, замерзъ!

— Поверните-ка спиной...—сказалъ онъ фельдшеру такъ, „для очистки совѣсти".

Тотъ покраснѣлъ.

— Поверните!

Фельдшеръ нерѣшительно и робко приподнялъ трупъ.

— Ничего нѣтъ!—сказалъ онъ, оглядѣвъ.

— Поверните совсѣмъ!—И докторъ обѣими руками повернулъ трупъ.

Все, кажется, было ладно.

На дворѣ начинались уже сумерки, къ тому же засѣдатель почти совсѣмъ заслонялъ собою окно.

— Свѣту мало. Отодвиньтесь-ка отъ окна!—сказалъ ему докторъ.

Тотъ неохотно подвинулся.

— Все ладно, дѣйствительно!—говорилъ Кожинъ, поводя глазами по трупу:—все... только...

Фельдшеръ покраснѣлъ и насторожился; засѣдатель вскочилъ и точно нечаянно закрылъ собою окно.

— Позвольте, — крикнулъ ему докторъ:—отодвиньтесь!... Это что?—указалъ онъ пальцемъ на спину у позвонковъ.

— Чирей-съ!—глухо и робко отозвался фельдшеръ.

— Какой чирей!—докторъ наклонился и пощупалъ пальцемъ:—какой чирей! Это рана!

Всѣ вздрогнули. Понятые какъ-то потоптались на мѣстѣ, засѣдатель разнялъ руки и покраснѣлъ, бормоча:

— Гдѣ, гдѣ? Какая рана?

Фельдшеръ глухо и робко кашлялъ въ сжатый кулакъ.

Докторъ ничего не видѣлъ и не слышалъ,— онъ уже держалъ въ рукахъ ножъ и щипцы.

— Вотъ какъ замерзъ... вотъ!—крикнулъ онъ торжествующимъ голосомъ, вытаскивая пулю:— вотъ!

Эффектъ былъ ужасный: всѣ, кромѣ доктора, стояли какъ пораженные громомъ.

— Рубашку! Гдѣ рубашка?—кричалъ между тѣмъ Кожинъ, самъ доставая снятую съ покойника рубашку и осматривая ее. — Слѣды смыты, это несомнѣнно, да и крови было мало, — поди всего нѣсколько капель, —малопулька!

— Я-съ... право-съ... не знаю-съ... не подозрѣвалъ!—бормоталъ растерянно засѣдатель.

— Не подозрѣвали!—презрительно улыбнулся Кожинъ.—Ну, да все равно, всплыло,—теперь не скроешь!

Засѣдатель вдругъ разразился гнѣвомъ и рьяностью.

— О-о-о! Я имъ дамъ! Я все открою!.. Кто тутъ?—неистово грозилъ онъ неизвѣстно кому пальцемъ.—Я... Помилуйте, преступленіе, а я и не подозрѣвалъ! Ахъ, ты!... Спасибо вамъ, что открыли... А-ахъ ты!

— Господи помилуй!—крестились понятые.

Докторъ лихорадочно бѣгалъ изъ угла въ уголъ въ ожиданіи, пока подадутъ лошадей, и ликовалъ, что не далъ засѣдателю „скрыть концы". Что̀, въ самомъ дѣлѣ, если-бы всѣ поступали какъ должно, по совѣсти,—какъ хорошо жилось бы на свѣтѣ! Ни убійствъ, ни грабежа... враговъ бы даже не было на свѣтѣ!..

Засѣдателя не было, — онъ о чемъ-то говорилъ на дворѣ съ мужиками, „слѣдовъ искалъ",—какъ выражался онъ; въ горницѣ сидѣлъ, кромѣ доктора, только старикъ хозяинъ все въ той же мрачной, неподвижной позѣ, нахмуривъ брови и тяжело, по-стариковски, сопя. Докторъ, впрочемъ, его не видѣлъ,—онъ все ликовалъ, все носился съ своими розовыми думами.

— Баринъ, а баринъ... не губи!...

Прямо передъ докторомъ стояла строгая фигура старика хозяина.

— Кого?.. что?—удивился онъ.

— Насъ, міръ не губи, не путай!.. Скрой это дѣло! Затягаютъ насъ, въ конецъ разорятъ!— И старикъ повалился въ ноги.

— Богъ съ тобой, дѣдушка, что ты!—растерялся, весь вспыхнувъ, докторъ и дѣлая усилія поднять старика.

— Не губи, баринъ, пожалѣй!—продолжалъ тотъ глухо, кланяясь въ землю, при чемъ сѣдая борода его расползалась по полу вѣеромъ.— Не губи!... Не корысть, а, какъ передъ Богомъ, мірское дѣло тутъ... Скрой!

Докторъ понялъ, что его просятъ „скрыть", и возмутился.

— Я не могу скрыть преступленія! Тебѣ-то что же тутъ?

— Отъ „міра" прошу, — продолжалъ старикъ,—потому мірское, слышь, дѣло было. Міромъ дѣло рѣшили, по правдѣ, по жеребью, кому выйдетъ. Баринъ, не губи міра!

Докторъ въ первый разъ за всю жизнь слышалъ подобное. Преступленіе—не преступленіе, „безъ грѣха", „не корысть", „міромъ, по жеребью". Что это такое? Онъ и понималъ, и не понималъ въ то же время.

— Кто же убилъ?—спросилъ онъ, самъ не зная зачѣмъ.

— Никому этого міръ не скажетъ, баринъ... развѣ Богу одному! Міръ убилъ, по жеребью, слышь. Воръ онъ былъ, разбойникъ,—житья отъ него не было, управы. Грабилъ, обижалъ...

Докторъ все больше терялъ почву подъ ногами.

— Вы могли жаловаться! — нерѣшительно, точно оправдываясь, процѣдилъ онъ сквозь зубы и самъ покраснѣлъ сейчасъ же.

— Богу, что ли? — съ горечью подхватилъ старикъ. — Жаловались, молились, чтобъ уберегъ, но, знать, прогнѣвали Господа, — не было сладу! Начальнику сколько разъ представляли: посадятъ и выпустятъ!.. Онъ только пуще грабилъ.

Докторъ дрожалъ отъ волненія. Что-жъ онъ такъ ликовалъ глупо?

— Засѣдатель, добрый баринъ! — продолжалъ старикъ, точно желая этимъ ободрить доктора: — уломали... сто рублей міромъ собрали.

— А-а! — протянулъ докторъ, понявъ теперь роль засѣдателя.

— И тебѣ не постоимъ, соберемъ! — подхватилъ старикъ, по-своему объяснивъ восклицаніе доктора: — послѣднее отдадимъ, рубаху снимемъ — не губи только міра, не обижай мужиковъ.

— Я, я... мнѣ не нужно... не продаюсь! — то блѣднѣлъ, то краснѣлъ докторъ, растерянный, взволнованный. — Встань, полно!..

— Больше дадимъ, не постоимъ! — умолялъ старикъ, не вставая. — Съ ребятъ снимемъ, съ бабъ, — не губи, баринъ!

Это было слишкомъ для Кожина. Онъ дрожалъ, растерялся, голова его закружилась, сердце какъ-то болѣзненно сжалось... Что-то новое, неизвѣстное до сихъ поръ въ одно и

то же время туманило и освѣщало мозгъ. Мысли путались и кружились какъ пчелы на солнцѣ. Онъ самъ готовъ былъ разрыдаться. Минута, двѣ—и онъ бы, можетъ-быть, разорвалъ свой протоколъ, но тутъ, какъ нарочно, вошелъ засѣдатель.

— Что тутъ у васъ?— раздался его лисій голосъ.

Чары исчезли,—докторъ опомнился. Старикъ быстро поднялся на ноги.

— Поди, просятъ „замять“?—подмигивая, продолжалъ засѣдатель и вдругъ, перейдя въ жалобный, просительный тонъ, добавилъ тихо:— что-жъ, люди, знаете, бѣдные, судъ разорилъ. Да и ничего не выйдетъ,—убійцу не выдадутъ. Міръ вѣдь тутъ, знаете... Одна проволочка только... Все равно придется предать дѣло волѣ Божіей!

И онъ вздохнулъ.

Докторъ опять дрожалъ, но уже отъ негодованія.

— Много вы получили „добавочнаго“ къ полученнымъ уже ста рублямъ за это ходатайство?—рѣзко спросилъ онъ, глядя на него въ упоръ.

— Я, я... Что вы? Какіе сто рублей? Развѣ я бралъ отъ кого-нибудь?—обернулся засѣдатель къ старику.

— Не слыхалъ...—отвѣтилъ тотъ.

Докторъ посмотрѣлъ на старика и встрѣтилъ такой злобный, полный ненависти взглядъ,

что невольно опустилъ глаза. Онъ понялъ, что старикъ отопрется отъ всего. Блѣдный, разстроенный шагалъ онъ изъ угла въ уголъ, не обращая вниманія на засѣдательское ворчанье. Неужели ему участвовать въ сдѣлкѣ съ этимъ?...—Онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на засѣдателя.—Ни за что! Понесъ же его чортъ вскрывать! Пусть бы вскрывалъ „окружной!“—Докторъ плюнулъ и, выбѣжавъ на крыльцо, закричалъ: лошадей! — но ихъ, какъ нарочно, не подавали. Онъ вернулся въ горницу и снова зашагалъ нервно, ни на кого не глядя.

Засѣдатель ворчалъ о какихъ-то „врагахъ“, по злобѣ распускающихъ про него „клеветы“. Упомянулъ, что могъ-бы жаловаться „за оскорбленіе“, но не хочетъ „дрязгъ“ и т. д., а затѣмъ сталъ проявлять необычайную энергію и рьяность. Схватилъ протоколъ, пробѣжалъ его, погрозилъ, что онъ кому-то „задастъ“, и, замѣтивъ вдругъ среди вещественныхъ доказательствъ пулю, подбѣжалъ съ ней, вѣроятно, въ безотчетной рьяности, къ стоявшему въ углу ружью.

— Пришлась! —не своимъ голосомъ закричалъ онъ, примѣряя пулю къ дулу, при чемъ глаза его хищно заблистали:—глядите, пришлась!

Докторъ невольно остановился,—пуля замѣчательно приходилась.

— Пришлась, а?...

Засѣдатель просто захлебывался. Онъ напалъ на „слѣдъ“ и покрывать было уже не зачѣмъ.

— Эй, ты, борода, гляди, видишь?... Твое дѣло? — сверкая глазами, обратился онъ къ старику.

Старикъ стоялъ смертельно блѣдный.

— Сознавайся, говоррри! — наступалъ засѣдатель, сжимая кулаки:—говор-р-ри!

Старикъ стоялъ молча, точно обдумывая что-то.

— Зак-ккую!

— Закуй! — степенно и медленно отвѣтилъ старикъ:—закуй! Только за что? Всѣ ружья у насъ одинаковы и пули однѣ.

Наступило молчаніе.

— Правда! — грустно вздохнулъ засѣдатель:—эти „малопульки“ всѣ одного калибра, чортъ возьми!

Но вдругъ онъ опять оживился и сталъ осматривать пулю. Онъ вспомнилъ, что сибирскіе охотники часто мѣтятъ свои пули.

— Стой! — закричалъ онъ, найдя мѣтку:—покажи-ка свои пули!...

Старикъ снова поблѣднѣлъ и не двинулся съ мѣста.

— Покажи, гдѣ? — кричалъ засѣдатель, обводя уголъ глазами, и самъ сорвалъ съ гвоздя простой охотничій мѣшокъ.

Онъ высыпалъ на ладонь всѣ пули — всѣ оказались съ тѣми же мѣтками.

— А-а-а! — радостно закричалъ онъ. — Кандал-лы!!

. . . . . .

Когда докторъ уѣзжалъ, — онъ уѣхалъ одинъ,—его провожали визгъ и вой сбѣжавшейся родни старика. Старикъ молчалъ, только набожно крестился и тихо плакалъ. Какой-то туманъ заволакивалъ глаза Кожина всю дорогу, такъ что онъ почти не различалъ ничего. За то слухъ его былъ напряженъ чрезвычайно. Даже, подъѣзжая къ городу, онъ, казалось, явственно слышалъ плачъ и рыданія деревни.

Докторъ сдѣлался какой-то мрачный, такъ что всѣ невольно спрашивали его при встрѣчѣ: „что съ вами“ или „какъ ваше здоровье“. Онъ поблѣднѣлъ, осунулся, никуда не ходилъ, а все возился въ своей больницѣ. На пятый день его зачѣмъ-то потребовали въ полицейское управленіе для какого-то освидѣтельствованія. Онъ явился, быстро сдѣлалъ все, что требовалось, и взялся-было за шапку, какъ его вдругъ остановилъ исправникъ.

— А знаете, тотъ старикъ-то ни при чемъ!— сказалъ онъ, наклоняясь къ нему:—убійца— другой.

— Какъ?—удивился докторъ.

— Да! Самъ пришелъ и повинился. Къ тому же и свидѣтели показали, что старикъ нѣсколько дней подъ-рядъ не выходилъ изъ дома.

Докторъ почувствовалъ что-то въ родѣ облегченія и удовольствія.

— Какъ же пули-то?

— А очень просто. Убійца взялъ ружье у старика. Все обнаружилось. Да вотъ читайте!

И онъ обязательно подсунулъ ему дѣло.

Докторъ прочиталъ протоколъ допроса. „Парень, сирота, 19 лѣтъ, Романъ Петровъ, самъ добровольно сознавался въ убійствѣ поселенца Смирнова. Ружье онъ выпросилъ у старика „пострѣлять“, подстерегъ Смирнова въ лѣсу и убилъ его, имѣя на него злобу за уворованныхъ у него лошадей“. Въ заключеніе стояло, что никто его не подговаривалъ, не училъ, не просилъ, а онъ самъ, по своей волѣ, совершилъ преступленіе. Подъ протоколомъ стояли написанные каракулями: „Романъ Петровъ“.

— Ну?—спросилъ исправникъ.

Докторъ не отвѣтилъ, а только пожалъ плечами.

— Сомнѣваетесь? Я и самъ, признаться, того... думаю, не подставной ли? Бываетъ. Я слышалъ, что у нихъ тамъ дѣло міромъ было, по жребію, да что подѣлаешь! Сознаніе да и показаніе свидѣтелей... Впрочемъ, я еще спрошу его. Приведите арестанта!—крикнулъ исправникъ.

Ввели молодого парня, высокаго, стройнаго, съ блѣднымъ, правильнымъ лицомъ. Онъ вошелъ смѣло, свободно, безъ всякой робости, съ какою обыкновенно входятъ арестанты.

Глаза его, не то голубые, не то сѣрые, свѣтились такою добротою и мягкостью, что какъ-то странно было видѣть его съ конвоемъ.

— Послушай! — обратился къ нему исправникъ:—правду ли ты говоришь? Не берешь ли ты на себя чужую вину? Вѣдь это грѣхъ.

Лицо парня передернуло, глаза его какъ-то безпокойно забѣгали, онъ точно вздрогнулъ, но быстро оправился.

— Мой грѣхъ, мое дѣло!

„Нѣтъ“!—промелькнуло молніей въ головѣ доктора.

— Ботъ докторъ говоритъ,—исправникъ, указалъ рукою на доктора:—что слышалъ, будто это у васъ мірское дѣло было, по жребію.

Докторъ не спускалъ глазъ съ парня. Парень вздрогнулъ, сильно перемѣнился въ лицѣ, но голосъ былъ спокоенъ, только глаза блестѣли страшной, глубокою ненавистью, когда онъ повернулся къ доктору.

— Зачѣмъ міръ путать, баринъ? Одна напраслина. Никакого мірского дѣла не было: самъ я... Мое дѣло. Не путай!..

Его увели въ острогъ.

Какъ ни старался докторъ разсѣяться, ему часто вспоминались и мольбы старика: „міръ тутъ“, „мірское дѣло“, „безъ грѣха“ и т. д., и блѣдное лицо Романа Петрова, съ его полнымъ ненависти взглядомъ. Сколько разъ ни подъѣзжалъ онъ къ тюремной больницѣ, всегда казалось ему, что Романъ Пет-

ровъ смотритъ на него сквозь рѣшетчатое окно второго этажа. Было ли это дѣйствительно его лицо, или другого арестанта, но докторъ былъ увѣренъ, что это непремѣнно онъ. Ему становилось жутко, и онъ быстро перебѣгалъ тюремный дворъ.

Стоя вѣчно у окна, не удивительно, что Романъ Петровъ достоялся до чахотки. Разъ, когда докторъ былъ въ тюремной больницѣ, четыре человѣка внесли его въ палату, обезсиленнаго, исхудалаго, блѣднаго, съ запекшеюся на губахъ кровью.

Докторъ наклонился къ нему, чтобы изслѣдовать.

— Оставь, не мучай!—глухимъ голосомъ прошепталъ больной.—Оставь!..

Доктора покоробило отъ этихъ словъ, но онъ все-таки выслушалъ его. Оказалась чахотка.

— Отдѣльную палату ему! — сказалъ онъ фельдшеру.

— Баринъ, пусти назадъ меня, пусти!—взмолился больной.

— Зачѣмъ? Вѣть ты боленъ?

— Нѣтъ... такъ только... хворость... Перемогусь я тамъ.

— Не могу. Тебѣ лучше будетъ здѣсь... Увидишь!

Докторъ говорилъ блѣдный. Его что-то мучило, давило, и онъ чувствовалъ себя неловко.

Весь день и всю ночь не давалъ ему покоя блѣдный призракъ Петрова.

На другой день, придя въ больницу, онъ узналъ, что больному хуже, что онъ ничего не слушаетъ, выливаетъ потихоньку лѣкарства и, чуть отвернется сторожъ, карабкается къ окну.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—мягко спросилъ его докторъ.

Петровъ молчалъ, только изъ больной груди его выходили съ каждымъ вздохомъ глухіе хрипы.

— Хуже тебѣ?

Докторъ взялъ его руку.

— Оставь, баринъ,—зарыдалъ больной и изъ глазъ его неудержимо покатились слезы:—оставь... пусти!

Докторъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Успокойся!—заговорилъ онъ мягко:—успокойся! Тебѣ нужно лѣчиться.

— Зачѣмъ?—глухо спросилъ Петровъ:—все равно пропадешь... Скорѣй бы только... Ахъ!..

— Слушай!—наклонился къ нему докторъ, самъ весь дрожа и ничего не видя отъ какого-то тумана въ глазахъ:—слушай!—прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я все сдѣлаю, все, что могу... Я... я... слушай! Вѣдь не ты убилъ... Тебя выпустятъ...

Больной вздрогнулъ. Слезы застыли на глазахъ, блеснувшихъ враждой и злобой.

— Баринъ!—его голосъ прерывался хрипами и глухимъ кашлемъ.—Баринъ, не смущай... Не путай!—поправился онъ, приподнимаясь:—мое дѣло это, мое!..

И, обезсиленный, онъ упалъ на подушку.

. . . . . .

Докторъ пустилъ въ ходъ все свое искусство, все знаніе. Не жалѣя собственныхъ средствъ, онъ окружилъ больного самымъ тщательнымъ уходомъ, почти изысканнымъ комфортомъ. Но ничего не помогло.

Былъ тихій, лѣтній вечеръ. Сквозь рѣшетчатое окно доносилось, замирая, послѣднее щебетанье птичекъ и чей-то разговоръ на тюремномъ дворѣ. Слышались мѣрные, ровные шаги часового. Розовые лучи близкаго заката багрили и золотили бѣлыя стѣны больничной палаты. Докторъ, блѣдный, взволнованный, чуть не плачущій, стоялъ надъ Петровымъ, зорко всматриваясь въ него, и щупалъ пульсъ. Петровъ лежалъ, тяжело дыша, глядя вверхъ безцѣльно, безучастно.

— Не нужно ли чего?—спросилъ докторъ.

— Попа бы!—отрывисто, сухо отвѣчалъ больной, не глядя.

— Я приказалъ... Нѣтъ,—для тебя... можетъ еще что-нибудь?—И дрожащей рукой докторъ взялъ его холодную, костлявую руку.

— Ты?—удивленно спросилъ больной.

— Да, я! Я сдѣлаю. Скорѣй! Но что нужно сдѣлать?..

Напоминаніе ли обо всемъ, что сдѣлалъ для него докторъ, близость ли смерти, или въ

тонѣ голоса и глазахъ Кожина было теперь что-нибудь особенное, только больной въ первый разъ за все время взглянулъ на него безъ вражды, мягкимъ, добрымъ взглядомъ.

— Спасибо! Богъ тебѣ...—чуть слышно проговорилъ онъ.

Докторъ сжалъ его руку и сѣлъ, потому что ноги его подкашивались.

— Что же?

Худой, костлявой рукой больной вытащилъ изъ-подъ подушки горсточку родной, деревенской земли, завернутую въ грязную тряпочку, и положилъ ее доктору на руку.

— Въ могилку! — чуть слышно прохрипѣлъ онъ.

Кожинъ взялъ ее машинально. У него захватывало дыханіе, а въ глазахъ пошли темные круги.

Петровъ закашлялся. Онъ отвернулъ полу халата и сталъ шарить длинными, худыми пальцами въ подкладкѣ.

— Я помогу!—сказалъ докторъ:—постой! И онъ вытащилъ изъ-подъ подкладки двѣ рублевыя бумажки и бѣлый бумажный платокъ.

— Это?

Больной кивнулъ скорѣй глазами, чѣмъ головой.

— Въ деревнѣ... у насъ...—глухо хрипѣлъ онъ съ тяжелой одышкой:—Аннушкой звать... Се-ли-фон-то-ва...

— Ей?— спросилъ докторъ.

Петровъ опять кивнулъ.

Оба они сидѣли молча, не глядя другъ на друга. Больной смотрѣлъ куда-то въ даль, тупымъ, безучастнымъ взглядомъ. Докторъ держалъ его руку и не видѣлъ ничего,—слезы туманили его глаза. Вечеръ догоралъ, стѣны окрашивались въ темный пурпуръ. Больной заметался въ безпокойствѣ.

— Попа бы!..

Опять наступило молчаніе. Больной сталъ спокойнѣе и дышалъ легче,—ему точно лучше становилось. Вдругъ онъ повернулъ къ доктору глаза и посмотрѣлъ на него долго и внимательно.

— Слышь?—прошепталъ онъ.

Докторъ нагнулся.

— Его безъ грѣха, слышь, безъ корысти убили...

Докторъ понялъ кого.

— Міромъ..—продолжалъ шепотомъ больной, точно исповѣдуясь и дыша легче, безъ хриповъ:—міръ порѣшилъ, потому обида отъ него была!

Тотъ наклонился еще ниже.

— Не я... не мое дѣло... Я за міръ пошелъ, чтобъ не тягали...

Кожинъ сжалъ его холодную руку.

— За міръ!... Старика жалко было... Семья большая, а я одинъ.. Только Ан-нуш-ка...

Умирающій заметался, усиленно глотая воздухъ. Докторъ, вскочивъ, приподнялъ его

голову, которая уже плохо держалась на шеѣ.

— За міръ, правдой...—лепетали холодѣвшія губы.

Докторъ очнулся, когда явившійся священникъ сталъ читать отходную...

МІРСКОЕ ДѢЛО.

(Бытовой очеркъ).

Молодой парень лежалъ неподвижный и окровавленный. Было несомнѣнно, какъ день, что онъ уже никогда не встанетъ,—по крайней мѣрѣ, въ здѣшней юдоли плача, скорби и... конокрадства, котораго онъ былъ, правду сказать, главнымъ героемъ. Застывшее въ какой-то неестественной, конвульсивной позѣ тѣло, синеватая трупная блѣдность, пятна запекшейся крови, а главное—не то сконфуженный, не то мрачный видъ и полный какой-то затаенной радости шепотъ всей Камышинки—ясно свидѣтельствовали, что онъ мертвъ, мертвъ несомнѣнно.

Говорили, что онъ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ чортомъ, который ему покровительствовалъ. По крайней мѣрѣ, почти всѣ объясняли именно этимъ, что ему сходило съ рукъ все, что бы онъ ни натворилъ, ни „набѣдовалъ“. Если нѣкоторые

скептики и кивали въ сторону „засѣдателя“ *), находя, что приплетать тутъ чорта незачѣмъ, то такимъ „желторотымъ“ или „соломеннымъ головамъ“ объясняли, что засѣдатель, молъ, засѣдателемъ, а чортъ—чортомъ, и что путать одного съ другимъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что безъ чорта тутъ никакъ не обходилось. Правда ли это, или неправда, но несомнѣнно, что Васькѣ Рыжему сходило съ рукъ все и что самъ онъ только скалилъ свои бѣлые зубы, когда его громко сбзывали конокрадомъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ злосчастный рокъ принесъ его въ „партіи“ изъ-за Урала, а волею мѣстныхъ судебъ онъ былъ „приписанъ“ къ Камышинкѣ, въ которой собственно не жилъ,—онъ жилъ вездѣ и нигдѣ,—никто не зналъ отъ него покоя. Трепетала не одна Камышинка, трепетали и „карагайцы“, и „огневцы“, и „васильковцы“,—словомъ, трепетала добрая часть смежнаго съ Камышинкой N-скаго округа. Кони и „скотинка“ исчезали какъ дымъ, безъ слѣда, точно проваливались въ землю... Получать ихъ обратно можно было только „милостью“ Васьки, уплативъ за эту „милость“, конечно, приличную сумму и предварительно присягнувъ на образъ въ „строгомъ молчаніи“. Впрочемъ, послѣднее была одна пустая формальность, такъ какъ одного шепота Васьки: „молчи,—не то“ и т. д., было вполнѣ доста-

*) Лицо, исполнявшее въ Сибири за-разъ обязанности станового, слѣдователя и мирового посредника.

точно, чтобы не только зажать всѣмъ рты, но и привести самаго храбраго человѣка въ ужасъ и трепетъ. О, онъ умѣлъ „отплачивать“!

И вотъ теперь лежитъ онъ мертвый, неподвижный, холодный, на пустынномъ выгонѣ, недалеко отъ большого стога сѣна. Очевидно, онъ легъ здѣсь не по своей волѣ,—объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорили кровавыя пятна и простр̀ленный навылетъ правый глазъ, или, вѣрнѣе, зіявшая вмѣсто него черная яма съ запекшеюся по краямъ кровью... Чья-то смѣлая, твердая рука, стрѣлявшая, можетъ быть, „въ носъ“ бѣлку, чтобы не портить шкурки,—несомнѣнно уложила его изъ „малопульки“ на этомъ сѣромъ, покрытомъ еще кое-гдѣ тающимъ снѣгомъ выгонѣ. Холодный вѣтеръ шевелитъ складками его красной кумачной рубахи, мелкій дождикъ сыплетъ на него водяною дробью, низкія, лохматыя тучи кружатся надъ нимъ въ безпорядкѣ, вороны каркаютъ, въ сладостномъ любопытствѣ, перелетая со стога на дерево и обратно, собравшіеся всѣ отъ мала до велика камышинцы стоятъ понуро и мрачно и вмѣстѣ съ вѣтромъ, дождемъ, тучами, воронами какъ будто недоумѣваютъ: „чье бы это дѣло?“—„Чей бы грѣхъ?“

Конечно, этого не зналъ никто! Если у длиннаго Кузьки, лучшаго стрѣлка во всей округѣ, и у многихъ другихъ мужиковъ покойникъ и угналъ было недавно цѣлый де-

сятокъ лошадей, который они общими силами „выкупили“ у него за семьдесятъ рублей, то вѣдь это, понятно, ровно ничего не значитъ,— первый, что ли, разъ „угонялъ“ онъ лошадей? Какъ и всегда, Васька безпрепятственно пропилъ по всѣмъ смежнымъ кабакамъ послѣдній „выкупъ“ до копѣйки съ какими-то темными и „рассейскими“ пріятелями, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы это послѣднее проявленіе Васькинаго „героизма“ явилось каплей, переполнившей чашу терпѣнія. Правда, глупая, болтливая Секлетея (извѣстно, баба!), закричала было: „ой, батюшки, Кузькино это дѣло“,—но вѣдь ее немедленно же обозвали сорокою, а старый Софронъ, мужъ глупой Секлетеи, самыми убѣдительными, хотя, правда, немного устарѣлыми пріемами педагогіи доказалъ ей основательно, какой это страшный порокъ „неосновательная болтливость“. Что же изъ того, что Кузька чистилъ „малопульку“, шептался со „старичками“, а на міру-де кричали: „пора, братцы, своимъ средствіемъ!“ Во-первыхъ, какой хорошій охотникъ не чиститъ своей винтовки, а, во-вторыхъ,—мало ли что ни говорится на міру, такъ бабѣ-то ужъ мѣшаться въ это ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Что же касается до раздавшагося ночью грохота, похожаго на выстрѣлъ, то никто, положительно никто изъ камышинцевъ его не слышалъ и сама Секлетея, выйдя послѣ „разъясненій“ Софрона на

улицу, увѣряла, что ей только такъ приснилось. Какой такой выстрѣлъ?... Можетъ, самъ какъ нибудь человѣкъ ушибся,—мало, что-ль, расшибаются-то съ-пьяна?

Кто первый изъ камышинцевъ увидѣлъ Ваську въ такомъ неестественномъ положеніи, потонуло во мракѣ. Если принять во вниманіе, что никому не можетъ улыбаться перспектива являться въ такихъ случаяхъ первымъ, станетъ понятнымъ, почему выходило такъ, что „первымъ“ его никто не увидѣлъ... Одинъ шелъ по дрова, когда и узналъ отъ людей, что и т. д.; другой ѣхалъ за сѣномъ, третій вышелъ „такъ“, четвертый, пятый,—словомъ, каждый узналъ отъ „другихъ“. Если бы какой-нибудь сомнѣвающійся скептикъ,—въ чемъ только иные люди не „сумлѣваются“!—найдя такое положеніе вещей невозможнымъ, сталъ производить точные разспросы, онъ, навѣрное, потерялъ бы голову среди лабиринта разныхъ „то-ись“, „во какъ“ „пытому-самому“, „провалиться“ и другихъ не менѣе выразительныхъ восклицаній, не то нарѣчій, не то глаголовъ, не то чортъ его знаетъ что такое, на которые вообще такъ щедры всѣ камышинцы и ихъ сосѣди, и предъ которыми спасовалъ бы и плюнулъ,—навѣрное, плюнулъ!—самый завзятый грамматикъ. Какъ бы тамъ ни было, но фактъ остается фактомъ, что всѣ они отъ мала до велика стояли утромъ гурьбой у трупа, ахали, качали головами, отгоняли сурово „робятъ“,

подбѣгавшихъ къ трупу вплотную, и шептали при этомъ укоризненно и не моргая глазомъ: „ахъ, ты, грѣхъ!“ Еще бы не „грѣхъ“, когда придется возиться съ засѣдателемъ и еще Богъ знаетъ съ кѣмъ!

Пріѣхалъ засѣдатель, потому что безъ засѣдателя дѣло обойтись, конечно, не могло. „Они“ еще „почиваютъ“ съ дороги на земской фатерѣ“ и въ ожиданіи пробужденія „старички“ сидятъ на заваленкѣ, кряхтятъ и проклинаютъ „чужіе грѣхи“. Главный, если не единственный, вопросъ, занимающій всѣ помыслы этого импровизированнаго сената: сколько?—для рѣшенія чего выкапываются прецеденты въ прошломъ... Достовѣрно извѣстно, что „малиновцамъ“ обошлось „свое средствіе“ въ триста ровнымъ счетомъ,—ну, да кто же не знаетъ, что малиновцы испоконъ вѣка ровно оглашенные какіе; „огневцамъ“—пятьдесятъ, но „дѣло“ было не на ихъ землѣ, а на проѣзжей дорогѣ... „Карагайцы“ за общій мордобой съ „лишеніемъ живота“ въ свалкѣ отдѣлались сотней... Сколько же?

— Староста!—раздается басъ изъ „фатеры“.

Всѣ вздрогнули,—очевидно, *тамъ* „проснулись“.

— Ста..р..р.... чоррр..ртъ!

Поглаживая бородку, староста быстро засеменилъ короткими ногами. „Старички“ робко

и жалостливо провожаютъ его глазами и ободрительно шепчутъ: „постой за міръ, Митричъ, постой-отъ, братанъ!“—но Митричъ точно не слышитъ, а бѣжитъ съ вытаращенными глазами, какъ хорошо взбученная лошадь. Онъ останавливается на мгновеніе, точно въ нерѣшительности, у запертой двери, кряхтитъ и вдругъ, будто собравшись съ духомъ, быстро отворяетъ ее.

— Съ пріѣздомъ, вашескородіе!

Засѣдатель, тучный, здоровый мужчина съ краснымъ лицомъ, сердитыми заспанными глазами, въ форменномъ сюртукѣ на распашку, сидитъ у стола и пишетъ. Скрипъ пера отдается какимъ-то болѣзненнымъ царапаньемъ въ сердцѣ старосты и, чтобы скрыть свое волненіе, онъ размашисто крестится на образъ.

— Съ пріѣздомъ-съ!

Засѣдатель все это отлично видитъ и понимаетъ и нарочно длитъ пытку,—онъ тоже гнетъ „свою линію“. Наконецъ, найдя, что довольно, или просто наскучивъ выводить одни и тѣ же: „проба пера“, „Его Высок...“, „рапортъ...“ „я вечоръ млада...“ и т. д.,—онъ вскидываетъ глаза на поблѣднѣвшаго старосту и смотритъ на него въ упоръ.

— Какъ было?—разражается онъ, наконецъ, густымъ басомъ.

Староста дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ.

— Чьихъ рукъ дѣло?!—спрашиваетъ тотъ ужъ совсѣмъ сердито.

— Насчетъ чего-съ?—освѣдомляется староста робкимъ фальцетомъ.

— Что дурака корчишь?! Младенецъ... Какъ звать убитаго?

— Васькой... вашескородіе, Васькой Рыжимъ!—скороговоркой выпаливаетъ староста, мало-помалу ободряясь.

— А-а, посельшикъ, объ которомъ слѣдствіе было?

— Такъ точно-съ!—Староста конфузится.

— Воръ?

— Какъ то-ись... всяко говорятъ, точно... но ежели...

— Не мели, мельница! Какъ было дѣло?

— Не могу знать-съ!

— Не могу знать? Дамъ я тебѣ, сорока бородатая, не могу знать... Сами „порѣшили", а? Говори!

— Господи избави!—удивляется староста:—и во снѣ то-есть не снилось! Провались я, чтобъ...

— Ври!—накидывается съ яростью засѣдатель:—знаю вѣдь васъ, каналій анаѳемскихъ! „Своимъ средствіемъ"! Вѣдь застрѣленъ?...

— Господь знаетъ...—набожно вздыхаетъ староста.

— Господь знаетъ?—передразниваетъ засѣдатель, поднимаясь съ мѣста и наступая на старосту:—а глазъ?... Глазъ видѣлъ?

Молчаніе, во время котораго староста напрасно силится проглотить слюну.

— Видѣлъ? — спрашиваю: — а?... Глазъ-отъ видѣлъ?

— Видѣлъ...—рѣшается вымолвить староста, припоминая, что по своему оффиціальному положенію онъ не имѣлъ права не видѣть.

— Ну, что-жъ? хорошъ?

Молчаніе.

— Ну, что же, хорошъ? Цѣлъ, а?

— Точно, что какъ быдто...

— Что „какъ быдто“?—передразниваетъ засѣдатель, выходя изъ себя.

— Господь вѣдаетъ!—вздыхаетъ староста.

Почти часъ длится допросъ и засѣдатель убѣждается, что ничего не выйдетъ и что виновнаго нѣтъ и дѣло придется предать волѣ Божіей. Да и чортъ съ нимъ, съ дѣломъ-то,—стоитъ въ самомъ дѣлѣ возиться изъ-за какого-нибудь Васьки... туда ему и дорога! Только вѣдь, извѣстно, и бросить такъ нельзя,—что-жъ *даромъ*-то мирволить... *Имъ* только дай потачку... Ого-го!..

Староста сразу смекаетъ происходящій переворотъ въ засѣдательской душѣ и потому вопрошаетъ какъ-то сладостно и мягко:

— „Незнаемаго“ человѣка, вашескородіе, не прикажете-ли,—можетъ кто что и знаетъ-съ?..

„Незнаемый человѣкъ“— продуктъ чисто сибирской юриспруденціи... Эта кличка производится отъ слова „не знать“, такъ какъ „незнаемый человѣкъ“ знаетъ все, кромѣ своего имени... Когда слѣдователь ничего подѣлать не можетъ, виновный неизвѣстенъ и нѣтъ

никакихъ надеждъ найти его,—словомъ, когда слѣдователь спускаетъ, такъ сказать, флагъ и не прочь пойти на сдѣлку, „чтобъ не даромъ только, не мирволить“,—онъ оставляетъ строго-оффиціальный тонъ и переходитъ въ дружескій, задушевный, которымъ и спрашиваетъ мягко: „нѣтъ ли, молъ, гдѣ такого человѣка, который на слѣдъ бы навелъ, что ли?“ Дружескій, задушевный тонъ дѣйствуетъ магически, тѣмъ болѣе, что всѣ понимаютъ отлично, что вовсе не въ томъ, чтобы „навести на слѣдъ“, и на сцену является „незнаемый„,—нарочно выбранное, самое довѣренное лицо „міра“, которое скажетъ все, что нужно сказать или разсказать въ данномъ случаѣ, и затѣмъ предложитъ то, что вообще предлагается всѣмъ слѣдователямъ: „въ честь благодарности“. — Никто ничѣмъ тутъ не рискуетъ, такъ какъ все происходитъ съ глазу на глазъ, и въ худшемъ случаѣ, если бы слѣдователь вздумалъ „измѣнить“ и притянуть „незнаемаго“ къ оффиціальному допросу, онъ бы отрекся отъ всего и навѣрное нашелъ бы множество свидѣтелей, которые „стояли туточка недалече“ и не слыхали, чтобы онъ говорилъ то, отъ чего отпирается.

— Незнаемаго, говоришь, человѣка... Ну, ладно, веди!— согласился засѣдатель.

Староста исчезъ, какъ видѣніе...

Засѣдатель сѣлъ за столъ и погрузился въ задумчивость... *Сколько?*—За окномъ слы-

шится сдержанный шепотъ и суетятся видимо люди... Маятникъ старыхъ, запыленныхъ часовъ мѣрно тикаетъ. Сѣрый пушистый котъ сладко мурлычитъ въ углу и зализываетъ себѣ то, что ему нужно. Такъ проходитъ съ добрыхъ полчаса, пока за дверью не слышится сдержанный кашель

— Кто тамъ?

— Гмм... Кхх...

— Кто, говорю? — окликаетъ вновь засѣдатель.

Дверь полу-отворяется и на порогѣ появляется закутанная, обмотанная фигура, которую засѣдатель пронизываетъ взглядомъ.

— Незнаемаго человѣка спрашивали, вашескородіе!...

— А, ты, что ли?

— Онъ самый-съ!—Фигура низко кланяется.

Засѣдатель упорно вглядывается по привычкѣ.

— Разскажи, братецъ, сдѣлай милость, что тутъ такое... какъ дѣло-то было?— спрашиваетъ онъ, наконецъ, мягко.

— Грѣхъ, вашескородіе,—кланяется „незнаемый“:—людской грѣхъ!...

— „Свое средствіе“, что-ль?

— Должно полагать...

— Нѣтъ, братъ, коли назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ!—обижается засѣдатель на уклончивый отвѣтъ:—если на миръ идти хотите, говори толкомъ.

— Вашескородіе!—рѣшается, наконецъ, „незнаемый".

— Что, голубчикъ?

„Незнаемый" отворачиваетъ полу, лѣзетъ въ карманъ и достаетъ пачку ассигнацій.

— Въ честь благодарности, вашескородіе,— старички благодарить прислали...

— За что?—удивляется засѣдатель, но сладкая улыбка озаряетъ его лицо.

— За труды собственно... Не оставьте, вашескородіе! — молитъ и кланяется „незнаемый".

— Что же,—мягко соглашается засѣдатель:— я, вы знаете, никогда не прочь помочь вамъ... Зачѣмъ мнѣ губить васъ... Ежели что могу, всегда готовъ... отчего же!.. Знаю, что все это отъ глупости вашей... Ну, да и воръ былъ Васька, что и говорить,—разбойникъ... Только это такое дѣло...—качаетъ онъ головой:—чай, самъ знаешь...

— Не оставьте, вашескородіе! — кланяется низко „незнаемый", кладя пачку на столъ.

— Ты постой!—останавливаетъ его засѣдатель:—прежде толкомъ разскажи, какъ дѣло-то было...

— Дѣло-то вашескородіе... да Богъ его знаетъ! Должно полагать, застрѣленъ онъ, потому обида отъ него большая...

— Застрѣленъ!—сердится засѣдатель.—Я и самъ знаю, что застрѣленъ,—да кѣмъ?

— Обида отъ него была... Житья, вашеско-

родіе, не было,—ну, старички и благословили, надо полагать...

— Какіе старички?.. ваши, что ли?

— Всѣхъ обижалъ, вашескородіе,—всѣ села окрестъ обижалъ...

— Да... но убилъ-то кто?—Въ засѣдателѣ заговорило простое любопытство.

— Кто его знаетъ, вашескородіе!.. многихъ обижалъ,—только ужъ если на нашей землѣ, такъ и грѣхъ, значитъ, пусть какъ будто на насъ будетъ... Нашего міра грѣхъ!

Засѣдатель прошелся раза два по комнатѣ, посвисталъ, протянулъ руку къ кучкѣ ассигнацій, пересчиталъ и пробасилъ:

— Мало...

Вмигъ явилось *дополненіе*.

— И того мало!... Ну, да ужъ чортъ съ вами!—махнулъ онъ рукой. „Незнаемый“ провалился точно сквозь землю.

Садясь въ тарантасъ, засѣдатель далъ нужныя инструкціи старостѣ насчетъ доктора и прочаго.

Наконецъ, уѣхалъ и докторъ. Признаться, камышинцамъ пришлось похлопотать-таки не мало. Сначала нужно было, конечно, уломать доктора пріѣхать поскорѣй, чтобы не держать „караула“ у трупа въ рабочую трудную пору. Къ счастію, при докторахъ всегда есть фельдшера, съ которыми легко вести переговоры и сдѣлки: стоитъ только не скупиться. Камы-

шинцы знали это хорошо еще отъ отцовъ и дѣдовъ, не только отъ сосѣдей, которымъ выпадалъ на долю счастливый опытъ, и потому не постояли особенно за „четвертной“ за выѣздъ. За „дѣло“ собственно былъ условленъ, конечно, особый гонораръ. Все было сдѣлано по положенію, какъ слѣдуетъ въ благоустроенномъ мѣстѣ: прибывъ въ Камышинку, докторъ, нашелъ на выгонѣ, возлѣ трупа, столъ, а на столѣ традиціонный полуштофъ и „синенькую“, сверхъ положенія, которая съ надлежащаго мѣста была перенесена имъ въ карманъ. Разъ, понятно, все было какъ слѣдуетъ, то и результатъ вышелъ такой, какой долженъ былъ слѣдовать. Докторъ поковырялъ, понюхалъ, ругнулся нѣсколько разъ и продиктовалъ засѣдателю протоколъ, который тотъ выводилъ круглымъ, четкимъ почеркомъ. Чаще всего, понятно, попадались слова: „сильнѣйшее опьянѣніе... неосторожность... паденіе... ушибъ съ поврежденіемъ... жестокая стужа, а потому“ и т. д. А затѣмъ и докторъ, и засѣдатель, какъ водится, уѣхали, предписавъ „строжайше“ предать немедленно „тѣло скоропостижно умершаго Васьки Рыжаго“ землѣ.

Камышинцы вздохнули свободнѣе, полною грудью и возликовали. Все сошло благополучно. Правда, это благополучіе „влѣзло“ имъ больше двухъ добрыхъ сотнягъ; да вѣдь кто же не знаетъ, что деньги—дѣло наживное. Къ тому же извѣстно: съ міру по ниточкѣ, вотъ те

и рубашечка... За то спокойствіе, благодать! Одно еще только оставалось—схоронить.

Сосновый, грубо сколоченный руками деревенскаго плотника, гробъ былъ заготовленъ еще заранѣе. Теперь его принесли на выгонъ и поставили на землѣ возлѣ трупа. Трупъ лежалъ на столѣ, прикрытый кускомъ грубаго деревенскаго полотна, на которомъ длинные, окровавленные пальцы доктора оставили темно-розовые слѣды. Солнце ярко свѣтило съ яснаго весенняго неба, голубого и безоблачнаго, и озаряло покровъ, отчего онъ блестѣлъ и казался бѣлѣе, а складки пестрили его темно-синими тѣнями. Теплый вѣтерокъ слегка шевелилъ одинъ уголъ, отчего онъ дрожалъ и поднимался точно живой и, поднимаясь, обнажалъ часть красной рубахи покойника, похожей цвѣтомъ на кровь. Все было тихо. Толпа, окружавшая гробъ и покойника, стояла въ какомъ-то тупомъ, напряженномъ безмолвіи. Оставалось только снять покровъ, уложить покойника въ гробъ и отнести его, своего злѣйшаго врага, на кладбище, куда долженъ былъ придти священникъ.

— Ну, что-жъ, братаны?— раздался вдругъ чей-то нерѣшительный, глухой голосъ и замеръ безъ отвѣта.

Толпа какъ будто переглянулась и потопталась на мѣстѣ.

— Что же? — какъ эхо повторилъ другой голосъ.

Какое-то нерѣшительнсе движеніе и опять молчаніе... Но вотъ одинъ снялъ неожиданно шапку, за нимъ другой, третій,—и вдругъ, точно по приказанію, вся толпа обнажила головы.

— Царство небесное!—перекрестился степенно и важно сѣдой старикъ, стоявшій ближе къ покойнику, и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Царство небесное!.. царство небесное!— заголосила толпа, усердно крестясь.

Опять воцарилось молчаніе. Кузька, смѣлый, безстрашный Кузька, этотъ знаменитый стрѣлокъ, не моргавшій передъ открытою пастью медвѣдя, стоялъ блѣдный, какъ трупъ, съ широко вытаращенными глазами, а руки его дрожали, какъ осиновые листья.

— Дядя Корнѣй! подымать, что-ль?— окликнулъ вдругъ кто-то надтреснутымъ, придавленнымъ голосомъ и тотчасъ замолчалъ, точно сконфузившись или испугавшись собственнаго голоса. Дядя Корнѣй, сѣдобородый старикъ, оглянулся молча и не сказалъ ни слова.

Въ заднихъ рядахъ задвигались,—очевидно, кто-то пробирался впередъ. Шевельнулся одинъ, другой, нѣкоторые оглянулись назадъ, и впередъ протиснулась блѣдная, худая бабенка, заплаканная, съ красными отъ слезъ глазами и носомъ, съ ребенкомъ на одной и узломъ на другой рукѣ.

Бабенку видѣли утромъ, еще до докторскаго „вскрытія“, но никто не обратилъ на нее вниманія,—не до нея было. Нѣкоторые, правда,

сразу признали въ ней Аксинью-солдатку изъ дальняго поселка, слывшую въ околодкѣ любовницей Васьки Рыжаго, но въ фактѣ ея нежданнаго появленія не нашли ничего особенно достойнаго вниманія или необычайнаго. Теперь сотни глазъ напряженно слѣдили за каждымъ ея движеніемъ.

Протиснувшись впередъ, Аксинья широко перекрестилась и заплакала. Слезы текли у нея по щекамъ и капали на сѣрый, дырявый съ заплатами сарафанъ. Поплакавъ, она обернулась къ толпѣ.

— Хоронить, добрые люди?—спросила она сквозь слезы, кланяясь, и, не ожидая отвѣта, сняла покровъ,

Слезы заструились быстрѣе. Толпа набожно перекрестилась.—Никто не смотрѣлъ на покойника,—всѣ стояли, опустивъ глаза въ землю, только одинъ Кузька стоялъ точно очарованный, не сводя прикованнаго взора съ трупа. Окровавленный, изрѣзанный, почернѣвшій, съ запекшеюся на усахъ и бородѣ кровью, трупъ производилъ крайне тяжелое, гнетущее впечатлѣніе.

— Обмыть бы, добрые люди! — обернулась опять Аксинья къ толпѣ.

— Что-жъ, конечно... доброе дѣло... какъ слѣдоваетъ... — отозвались въ толпѣ. — Конечно... что-жъ, обмыть!

Кто-то схватилъ ведро, стоявшее тутъ для доктора, и побѣжалъ зачерпнуть воды

въ ручьѣ. Аксинья передала ребенка старику Корнѣю, и сѣдой, бородатый старикъ бережно и неловко держалъ на своихъ дюжихъ рукахъ завернутую въ лохмотья крошку, которая щурилась отъ солнца. Ребенокъ громко кричалъ на чужихъ рукахъ, а старикъ какимъ-то мягкимъ, ласковымъ шепотомъ говорилъ: „кшшъ", „кшшъ"—и качалъ его точно въ зыбкѣ, пока у него не отняла его какая-то подоспѣвшая баба, у которой ребенокъ немедленно-же успокоился. Нѣсколько человѣкъ подошли тѣмъ временемъ къ Аксиньѣ на помощь. Она развязала быстро и ловко принесенный съ собою узелъ и вынула длинную, бѣлую рубаху, нѣчто въ родѣ савана.

— Пріодѣть, добрые люди?—спросила она, встряхивая рубаху.

— Пріодѣть... какъ слѣдуетъ, какъ полагается!.. Охъ-хо-хо, всѣ мы грѣшны Богу!—заходило въ толпѣ. Всѣ точно легче чувствовали себя съ приходомъ Аксиньи и видимо слѣдили за ней съ участіемъ и чѣмъ-то въ родѣ сочувствія. Точно что-то тяжелое, невеселое разсѣяла или сняла она со всѣхъ этихъ людей однимъ своимъ появленіемъ.

Покойникъ лежалъ обмытый, одѣтый, въ свѣжемъ сосновомъ гробу и не производилъ уже прежняго удручающаго впечатлѣнія. Невесело только какъ-то было, грустно, какъ всегда бываетъ предъ лицомъ смерти хотя-бы чужого, нелюбимаго человѣка. Толпа набожно

крестилась, Аксинья вынула изъ того же узелка три дешевенькія свѣчки, зажгла ихъ и, оставивъ одну себѣ, двѣ другія отдала помогавшимъ ей старикамъ. Старики взяли ихъ, крестясь и повторяя: „царство небесное“. Шесть человѣкъ подняли гробъ на плечи и понесли, сопровождаемые толпой и плачущею Аксиньей съ ребенкомъ на рукахъ.

У могилы, послѣ скораго отпѣванія,— Аксинья долго валялась у гроба при заколачиваніи его, прощаясь съ покойникомъ и суя къ нему ребенка. За нею двинулся одинъ, потомъ другой, третій, а тамъ и всѣ подходили къ покойнику, клали земной поклонъ и цѣловали его въ почернѣвшій, изрѣзанный лобъ. „Прости!“—какъ-то глухо говорили они. Одинъ только Кузьма, блѣдный и дрожащій, не сказалъ ни слова, точно слово застыло у него въ глоткѣ.

Когда камышинцы, покинувъ кладбище, пасмурные и невеселые, столпились на деревенской улицѣ, передъ ними, какъ изъ-подъ земли, вновь выросла заплаканная Аксинья съ ребенкомъ на рукахъ и повалилась въ ноги.

— Порѣшили вы его, добрые люди, порѣшили!—причитала она плача, поднимаясь и снова падая въ ноги „міру“.

— Что ты, что ты!... Не слышала, что-ль, что писалъ дохтуръ... Отъ безчувствія, зна-

читъ, пьянаго ушибся! — быстро заговорилъ сконфуженный староста.—Кто порѣшилъ? Что ты! Богъ съ тобой, баба!

— Ваше дѣло это, — продолжала кланяясь и плача Аксинья, точно не слыша старосты:— ваше дѣло, не мое... Какъ сами знаете, добрые люди, такъ Богу и отвѣтите... А только что же мнѣ-то теперь съ ребенкомъ... помирать, что-ль?

Никто не отвѣтилъ.

— Помирать, что-ль? Кто кормить-то будетъ? Куда дѣнусь я съ имъ, люди добрые?—Аксинья сунула ребенка.

Камышинцы почесали затылки. Какая-то баба жалостливо проговорила: „ишь ты, бѣдная!“

— Какъ не бѣдная!—подхватила Аксинья, совсѣмъ разрыдавшись отъ выраженнаго ей сочувствія. — Что съ ребенкомъ-то дѣлать будешь?... Не оставьте, люди добрые!

И она снова поклонилась мужикамъ.

— Что-жъ, братаны?—кто-то робко, нерѣшительно спросилъ въ толпѣ.

— Какъ быть, въ самомъ дѣлѣ?—отозвался другой.

— И такъ много роздали, братаны! Мнн о-ого!—пессимистически прозвучалъ чей-то басъ.

— Не покиньте, православные! — кланялась тѣмъ временемъ Аксинья, суя толпѣ кричавшаго ребенка:—не покиньте!...

— Много-то много, а все-жъ... — отвѣтилъ кто-то.

— Рублей поди два ста вошло!—не успокаивался басъ...

— Вошло-то вошло, да бабу-то какъ быдто... того! — отвѣтилъ передній мужикъ, высокій, мрачный на видъ, неистово зачесавъ всею пятерней затылокъ.

— Ничего нѣ-ѣ-ту! — молила Аксинья, все больше ободряясь, точно черпая новыя силы въ нерѣшительныхъ возгласахъ толпы.—Ни-ичего, православные, ни зе-е-рнушка... Молока вотъ нѣтъ у самой,—она ткнула кулакомъ въ плоскую грудь:—пустехоньки... ни капельки!... Дитё голодомъ кричитъ, люди добрые... Кто прокормитъ теперь?... Коровку бы хоть...

— Корову?—разозлился басъ.—Мало онъ у насъ скотины перетаскалъ, что-ль?...

— Дѣло прошлое,— прошлое, слышь, дѣло, братанъ!—укоризненно и вмѣстѣ гнѣвно заголосила толпа какъ одинъ человѣкъ и стала креститься. Басъ сконфузился и тоже крестился за толпой.

— Для ребенка, для младенца Божьяго прошу...—продолжала Аксинья, рыдая навзрыдъ.— Что-жъ, оно виновато кому, что ему голодомъ пропадать!? Отцы родные! телушечку... такъ... самую что ни есть ледащую... Господи! дитёто что-жъ виновато!....

На другой день, какъ только яркое Божье солнце пролило потоки тепла и свѣта на грѣш-

ную землю, а навстрѣчу ему ясно улыбалось живое утро, и воздухъ, и кедры, и изумрудныя нивы, и Божіи люди,—улыбалась ему и Аксинья. Пыльною дорогой гнала она изъ Камышинки домой, въ свой поселокъ, большую рыжую корову и, довольная, прижимала къ тощей груди ребенка, въ чистыхъ, бѣлыхъ пеленкахъ котораго были засунуты „міромъ“ собранныя старыя, истрепанныя ассигнаціи.

На поворотѣ ей перерѣзала дорогу высокая фигура Кузьки. Блѣдный, какъ-то робко пошелъ онъ ей навстрѣчу. Видимо, онъ хотѣлъ что-то сказать, силился выговорить, но не могъ,—губы его дрожали. Онъ только совалъ ей потертый кожаный мѣшочекъ, въ которомъ обыкновенно крестьяне носятъ деньги.

— Возьми!—съ усиліемъ выговорилъ онъ, наконецъ.

— Зачѣмъ? что?—не то сконфузилась, не то удивилась Аксинья.

— Ему.... ребенку! — дрожащимъ голосомъ продолжалъ Кузька, кладя мѣшочекъ на пеленки.

Аксинья взяла его какъ-то нерѣшительно, то смотря на блѣднаго Кузьку, то опуская глаза въ землю.

— Спасибо!—чуть слышно выговорила она.

Не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Кузька ее окликнулъ:

— Слышь!

Она обернулась.

— Не своей волей я... Отъ міра,—мірское дѣло... Прости!

Онъ стоялъ блѣдный, дрожащій, опустивъ глаза въ землю.

— Богъ проститъ! - отвѣтила Аксинья, кланяясь.

. . . . . .

Цѣлый мѣсяцъ пропадалъ Кузька въ тайгѣ за медвѣдями.

МЫ ПОБѢДИЛИ.

Разсказъ.

I.

Засѣдатель открылъ деревню *).

Это было несомнѣнно, хотя мы всѣ сначала сомнѣвались и въ насмѣшку звали его „новымъ Колумбомъ“. Акцизный надзиратель, знавшій толкъ въ „градусахъ“, увѣрялъ, что засѣдатель просто „хватилъ за положеніе“. Въ переводѣ на обыкновенный разговорный языкъ это означало напиться за предѣлы „мухи“, „слона“ и „зеленаго змія“ — всему міру извѣстныя стадіи. Мы охотно вѣрили такому остроумному заключенію вполнѣ компетентнаго и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго человѣка,—вѣрили тѣмъ болѣе охотно, что, въ случаѣ дѣйствительнаго „открытія“, засѣдателю, конечно, предстояла „награда“. Мы не были за-

*) „Открытіе“ неизвѣстныхъ деревень въ Сибири не рѣдкость.

вистливы, но и не любили особенныхъ успѣховъ. Мы хохотали и спрашивали: въ какой части свѣта эта новая деревня?... Болѣе остроумные недоумѣвали, не живутъ ли въ ней „бѣлые арапы“. Нашъ почтенный учитель Арефинъ шутилъ, что броситъ все нажитое добро и поѣдетъ туда миссіонеромъ. Даже панъ Паклевскій, вѣчно занятый мечтами о расширеніи распивочныхъ предѣловъ, сомнительно покачивалъ головой и иронически спрашивалъ: есть ли въ открытой деревнѣ „питейные“? А нашъ достойный исправникъ положительно „дулся“, естественно возмущаясь самою мыслью о возможности какихъ бы то ни было „открытій“ въ его округѣ... Точно не все было ему извѣстно вдоль и поперекъ, какъ свои пять пальцевъ! Какія такія „открытія“?!... Помилуйте!

И вдругъ деревня оказалась „открытой“, точно золотая жила, каменный уголь или даже Америка!... Оказалась открытою съ домами, съ обывателями, стадами и всѣми прочими атрибутами деревни. Въ ней пекли и варили, умирали и множились, работали и отдыхали, творили все человѣческое безъ денегъ, безъ паспортовъ, безъ „управъ“, безъ законныхъ властей, безъ питейнаго. Это было возмутительно и тѣмъ не менѣе несомнѣнно!

Когда существованіе этой, никому доселѣ неизвѣстной деревни, спрятанной въ глухой тайгѣ и болотахъ, послѣ цѣлаго ряда рапортовъ и „отношеній“, стало фактомъ, въ кото-

ромъ сомнѣваться было нельзя, и засѣдателю, дѣйствительно, была обѣщана награда,—мы, понятно, перестали смѣяться. Шагъ за шагомъ, но быстро, мы перешли въ ликованье и устроили ужинъ съ шампанскимъ и съ тостами. Мы кричали „ура“ и пили за новую деревню, еще никѣмъ, даже самимъ засѣдателемъ, не виданную, извѣстную ему только по „несомнѣннымъ донесеніямъ“. Паклевскій безъ ироніи, въ серьезъ, мечталъ о питейномъ и гадалъ, сколько „тамъ“ сорвутъ съ него за приговоръ. Исправникъ не дулся, а „по секрету“ сообщалъ каждому изъ насъ, что давно подозрѣвалъ существованіе въ тайгѣ „шельмецовъ“, но молчалъ по какимъ-то высшимъ соображеніямъ. Мы ликовали до того, что даже забыли о картахъ, спорили, горячились, упрекали другъ друга за крайній скептицизмъ и наперерывъ поздравляли съ успѣхомъ „новаго Колумба“. Мы качали его „на ура“, какъ тріумфатора, и жалѣли, что у насъ нѣтъ лавровъ. Дамы вдругъ перемѣнили свое мнѣніе и стали находить его интереснымъ, увѣряя, что немного выдавшійся задъ и лишній палецъ на рукѣ (говорятъ, дурная примѣта) не портятъ общаго впечатлѣнія. Словомъ, все измѣнилось, всѣ были полны новою деревней, всѣ ликовали, всѣ провели вечеръ въ экстазѣ.

Но всего этого было, конечно, мало. Намъ предстояло еще взять и побѣдить, а это было всего труднѣе. Лѣтописи былыхъ „открытій“

говорили очень краснорѣчиво, что ни одно изъ нихъ не обходилось безъ попытокъ открываемыхъ улизнуть въ дебри, побросавъ дома и пожитки при первомъ приближеніи Колумбовъ. Преданія и кипы архивныхъ донесеній свидѣтельствовали ясно, что „шельмецы“ очень чутки и вѣчно на-сторожѣ. Бывали примѣры, что являлись на сцену и „колъ“. и „малопульки“. Словомъ, когда прошелъ порывъ экстаза,—въ души забралась забота.

Деревню собственно открылъ или, лучше сказать, выдалъ бродяга, пойманный засѣдателемъ на воровствѣ со взломомъ. За приличное вознагражденіе и, главное, за извѣстное „послабленіе“ онъ и открылъ ему „секретъ“, на который самъ набрелъ случайно, скитаясь и укрываясь по дебрямъ. Съ нашими сомнѣніями мы обратились къ нему, но, привлеченный къ допросу, онъ сказалъ намъ мало успокоительнаго. „Шельмецы“, по его словамъ, были очень свирѣпы. Онъ самъ чуть не поплатился жизнью за то, что набрелъ на нихъ случайно. Многіе требовали „порѣшить“ съ нимъ, боясь измѣны, и только вмѣшательство стариковъ спасло его отъ смерти; онъ присягнулъ на бѣломъ еловомъ крестѣ, что останется у нихъ навсегда.

— Отчего же ты ушелъ отъ нихъ?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Потому—идолы!

— Какъ?

Мы недоумѣвали.

— Идолы, говорю! Житье анаѳемское: ни тебѣ веселья: цыгарки тамъ чтобъ, али вина—и не въ заводѣ-съ! Отъ дѣдовъ не знаютъ. Никакихъ весельевъ нѣтъ. Словомъ какимъ обмолвишься—грѣхъ!.. Тоска-съ!!

— Можетъ, голодъ?

Это спросилъ секретарь. Онъ вѣчно былъ голоденъ.

— Помилуйте-съ, какой голодъ-съ! Всего вдоволь. Хлѣба не впроворотъ будетъ. Птица тамъ всякая, рыба, скотина. Потому съ согласу все у нихъ. Работаютъ сообща, семейственно. Старикъ какъ бы отецъ, значитъ, правитъ.

Бога истиннаго признаютъ ли?—возвысилъ голосъ Ареѳинъ.

— По ихнему-съ... Старовѣры.

— То-то!

Ареѳинъ сокрушенно вздохнулъ, но его перебилъ исправникъ, ретивый поборникъ „своевременныхъ поступленій“ и „взносовъ“.

— Съ достаткомъ, говоришь?

— Богатѣи, вашескородіе!

Мы были возбуждены до послѣдней степени и напрягали всѣ силы, чтобы рѣшить трудную задачу покоренія. Какъ устроить, чтобы „шельмецы“ не разбѣжались, чтобы накрыть ихъ на мѣстѣ? За пустую, покинутую деревню никто и спасибо не скажетъ. Главное—накрыть. Дикаря, живущаго „безъ закона“, нужно сдѣлать полезнымъ обывателемъ.

Къ счастью, среди насъ былъ талантъ, военный геній, стратегъ и тактикъ. Начальникъ мѣстной команды, никогда не посѣщавшій никакихъ академій, представилъ проектъ, который позволилъ намъ заранѣе торжествовать побѣду. Планъ былъ блестящій, отважный и смѣлый. Мы салютовали ему хлопаньемъ пробокъ и сладостнымъ звономъ бокаловъ. Все дѣло было въ томъ, чтобы обождать морозцевъ, когда затянетъ болотца, и затѣмъ нагрянуть внезапно со всѣхъ сторонъ.

Оставалось распредѣлить роли, но это обдѣлалось живо. Исправникъ взялъ себѣ, сѣверъ, мнѣ поручили западъ, засѣдателю востокъ, а югъ отдали стряпчему. Въ интервалѣ тянулась цѣпь конной стражи, подъ предводительствомъ самого стратега.

Мы ждали только морозцевъ.

II.

А тамъ, за семью озерами, за туманами вѣчныхъ топей, въ глуши изумрудной кедровой тайги, дѣвственной и чистой,—тамъ насъ, конечно, не ждали. Мы были правы, полагая, что тамъ живутъ безъ боязни и о насъ совсѣмъ позабыли. Сто лѣтъ, прожитыхъ безмятежно деревней, выросшей изъ скита, построеннаго нѣкогда бѣжавшими „мірского грѣха“ фанатиками и, очень можетъ быть, даже дезер-

тирами,—прошли недаромъ. Деревня жила безъ тревоги и опасеній, нисколько не думая объ „открывателяхъ.“ Она ихъ не знала сто лѣтъ и безмятежность перешла въ нравы, привычку. Въ „давности“ они видѣли свое право, въ преступномъ укрывательствѣ—подвигъ, въ своей грубой, первобытной, замкнутой, некультурной жизни—законъ.

Понятно, что, какъ всѣ дикари, они были страшно упорны въ своей грубости и ненависти къ „свѣту“. За цѣлыхъ сто лѣтъ, не смотря на скуку и монотонность, никто ни разу не выказалъ даже поползновенія столкнуться съ нашимъ міромъ культуры или дать намъ знать о своемъ существованіи. Они вполнѣ довольствовались своей тайгой, своимъ „обчествомъ“, своими самотканными рубахами и „самобитными“ зипунами. Съ нихъ было довольно, что имъ свѣтятъ солнце, луна и звѣзды. Они жили тамъ, какъ кроты, какъ птицы, какъ рыбы. Они не знали ни закснов, ни торга, ни денегъ, не умѣли ни покупать, ни продавать. Они отрицали „обязанности“, чувство долга смѣшивали съ „внутреннимъ побужденіемъ“ и работали только для того, чтобы не умереть съ голоду. Добывая все сами, своими руками, они и потребляли все сами.

Это была дикая, первобытная жизнь и, какъ у всѣхъ дикарей отъ Африки до Полинезіи, регулировалась только обычаемъ и преданіемъ. Руководителемъ и хранителемъ этихъ

преданій былъ у нихъ восьмидесятилѣтній Провъ, надъ которымъ стоялъ только деревенскій міръ. „Міръ“ назывался у нихъ „поильцемъ-кормильцемъ“; онъ надѣлялъ всѣхъ и всѣмъ, такъ какъ все у нихъ велось „собча“. Дальше своего таежнаго міра они ничего знать не хотѣли и отдали бы за него все на свѣтѣ.

Нашу жизнь, нашу культуру, наши порядки, наше благоустройство они звали „грѣхомъ“. а насъ—„черными воронами“. Отсюда ясно, что они не отказывали въ пріютѣ бродягамъ и инымъ нарушителямъ законовъ. Они селили ихъ у себя, но съ условіемъ оставаться въ тайгѣ до смерти. По ихъ понятіямъ, это были не преступники, а „Божіи люди“, гонимые долей, споткнувшіеся подъ тяжелымъ, не подъ силу, крестомъ,

Многое изъ этого мы узнали только впослѣдствіи, но предварительныя понятія, довольно вѣрныя и точныя, далъ намъ обо всемъ нашъ почтеннѣйшій, ветхій годами и мудрый опытомъ, отставной судья Подюбкинъ, нѣкогда самъ принимавшій участіе въ подобномъ же открытіи. Вынувъ табакерку и щелкнувъ по ней пальцами, онъ закончилъ какъ-то особенно выразительно:

— Д-да-съ, доложу вамъ, судари мои,—сущіе дикари-съ!

— Помилуйте-съ! Это цѣлое status in statu!— сказалъ стряпчій, любившій щеголять латинскими терминами.

— А по нашему просто подлецы! — спокойно, съ внушительнымъ достоинствомъ, отрѣзалъ ему исправникъ, не любившій выскочекъ съ латинскими терминами.

— А корень-то, корень? — мягко вмѣшался Ареѳинъ, нѣжно склонивъ на бокъ голову.— Корень-то гдѣ, Сидоръ Карпычъ, корень?—Въ непокорствѣ-съ!

Онъ, какъ всегда, сокрушенно вздохнулъ, и затѣмъ наступила тишина. Мы всѣ собирались съ мыслями. Марья Львовна приготовляла бутерброды, засучивъ рукава выше локтей. Я самъ видѣлъ, какъ стряпчій пожиралъ глазами эти чудныя пухлыя руки съ розовыми локтевыми ямочками... Но вдругъ она повернула къ намъ свое личико со вздернутой, какъ у мышонка, губкой и закричала;

— Ахъ, не у нихъ ли мои ложки?

Бѣдная! она никакъ не могла забыть своей пропажи, своихъ серебряныхъ ложекъ, и разстаться съ надеждой найти покражу. Она вездѣ видѣла воровъ и укрывателей. Паклевскій, который всегда юлилъ, какъ бѣсъ, и предупреждалъ другихъ,—и тутъ опередилъ насъ.

— Присягаю, же знайду!

Онъ сталъ на колѣно, а Марья Львовна всадила ему бутербродъ, смѣясь и скаля свои зубки.

Одинъ только „стратегъ“ глубокомысленно и упорно молчалъ; онъ любилъ подражать Мольтке, но иногда подражалъ и Суворову.

Онъ сидѣлъ молча, ни на кого не глядя, точно ничего не слыша, и сопѣлъ своею трубкой. Мы уже спорили о томъ, какъ намъ поступить съ „таежниками“, и предлагали разныя мѣры, какъ онъ вдругъ выпалилъ, точно изъ пушки:

— Сквозь строй!

— Несовременно-съ!—улыбнулся стряпчій.

— Какъ-съ?

— Незаконно-съ!—стряпчій насмѣшливо дрыгалъ ногой, заложивъ руку въ карманъ.

— Почему-съ?

Между ними завязался горячій споръ о наказаніяхъ „по существу“ и навѣрное кончился бы трагически для немного легкомысленнаго стряпчаго, такъ какъ стратегъ началъ волноваться и сжимать въ рукѣ чубукъ, если бы не вмѣшался въ дѣло исправникъ, по праву хозяина. Собраніе было у него.

— Оставьте, господа, пустяки... Вотъ выбрали время для споровъ! Я вотъ не знаю, что дѣлать... какъ намъ ѣхать туда? Свободныхъ кандаловъ у насъ мало!...

— *Сво-бод-ныхъ* кандаловъ?... съехидничалъ зоилъ-докторъ, выливая въ рюмку послѣднюю каплю хереса.

Это отвлекло спорщиковъ,—всѣ засмѣялись.

— Ну-ну! — погрозилъ, шутя, исправникъ: — знаю: либералъ отпѣтый!...

Но не перепитый?—и докторъ взялся за мадеру.

— Но опасный!—подхватила Марья Львовна, среди общаго взрыва смѣха.

— Для полныхъ бутылокъ и мягкихъ сердецъ!

Онъ былъ положительно милъ, нашъ докторъ.

Это было наше послѣднее собраніе предъ экспедиціей,—морозцы уже подоспѣли. Взбунтованныя милѣйшею Марьей Львовной, всѣ дамы увязались за нами. Муза Кондратьевна, наша львица, даже училась стрѣлять изъ револьвера и я направлялъ ея ручку въ носовой платокъ,—она все старалась научиться такъ, чтобы попадать „прямо въ сердце“. Было рѣшено, что дамы поѣдутъ за нами вслѣдъ, „съ припасомъ“, и послѣ „покоренія“ мы устроимъ пикникъ въ тайгѣ. Дамы были въ восторгѣ и весело кричали, что на снѣгу должно выйти очень пріятно, если съ коврикомъ!... Онѣ не боялись ни тайги, ни трудовъ, ни лишеній.

III.

Мы летѣли верхомъ, съ гикомъ и звономъ, опереживая въ быстротѣ самый вѣтеръ. Земля гудѣла отъ копытъ нашихъ коней, звонъ бубенцовъ заглушалъ карканье вороньихъ тучъ. Воздухъ дрожалъ и колебался отъ нашихъ кликовъ. Съ востока летѣлъ засѣдатель и эффектно махалъ шашкой, съ сѣвера—исправ-

никъ съ проводникомъ бродягой, съ юга—подвыпившій стряпчій, съ запада—я съ Ареѳинымъ. Картина была торжественная, эффектная, величественная.

Мы мчались уже деревней, отъ периферіи къ центру. Копыта коней, мѣрно ударяясь о мерзлую землю, наполняли воздухъ точно барабаннымъ боемъ. „Тра-та-та, тра-та-та"... раздавалось кругомъ, какъ въ тревогѣ. Малиновый звонъ колокольчиковъ и бряцанье бубенцовъ сливались съ этимъ боемъ въ какой-то ссобенной, сильно щекотавшей нервы, гармоніи. Возбужденіе наше росло; мы видѣли уже другъ друга. Стряпчій что-то кричалъ воображая себя на каѳедрѣ. Исправникъ крутилъ усъ, засѣдатель зачѣмъ-то вынималъ револьверъ... Еще минута, и сверкнули бляхи „интервала" бѣлый конь стратега яркимъ пятномъ вырѣзался на сине-зеленой листвѣ кедровъ.

Ни звука. Кругомъ было все пусто,—деревня точно вымерла.

Мы только теперь опомнились, пришли въ себя. Въ страстномъ волненіи мы и не замѣтили, что влетѣли въ пустую деревню. Мы ждали криковъ, раскаянія, мы чаяли видѣть толпу, поверженную въ смятеніе и трепетъ, но ничего этого не было: кругомъ все было пусто и мертво.

Первымъ пришелъ въ себя исправникъ.

— Р-ракальи!—не выдержалъ онъ.

Насъ взяла оторопь, насъ ошеломила эта мертвая тишина и безлюдье. Они и разбрестись

не могли,—за это ручалась цѣпь стражи, ручался, наконецъ, самъ стратегъ.—Ошеломленный не меньше насъ, онъ только горячилъ свою бѣлую кобылу и махалъ нагайкой, ругаясь и клянясь, что выкопаетъ всѣхъ изъ-подъ земли. Но куда же они дѣвались? Провалились сквозь землю?

По спинамъ пробѣжалъ морозъ... А что если они за плетнями притаились, какъ крысы на чердакахъ, въ амбарахъ,—и на насъ направлены эти страшныя „малопульки", что бьютъ въ носъ бѣлку и въ самый глазъ медвѣдя? Засѣдатель и стряпчій юркнули за лошадь. Стратегъ прильнулъ къ шеѣ своей кобылы, точно поправляя трензель. Исправникъ зашелъ за толстый, старый кедръ. Ареѳинъ... я... Но насъ всѣхъ скоро выручилъ зоркій, находчивый Паклевскій. Онъ увѣрялъ, что былъ въ „повстаньѣ", и потому знаетъ всѣ выходы и входы.

— Якъ Бога кохамъ, они въ подпольяхъ!—закричалъ онъ не своимъ голосомъ и, желая ободрить насъ и показать примѣръ, быстро направился къ первой избѣ.

— *Отъ* видите: ничего!—сказалъ онъ, ставъ за плетнемъ и ловко раскланиваясь съ нами оттуда.

Мало-по-малу мы пришли въ себя. Первымъ опомнился стратегъ. Онъ бросилъ свой трензель, выпрямился и, бодро покручивая усъ, крикнулъ по-воински:

— Мал-лла-децъ, господинъ Паклевскій!

— Рады *старатца*, отецъ *камандеръ!*

Паклевскій быстро взялся за козырекъ своего кепи и такъ ловко щелкнулъ каблуками, точно всю жизнь былъ адъютантомъ.

Стратегъ пріятно улыбнулся. Ошеломленья его какъ не бывало. Высокая, мужественная грудь порывисто поднималась, глаза сверкали, ноздри слегка вздувались; вся фигура дышала отвагой, жизнью и страстью. Нервно покручивая усъ, онъ наклонился изъ деликатности къ исправнику, какъ къ старшему, держа „подъ козырекъ“:

— Позвольте?

— Сдѣлайте милость!—Тотъ, конечно, понялъ и оцѣнилъ эту деликатность:—сдѣлайте милость,—теперь мы вполнѣ принадлежимъ вамъ!...

Они двинулись. Паклевскій маршировалъ впереди и выдѣлывалъ руками, точно барабанилъ. Онъ шутилъ, но намъ было не до смѣха.

Прошла минута, двѣ, три... Наши сердца тревожно бились. Кругомъ царила тишина; шумъ мѣрныхъ, тяжело ступавшихъ шаговъ замеръ въ отдаленьи. Мы сами молчали и точно прислушивались къ ударамъ собственнаго ускореннаго пульса. Напряженіе было страшное; съ каждой секундой оно становилось невыносимѣе, жутче, болѣзненнѣе, точно земля уплывала изъ-подъ ногъ. Исправникъ вытя-

нулъ шею, стряпчій стоялъ неподвижно и насвистывалъ „стрѣлочка“, Ареѳинъ вздыхалъ. Вдругъ мы ожили, встрепенулись и какъ-то сразу успокоились. Прямо противъ насъ, изъза высокаго плетня, показалось радостное, улыбающееся лицо Паклевскаго.

— *Есть!*—крикнулъ онъ изо всей мочи.

И въ унисонъ съ его крикомъ, и какъ бы въ подтвержденіе, тотчасъ же кругомъ поднялась страшная суматоха, раздались крики и вопли... Бабій плачъ и отчаянный дѣтскій визгъ превратили царившую тишину въ какой-то чисто адскій концертъ... Все засуетилось, пришло въ смятеніе... За плетнями, за заборами шла какая-то отчаянная возня, точно цѣлый громадный табунъ лошадей брыкался съ ожесточеніемъ. Еще минута, въ теченіе которой общій гамъ все усиливался,—и на улицу стали выскакивать бабы, ребята, а за ними рослые, дюжіе мужики.

— А-г-а-а!—взвизгнулъ исправникъ, топчась на одномъ мѣстѣ.

Но мы не могли издать и такихъ звуковъ,—мы просто оцѣпенѣли отъ избытка нахлынувшихъ чувствъ.

Одинъ только засѣдатель нашелся и вспомнилъ нужное слово.

— Л-л-о-ви! - закричалъ онъ, бросаясь орломъ.

IV.

Не ушелъ ни одинъ.

На деревенской площади стоялъ цѣлый адъ. Выли бабы, дѣвки и ребята. Мужики, мрачные, какъ лѣсные звѣри, молчали и какъ-то тупо смотрѣли въ землю. Можетъ-быть, они жалѣли теперь о своемъ паническомъ ужасѣ, который загналъ ихъ въ подполье. По крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ поднималъ глаза,—на мертвенно-блѣдныхъ, смуглыхъ лицахъ я читалъ невыразимое ожесточеніе. Мнѣ показалось, что нѣкоторые изъ этихъ лѣсныхъ звѣрей плакали, но всѣ стояли понуро, мрачно, тяжело дыша, какъ взволнованное, припертое къ оградѣ стадо. Да, какъ стадо,—молчаливо, напряженно, съ глазами устремленными въ одну точку, ожидая только внѣшняго толчка, чтобы броситься впередъ лбомъ. Казалось, что грозы не миновать!.. Она чувствовалась въ воздухѣ, виднѣлась въ лицахъ, сквозила въ общемъ напряженіи и тревогѣ... Но пока дѣло шло еще на словахъ:

— Черные вороны! — неслось съ одной стороны.

— Чего налетѣли, чего?—вторили другіе.

— Мало вамъ мѣста, что-ль, мало?

— Насъ не трогай!... Н-ѣ-ѣ-тъ!

Шумъ, вой и ругань шли crescendo. Все бо̀льшая злоба слышалась въ отдѣльныхъ вос-

клицаніяхъ... Мнѣ показалось, что толпа раскачивается, какъ раскачивается таранъ, прежде чѣмъ ударить. Я не разъ подмѣчалъ это движеніе, это раскачиванье въ бушующей толпѣ,— она какъ бы набираетъ въ немъ силъ и энергіи. Становилось какъ-то неловко, натянуто, тяжело, даже жутко,— точь-въ-точь какъ предъ настигающею въ степи бурей. Вотъ-вотъ, казалось, что-то разразится, грянетъ сразу, оглушитъ, какъ громъ...

Но вдругъ все смолкло, точно застыло въ ожиданіи. Всѣ взоры обратились въ одну сторону.

Прямо къ намъ надвигался старикъ. Надвигался, а не шелъ,— до того трудно ступалъ онъ своими неуклюжими старческими ногами. Онъ ступалъ, какъ медвѣдь, тяжело, грузно, точно осѣдая за каждымъ шагомъ. Бѣлая борода по поясъ развѣвалась по обѣ стороны, какъ у Моисея на картинахъ. Его согнутая въ дугу, сутуловатая фигура качалась, точно отъ вѣтра, при каждомъ шагѣ. Когда онъ подошелъ ближе, мы увидѣли почти столѣтнее, сморщенное лицо. На этомъ лицѣ слезились, а, можетъ-быть, и плакали сѣрые, еще живые глаза.

Это былъ Провъ.

Подойдя къ намъ вплотную, онъ остановился. Его сухая, впалая, вогнутая, точно лопата, грудь неровно, какъ-то скачками, дышала. Старикъ беззвучно шамкалъ посинѣлыми,

старческими губами, точно жевалъ что-то, и оглядывалъ насъ всѣхъ, немного щурясь. Казалось, всматриваясь, онъ ловилъ или искалъ чего-то въ нашихъ напряженныхъ лицахъ. Мы, дѣйствительно напряженно слѣдили за каждымъ его движеніемъ,—онъ точно приковалъ насъ къ себѣ. Мы стояли молча, не двигаясь, въ какомъ-то тупомъ столбнякѣ или гипнозѣ, не находя ни словъ, ни выраженій, ни мыслей. Нужно было что-нибудь особенное, какой-нибудь толчокъ, движеніе, какой-нибудь звукъ, чтобы вывести насъ изъ оцѣпенѣнія. Старикъ помогъ намъ. Онъ вдругъ поклонился въ поясъ.

Это привело насъ въ себя.

— Ты какъ смѣлъ?

Исправникъ остановился. Въ волненьи онъ употребилъ свой любимый стереотипный вопросъ и не зналъ теперь, что́ сказать дальше. Онъ понялъ, что началъ не такъ.

— Ты!... а?...

— Зачѣмъ скрываетесь?—подсказалъ находчивый Паклевскій.

— Д-д-да, зачѣмъ, а?...

Теперь исправникъ напалъ на слѣдъ. Вопросы: зачѣмъ, почему и какъ?—такъ и сыпались.

Но старикъ все шамкалъ, все шамкалъ.

— Кто ты?

Исправникъ дрожалъ въ понятномъ негодованіи.

— Рабъ Божій... Божій рабъ...—повторилъ тотъ дребезжащимъ, старческимъ голосомъ. Это были его первыя слова.

— Бога-то истиннаго признаешь ли, какъ должно? — мягко вмѣшался Ареѳинъ.

Старикъ не отвѣтилъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на него и степенно перекрестился двумя перстами.

— То-то!—вздохнулъ сокрушенно Ареѳинъ, но его перебилъ Паклевскій.

— А начальство признаешь?

— Д-д-да,—быстро подхватилъ исправникъ:—признаешь?

Старикъ, вмѣсто отвѣта, какъ-то неуклюже потоптался на мѣстѣ. Такъ топчется поднявшійся на дыбы медвѣдь, прежде чѣмъ броситься на охотника. Было ясно, что онъ съ чѣмъ-то собирался.

— Слушай, — началъ онъ съ трудомъ, обводя насъ глазами и точно ловя, подбирая слова:—слу-шай! Отъ міра я пришелъ. Вотъ... За весь міръ прошу! Шшш!—обернулся онъ къ бабамъ, махнувъ на нихъ рукой, когда тѣ снова завыли, разжалобленныя его рѣчью. Шшш!... — бабы замолчали и Провъ опять заговорилъ къ намъ.—Сто годовъ мы здѣся... почитай, и болѣе. Отъ отцовъ живемъ такъ—по завѣтамъ—смирно, семейственно, по Писанію... Д-д-а! Только солнышко Божье къ намъ сюда отъ васъ ходитъ... Сами мы здѣсь... міромъ живемъ, согласомъ, — по своей по

волѣ... Д-д-а!... Уходите, отколѣ пришли... Нѣтъ вамъ нашего согласу... Нѣтъ!—закончилъ онъ вдругъ рѣзко, возвысивъ голосъ до крика.— Нѣтъ!

Этого, повидимому, только и ждала толпа. Она вспыхнула, какъ сухая солома, какъ порохъ.

— Нѣтъ согласу, нѣтъ! — подхватили ближайшіе, а за ними, какъ эхо, и вся площадь.— Ступайте, отколѣ пришли... Нѣтъ!

— М-м-ол-чать! — крикнулъ стратегъ внѣ себя.

Старикъ замахалъ руками и снова все смолкло. Онъ обернулся къ намъ взволнованный, почти красный, при чемъ тяжело дышавшая грудь его хрипѣла.

— Не даетъ міръ согласу, не хочетъ... Мы по себѣ, мы васъ не знаемъ...—продолжалъ онъ, стараясь говорить особенно убѣдительно.—Отъ дѣдовъ мы по себѣ живемъ... Таежники! Тайга-матушка кормитъ и одѣваетъ. Уходите!... Мы— по „Божьи", по старинѣ... Мы грѣха не знаемъ... Мы, какъ птица: гдѣ захочетъ, тамъ и гнѣздо вьетъ. Кто ей запретъ положитъ? Божья тайга и мы Божьи,—тутъ казны отъ вѣковъ не слыхать. Нѣтъ! Насъ не возьмешь, — мы опять уйдемъ, все равно, что вѣтеръ. Какъ ты его поймаешь? Тайга-матушка—она наша!

Онъ долго продолжалъ бы еще на эту тему, если-бъ его не перебили.

— Взять!—опомнился, наконецъ, исправникъ, пораженный неслыханною дерзостью.

— Стой, что брать-то? Дай ска-за-ать! — зашамкалъ старикъ, когда къ нему подскочилъ засѣдатель съ двумя стражниками;—стой, пусти! Нѣтъ, слышь, у насъ золота... ничего! Хлѣбушка одинъ, что Богъ родитъ, да скотинка... Все берите! Берите, слышь, себѣ... Насъ только...

— Взять!

Но старикъ вырвался и повалился въ ноги. Его длинная, сѣдая борода покрыла лакированные ботфорты засѣдателя. Онъ обнялъ ихъ руками и зарыдалъ. Плечи его вздрагивали. Плачъ былъ совершенно дѣтскій.

— Насъ, насъ, насъ!...—вырывалось у него изъ груди вмѣстѣ съ рыданіемъ.

Но его подняли за руки, чтобы увести.

Тогда старикъ сталъ вырываться. Какъ всѣ дикари, быстро переходящіе отъ одного ощущенія къ другому, часто совершенно противоположному, и онъ мгновенно преобразился. Прежняго молящаго, просящаго вида — какъ не бывало. Вмѣсто мольбы, въ глазахъ стояла ярость; мягкій, задушевный тонъ перешелъ въ хрипъ бѣшенства. Борясь, онъ весь трясся отъ злобы и, наконецъ, сталъ задыхаться, такъ-что проклятья, ругань, угрозы— слились у него въ безсвязное бормотанье.

— Ну-же!—торопила его стража.

Но тутъ произошло что-то особенное. Поглощенный весь этою сценой съ старикомъ, я стоялъ истуканомъ, не обращая вни-

манія на толпу, хотя вся площадь уже ревѣла и двигалась. Гамъ стоялъ невообразимый... гдѣ-то кричали: „Стой!“ „Держи!...“ Поднялась сутолока. Вдругъ эта сутолока приблизилась къ намъ и возлѣ старика пошла какая-то отчаянная возня.

— Братцы, за одинъ!—раздалось въ воздухѣ и затѣмъ затрещали плетни, точно ихъ ломали, забѣгали, и засуетились люди. Возлѣ, совсѣмъ близко, виднѣлись свирѣпыя, разъяренныя рожи. Я помню вдругъ сверкнувшій выстрѣлъ, пущенный, вѣроятно, для острастки, отъ грохота котораго я содрогнулся. Другой, третій... Въ глазахъ блеснула узкой синею полоской стальная шпага. Еще какое-то движеніе, какіе-то крики, еще возня и я совсѣмъ не помню, какъ очутился въ глубокой чащѣ лѣса вмѣстѣ съ Ареѳинымъ.

V.

Пикникъ нашъ удался великолѣпно. Наши дамы устроили все на славу: пироги, пирожки. закуски — все было отмѣнно. Вина было вдоволь. Марья Львовна выходила просто изъ себя, какъ хозяйка, стараясь угодить всѣмъ; Муза Кондратьевна, ея главная помощница, конечно, тоже не отставала. Обѣ онѣ были прелестнѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ своихъ шубкахъ. Стряпчій юлилъ, какъ бѣсъ, и завидо-

валъ Паклевскому, который вездѣ поспѣвалъ раньше его.

Мы давно уже успокоились и праздновали побѣду. Маленькій эпизодъ буйства и звѣрства со стороны дикарей не оставилъ никакихъ слѣдовъ на нашемъ расположеніи. Все было улажено, устроено, усмирено и мы отдыхали въ покоѣ. Мы всѣ ликовали и почти забыли обо всемъ.

Я стоялъ у самаго края чудеснаго бухарскаго ковра, на которомъ возсѣдали въ необычайно граціозныхъ позахъ наши милыя дамы. У Марьи Львовны виднѣлась изъ-подъ бѣлой гофрированной оборки маленькая, плотно охваченная лайкой, ножка и я, признаться, не могъ отвести отъ нея глазъ. Засѣдатель ерзалъ, а стряпчій даже сопѣлъ и взвизгивалъ. Шампанское насъ всѣхъ настроило великолѣпно, да къ тому же дамы были милѣе обыкновеннаго. Глаза сверкали, щеки пылали, съ полу-открытыхъ, точно въ сладкой истомѣ, устъ срывались какія-то отрывистыя фразы, которыя тонули въ шумѣ веселаго вальса. Привезенный оркестръ — двѣ скрипки и контрабасъ — гудѣлъ на славу, впервые отъ сотворенія міра оглашая эти дѣвственныя дебри звуками штраусовской мелодіи. Но я стоялъ, какъ очарованный, не сводя глазъ съ ножки.

— Анатомируете? — съехидничалъ шепотомъ докторъ.

Я покраснѣлъ и не зналъ, что отвѣтить. Марья Львовна высунула еще дальше свою ножку. Стряпчій толкалъ меня въ бокъ и подмигивалъ. Онъ просто ржалъ.

— Вальсъ, господа, вальсъ!

Мы подхватили дамъ и понеслись кружиться по мерзлой, твердой какъ камень землѣ, лавируя между стволами старыхъ кедровъ. Я начиналъ забывать весь міръ. Марья Львовна повисла у меня на плечѣ и ея горячее дыханіе жгло мнѣ лицо. Ея глаза были влажны и немного закатывались. Чудныя ноздри слегка раздувались, ротъ былъ полу-открытъ. Я сжималъ ея талію все сильнѣе и сильнѣе,—что-то въ ней, во всей ея стройной фигурѣ, бодрило меня, надѣляло смѣлостью. Я слышалъ, что ея сердце стучало мнѣ: да, да, да... Мы отлетѣли уже далеко, такъ что даже голосъ ея мужа долеталъ до насъ урывками. Но вдругъ...

Тутъ произошло что-то особенное, нежданное. Музыка вдругъ оборвалась, поднялся невообразимый гамъ и суета, сквозь которые явственно раздавались призывные крики: „господа, господа!“ и „скорѣй!“ Когда мы примчались, то увидѣли, что всѣ бѣгутъ куда-то въ неописанномъ волненіи, сломя голову. Куда? зачѣмъ? Тучный исправникъ сопѣлъ, засѣдатель повторялъ только: „скорѣй, скорѣй!“ Дамы, которыя бѣжали, приподнявъ сзади юбки, вскрикивали: „ахъ, ахъ!“—а стряпчій все старался

бѣжать такъ, чтобы не терять изъ глазъ мелькавшія въ бѣлыхъ чулкахъ икры. Смятенье было полное.

Пока мы бѣжали, дѣло немного разъяснилось. Оказалось, что трое изъ арестованныхъ за буйство и старикъ-фанатикъ Провъ успѣли развязаться и, пользуясь небрежностью стражи, бѣжали. Трое исчезли, но старика еще можно было нагнать. Онъ не могъ уйти далеко.

Деревню окружали небольшіе пустыри, ровные, почти безлѣсные, если не считать нѣсколькихъ группъ кедровъ, разросшихся тамъ и сямъ... За пустырями тянулась тайга... Но съ одной стороны ровный пустырь примыкалъ къ глубокому скалистому ущелью, тянувшемуся среди цѣлой цѣпи скалъ и высокихъ скалистыхъ холмовъ, поросшихъ, какъ и самое ущелье, мелкимъ кустарникомъ и какою-то ползучею зарослью... Бѣглецы выбрали именно этотъ путь,—между прочимъ, и затѣмъ, чтобы не бѣжать деревней, полной стражи. Ихъ разсчетъ былъ вѣренъ,—въ скалистыхъ оврагахъ скрываться было легко, а за скалами опять шла дремучая тайга. Стоило только прокарабкаться версты полторы, перевалить черезъ скалы, спуститься внизъ и зайти въ тайгу, а тамъ, понятно, поминай какъ звали!...

Нужно было не жалѣть силъ.

Верхомъ по ущелью скакать было нельзя и мы бѣжали изо всей мочи, до того, наконецъ, что не въ шутку устали. Скалы, ущелья,

щебень, камни отбивали всякую охоту къ преслѣдованію. Къ тому же, намъ пришлось карабкаться почти на отвѣсную скалу, такъ какъ обхода мы не видѣли. Въ особенности, конечно, устали дамы. Марья Львовна страшно запыхалась и еле держалась на своихъ ножкахъ, повиснувъ на моей рукѣ... Она тянула уже всѣхъ назадъ.

— *Есть!*—раздался вдругъ въ воздухѣ знакомый акцентъ.—Сюда, панове!

Этотъ радостный окрикъ прогналъ всю усталость и удесятерилъ силы. Мы какъ-то сразу окрѣпли. Когда мы выбрались изъ зарослей—мы увидѣли сіявшаго Паклевскаго.

— *Отъ, отъ, отъ!*—кричалъ онъ не своимъ голосомъ, прыгая отъ восторга на мѣстѣ и протянувъ впередъ руку.

Прямо противъ насъ, впереди, куда онъ указывалъ, виднѣлась какая-то фигура. Но мы не могли еще разглядѣть ее хорошо.

— Якъ Бога кохамъ! - билъ себя Паклевскій въ грудь, подмѣтивъ наше сомнѣнье: — якъ Бога кохамъ, онъ!

Мы мчались. Кто-то дѣйствительно шелъ впереди, качаясь и тяжело, грузно ступая... Но шелъ, а не *бѣжалъ*, какъ бы слѣдовало. Близкая опасность должна была бы придать бодрости и силъ самому усталому человѣку. Это и охлаждало наше рвеніе, и подзадоривало... Что за притча?.. Кто бы это могъ быть? Мы кричали: „стой!“—но шедшій даже не оборачивался.

— А цо?—спросилъ вдругъ Паклевскій набѣгу, когда фигура обозначилась явственнѣе.

Къ его безконечному торжеству, мы должны были сознаться, что онъ былъ правъ... Впереди, дѣйствительно, двигалась знакомая фигура Прова. Но отчего же онъ шелъ такъ ровно, спокойно, а не бѣжалъ? Мы просто таращили глаза въ недоумѣньи,

— А, до ста дьябловъ!

Паклевскій чуть не оборвался. Прямо передъ нашими ногами была бездонная пропасть... Бездна, сажени въ двѣ шириною, отдѣляла нашу скалу отъ той, по которой шелъ старикъ. Загадка его спокойствія—разъяснилась.

Дѣло казалось пропащимъ.

VI.

— Улизнулъ!—крикнулъ чуть дыша, почти плача, исправникъ, добѣжавъ до края.

— Вотъ тебѣ и закуска!—Засѣдатель въ отчаяньи хлопнулъ себя по бедрамъ.

Дамы негодовали. Сопровождавшіе насъ люди стояли, вытянувшись въ недоумѣніи и ожидая приказаній. Одинъ Паклевскій рыскалъ, ругаясь и ища прохода.

— Нема!—крикнулъ онъ, наконецъ, съ ожесточеніемъ:—шельма ушелъ ущельемъ и прямо выцарапался на скалу. Нужно въ обходъ.

Въ обходъ—значило назадъ. Спуститься съ нашей скалы здѣсь, чтобы миновать ущельемъ пропасть, и взобраться на ту скалу было невозможно: склоны шли почти отвѣсно.

Мы были въ отчаяньи и совсѣмъ не знали, что намъ дѣлать. Идти назадъ, когда тайга была отъ старика шагахъ всего во ста, казалось безсмысленнымъ. Тѣмъ не менѣе, засѣдатель, стряпчій и люди бросились назадъ искать обхода ущельемъ.

— Ахъ! — заскрежеталъ зубами Паклевскій, бросая о земь свое кепи и самъ падая за нимъ.

Исправникъ топалъ ногами. У насъ и языки не поворачивались. Наше горе было ужасно.

Старикъ тоже внезапно остановился и, къ удивленію, сѣлъ. Очевидно, онъ сильно усталъ, да къ тому же, вѣроятно, чувствовалъ себя въ полной безопасности. Тайга была на ладони, а кто же пошелъ бы за нимъ въ безконечную дремучую тайгу, въ которой онъ несомнѣнно зналъ всѣ тропы? Но добраться до нея было все-таки нелегко, даже и молодымъ ногамъ. Требовалась большая осторожность и ловкость спуститься внизъ по неровнымъ, скользкимъ уступамъ скалы. Старикъ это зналъ и потому сѣлъ, чтобы собраться съ силами.

Онъ сидѣлъ на своемъ, почти неприступномъ островѣ, обнявъ колѣни руками, свѣсивъ

голову и даже не глядя, точно вовсе не интересуясь нами. Можно было подумать, что это не бѣглецъ, а простой путникъ, отдыхающій съ дороги. Онъ даже не поднималъ головы. Исправникъ грозилъ ему пальцемъ, Паклевскій посылалъ сотни чертей, дамы вслухъ выказывали негодованіе на его нахальство, а онъ точно не слышалъ, не видѣлъ. Это спокойствіе, эта безмятежность, почти насмѣшливая, презрительная, только усиливали наше негодованіе, Мы испытывали то, что долженъ испытать каждый охотникъ, давшій промахъ по птицѣ, когда она кружится и крякаетъ надъ нимъ, пока онъ долженъ заряжать свое ружье.

Но, вдругъ все измѣнилось быстро и, казалось, безповоротно... Произошло то, чего не ждали ни мы, ни старикъ,—о чемъ мы даже не гадали. Въ понятномъ волненіи, мы совсѣмъ забыли, что стратегъ и докторъ съ людьми поскакали верхами изъ деревни къ тайгѣ дальнею объѣздною дорогой. Мы не вѣрили своимъ ушамъ, когда заслышали ихъ топотъ... Но не прошло и полъ минуты, какъ на опушкѣ показался бѣлый конь стратега...

Старикъ заслышалъ топотъ въ одно время съ нами. Что почувствовалъ онъ, осталось для насъ тайной, такъ какъ лица его мы разглядѣть не могли, но онъ живо обернулся. Впереди, за скалой, на зеленой опушкѣ лѣса, куда онъ такъ жадно стремился, гдѣ сосредоточи-

вались всѣ его надежды, уже спѣшивались люди, чтобы карабкаться къ нему на скалу.

Проворно точно юноша, бѣглецъ вскочилъ на ноги. Мы притаили дыханіе... Что онъ предприметъ? Теперь онъ всецѣло напоминалъ травимаго звѣря и быстро озирался по сторонамъ, точно ища или соображая выходъ. Такъ простоялъ онъ въ нерѣшительности нѣсколько секундъ, колеблясь или рѣшаясь. Впередъ, въ тайгу, идти было нельзя. Куда же? Въ нашу сторону идти онъ не могъ... Налѣво со скалы не было спуска,—стѣна была почти отвѣсна. Спуститься можно было только справа, съ той стороны, по которой онъ и взобрался, пробираясь ущельемъ. Значитъ, назадъ. Такъ же спокойно, ровно, такъ же медленно, грузно ступая, направился онъ туда.

Нами опять овладѣло отчаяніе. Нетерпѣливыми криками мы торопили стратега и его людей, но они были еще далеко и карабкаться имъ было трудно. На нашихъ глазахъ разбивались всѣ наши ожившія надежды,—старикъ уходилъ. Мы чувствовали, что спустись онъ въ ущелье, онъ для насъ пропалъ: зная всѣ тропы, лазейки, выходы и входы, онъ бы легко могъ спрятаться или даже добраться до тайги какими-нибудь окольными обходами. Онъ подошелъ уже къ краю... Паклевскій положительно рвалъ на себѣ волосы. Марья Львовна судорожно сжимала мою руку. Еще секунда—онъ опустилъ правую ногу и сталъ спускаться,

опираясь рукою о камень... Мы слышали, какъ шуршалъ щебень. Сомнѣнія не было... онъ уйдетъ!

Но вдругъ онъ какъ будто вздрогнулъ... Вздрогнулъ весь, всѣмъ тѣломъ, и остановился, замеръ, какъ пораженный громомъ... Правая нога его оставалась все такъ же вытянутой, рука опиралась о камень, но онъ не двигался. Онъ точно всматривался... Но куда?

Мгновеніе, и все разъяснилось. Въ ущельи двигались черныя точки: это мчались засѣдатель, стряпчій и люди, бросившіеся назадъ, въ обходъ.

Сердца наши вновь забились... Груди могли издавать только безсвязные звуки. Чувствовалась уже близкая развязка.

Онъ, кажется, самъ сознавалъ это. Нѣсколько мгновеній старикъ оставался неподвиженъ въ какой-то нерѣшительности, точно соображая, но затѣмъ быстро поднялся. Онъ вытянулся во весь ростъ и казался великаномъ. Стоя неподвижно на скалѣ, онъ наклонилъ голову, точно всматривался въ ущелье. Вѣтеръ развѣвалъ его бороду на двѣ части.

— Скорѣй, скорѣй, скорѣй! — кричали мы, размахивая носовыми платками.

Старикъ стоялъ все такъ же неподвижно. Онъ понималъ, что игра кончена, что выхода ему нѣтъ, что онъ пойманъ. Съ трехъ сторонъ были наши, съ четвертой, налѣво,—про-

пасть, почти вѣрная смерть... Неужели же онъ направится къ ней?

Да, онъ направился туда...

— Не уйдешь! - крикнулъ ему, смѣясь, исправникъ.

Но тотъ даже не обернулся. Онъ шелъ прямо, ровно и спокойно, такъ же грузно осѣдая при каждомъ шагѣ, не обращая вниманія на наши крики. Но у края, глянувъ внизъ, онъ вдругъ остановился.

Старикъ отступилъ на шагъ и оглянулся во всѣ стороны. На западѣ висѣлъ красный, раскаленный шаръ солнца. Оно не грѣло уже, а только багрило тучи, тайгу, скалы и его... Его длинная бѣлая борода казалась совершенно розовой. Нѣсколько секундъ смотрѣлъ старикъ на солнце, но вдругъ повернулся къ востоку и важно, степенно перекрестился разъ, другой, третій,—каждый разъ съ поклономъ.

Въ царившей тишинѣ явственно раздавался уже топотъ бѣжавшихъ и взбиравшихся со стороны тайги. Старикъ стоялъ все также неподвижно, прислушиваясь, хотя можно было подумать, что онъ молится. Онъ, казалось, совсѣмъ спокойно, невозмутимо ждалъ своей погони. Да и что могъ бы онъ сдѣлать?

На скалу взбирались... Тогда старикъ быстро упалъ на землю. Длинными, сухими руками схватилъ онъ стебли какой-то ползучей лозы, росшей у самаго края, и скользнулъ въ пропасть... Онъ повисъ на рукахъ и сталъ ша-

рить правою ногой выступа въ стѣнѣ. Онъ нашелъ его, потому что сталъ двигать лѣвой. Черезъ мгновенье, лѣвая нога тоже утвердилась. Тогда старикъ пустилъ лѣвую руку и повисъ на одной правой, все также держась за стебли. Упираясь свободной рукою въ камень, онъ опустился ниже и сталъ шарить ногами новаго выступа. Мы видѣли, какъ судорожно болтались его ноги... Онъ качался весь, и только одна бѣлая точка,—рука, которою онъ держался,—оставалась неподвижною... Но вдругъ ея не стало и, прежде чѣмъ дамы успѣли взвизгнуть, до насъ донесся глухой звукъ паденья.

— Ну, что?—крикнула Марья Львовна доктору, когда онъ, взобравшись на скалу, наклонился надъ тѣмъ мѣстомъ.

— Кот-ле-та!

Докторъ шутилъ по обыкновенію, но онъ былъ правъ: старикъ Провъ разбился вдребезги.

VII.

Я получилъ повышеніе и уѣхалъ въ сосѣднюю область. Только черезъ три года удалось мнѣ посѣтить старыя мѣста и побывать въ открытой деревнѣ. Она имѣла уже свое имя, ее назвали „Таежной“. Въ тайгѣ была прорублена широкая просѣка... По топямъ были проложены мосты и гати. Вообще все

быстро измѣнилось къ лучшему до неузнаваемости... Все было ново. Когда я въѣзжалъ въ деревню, мой слухъ пріятно поразили веселые звуки гармоники... Кругомъ шло веселье и пѣли пѣсни... Бабы сверкали кумачомъ и цвѣтными платками, вмѣсто прежней грубой пестряди. Больше всего меня поразилъ красивый, съ балкончикомъ, новый домикъ, на которомъ, какъ, жаръ горѣла яркая вывѣска: „распивочно". Въ дверяхъ стоялъ Паклевскій и весело кивалъ мнѣ головою.

— Живете?

— Живемъ!—весело отвѣтилъ онъ.—Ко мнѣ на карты!

Я, конечно, обѣщалъ. Теперь я спѣшилъ къ сборной избѣ, гдѣ уже ждалъ меня докторъ. Улица полна суеты и движенья. Бабы и дѣвки щелкали орѣшки и лукаво улыбались... Парни, въ яркихъ красныхъ рубахахъ, смотрѣли весело и бодро... Тамъ и сямъ звучали гармоники и разносились веселыя пѣсни.

За полштофчикъ сладкой водки
Перерѣжу хоть три глотки...
Любо, хорошо...
Ай,—любо-хорошо!—

заливался чей-то весьма пріятный теноръ.

СОНЪ ОДНОГО ЗАСѢДАТЕЛЯ.

(Сибирская сказка).

Давно это было,—такъ давно, что и сказать трудно,—еще въ то приснопамятное время, когда на свѣтѣ не было „строгихъ ревизій“, когда все кругомъ шло иначе и сами засѣдатели были иные, на нынѣшнихъ совсѣмъ непохожіе.

Съѣхались разъ засѣдатель, докторъ и стряпчій, какъ водится, на слѣдствіе по дѣлу о „мертвомъ тѣлѣ“ и начали, какъ въ такихъ случаяхъ было положено, съ картъ и „очищенной“; послѣдняя, какъ извѣстно, появилась на свѣтъ чуть ли не вслѣдъ за „грѣхопаденіемъ“. Пьютъ это они и играютъ, играютъ и пьютъ,—другъ дружкѣ ремизы ставятъ, взятки даютъ,—анъ, дѣло и къ ночи пошло, спать захотѣлось... Хоть они и „весьма усердными“ начальствомъ своимъ почитались, а все-жъ, поди, и имъ отдыхъ-то полагался... Какъ-ни-какъ, а вмѣсто жестокихъ романсовъ, которые распѣвалъ стряпчій съ такимъ чувствомъ, сталъ онъ выдѣлы-

вать носомъ рулады, несомнѣнно свидѣтельствовавшія, что человѣкъ далеко не бодрствуетъ... Послушалъ докторъ, послушалъ, да и самъ захрапѣлъ съ полуштофомъ въ рукѣ... Одинъ засѣдатель никакъ заснуть не могъ. Ворочался это онъ на постели, ворочался, съ боку на бокъ переваливался, и глаза закрывалъ, и уши затыкалъ,—нѣтъ сна, да и только! Въ избѣ было душно и жарко, храпъ заснувшихъ раздражалъ и безпокоилъ, голова трещала, въ вискахъ точно кузнецы на спѣхъ работали,—и ощупью, не слыша подъ собою земли, еле держась на ногахъ и шатаясь, выползъ засѣдатель изъ душной избы на воздухъ.

— Тутъ-то, дастъ Богъ, засну!—подумалъ онъ и легъ подъ старымъ, угрюмымъ кедромъ.

На дворѣ стояла глубокая лѣтняя ночь. Свѣжій, теплый воздухъ ласкалъ какъ-то особенно мягко,—точно бархатъ прикасался къ лицу. Зеленые верхи старыхъ, угрюмыхъ кедровъ, качаясь, о чемъ-то шептали другъ другу, и ихъ нѣжный шепотъ усыплялъ и баюкалъ, какъ нянина сказка. Яркія Божьи звѣзды горѣли, переливаясь радугой, въ темномъ, почти синемъ эѳирѣ. Во всемъ и вездѣ царила какая-то чудная нѣга, сладкая истома лѣтней сибирской ночи, насквозь проникавшая засѣдательское тѣло. Онъ лежалъ неподвижно, всматриваясь въ какую-то далекую звѣздочку, пока глаза его сами собой не стали слипаться, въ головѣ не спуталось, не подернулось все туманомъ.

Долго ли, коротко ли лежалъ такъ засѣдатель,—Богъ его знаетъ,—только вдругъ видитъ: передъ нимъ матерой волкъ стоитъ,—стоитъ, хвостомъ машетъ, глазищами поводитъ, да прямо ему въ лицо зубами щелкаетъ. Вотъ-вотъ кинется... Обомлѣлъ засѣдатель: хочетъ бѣжать,—силъ нѣту; крикнуть хочетъ „караулъ“,—голосу нѣтъ.

— Что̀ скажешь?—началъ было онъ свой стереотипный вопросъ, какимъ всегда встрѣчалъ просителей, и насилу договорилъ отъ страха, да и то въ концѣ поперхнулся.

А волкъ все стоитъ надъ нимъ въ самой наглой позѣ, стоитъ да зубами щелкаетъ и глазищами водитъ. Щелкалъ-щелкалъ, водилъ-водилъ, да, наконецъ, и отвѣтилъ дерзко:

— А съѣсть тебя, засѣдатель, хочу, вотъ что!—и такъ защелкалъ зубами, такъ засверкалъ глазищами, что бѣднаго засѣдателя въ перемежку три раза морозомъ прошибло и три же раза въ потъ бросало.

Какъ-ни-какъ, а съ жизнью—куда не весело разставаться, особенно засѣдателю. Ужасъ,—страшный, неописуемый ужасъ,—охватилъ несчастнаго, сковалъ ему члены и сдавилъ горло... Но острое чувство самосохраненія взяло-таки свое, и онъ взмолился:

— Волкъ, а волкъ!.. голубчикъ... не ѣшь, не губи меня, помилуй!

— Не могу, братъ, не прогнѣвайся,—спокойно отвѣтилъ волкъ:—съ какой стати мнѣ отъ

добычи моей отказываться, что я за дуракъ такой! Развѣ ты, засѣдатель, кого миловалъ? отъ добычи отказывался? а?—вспомни-ка!

Такъ-то оно было такъ, а все-таки крѣпко не хотѣлось засѣдателю самому добычей явиться.

— Я тебѣ душу свою запишу!—пошелъ онъ торговаться.

Волкъ только хвостомъ махнулъ и какъ-то особенно презрительно.

— Что мнѣ въ твоей душѣ истрепанной?—сказалъ онъ насмѣшливо.—Да и какая у тебя, у засѣдателя, душа-то!

Но засѣдатель продолжалъ молить такъ жалобно, что въ концѣ концовъ разжалобилъ волка. Тотъ призадумался.

— Вотъ что,—сказалъ онъ, наконецъ, надумавшись: – душа твоя пусть останется при тебѣ, а ты мнѣ свое засѣдательство подай,—на томъ тебя и помилую.

Какъ ни хотѣлось жить засѣдателю, однако такое необычное предложеніе смутило-таки его.

— Какъ это—засѣдательство?... А я-то съ чѣмъ останусь, какъ буду?—нерѣшительно выговорилъ онъ.

— А себѣ какъ хочешь, такъ и живи,—мнѣ-то что? Говорю: подай засѣдательство,—и подавай, а не то аминь! Я буду засѣдателемъ, а ты—чѣмъ себѣ хочешь... Коли надоѣстъ по свѣту валандаться, приходи на это самое мѣсто,

да и кликни меня,—я сейчасъ прибѣгу и отдамъ тебѣ твое... Но тогда ужъ слопаю!

Призадумался бѣдняга. Крѣпко не хотѣлось ему съ засѣдательствомъ разставаться, да жизнь все-таки милѣе показалась. Согласился.

— Бери!—сказалъ онъ, наконецъ, вздохнувъ, и махнулъ рукой.

— То-то, давно бы такъ!—сказалъ волкъ и стащилъ съ засѣдателя все, что на немъ было, даже усы и бакенбарды снялъ. Перевернулся разъ, другой черезъ голову,—и сталъ капля въ каплю настоящимъ молодцомъ-засѣдателемъ. Дунулъ затѣмъ на засѣдателя, и тотъ совсѣмъ преобразился: на любого изъ людей похожъ сталъ, только не на себя. Ахнулъ несчастный, глядя на такое превращеніе, а волкъ-самозванецъ крякнулъ, подбоченился, выругался и сказалъ:

— Только чуръ, слушай,—уговоръ лучше денегъ!... Я обязуюсь ни въ чемъ твоихъ порядковъ не измѣнять: какъ ты засѣдательствовалъ, такъ и я буду во всемъ до послѣдней мелочи,—а ты не проговаривайся, не то быть бѣдѣ!..

— Ладно!—вздохнулъ засѣдатель.

Свистнулъ волкъ и, откуда ни возьмись, появилась тройка „земскихъ“ съ малиновымъ колокольцемъ. Вскочилъ волкъ, хлопнулъ ямщика, по заведенному, раза два въ зубы,—для памяти,—и былъ таковъ.

А засѣдатель лежитъ, какъ мать родила, подъ старымъ кедромъ, лежитъ и думу ду-

маетъ. И холодно ему, и голодъ мучить начинаетъ, а пуще всего страхъ донимаетъ. Что онъ теперь дѣлать станетъ, какъ жить будетъ? Кто его пригрѣетъ, кто приласкаетъ, куда онъ голову свою приклонитъ?... Жилъ онъ до сихъ поръ засѣдателемъ, а теперь бобылемъ безпаспортнымъ оказался; всѣмъ самъ командовалъ, а теперь самому подъ команду идти придется... Да еще волкъ обѣщалъ ни въ чемъ порядки имъ заведенные не мѣнять, а зналъ онъ эти порядки,—охъ, зналъ хорошо!—за что его „лютымъ“ прозывали... Морозъ подираетъ по кожѣ засѣдателя, — онъ почти и жизни не радъ сталъ. „Господи!—думаетъ онъ:—вотъ кабы нанесло на меня мою засѣдательшу... Положимъ, она меня не признаетъ,—теперь волка проклятаго за меня принимаетъ,—да все же у нея сердце доброе, мягкое,—пожалѣла бы меня нагого, прикрыться дала бы чѣмъ, а то и подвезла бы!...“

Глядь, а засѣдателева молитва и услышана... Прямо по дорогѣ плетется тарантасъ на земскихъ, а въ немъ пухлая засѣдательша покачивается,—съ крестинъ ѣдетъ.

— То-то, чай, отъ волостныхъ писарей подарковъ везетъ!—забывшись, чуть не облизнулся засѣдатель, да вспомнилъ, что все это не про него уже, и вздохнулъ тяжко.

— Матушка!—взмолился онъ:—смилуйся, дай что-нибудь... Ограбили меня, прохожаго, злые люди...

— А ты жалуйся!—резонно отвѣчала засѣдательша, когда тарантасъ остановился на его крики.

— Да ты дай, кормилица, чѣмъ наготу прикрыть...

— Всякому не напасешься, прости Господи!—отвѣтила засѣдательша.—Нѣтъ у меня ничего про тебя,—не припасено!...

— Да вѣдь сердце-то у тебя доброе!—молилъ засѣдатель.

— Доброе-то, доброе, да опять не про тебя... Трогай, чего зазѣвался!—крикнула засѣдательша на кучера.

Тарантасъ тронулся, а бѣдный засѣдатель слезами залился. Вспомнилъ, что самъ же онъ выучилъ засѣдательшу свою—не жалѣть никого, вымуштровалъ на свой ладъ. А сердце-то у нея, какъ у всякой женщины, было сначала дѣйствительно мягкое и доброе, къ людямъ жалостливое, да самъ же онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ въ ней эту жалостливость. Еще за часъ всего онъ бы только похвалилъ ее, а теперь?—И проклялъ засѣдатель самого себя.

Лежитъ онъ, все лежитъ и думаетъ, кто бы такой выручилъ его, помогъ ему... Перебиралъ имена знакомыхъ, перебиралъ, да вдругъ и вспомнилъ...—Деруновъ! Кто—какъ не онъ! Добрѣйшій купчина,—вмѣстѣ дѣла дѣлывали, да еще какія! Вотъ на прошлой недѣлѣ усмирялъ онъ, засѣдатель, рабочихъ его, когда тѣ, канальи, вѣрнаго разсчета потребовали!... Гос-

поди!—взмолился засѣдатель:—нашли на меня Дерунова!

Глядь—и эта молитва его услышана. Только-что успѣлъ онъ ее вымолвить, а по дорогѣ громадный тарантасъ „на своихъ“ плетется, и въ немъ толстый-претолстый купчина похрапываетъ. Храпитъ—и сквозь сонъ барыши высчитываетъ.

— Батьюшка, отецъ родной, помоги!—закричалъ во всю мочь засѣдатель.

Тарантасъ остановился. Купецъ протеръ глаза, оглянулся пугливо кругомъ и выхватилъ изъ кобуры револьверъ, но убѣдившись, что пока нѣтъ никакой опасности для кармана, опять его спряталъ.

— Чего тебѣ? Кто такой будешь?—спросилъ онъ, сурово, подозрительно оглядывая засѣдателя.

— Видишь, голый!—молилъ тотъ.—Прохожій я человѣкъ, да ограбили меня злые люди... Выручи... Одѣнь!... Дай чѣмъ срамъ-то свой прикрыть!...

— Ишь ты... Стану я всякому прощалыгѣ подавать!—съ насмѣшкой отозвался купецъ.—Нѣтъ, братъ, не таковскій я, не на такого напалъ... Самъ для себя всякъ припасай—вотъ мой законъ!

— Довези хоть до жилья!—плакалъ засѣдатель.

— И лошадей для тебя морить не стану... Трогай!

Уѣхалъ купецъ Деруновъ, а бѣдный засѣдатель слезами заливается... Точь-въ-точь такъ и самъ бы онъ поступилъ раньше, а Дерунову бы похвалу высказалъ за то, что нищенства-де не поощряетъ... А теперь?... И вновь проклялъ себя, бѣдняга. Ахъ, если-бы онъ все это раньше предвидѣлъ, если-бы только зналъ! Отчаяніе, жгучее отчаяніе, овладѣло несчастнымъ, и онъ уже собрался было звать волка, да заслышалъ грохотъ телѣги.

— Ну, слава Богу!—подумалъ онъ:—можетъ Господь кого и пошлетъ добраго.

Въ телѣгѣ ѣхалъ дюжій мужикъ Пахомъ, славный работникъ, хорошо извѣстный всему крещеному люду округа. Но какъ только завидѣлъ его засѣдатель, такъ и схватился за волосы. Еще вчера сорвалъ онъ съ него, Пахома, ни за что, ни про что, четвертную, а недѣлю тому назадъ задаромъ проморилъ его въ каталажкѣ, пока тотъ не откупился коровой. Ну, какъ же теперь просить у него помощи?...—Господи!—воскликнулъ только засѣдатель:—за что такое на меня испытаніе! Эхъ, кабы я зналъ раньше, да развѣ бы я...

Но, къ его крайнему удивленію, даже страху, Пахомъ и безъ его мольбы остановилъ лошадей, какъ только его завидѣлъ. Долго всматривался онъ въ сконфуженнаго засѣдателя, старавшагося, по какому-то непонятному побужденію, не глядѣть ему въ глаза, и, наконецъ, спросилъ:

— Что за притча, сердешный... Видать, ограбили?...

— Ограбили, братанъ!—еле вымолвилъ засѣдатель.

Пахомъ покачалъ головой и оглянулся кругомъ.

— Все это отъ засѣдателя нашего пошло. Такіе порядки развелъ, лютый, что кругомъ одно грабительство идетъ, прости Господи! Совсѣмъ законъ забылъ!—сказалъ Пахомъ.

Зналъ засѣдатель, — охъ, зналъ, сколько правды въ словахъ Пахомовыхъ, и впервые застыдился. Молчитъ, только глазами хлопаетъ.

А Пахомъ сталъ шарить въ телѣгѣ и вытащилъ грубый, но теплый зипунъ.

— На, — сказалъ онъ, подавая его засѣдателю:—одѣнь... холодно, чай... Да садись, подвезу... обогрѣешься у меня!

Съ восторгомъ, просто себѣ не вѣря, схватилъ засѣдатель теплый зипунъ и вскочилъ въ телѣгу. Слезы, какія-то благодатныя слезы, еще невѣдомыя, неизвѣданныя, давили его, и онъ чуть не обнялъ Пахома. Ему даже какъ-то захотѣлось покаяться, признаться во всемъ Пахому, да вспомнилъ угрозу волка: „быть бѣдѣ!“—и только вздохнулъ. Эхъ, если-бы онъ раньше все это зналъ, кабы предвидѣлъ только!...

А Пахомъ погналъ лошадей и, когда они отъѣхали немного, повернулся къ нему и спросилъ:

— Не здѣшній, чай?

— Не здѣшній, братанъ,—чужой... Работы ищу!—отвѣтилъ ему засѣдатель.

— И работа найдется... Тутъ купецъ Подлевскій на заводъ намеднись людей спрашивалъ кули таскать... Вотъ и иди!

Пахомъ замолчалъ, и только подъѣзжая къ избѣ, опять повернулся къ засѣдателю.

— Ты, братанъ, слышь, жаловаться-то не вздумай!—сказалъ онъ ему.

— А что?—спросилъ засѣдатель.

— Да напасть одна съ твоей жалобой-то выйдетъ... Лютый онъ у насъ, засѣдатель... Безъ денегъ онъ ничего тебѣ,—еще виноватымъ сдѣлаетъ. Меня, вонъ, вчерась, задаромъ пощипалъ... Брось, не ходи!

И вновь облилось засѣдателево сердце жгучимъ стыдомъ,—чувствовалъ онъ, что Пахомъ говоритъ правду.

Обогрѣлся бѣдняга-засѣдатель на Пахомовыхъ палатяхъ, подкрѣпился чѣмъ Богъ послалъ,—Пахомъ, правду сказать, не скупился для нежданнаго, Богомъ посланнаго гостя, даже повеселѣлъ немного. Ну, что-жъ,—думалъ онъ:—какъ-ни-какъ, а пробьюсь; можетъ, еще и въ люди вылѣзу,—все же лучше, чѣмъ у волка на зубахъ хрустѣть!—усмѣхнулся онъ и пошелъ искать работы.

На заводъ его приняли. Сметливый заводчикъ сразу смекнулъ, что дѣло выгодно,—

парень голодный, холодный, да еще и безпаспортный. Такимъ всегда половинная цѣна, а работа двойная. Принялъ засѣдателя кули таскать по гривнѣ ассигнаціями, да фунтъ хлѣба въ сутки,—работать безъ отдыха. Воды не жалѣлъ,—воды сколько хочешь!

Только вздохнулъ засѣдатель, да дѣлать было нечего,—голодъ не тетка. Къ тому же, раньше-то, самъ онъ такую методу на заводахъ поддерживалъ; чуть лишь заупрямится рабочій,—пожалуется хозяинъ,—онъ сейчасъ въ каталажку тащитъ, безъ разговору. А каталажку-то завелъ онъ у себя особенную, съ морозцемъ да съ дымкомъ,—однимъ словомъ, лютую!

Таскаетъ онъ кули, таскаетъ, бѣдняга,—потъ градомъ льетъ, спина ноетъ, изъ глазъ слезы сами собой брызжутъ. Проклинаетъ несчастный трудовое рабочее житье и крѣпко жалѣетъ, что не завелъ раньше въ округѣ такихъ порядковъ, чтобы не истязали рабочихъ черезъ силу неимовѣрной работой, какъ и законъ требуетъ. Легче бы тогда было ему кули-то таскать!.. Ну, да что теперь подѣлаешь?.. Еле дышетъ бѣдняга.

Глядитъ на него заводчикъ, глядитъ да и думаетъ: какъ бы съ него еще чего-нибудь да повыжать. Безпаспортный вѣдь, съ нимъ что хочешь, то и дѣлай,—все равно, что не человѣкъ. Остановилъ онъ его, надумалъ:

— Эй, братецъ, что-то, погляжу, ноша у тебя легкая будетъ по силѣ-то. Куля, видать,

тебѣ одного мало, — тащи за-разъ два! — кричитъ.

Обомлѣлъ засѣдатель.

— Батюшка!—завопилъ онъ:—куда мнѣ два куля-то, я и подъ однимъ свѣта не вижу!..

— И не надо, братецъ, тебѣ его видѣть,—зачѣмъ тебѣ... Твое дѣло только кули таскать, и тащи!

— Батюшка, отецъ родной, помилуй!—вопитъ засѣдатель.

— Не Богъ я и не царь,—отвѣчаетъ хозяинъ:—что же мнѣ тебя миловать... Не мое это дѣло! Коли хочешь таскать,—работай, не хочешь,—убирайся!

Зло разобрало засѣдателя. Какая-то непонятная обида,—точно за поруганное человѣческое достоинство,—охватила его, защемила въ груди. Глаза его загорѣлись, губы задрожали.

— Христіанской души въ тебѣ нѣтъ!... не лошадь я!—рѣзко, весь дрожа, выпалилъ онъ ему сквозь стиснутые зубы.

— Души н-ѣ-ѣ-тъ! Ннн-е-л-о-о-шадь! Вотъ погоди же, лѣнтяй,—покажу я тебѣ душу,—стой!—И дюжею рукой вцѣпился ему хозяинъ въ загривокъ.

Въ первый разъ пришлось подобное поруганіе на долю несчастнаго засѣдателя, и онъ не выдержалъ... Вскипѣлъ, взревѣлъ, да какъ толкнетъ купчину „подъ микитки“, такъ тотъ и отскочилъ на сажень, какъ мячъ.

Но тутъ-то и пошла бѣда. На крикъ хозяина выбѣжали всѣ приказчики,—кто съ метлой, кто съ дубинкой,—и накинулись на бѣднягу засѣдателя. Хорошо еще, что на смерть не убили, но все же еле живого потащили къ засѣдателю-волку.

А проклятый волкъ встрѣтилъ его точь-въ-точь, какъ и онъ встрѣчалъ приводимыхъ. Такъ и накинулся:

— А-а, бунтовать, мерзавецъ, такой сякой сынъ!..—даже слова выговорить не даетъ.

— Ваше-скородіе! — взмолился засѣдатель, низко кланяясь, какъ ему раньше кланялись:— помилуйте, не виноватъ я,—видитъ Богъ, не виноватъ! По два куля тащить заставлялъ сразу, а послѣ еще драться полѣзъ!

— Такъ тебѣ и надо, рррракалья!—кричитъ волкъ, топая ногами.—Въ каталажку его!

Точь-въ-точь, какъ и онъ когда-то.

— Да погляди, ваше-скородіе... Я весь избитъ, какъ есть въ кровь! — молитъ слезно засѣдатель.

— Такъ и слѣдуетъ, разбойникъ! Въ каталажку!

— Отецъ-милостивецъ, да вѣдь законъ бить не позволяетъ!

Въ первый разъ вспомнилъ бѣдняга, что есть на свѣтѣ законъ,—вспомнилъ только теперь. Да солоно же ему досталось.

— Законъ, а... законъ, говоришь? Погоди же, покажу я тебѣ законъ! Вотъ тебѣ законъ, вотъ

тебѣ законъ!—ревѣлъ волкъ, тузя избитаго засѣдателя.

Вспомнилъ бѣдняга, что онъ самъ также „законъ“ показывалъ, и, зарыдавъ навзрыдъ, опять себя проклялъ.

Потащили его въ каталажку съ морозцемъ да съ дымкомъ, которую онъ самъ и выстроилъ... Охъ, зналъ онъ ее, — хорошо зналъ,—да только не думалъ бѣдняга, не зналъ одного, что на себя же ее и выстроилъ... Знай только,—да онъ бы ее дворцомъ сдѣлалъ. Ну, да что теперь подѣлаешь! Плачетъ онъ, плачетъ, себя клянетъ, а на волка не ропщетъ. За что?—самъ виноватъ!

И сидитъ онъ день, сидитъ другой, въ холодѣ да голодѣ... Ни маковой росинки во рту за два дня не бывало... Посадили его въ „секретную“, такъ что другіе арестанты, имъ еще посаженные, и дѣлиться съ нимъ не могли. Завылъ бѣдняга съ голоду, да и вспомнилъ, что арестантамъ кормовые полагаются. Вспомнилъ, обрадовался, побѣжалъ сейчасъ къ дверямъ и зоветъ сторожа Кондрата.

— Такъ и такъ,—говоритъ ему:—кормовые мнѣ, потому—по закону полагаются!

Тридцать лѣтъ служилъ Кондратъ при каталажкѣ сторожемъ, а не помнилъ ни разу, чтобъ арестанту деньги выдавались. Пошелъ къ волку.

Прибѣжалъ волкъ съ пѣной у рта, даже дрожитъ весь, слова выговорить не можетъ.

Только и кричитъ одно: „Кор... кор... кор...“—да задыхается. Наконецъ-таки выговорилъ:

— Задай-ка ему, Кондратъ, кормовыхъ, да хорошихъ!

И сталъ задавать ему Кондратъ кормовые, да со всего маху, какъ и при немъ это заведено было. На всю недѣлю, кажись, долженъ бы сытымъ остаться!.... Даже слова не выговорилъ бѣдняга, только рукой махнулъ.

Сидитъ онъ дольше, все сидитъ, и хотѣлъ бы уже волка звать, да не можетъ... По условію, въ лѣсъ выйти надлежало,—на то самое мѣсто, гдѣ уговоръ былъ. Отощалъ бѣдняга, животъ подвело, кости выперло, а глаза подъ лобъ ввалились. Такъ и померъ бы, не сиди онъ теперь въ „общей“, гдѣ имъ же посаженные арестанты съ нимъ хлѣбомъ дѣлились, что родные носили. Только этотъ хлѣбъ опять-таки ему въ горло не шелъ: больно ужъ арестанты засѣдателя бранили, на его голову всякія бѣды звали, лютымъ прозывали. Чувствовалъ засѣдатель, что они правы, и не тянулась его рука за ихъ хлѣбомъ.—Вотъ гдѣ отозвались ему людскія слезы!

И сталъ онъ со слезами Кондрата просить, чтобы тотъ его выпустилъ. Помнилъ, что Кондратъ при немъ всецѣло этимъ завѣдывалъ, значитъ, по условію съ волкомъ, и теперь такъ должно быть. Позвалъ Кондрата,—тотъ не перечилъ, только денегъ запросилъ.

— Да ничего нѣту у меня, милостивецъ!— взмолился несчастный засѣдатель.

— А нѣтъ ничего, такъ и сиди!

Точь-въ-точь, какъ при немъ! И еще разъ проклялъ себя засѣдатель.

Надоѣла ему жизнь хуже горькой рѣдьки. Сдѣлалъ онъ петлю, да и давай вѣшаться. Но Кондратъ не допустилъ.

— Не смѣй!—говоритъ:—это не полагается!— и зуботычину еще далъ.—Ишь, что выдумалъ!

Однако, сжалился надъ нимъ.

— Неужто,—спрашиваетъ,—у тебя родни-то никакой нѣту, чтобы выкупить тебя могли?

— Нѣтъ, ни душеньки нѣтъ!—отвѣтилъ засѣдатель.

— Правда, безпаспортный... Съ тебя, видно, не выжмешь много. Давай все, что ни есть на тебѣ, да иди себѣ съ Богомъ... Милостивъ я къ тебѣ!

— Да въ чемъ же я пойду?—удивился засѣдатель, а Пахомъ далъ ему платье все новое, хорошее.

— Есть у меня старая пестрядь,—дамъ тебѣ... Все же прикроешься!—отвѣтилъ Кондратъ.

Вздохнулъ засѣдатель, а ни слова не сказалъ, потому узналъ свои порядки. Скинулъ зипунъ, рубаху, сапоги, порты,—все новехонькое, что Пахомъ подарилъ,—надѣлъ рваную пестрядь и пошелъ.

Шелъ онъ, шелъ и набрелъ на пріискъ, а тамъ какъ разъ рабочихъ нанимали. Сталъ наниматься и онъ, и задатка, какъ водится, потребовалъ. Приняли съ охотой, да, какъ безпаспортному, сейчасъ полъ цѣны и сбавили. Дали бутылку воды пополамъ съ водкой, зипунъ, рубаху, сапоги, и приказали за это въ полученіи ста рублей расписаться.

— Какъ сто рублей?!—всплеснулъ засѣдатель руками:—за все это вмѣстѣ самая красная цѣна 10 рублей будетъ.

— Твоя воля!—отвѣчаютъ ему:—не хочешь, не бери; ступай себѣ съ Богомъ, откуда пришелъ!

Что было дѣлать,—не помирать же съ голоду! Расписался засѣдатель и снова клясть себя сталъ, что заводилъ и поддерживалъ такіе порядки на пріискахъ вопреки закону.

Живетъ онъ день на пріискѣ, живетъ другой,—еле дышетъ. Работа, какъ есть, каторжная, а кормятъ всякою падалью, да и то впроголодь. Невмоготу стало бѣдному и, какъ на грѣхъ, вспомнилъ онъ въ третій разъ про „законъ“. До сихъ поръ онъ никакихъ законовъ знать не хотѣлъ, а тутъ вспомнилъ. Вспомнилъ, что законъ запрещаетъ кормить падалью и изнурять работой, да и сталъ это вслухъ высказывать.—„Такъ и такъ, молъ, братцы, есть такой законъ, навѣрное знаю“...

Слушаютъ ребята, что такой законъ есть, и радуются. „Слава тебѣ, Господи!“—кричатъ.

„Только, слышь, навѣрное ли знаешь?“—допрашиваютъ. Богомъ клянется засѣдатель, а вокругъ него куча все ростетъ да ростетъ. Такой гамъ пошелъ, что и сказать трудно; только и слышно было: „законъ!“ „законъ!“ „законъ!“

Услыхалъ это страшное слово управитель пріиска, поблѣднѣлъ отъ страха, задрожалъ весь, да шасть за волкомъ, а волкъ тутъ, какъ тутъ.

— Что у васъ здѣсь такое?—спрашиваетъ:—бунтовщики?

— Закона хотимъ! — кричитъ ему толпа:—законъ подавай!

Даже затрясся волкъ.

— А-а каннальи... лѣнтяи... пьяницы анаѳемскіе... закона захотѣли! Кто вамъ про законъ наговорилъ?!

Выдвинула толпа бѣднаго засѣдателя. Какъ увидѣлъ его волкъ, такъ даже зубами заскрежеталъ.

— Зачинщикъ! Бунтовщикъ! Кандал-лы!

Заковали бѣднаго засѣдателя и повели въ острогъ подъ конвоемъ. Не плакалъ онъ, не убивался теперь и не клялъ себя, а только каялся. Каждому встрѣчному низко кланялся и прощенья просилъ. „Великій я,—говорилъ онъ всѣмъ, — грѣшникъ! Простите, православные!“

И народъ его прощалъ.

Долго-ли, коротко ли сидѣлъ онъ въ острогѣ, но все-таки въ концѣ концовъ вышелъ,

Богъ его знаетъ какъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Постарѣлъ бѣдняга, осунулся, а все еще жить ему хочется. Опять выручилъ его Пахомъ, накормилъ, одѣлъ и далъ ему въ долгъ лошадь.

— Разживайся,—сказалъ,—съ нею... Съ лошадью-то скорѣе, легче... Разживешься, отдашь!

Ходитъ засѣдатель съ лошадью въ извозъ,—возитъ, что всѣ рабочіе люди возятъ И самъ сытъ, и лошадь его сыта, да и Пахому долгъ выплатилъ. Ожилъ онъ, повеселѣлъ, на міръ Божій сталъ глядѣть любовно. Людямъ радовался, свѣту Божьему. Что-то новое, теплое, мягкое, человѣческое стало просыпаться въ его холодной груди, какой-то лучъ живого свѣта проникъ въ его сердце. Ни корысть, ни жадность, ни злоба не мучили, не терзали его. Вставалъ онъ съ солнцемъ, съ солнцемъ ложился и свято блюлъ святую заповѣдь: трудиться и въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой. И люди его любили, и онъ ихъ любилъ.

Только и стрясись надъ нимъ новая бѣда! Въ одну злую ночь, Богъ вѣсть какъ, угнали у него лошадь.

Обезумѣлъ бѣдняга и побѣжалъ къ волку.

— Такъ и такъ, — докладываетъ:—ночью у меня, ваше-скородіе, лошадь угнали!

— А мнѣ, — говоритъ волкъ, — какое дѣло, что у тебя лошадь угнали? У меня своихъ дѣловъ, братецъ, много и безъ твоей лошади,

— Да вѣдь она у меня единственная, ваше-скородіе!

— А хоть бы и вторая,—отвѣчаетъ нахально волкъ:—мнѣ-то что?.. Ступай ищи себѣ воровъ.

Вышелъ бѣдняга, краше въ гробъ кладутъ. Только догоняетъ его Кондратъ.

— Эй, ты, слышь!—кричитъ:—найдется лошадь-то, только не скупись! У насъ,—говоритъ,—всѣ воры наперечетъ.

Зналъ это засѣдатель,—охъ, твердо помнилъ!

— Нѣту у меня, голубчикъ, ничего... ни алтына!—отвѣтилъ онъ, плача и напрасно шаря въ карманахъ.

— Нѣтъ, такъ и лошади нѣтъ!—отвѣтилъ Кондратъ и пошелъ прочь.

Зарыдалъ засѣдатель... Послѣдняя надежда, единственная опора отнята! Хватилъ онъ себя руками по бокамъ и грохнулся на земь... Лежитъ, лежитъ, бѣдняга, и отъ горя совсѣмъ обезумѣлъ. Поднялъ голову, осмотрѣлся вокругъ, ничего не видя, сѣлъ и вздохнулъ... Вспомнилъ вдругъ, что воровъ по кабакамъ ищутъ, да и шасть въ кабакъ... Сѣлъ тамъ, смотритъ, а добрый сосѣдъ и поднеси! Выпилъ засѣдатель,—какъ будто полегчало... Заложилъ зипунъ, выпилъ еще, — точно еще легче стало. Еще и еще, да такъ и пошло съ тѣхъ поръ...

Пропилъ все, а тамъ и сталъ пьяницей! Только протрезвится, сейчасъ первая дума:

гдѣ денегъ на водку взять? Такъ и не выходитъ изъ кабака ни днемъ ни ночью, все туда носилъ, что ни найдетъ, ни заработаетъ. Самъ ходилъ босой, хмурый, немытый, и всякъ, кто ни встрѣтитъ его, кричитъ ему одно: пьяница! Станетъ онъ людямъ горе свое выкладывать, какъ онъ хлѣбъ зарабатывалъ, какъ жилъ, трудясь, да съ бѣды только, съ горя-несчастья въ кабакъ забрелъ и запилъ, а люди ему въ отвѣтъ только одно: пьяница! пьяница! пьяница!

И вотъ разъ, среди такого безпробуднаго пьянства, пришла ему въ голову странная мысль: зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ?—пришла какъ-то невзначай, и онъ даже улыбнулся себѣ на вопросъ: „Зачѣмъ?“ Что въ ней, въ такой жизни? Бѣда, горе лютое, одинъ позоръ и больше ничего!—Ни людямъ, ни себѣ! Хотѣлъ онъ жить человѣкомъ, не выгорѣло!—Нѣтъ, баста!—рѣшилъ засѣдатель:—довольно... пойду къ волку.

И пошелъ.

Стояла теплая лѣтняя ночь. Звѣзды горѣли ярко въ темномъ, почти синемъ эѳирѣ. Высокіе кедры качались и навѣвали сонъ. Все спало, все говорило о безмятежномъ, тихомъ покоѣ. Захотѣлось такого мира и покоя засѣдателю, и сталъ онъ кликать волка.

— Волкъ, волкъ, волкъ!

Прибѣжалъ сѣрый волкъ, засверкалъ глазами, защелкалъ зубами, но засѣдатель уже его не пугался.

— На, бери ее, эту жизнь! — сказалъ онъ спокойно волку.

— Что, аль невмоготу? — ехидно спросилъ волкъ.

— Невмоготу!

— Солоно, чай... Смерть лучше?

— Лучше!—отвѣтилъ засѣдатель.

Волкъ открылъ свою страшную пасть...

Но тутъ засѣдатель проснулся подъ старымъ кедромъ, какъ заснулъ съ вечера. Стряпчій и докторъ еще храпѣли. Съ невыразимымъ изумленіемъ осмотрѣлся онъ вокругъ, ощупалъ себя и вдругъ разсмѣялся.

— Такъ это сонъ!—заливался онъ въ восторгѣ.

Говорятъ, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ гнать волковъ и помогать людямъ. Впрочемъ, иные утверждаютъ совсѣмъ наоборотъ.

3 0112 043215281